

ТАИНСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ БИЛЛИ МИЛЛИГАНА

ДЭНИЕЛ

ЕЩЕ ОДИН ТРОГАЮЩИЙ ДУШУ РОМАН
ОТ АВТОРА «ЦВЕТОВ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА»

КИЗ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

Annotation

Билли просыпается и обнаруживает, что находится в тюремной камере. Ему сообщают, что он обвиняется в изнасиловании и ограблении. Билли потрясен: он ничего этого не делал! Последнее, что он помнит, – это как хотел броситься вниз с крыши здания школы. Ему говорят, что с тех пор прошло семь лет. Билли в ужасе: у него опять украли кусок жизни! Его спрашивают: что значит «украли кусок жизни»? И почему «опять»? Выходит, такое случается с ним не впервые? Но Билли не может ответить, потому что Билли ушел...

Перу Дэниела Киза принадлежит одно из культовых произведений конца XX века – роман «Цветы для Эдджернона». «Таинственная история Билли Миллигана» не менее потрясающая и проникновенная.

- [Дэниел Киз](#)
 -
 - [Благодарности](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Внутренние люди](#)
 - [Десятка](#)
 - [Нежелательные личности](#)
 - [Учитель](#)
 - [Путанные времена](#)
 - [Глава первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- 8
- Глава третья
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
- Глава четвертая
 - 1
 - 2
- Глава пятая
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
- Глава шестая
 - 1
 - 2
- Становление учителя
 - Глава седьмая
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - Глава восьмая
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - Глава девятая

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [Глава десятая](#)
 - [1](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
- [Глава двенадцатая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
- [Глава тринадцатая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
- [Глава семнадцатая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
- [Глава восемнадцатая](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
- [За пределами безумия](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [\(1\)](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [1](#)
 - [3](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
- [Эпилог](#)
- [Послесловие](#)
- [Примечание автора](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
-

Дэниел Киз

Таинственная история Билли Миллигана

Посвящается всем, кто в детстве страдал от жестокого обращения, в особенности тем, кто после этого вынужден скрываться...

DANIEL KEYES

THE MINDS OF BILLY MILLIGAN

Copyright © 1981 by Daniel Keyes

© Федорова Ю., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2014

© Электронная версия книги подготовлена компанией
ЛитРес, 2014

Благодарности

Помимо сотен встреч и разговоров с самим Уильямом Стэнли Миллиганом, эта книга опирается на беседы с шестьюдесятью двумя людьми, с которыми он пересекся на жизненном пути. И хотя многие фигурируют в рассказе под собственными именами, я хотел бы отдельно поблагодарить их за содействие.

Я также говорю «спасибо» всем, кто перечислен ниже, – эти люди очень помогли мне в проведении расследования, благодаря им родилась идея, писалась и была издана эта книга.

Это доктор Дэйвид Кол, директор Центра психического здоровья города Афины, доктор Джордж Хардинг-младший, директор больницы Хардинга, доктор Корнелия Уилбур, государственные защитники Гэри Швайкарт и Джуди Стивенсон, адвокаты Л. Алан Голдсберри и Стив Томпсон, Дороти Мур и Дел Мур, мать и нынешний отчим Миллигана, Кэти Моррисон, сестра Миллигана, а также близкая подруга Миллигана Мэри.

Помимо этого, я благодарю работников следующих заведений: Центра психического здоровья Афин, больницы Хардинга (в особенности Элли Джонс из отдела связей с общественностью), Управления полиции при Университете штата Огайо, прокуратуры штата Огайо, Управления полиции Коламбуса, Управления полиции Ланкастера.

Я также хочу выразить благодарность и уважение двум жертвам изнасилования из Университета штата Огайо (которые фигурируют в книге под псевдонимами Кэрри Драер и Донна Уэст) за то, что они согласились предоставить детальное описание своего восприятия событий.

Хотелось бы сказать «спасибо» и моему агенту и юристу Дональду Энгелю за его уверенность и поддержку в запуске этого проекта, а также моему редактору Питеру Гезерсу, чей неугасаемый энтузиазм и критический взгляд помогли мне упорядочить собранный материал.

Помочь мне соглашались многие, но были и те, кто предпочел со мной не разговаривать, так что я хотел бы объяснить, откуда взял некоторые сведения.

Комментарии, цитаты, размышления и идеи доктора Гарольда Т. Брауна из психиатрической больницы Фэрфилда, лечившего Миллигана, когда тому было пятнадцать лет, почерпнуты из его врачебных записей. Миллиган сам ясно помнил встречи с Дороти Тернер и доктором Стеллой

Кэролин из Юго-западного центра психического здоровья, которые первыми обнаружили у него расщепление личности и поставили ему диагноз. Описания дополнены показаниями, данными им под присягой, а также свидетельствами других психиатров и адвокатов, с которыми они в то время общались.

Челмер Миллиган, приемный отец Уильяма (который в ходе судебного разбирательства, а также в СМИ фигурировал как «отчим»), отказался обсуждать как выдвинутые против него обвинения, как и от моего предложения рассказать собственную версию событий. Он писал в газеты и журналы, давал интервью, где отрицал заявления Уильяма, что якобы «угрожал, мучил, насиловал» пасынка. Поэтому предполагаемое поведение Челмера Миллигана реконструировано по судебным протоколам, подкрепленным письменными показаниями родственников и соседей, а также по проведенным мной «под запись» беседам с его дочерью Челлой, его приемной дочерью Кэти, его приемным сыном Джимом, его бывшей женой Дороти и, естественно, с самим Уильямом Миллиганом.

Отдельного признания и благодарности заслуживают мои дочери Хилари и Лесли – за их помощь и понимание в те трудные дни, когда я собирал этот материал, а также моя жена Ауреа, которая, помимо обычной редакторской правки, прослушала и систематизировала несколько сотен часов записанных на пленку интервью, что позволило мне быстро ориентироваться в них и при необходимости перепроверять сведения. Без ее помощи и энтузиазма на книгу ушло бы намного больше лет.

Предисловие

Книга представляет собой основанное на фактах описание жизни Уильяма Стэнли Миллигана по настоящий момент. Этот человек впервые в истории США был признан невиновным в совершении тяжких преступлений по причине наличия психического заболевания, а именно расстройства множественной личности.

В отличие от прочих случаев, когда в психиатрической и художественной литературе описывались пациенты с диссоциативным расстройством личности, анонимность которых с самого начала обеспечивалась вымышленными именами, Миллиган с момента своего ареста и обвинения приобрел статус известной общественности противоречивой фигуры. Его портреты печатали на обложках газет и журналов. Результаты его психиатрической экспертизы освещали в вечерних новостях по телевидению и газетах всего мира. Кроме того, Миллиган стал первым человеком с таким диагнозом, за которым велось пристальное круглосуточное наблюдение в условиях больничного стационара, а результаты, говорящие о множественной личности, подтверждали под присягой четыре психиатра и психолог.

Впервые я встретился с двадцатитрехлетним Миллиганом в Центре психического здоровья города Афины, штат Огайо, вскоре после того, как он был отправлен туда решением суда. Когда он обратился ко мне с просьбой рассказать о его жизни, я ответил, что мое решение будет зависеть от того, есть ли ему что добавить к многочисленным репортажам в СМИ. Билли заверил меня, что важнейшие секреты населяющих его личностей неизвестны еще никому, даже адвокатам и работавшим с ним психиатрам. Миллигану захотелось объяснить миру суть своего заболевания. Я отнесся к этому со скепсисом, но в то же время заинтересовался.

Мое любопытство возросло еще больше через несколько дней после нашего знакомства благодаря последнему абзацу статьи из «Ньюсуик», которая называлась «Десять лиц Билли»:

«Тем не менее, некоторые вопросы остались без ответов: где Томми (одна из его личностей) научился мастерству побега, в котором он не уступит самому Гудини? Почему в беседах с жертвами изнасилования он называл себя «партизаном» и «гангстером»? По мнению врачей, у Миллигана могут быть и другие личности, о которых мы пока не имеем

никакого представления, и, возможно, некоторые из них совершали преступления, которые еще не раскрыты».

Общаясь с ним наедине в приемные часы психиатрической клиники, я увидел, что Билли, как его в то время все называли, сильно отличался от уравновешенного молодого человека, с которым я беседовал в нашу первую встречу. Во время разговора Билли запинаясь, нервно дергал коленками. Воспоминания его были скудными, прерывались длительными пробелами амнезии. Ему удавалось лишь произнести несколько общих слов о тех эпизодах из прошлого, о которых он хоть что-то помнил, – смутно, без подробностей, а во время рассказа о болезненных ситуациях голос его дрожал. После тщетных попыток вытянуть из него хоть что-то я был готов сдаться.

Но однажды началось нечто странное. Билли Миллиган впервые полностью интегрировался, и передо мной оказался другой человек, сплав всех его личностей. Объединенный Миллиган четко и практически полностью помнил все свои личности с момента их появления – все их мысли, поступки, отношения, тяжелый опыт и забавные приключения.

Я говорю об этом сразу, чтобы читатель понимал, каким образом я записал прошлые события, чувства и интимные разговоры Миллигана. Весь материал для книги предоставлен Билли в моменты интеграции, его личностями и шестьюдесятью двумя людьми, с которыми он общался на различных жизненных этапах. События и диалоги воссозданы по памяти Миллигана. Терапевтические сессии записаны с видеокассет. Я сам ничего не придумал.

Когда я начал писать, одной из серьезных проблем стала хронология. У Миллигана с детства часто «выпадало время», он редко смотрел на часы или календари, зачастую ему с неловкостью приходилось признавать, что он не знает, какой сейчас день недели или даже месяц. В конце концов мне удалось восстановить последовательность событий на основании счетов, квитанций, страховых отчетов, записей об учебе, работе и других многочисленных документов, предоставленных мне его матерью, сестрой, работодателями, адвокатами и врачами. Свою корреспонденцию Миллиган датировал редко, но у его бывшей девушки остались сотни его писем, полученных за те два года, что он сидел в тюрьме, а на конвертах стояли числа.

В ходе работы мы с Миллиганом сошлись на двух основных правилах.

Во-первых, под настоящими именами выводятся все люди, места и организации, за исключением трех групп лиц, которых потребовалось защитить псевдонимами: это другие пациенты психиатрических больниц;

преступники, с которыми Миллиган имел отношения как в подростковом, так и во взрослом возрасте, против которых еще не выдвинуты обвинения и с которыми мне не удалось побеседовать лично; а также три жертвы изнасилования из Университета штата Огайо, включая двух, согласившихся на разговор со мной.

Во-вторых, чтобы гарантировать Миллигану, что против него не будут выдвинуты новые обвинения, в случае, если какие-то из его личностей вспомнят о преступлениях, которые еще могут вменить ему в вину, он дал мне право «поэтической вольности» в описании этих событий. С другой стороны, те преступления, за которые Миллиган уже был осужден, снабжены подробностями, о которых до того никто не знал.

Большинство из тех людей, с которыми встречался Билли Миллиган, работал с ним или даже стал его жертвой, в итоге согласились с диагнозом множественной личности. Многие вспоминали какие-то его поступки или слова, которые заставляли признавать: «Он явно не прикидывался». Но другие продолжают считать его мошенником, гениальным обманщиком, заявившем о своем умопомешательстве лишь для того, чтобы избежать тюрьмы. Я постарался побеседовать с как можно большим числом представителей обеих групп – со всеми, кто только соглашался на это. Они рассказали мне, что думают и почему.

Я тоже относился к его диагнозу скептически. Практически ежедневно я склонялся то к одной точке зрения, то к противоположной. Но я работал над этой книгой вместе с Миллиганом два года, и мои сомнения по поводу его воспоминаний о собственных поступках и опыте, казавшихся просто невероятными, сменились твердой уверенностью, поскольку мое расследование подтвердило их точность.

Но это противоречие все еще занимает газетчиков штата Огайо. Это видно, например, из статьи, вышедшей в «Дейтон дейли ньюс» 2 января 1981 года – через три месяца после совершения последнего преступления:

«МОШЕННИК ИЛИ ЖЕРТВА?»

Мы в любом случае прольем свет на дело Миллигана.

Джо Фенли

Уильям Стэнли Миллиган – нездоровый человек, ведущий нездоровую жизнь.

Он либо обманщик, который одурачил общественность и ушел от наказания за страшные преступления, либо реальная жертва такого заболевания, как расщепление личности. В любом случае все плохо...

И лишь время покажет, оставил ли Миллиган весь мир в дураках или стал одной из его самых жалких жертв...»

Возможно, это время пришло.

Д. К.

Афины, Огайо

3 января 1981 г.

Внутренние люди

Десятка

Во время судебного процесса психиатрам, адвокатам, полиции и репортерам были известны только эти личности.

1. *Уильям Стэнли Миллиган («Билли»)*, 26 лет. Первичная личность или ядро, которую позднее называли «разъединенный Билли», или «Билли-Р». Не окончил школу. 183 см, 86 кг^[1]. Голубые глаза, каштановые волосы.

2. *Артур*, 22 года. Англичанин. Рациональный, бесчувственный, разговаривает с британским акцентом. Выучил физику и химию по книгам. Бегло читает и пишет по-арабски. Твердо придерживается консервативных взглядов и считает себя капиталистом, при этом явный атеист. Первый обнаружил существование остальных, берет власть над ними в безопасных ситуациях, решает, кому из «семьи» предстоит выйти в пятно и завладеть сознанием. Носит очки.

3. *Рейджен Вадаскович*, 23 года. «Хранитель ненависти», что выражено и в его имени: оно происходит от слияния слов «Rage» и «again»^[2]. Югослав, по-английски говорит с заметным славянским акцентом, читает, пишет и разговаривает на сербскохорватском языке. Специалист по оружию и амуниции, отлично владеет карате, невероятно сильный, поскольку может управлять выбросами адреналина. Коммунист и атеист. Его обязанность – защищать семью, а также вообще всех женщин и детей. Берет власть над разумом в опасных ситуациях. Общался с бандитами и наркоманами, признается в совершении преступлений, иногда насильственных. Весит 95 кг, у него огромные руки, черные волосы и длинные свисающие усы. Дальтоник, рисует черно-белые эскизы.

4. *Аллен*, 18 лет. Мошенник, манипулятор. Обычно общается с посторонними. Агностик, придерживается максимы «Надо получить от этой жизни все». Играет на ударных, рисует портреты, единственный из личностей курит сигареты. В близких отношениях с матерью Билли. Рост как у Уильяма, но весит меньше (75 кг). Пробор направо, единственный правша.

5. *Томми*, 16 лет. Владеет искусством освобождения из пут. Зачастую его путают с Алленом, как правило, асоциален и настроен враждебно. Играет на саксофоне, рисует пейзажи, специалист в электронике. Волосы темно-русые, желто-коричневые глаза.

6. *Дэнни*, 14 лет. Запуганный. Боится людей, в особенности мужчин.

Его вынудили выкопать самому себе могилу и похоронили заживо, поэтому рисует только пейзажи. Светлые волосы до плеч, голубые глаза, невысокий, худой.

7. *Дэвид*, 8 лет. Хранитель боли, или эмпат. Принимает на себя всю боль и страдания других личностей. Очень чуткий и восприимчивый, но быстро теряет сознание. Большую часть времени ничего не понимает. Темные каштановые волосы с рыжиной, голубые глаза, миниатюрный.

8. *Кристин*, 3 года. Так называемый «ребенок, которого ставили в угол», потому что в детстве именно она стояла в углу. Умная малышка, англичанка, умеет читать и писать печатными буквами, но страдает дислексией. Любит рисовать яркие цветы и бабочек. Голубые глаза и светлые волосы до плеч.

9. *Кристофер*, 13 лет. Брат Кристин. Разговаривает с британским акцентом. Послушный ребенок, но беспокойный. Играет на губной гармошке. Волосы русые, как у Кристин, но челка не такая длинная.

10. *Адалана*, 19 лет. Лесбиянка. Стеснительная и одинокая, интроверт, пишет стихи, готовит и ведет хозяйство за всех остальных. Длинные редкие черные волосы, карие глаза с нистагмом, описывая ее, говорят про «бегающие глаза».

Нежелательные личности

Эти личности подавлялись Артуром как обладавшие нежелательными чертами. Впервые обнаружены доктором Дэвидом Колом из Центра психического здоровья Афин.

11. *Филип*, 20 лет. Бандит. Из Нью-Йорка, говорит с сильным бруклинским акцентом, много сквернословит. Именно по описаниям «Фила» полицейские и репортеры поняли, что у Билли больше десяти известных им личностей. Совершал мелкие преступления. Вьющиеся каштановые волосы, карие глаза, орлиный нос.

12. *Кевин*, 20 лет. Стратег. Мелкий криминальный элемент, автор плана ограбления аптеки Грэя. Любит писать. Зеленоглазый блондин.

13. *Уолтер*, 22 года. Австралиец. Воображает себя охотником на крупную дичь. Прекрасно умеет ориентироваться, часто используется для поисков. Сдерживает эмоции. Эксцентричен. Носит усы.

14. *Эйприл*, 19 лет. Стерва. Говорит с бостонским акцентом. Захвачена мыслями и планами дьявольской мести отчиму Билли. Другие считают ее безумной. Шьет и помогает в работе по дому. Темные волосы, карие глаза.

15. *Сэмюель*, 18 лет. Вечный жид. Ортодоксальный иудей, единственный верующий. Увлекается скульптурой и резьбой по дереву. Темные вьющиеся волосы и карие глаза, носит бороду.

16. *Марк*, 16 лет. Работяга. Безынициативный. Ничего не делает, пока не прикажут другие. Выполняет монотонную работу. Если делать нечего, может просто смотреть на стену. Иногда его называют «зомби».

17. *Стив*, 21 год. Вечный обманщик. Высмеивает людей, пародируя их. Самовлюбленный человек, единственный из всех, кто так и не признал диагноз множественной личности. У других из-за его издевательского пародирования часто бывают проблемы.

18. *Ли*, 20 лет. Комедиант. Приколист, клоун, остряк, из-за его розыгрышей остальных вовлекают в драки, и они оказываются в тюремной камере-«одиночке». Ему плевать на последствия собственных действий и на жизнь вообще. Темно-каштановые волосы, карие глаза.

19. *Джейсон*, 13 лет. «Клапан давления». Его истерики и припадки, часто навлекающие наказание, служат способом спустить накопившееся напряжение. Берет на себя неприятные воспоминания, чтобы остальные могли забыть о случившемся, тем самым вызывает амнезию. Каштановые

волосы, карие глаза.

20. *Роберт (Бобби)*, 17 лет. Фантазер. Постоянно грезит о путешествиях и приключениях. Хотя мечтает сделать что-нибудь на благо человечества, амбиций и реальных идей на этот счет у него нет.

21. *Шон*, 4 года. Глухой. Быстро теряет сознание, многие считают его отсталым. Жужжит, чтобы ощутить вибрацию в голове.

22. *Мартин*, 19 лет. Сноб. Дешевый позер из Нью-Йорка. Любит приврать и прихвастнуть. Хочет иметь, не зарабатывая. Сероглазый блондин.

23. *Тимоти (Тимми)*, 15 лет. Работал в цветочном магазине, где познакомился с гомосексуалистом, который принялся помогать ему, чем и напугал. Ушел в собственный мир.

Учитель

24. *Учитель*, 26 лет. Комбинация всех двадцати трех «я» в одном человеке. Это он научил их тому, что они умеют. Очень умный, чуткий, с юмором. Как говорит он сам: «Я – Билли двадцать три в одном», а остальных называет «созданными мной андроидами». Учитель отличается практически полной памятью, и появление этой книги на свет стало возможно благодаря его появлению и помощи.

Путанные времена

Глава первая

1

В субботу, 22 октября 1977 года, начальник университетской полиции Джон Клеберг поместил территорию медицинского факультета Университета штата Огайо под усиленную охрану. Вооруженные полицейские на машинах и пешком патрулировали весь кампус, даже на крышах поставили вооруженное наблюдение. Женщин предупредили: не ходить поодиночке и, когда будут садиться в машину, обращать внимание на то, нет ли рядом мужчин.

Между семью и восемью утра уже второй раз за последние восемь дней в кампусе под дулом пистолета была похищена молодая женщина. Первой стала двадцатипятилетняя студентка факультета оптометрии, а второй – двадцатичетырехлетняя медсестра. Их обеих увезли за город, изнасиловали, заставили снять деньги по чековой книжке и ограбили.

В газетах появились составленные полицией субъективные портреты, в ответ поступили сотни телефонных звонков: люди сообщали имена, описывали внешность преступника – и все оказалось бесполезным. Ни серьезных зацепок, ни подозреваемых не появилось. Напряжение в университетском сообществе возрастало. Начальнику полиции Клебергу становилось все тяжелее, поскольку студенческие организации и группы активистов требовали поимки человека, которого газетчики и телерепортеры Огайо начали называть «насильником из кампуса».

Ответственным за розыск Клеберг назначил молодого руководителя следственного отдела Элиота Боксербаума. Этот человек, называвший себя либералом, начал работать в полиции в 70-м во время обучения в Университете штата Огайо – после того как кампус пришлось закрыть из-за студенческих волнений. Когда Элиот в том же году получил диплом, ему предложили работу в университетской полиции с условием, что он отрежет волосы и сбреет усы. Он подстригся, но расставаться с усами не пожелал. Но его взяли и несмотря на это.

По фотороботам и описаниям, составленным двумя жертвами, Боксербаум и Клеберг пришли к заключению, что преступления совершил один и тот же человек: белый американец с каштановыми волосами от двадцати трех до двадцати семи лет и весом от восьмидесяти до восьмидесяти четырех килограммов. Оба раза мужчина был одет в

коричневую спортивную куртку, джинсы и белые кеды.

Кэрри Драер, первая жертва, запомнила перчатки и небольшой револьвер. Время от времени зрачки насильника прыгали из стороны в сторону – Кэрри знала, что это симптом заболевания под названием «нистагм». Мужчина приковал ее наручниками к внутренней ручке двери машины, увез за город в какое-то безлюдное место и там изнасиловал. После чего объявил: «Если пойдешь в полицию, внешность мою не описывай. Увижу что-нибудь такое в газетах – пришлю за тобой кого-нибудь». И, чтобы подтвердить серьезность своих намерений, выписал несколько имен из ее записной книжки.

По словам Донны Уэст, невысокой полной медсестры, у нападавшего был пистолет. На руках она заметила какие-то масляные пятна, не похожие ни на обычную грязь, ни на смазку. В какой-то момент он назвался Филом. Много и грязно ругался. Из-за коричневых солнцезащитных очков глаз она не видела. Он также записал имена ее родственников и пригрозил, что, если она его опознает, ребята из «братства» накажут ее саму или кого-то из близких. Сама Донна, как и полицейские, подумала, что преступник хвастался принадлежностью к какой-нибудь террористической организации или мафии.

Клеберга и Боксербаума смутило лишь одно существенное различие в двух полученных описаниях. У первого мужчины были густые и аккуратно подстриженные усы. А у второго – лишь трехдневная щетина вместо бороды и никаких усов.

Боксербаум лишь улыбнулся. «Полагаю, он сбрил их в промежутке между первым и вторым преступлением».

В среду 26 октября в три часа дня детектив Никки Миллер, руководитель отдела расследования половых преступлений Главного полицейского отделения в центре Коламбуса, вышла на работу во вторую смену. Она только что вернулась из двухнедельного отпуска, проведенного в Лас-Вегасе, после которого выглядела и чувствовала себя отдохнувшей – загар очень шел к ее карим глазам и золотисто-русым волосам, постриженным лесенкой. Детектив Грэмлих, дорабатывавший первую смену, сообщил ей, что отвез молодую женщину – жертву изнасилования – в университетскую больницу. Он поведал коллеге те немногочисленные подробности, которые были ему известны, поскольку именно Никки Миллер предстояло вести это дело.

В тот же день около восьми утра возле своей квартиры, расположенной неподалеку от кампуса, была похищена Полли Ньютон,

двадцатиоднолетняя студентка Университета штата Огайо. Она только успела припарковать голубой «Корвет» своего бойфренда, как ее тут же затолкали обратно и приказали ехать за город и остановиться в безлюдном месте, после чего изнасиловали. Потом напавший заставил ее вернуться в Коламбус, обналичить два чека и отвезти его обратно в кампус. Затем велел обналичить еще один чек, а позже аннулировать платеж и оставить деньги себе.

Будучи в отпуске, Никки Миллер не читала ничего о «насильнике из кампуса», не видела опубликованные субъективные портреты. Детективы, работавшие в первую смену, рассказали ей подробности.

«Особенности данного преступления, – писала Миллер в отчете, – аналогичны двум другим похищениям с изнасилованием... которыми занимается полиция Университета штата Огайо, поскольку они относятся к их юрисдикции».

Никки Миллер и ее партнеро офицер А. Дж. Бессел направились в университетскую больницу, чтобы побеседовать с Полли Ньютон, девушкой с золотисто-каштановыми волосами.

По словам Полли, похититель сообщил ей, что является «уэзерменом»^[3], но, помимо этого, у него есть и «другое я» – бизнесмен, который ездит на «Мазерати». После того как Полли выписали из больницы, она согласилась отправиться с Миллер и Бесселом на поиски того места, куда ее вынудил ехать преступник. Однако стемнело, Полли запуталась и согласилась сделать еще одну попытку на следующее утро.

Бригада, выехавшая на место преступления, сняла отпечатки пальцев с ее машины. Было найдено три частичных отпечатка, но этого было достаточно для последующего сравнения с отпечатками подозреваемых.

Миллер и Бессел отвезли Полли в сыскное бюро, чтобы она поговорила с художником – для составления субъективного портрета. Затем Миллер попросила девушку просмотреть фотографии белых преступников, совершавших изнасилования. Та изучила три альбома с портретами, по сто штук в каждом, но безрезультатно. Полли бросила это занятие только в десять часов вечера, измученная семичасовыми попытками помочь следствию.

На следующее утро в десять пятнадцать детективы из утренней смены отдела по расследованию половых преступлений заехали за Полли Ньютон и отправились в округ Делавер. При свете дня ей удалось найти дорогу до места преступления, где на берегу пруда обнаружилась гильза от девятимиллиметровой пули. Девушка сообщила детективам, что в этом месте ее похититель стрелял по пивным бутылкам, которые сам же бросал

в воду.

К тому моменту как они вернулись в отделение, Никки Миллер только приехала на работу. Она усадила Полли в небольшую комнатку напротив стола секретаря в приемной и принесла ей еще один альбом с портретами преступников. Оставив Полли одну, она закрыла дверь.

Несколько минут спустя Элиот Боксербаум привез в сыскное бюро Донну Уэст, вторую жертву. Он хотел, чтобы и она просмотрела фотографии. Они с начальником полиции Клебергом решили оставить студентку про запас для «живого» опознания на случай, если суд не признает опознание по фотографии.

Никки Миллер усадила Донну Уэст за стол, стоявший в коридоре возле шкафа, и принесла ей три альбома с фотопортретами. «Боже мой, – удивилась девушка, – по улицам разгуливает так много насильников?» Пока Донна изучала их один за другим, Боксербаум с Миллер ждали неподалеку. Донна недовольно листала альбом. Она узнала одно лицо, но это оказался не изнасиловавший ее мужчина, а бывший одноклассник, которого она недавно видела на улице. На обороте она прочла, что парень был арестован за непристойное обнажение. «Бог знает, на что способны люди», – пробормотала она.

Приблизительно на середине альбома Донна остановилась на портрете миловидного юноши с бакенбардами и унылым, но пристальным взглядом. Потом подскочила так, что стул чуть не упал. «Это он! Он! Точно!»

Миллер попросила Донну написать ее имя на обороте снимка, а потом по идентификационному номеру нашла его досье и выписала и имя подозреваемого: «Уильям С. Миллиган». Оказалось, что это старый портрет.

Затем Никки вложила эту фотографию ближе к концу альбома, который Полли Ньютон еще не просматривала. Потом они с Боксербаумом, детективом по фамилии Браш и офицером Бесселом пошли к девушке в комнату.

По мнению Никки Миллер, Полли наверняка догадалась, что они ждут, когда она опознает один из портретов в этом альбоме. Девушка неспешно листала страницы с фотокарточками, и где-то на середине альбома Миллер поймала себя на том, что очень напряжена. Если Полли укажет на тот же самый портрет, «насильник из кампуса» будет опознан.

Полли задержалась на снимке Миллигана, но вскоре стала листать дальше. Миллер ощутила, как напряглись ее плечи и руки. Через некоторое время Полли вернулась к молодому человеку с бакенбардами. «Вот он очень похож, – сказала она. – Но я не полностью уверена».

Боксербаум тоже сомневался, стоит ли выписывать ордер на арест Миллигана. Донна Уэст в своих показаниях не сомневалась, но это был снимок трехлетней давности. Следователю хотелось дожидаться результатов дактилоскопической экспертизы. Детектив Браш отправился на первый этаж, в бюро идентификации преступников, чтобы сличить отпечатки пальцев Миллигана с найденными на машине Полли.

Такая задержка злила Никки Миллер. Ей казалось, что свидетельства против этого человека довольно веские, и она хотела его задержать. Но поскольку жертва, Полли Ньютон, сомневалась в своих показаниях, оставалось лишь ждать. Через два часа поступил отчет. Отпечатки правого указательного и безымянного пальцев, а также ладони, найденные на стекле с пассажирской стороны «Корвета», принадлежали Миллигану. Полное совпадение. Для суда этого будет достаточно.

Но Боксербаум и Клеберг все еще колебались. Для задержания подозреваемого им не хватало полной уверенности, так что они вызвали для сравнения отпечатков независимого эксперта.

Поскольку отпечатки пальцев Миллигана совпадали с отпечатками со стекла машины жертвы, Никки Миллер решила сразу же возбудить дело о похищении, ограблении и изнасиловании. Получить ордер на арест, задержать подозреваемого и привести в участок, после чего Полли сможет опознать его вживую.

Боксербаум придерживался мнения своего начальника, Клеберга, считавшего, что университетской полиции следует дожидаться экспертной оценки. Это не должно было затянуться дольше чем на час-другой. Такие вещи лучше делать наверняка. В восемь вечера того же дня эксперт признал, что отпечатки принадлежат Миллигану.

«Хорошо, я возбуждаю дело по обвинению в похищении. По факту лишь это преступление совершено на территории кампуса, то есть в нашей юрисдикции. А изнасилование произошло в другом месте», – сказал Боксербаум. Он изучил сведения, поступившие из бюро идентификации: Уильям Стэнли Миллиган, 22 года, отбыл тюремное заключение, шесть месяцев назад условно освобожден из тюрьмы города Лебанон, штат Огайо. Последний зафиксированный адрес: 933 Спринг-стрит, Ланкастер, Огайо.

Миллер вызвала группу захвата, и она прибыли в ее отделение, чтобы составить план задержания преступника. Необходимо было выяснить, сколько человек проживает вместе с Миллиганом. По словам двух его жертв, Миллиган – террорист и гангстер, а при Полли он стрелял из пистолета. Полицейским оставалось предполагать, что он вооружен и

опасен.

Офицер группы захвата Крейг предложил взять насильника хитростью: попросить в пиццерии «Домино» пустую коробку и сделать вид, что кто-то оформил заказ на его адрес, а когда Миллиган откроет дверь, Крейг постарается заглянуть в квартиру. Все согласились.

Но Боксербаума озадачил адрес преступника. Зачем бывшему заключенному ездить три раза за две недели из Ланкастера до Коламбуса, расстояние между которыми составляет семьдесят километров, ради изнасилования? Это показалось странным. И когда группа захвата готовилась к выезду, следователь набрал 411^[4] и спросил, не зарегистрирован ли Уильям Миллиган по другому адресу. Вскоре он записал новые координаты.

«Он переехал – 5673, Олд-Ливингстон авеню, Рейнольдсбург. Это в десяти минутах езды отсюда. На востоке. Так как будто логичнее».

Все вздохнули с облегчением.

В девять часов Боксербаум, Клеберг, Миллер, Бессел и еще четыре офицера из группы захвата Коламбуса в трех машинах уже ехали по шоссе со скоростью около тридцати километров в час, освещая путь фарами в таком густом тумане, которого ни один из них до того не видел.

Первой до места назначения добралась группа захвата. Вместо пятнадцати минут они ехали целый час, после чего еще четверть часа ушла на поиск нужного дома на извилистой новой улице жилого комплекса Ченинвэй. Пока не подъехали остальные, офицеры из группы захвата поговорили кое с кем из соседей. В квартире Миллигана горел свет.

Добравшись до места, детективы и офицеры университетской полиции заняли оговоренные места. Никки Миллер спряталась в патио по правую руку, чтобы ее не было видно. Бессел зашел за угол. Три других офицера из группы захвата расположились с противоположной стороны. Боксербаум с Клебергом обежали дом, поднялись и заняли позицию у двойных раздвижных стеклянных дверей.

Крейг достал из багажника пустую коробку от пиццы и черным маркером подписал на ней адрес: «Миллиган, 5673, Олд-Ливингстон». Он выпустил рубашку из джинсов, чтобы прикрыть револьвер, и как ни в чем не бывало пошел по лестнице пятиэтажного дома со стороны патио. Позвонил в звонок. Никто не открывал. Он снова нажал на кнопку, услышал какой-то шум и принял позу заскучавшего человека – в одной руке коробка с пиццей, другая лежит на бедре, возле пистолета.

Боксербаум, находившийся у задней двери, увидел молодого человека,

который сидел перед большим цветным телевизором в коричневом кресле. Слева от входной двери стоял красный стул. В квартире была также гостиная-столовая в виде буквы Г. Никого больше следователь не заметил. Молодой человек, смотревший телевизор, встал и пошел открывать дверь.

Позвонив в звонок еще раз, Крейг понял, что через стекло возле двери на него кто-то смотрит. Дверь открылась, и перед ним оказался симпатичный парень.

– Я пиццу привез.

– А я не заказывал.

Крейг заглянул в квартиру и, поскольку шторы были не задернуты, за стеклянной задней дверью увидел Боксербаума.

– Меня направили по этому адресу. Заказ на имя Уильяма Миллигана. Это вы?

– Нет.

– Кто-то позвонил с этого адреса и заказал, – продолжал Крейг. – А вы кто?

– Это квартира моего друга.

– А где он сам?

– Сейчас его дома нет, – молодой человек говорил монотонно и сбивчиво.

– А где он? Кто-то же заказал пиццу. Билл Миллиган. На этот адрес.

– Не знаю. Соседи с ним знакомы. Может, они смогут что сказать, или это они сами заказали.

– Отведете меня к ним?

Юноша кивнул, подошел к двери напротив и чуть в стороне, постучал, подождал несколько секунд и попробовал еще раз. Никто не открыл.

Крейг бросил коробку, достал пистолет и поднес его к затылку подозреваемого.

– Ни с места! Я знаю, что ты Миллиган! – заявил он и надел на него наручники.

Молодой человек, казалось, был ошарашен.

– За что? Я ничего не делал.

Крейг ткнул его пистолетом между лопаток и дернул за волосы, словно за лошадиные поводья.

– Давай обратно в квартиру!

Пока детектив заталкивал его в дверь, подбежали и остальные офицеры захвата с пистолетами наготове. К ним присоединились и Боксербаум с Клебергом.

Никки Миллер достала фотографию и указала на родинку на шее

Миллигана.

– Родинка такая же. То же лицо. Это он.

Когда Миллигана усадили на красный стул, Никки заметила, что парень смотрит перед собой так, как будто находится в трансе. Сержант Демпси наклонился и посмотрел под стул.

– Пистолет, – сказал он, доставая его при помощи карандаша. – «Магнум», девять миллиметров. «Смит-Вессон».

Один из офицеров группы захвата перевернул сиденье стоявшего перед телевизором кресла и собрался было достать обойму и полиэтиленовый пакет с патронами, но Демпси его остановил:

– погоди. У нас есть ордер на арест, а на обыск нет.

Он повернулся к задержанному:

– Вы позволите нам осмотреть квартиру?

Миллиган все так же тупо смотрел перед собой.

Зная, что проверить, есть ли в других комнатах кто-то еще, можно без ордера на обыск, Клеберг направился в спальню, где на незаправленной постели обнаружил коричневый спортивный костюм. В комнате царил беспорядок, по всему полу валялось грязное белье. Офицер заглянул в открытый встроенный шкаф – на полке аккуратно лежали кредитные карточки Донны Уэст и Кэрри Драер. И даже бумажки, которые преступник у них взял. А на комоде обнаружились коричневые солнцезащитные очки и кошелек.

Клеберг пошел сообщить об увиденном Боксербауму и нашел его в отгороженной столовой, превращенной в студию.

– Посмотри.

Боксербаум показал на большую картину: какая-то королева или аристократка восемнадцатого века в голубом платье с кружевной оторочкой сидела перед фортепьяно, с нотами в руках. Детальность работы просто поражала. Картина была подписана именем Миллиган.

– Слушай, красиво, – признал Клеберг.

Он окинул взглядом выстроенные вдоль стены холсты, кисти, тюбики с краской.

Боксербаум хлопнул себя по лбу.

– Донна Уэст упоминала пятна на руке. Это краска. Он перед этим рисовал.

Никки Миллер тоже посмотрела на картину и вернулась к подозреваемому, который так и сидел на стуле.

– Вы же Миллиган, да?

Он изумленно посмотрел на нее.

– Нет, – буркнул он.

– У вас там красивая картина. Это вы рисовали?

Он кивнул.

– А на ней подпись «Миллиган», – с улыбкой сказала она.

К нему подошел Боксербаум.

– Билл, меня зовут Элиот Боксербаум, я из полиции Университета Огайо. Вы ответите на мои вопросы?

Молчание. Глаза у этого человека не дергались, как говорила Кэрри Драер.

– Ему кто-нибудь права зачитал? – Ответа не последовало, так что Боксербаум достал карточку и объявил Миллигану его права. Чтобы не оставалось сомнений. – Билл, вас обвиняют в похищении девушек из кампуса. Вы готовы обсудить этот вопрос?

Миллиган поднял на него потрясенный взгляд.

– Что такое? Я кому-то сделал плохо?

– Вы уверяли, что кто-то за ними придет. Кто?

– Надеюсь, я никому не сделал больно.

Когда еще один из офицеров пошел в спальню, Миллиган поднял голову.

– Только не пинайте коробку. Взорвется.

– Там бомба? – поспешно спросил Клеберг.

– Она... там...

– Покажете? – попросил Боксербаум.

Миллиган медленно встал и пошел в спальню. Встав у двери, он кивнул в сторону небольшой картонной коробки, стоявшей возле комода. Клеберг остался с ним, а Боксербаум вернулся в гостиную. Остальные офицеры столпились в дверном проеме позади Миллигана. Боксербаум опустился на колени возле коробки. Через отверстие сверху в ней виднелись провода и нечто, похожее на часы.

Он вышел из комнаты и обратился к сержанту Демпси:

– Позвоните в пожарную службу и вызовите команду по обезвреживанию взрывных устройств. Мы с Клебергом вернемся в участок. И отвезем туда Миллигана.

Клеберг сел за руль полицейской машины. Рядом с ним – Роквелл из группы захвата. Боксербаум с Миллиганом, который так ничего и не ответил на вопросы об изнасилованиях, расположились сзади. Билли наклонился вперед, поскольку руки в наручниках завели за спину и ему было неудобно сидеть. При этом он бормотал нечто бессвязное.

– Мой брат Стюарт умер... я сделал кому-то плохо?

– Были ли вы знакомы с кем-то из этих девушек? – спросил Боксербаум. – Знали ли вы медсестру?

– Моя мать работала медсестрой, – промямлил Миллиган.

– Объясните, почему вы выбирали жертв на территории кампуса.

– На меня охотятся немцы...

– Билл, давайте обсудим случившееся. Вас соблазнили длинные черные волосы медсестры?

Миллиган посмотрел на него.

– Вы странный какой-то, – а через время добавил: – Моя сестра жутко разозлится, когда узнает.

Боксербаум сдался.

Приехав в главное полицейское отделение, они провели преступника через служебный вход в кабинет предварительного следствия, расположенный на четвертом этаже. Боксербаум и Клеберг пошли в другую комнату, чтобы помочь Никки Миллер составить письменные показания, необходимые для получения ордера на обыск.

В половине двенадцатого офицер Бессел снова зачитал Миллигану его права и спросил, будет ли он от них отказываться. Миллиган тупо смотрел на него.

Никки Миллер слышала, как Бессел с ним разговаривал.

– Слушай, Билл, ты изнасиловал трех женщин, нам нужны разъяснения.

– Я? – переспросил Миллиган. – Я кому-то навредил? Если я кого-то обидел, прошу прощения.

После чего замолчал.

Бессел повел его на пятый этаж, чтобы снять отпечатки пальцев и сделать фотографии.

Когда они вошли, на них посмотрела женщина в форме. Бессел схватил Миллигана за руку, чтобы снять отпечатки, но тот вдруг резко ее отдернул, словно его испугало это прикосновение, и он попытался защититься, спрятавшись за спину женщины.

– Он боится, – заметила она. Повернувшись к белому как мел и трясущемуся молодому человеку, женщина объяснила мягко, словно ребенку: – Нам надо снять отпечатки пальцев. Ты понимаешь, что это значит?

– Я... не хочу, чтобы он меня трогал.

– Хорошо, – ответила она. – Давай я. Согласен?

Миллиган кивнул и позволил ей провести процедуру.

После чего его сфотографировали, и офицер отвел Билли в камеру

предварительного заключения.

Заполнив формуляры, необходимые для получения ордера на обыск, Никки Миллер позвонила судье Уэсту. Узнав о том, какие улики имеются в наличии и насколько срочное это дело, судья попросил ее заехать к нему домой и в двадцать минут второго ночи подписал ордер. Миллер вернулась в Ченинвэй, хотя туман к этому времени стал еще страшнее.

Затем она вызвала оперативно-следственную группу. Группа прибыла на место в два часа пятнадцать минут, Миллер предъявила ордер, и они обыскали квартиру. Вот список вещей, изъятых из квартиры подозреваемого:

КОМОД С ЗЕРКАЛОМ – 343 доллара наличными, солнцезащитные очки, наручники с ключом, кошелек, удостоверения личности на имя Уильяма Симса и Уильяма Миллигана, квитанция на имя Донны Уэст.

ШКАФ – карточки «Мастер Чардж» на имя Донны Уэст и Кэрри Драер, больничное удостоверение Донны Уэст, фотография Полли Ньютон, пистолет 25-го калибра [Tanfoglio Giuseppe] A.R.M.I. [sic], самозарядный с пятью боевыми патронами.

ТУАЛЕТНЫЙ СТОЛИК – лист бумаги 7,6х28 см с именем и адресом Полли Ньютон. Страница из ее записной книжки.

ИЗГОЛОВЬЕ КРОВАТИ – автоматический складной нож, два пакета с порошком.

КОМОД – телефонный счет на имя Миллигана, кобура «Смит-Вессон».

ПОД КРАСНЫМ СТУЛОМ – девятимиллиметровый «Смит-Вессон» с обоймой и шестью боевыми патронами.

ПОД СИДЕНЬЕМ КОРИЧНЕВОГО КРЕСЛА – обойма с пятнадцатью боевыми патронами и полиэтиленовый пакет с пятнадцатью патронами.

Вернувшись в отделение, Никки Миллер передала улики судебному секретарю, завершила их и отнесла в комнату, где хранились вещественные доказательства.

– Для суда этого будет достаточно, – заметила она.

Миллиган сидел в углу камеры съездившись, его сильно трясло. Вдруг послышался негромкий звук, обычно сопровождающий удушье, и он потерял сознание. Через минуту Билли открыл глаза и в крайнем удивлении осмотрел стены, унитаз, нары.

– Боже мой, нет! – закричал он. – Только не это!

Он уселся на пол и тупо уставился в пустоту. Заметил в углу таракана, и лицо его изменилось. Миллиган скрестил ноги, согнулся, сложил руки вместе и опустил на них подбородок, улыбнулся, как малое дитя, и принялся смотреть на бегающих кругами насекомых.

2

Когда через несколько часов за Миллиганом пришли, чтобы перевести его, тот не спал. Его приковали наручниками к огромному черному мужику и цепочку преступников вывели из фойе, вниз по лестнице и через заднюю дверь на стоянку, к фургону, направлявшемуся в окружную тюрьму Франклина.

Фургон доехал до торгового центра Коламбуса – футуристической крепости в самом центре города. Ее массивные бетонные стены без окон поднимались на высоту трех этажей, сходясь к центру. Из третьего этажа росло современное офисное здание. Во внутреннем дворе за всеми наблюдал памятник Бенджамину Франклину.

Фургон въехал в переулок за зданием тюрьмы и остановился перед гаражной дверью из гофрированной стали. Если посмотреть с этого ракурса, тюрьма оказывается в тени высотного здания, к которому пристроена, – окружного суда Франклина.

Дверь поднялась, фургон въехал, и она вновь опустилась. Заключенных в наручниках вывели в закуток между двумя стальными дверями. Всех, кроме одного. Миллиган, которому удалось снять наручники, остался в фургоне.

– Миллиган, выходи, – прокричал офицер. – Сукин сын, насильник херов! Думаешь, мы тут развлекаемся?

– Я тут ни при чем, – сказал чернокожий преступник, к которому ранее был прикован Миллиган. – Богом клянусь, он их просто снял на раз!

Ведущая в тюрьму дверь с шипением поехала вверх, и шестерых преступников загнали в проход между внешней дверью и обнесенной решеткой территорией. Через решетку была видна диспечерская – телеэкраны, компьютерные терминалы, десятки полицейских, и мужчин, и женщин, в серых брюках либо юбках и черных рубашках. Когда внешняя дверь закрылась, открылись внутренние ворота-решетка, и заключенных повели дальше.

В фойе сновали люди в черных рубахах, стучали по клавиатуре компьютерных терминалов. У самого входа стояла женщина с желтым

конвертом.

– Сдаем ценные вещи, – объявила она. – Кольца, часы, украшения, кошельки.

Когда Миллиган вынул все из карманов, она взяла его куртку и проверила подкладку, после чего отдала ее офицеру как вещественное доказательство.

Молодой офицер обыскал арестованного еще раз, уже более тщательно, после чего Миллигана поместили в камеру с другими заключенными, которых предстояло сфотографировать с табличками на шее и зарегистрировать. Все пристально смотрели в небольшое квадратное окошко. Негр ткнул Миллигана в бок:

– Тебя, похоже, теперь все знают. Ловко ты браслеты скинул. Надо постараться, чтобы ты всех нас отсюда вызволил.

Миллиган тупо посмотрел на него.

– Будешь копов бесить, – продолжил он, – забьют насмерть. Уж поверь мне на слово, я тут не первый раз. Ты как, уже сидел?

Миллиган кивнул.

– Именно поэтому я и не радуюсь. Я бы предпочел уйти отсюда.

3

Когда в расположенной неподалеку от тюрьмы конторе государственного защитника зазвонил телефон, Гэри Швайкарт, рослый бородатый адвокат-координатор тридцати трех лет, как раз пытался раскурить трубку. Звонил Рон Редмонд, один из его штатных адвокатов.

– Узнал кое-что в муниципальном суде, – сообщил он. – Ночью схватили «насильника из кампуса», его только что перевели в окружную тюрьму Франклина. Залог – полмиллиона долларов. Надо выслать кого-нибудь для оказания первой юридической помощи.

– Рон, сейчас никого нет. Я тут один за всех.

– Ну, слухи уже расползаются, скоро набегут репортеры из «Ситизен джорнэл» и «Диспэч». У меня сложилось ощущение, что полиция будет его прессовать.

Когда совершались тяжкие уголовные преступления и возникала вероятность, что полицейские продолжат вести расследование и после ареста подозреваемого, Гэри Швайкарт обычно посылал в тюрьму первого попавшегося своего адвоката. Но этот случай был нестандартным. «Насильник из кампуса» уже привлек внимание СМИ, так что его арест

стал жирным плюсом для полиции Колабмуса, и Швайкарт предположил, что они попробуют выбить из преступника признание или хоть какое-нибудь заявление. Защищать его права будет крайне нелегко.

Швайкарт решил сгонять в окружную тюрьму – просто быстренько представиться, сказать, что он государственный защитник, и посоветовать ни с кем не разговаривать, кроме своего адвоката.

Швайкарт подоспел как раз вовремя: два полицейских вывели Миллигана, чтобы сдать дежурному сержанту. Адвокат попросил полицейских позволить ему сказать пару слов заключенному.

– Я не знаю ничего о том, в чем меня обвиняют, – заныл Миллиган. – Я ничего не помню. Они вошли ко мне и...

– Послушайте, я лишь хотел представиться, – ответил Швайкарт. – В коридоре, где полно народу, подробности по делу обсуждать не следует. Поговорим наедине завтра-послезавтра.

– Но я ничего не помню. Они нашли все это у меня в квартире, и...

– Слушай, молчи! У стен есть уши. И там, наверху, тоже поосторожнее. У полицейских – свои хитрости. Ни с кем не разговаривай. Даже с другими заключенными. Среди них могут быть подставные. Возле тебя непременно окажется кто-нибудь, кто постарается выпытать подробности и потом кому-нибудь их продать. Если хочешь справедливого суда, держи рот на замке.

Миллиган продолжал качать головой, тер щеку и все пытался вернуться к обсуждению дела. Наконец, он пробормотал:

– Скажите, что я не виновен. Возможно, я сумасшедший.

– Посмотрим, – ответил Швайкарт, – только здесь об этом разговаривать нельзя.

– Есть ли адвокат женского пола, которая могла бы взяться за мое дело?

– У нас есть женщина. Посмотрю, чем смогу помочь.

Полицейский повел Миллигана переодеваться в синий комбинезон, униформу тюремных заключенных, и Швайкарт проводил его взглядом. С такими нервными, как этот, работать трудно. Он, по сути, не отрицал вменяемых ему преступлений. Лишь повторял, что ничего не помнит. Одно это казалось странным. Но чтобы «насильник из кампуса» просил о помиловании на основании невменяемости? Швайкарт уже предвидел, как порезвятся газетчики.

Выйдя из тюрьмы, он купил «Коламбус диспэч» и прочел заголовок с первой страницы:

«АРЕСТОВАН ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В ИЗНАСИЛОВАНИЯХ В КАМПУСЕ»

В статье сообщалось, что одной из жертв, двадцатилетней студентке последнего курса, изнасилованной почти две недели назад, предстоит опознать подозреваемого. Над текстом красовался портрет с подписью «Миллиган». Вернувшись в контору, Швайкарт обзвонил остальные местные газеты с просьбой не публиковать фотографию, поскольку это может повлиять на исход опознания, назначенного на понедельник. Ему отказали, заявив, что если добудут фотографию, ее непременно напечатают. Швайкарт почесал бороду мундштуком курительной трубки, а потом набрал жене, сообщить, что к ужину домой не успеет.

– Привет, – послышалось из двери. – Ты напоминаешь мне медведя, который нашел улей и уже сунул в него нос.

Швайкарт поднял голову и увидел улыбающуюся Джуди Стивенсон.

– Ах, вот как? – прорычал он, повесил телефонную трубку и улыбнулся Джуди в ответ. – Знаешь, кто тебя спрашивал?

Она убрала с лица прядь темных волос, показав родинку на левой щеке. В карих глазах читался вопрос.

Швайкарт придвинул к ней газету, указывая на заголовок и фото, и его басовитый смех заполнил весь небольшой кабинет.

– Опознание назначено на утро понедельника. Миллиган попросил, чтобы его защищала женщина. «Насильник из кампуса» – *твой*.

4

Утром понедельника, 31 октября, без четверти десять Джуди Стивенсон прибыла в полицейское отделение на опознание. Когда Миллигана привели в камеру, она заметила в его лице испуг и отчаяние.

– Я государственный защитник, – представилась Джуди. – Гэри Швайкарт передал вашу просьбу об адвокате-женщине, поэтому мы с ним будем работать над этим делом вместе. Постарайтесь успокоиться. Похоже, вам сейчас плохо станет.

Билли подал ей сложенный листок бумаги.

– Мой надзиратель дал мне в пятницу вот это.

Развернув листок, Джуди увидела, что это «Ордер на содержание под стражей» от ведомства по вопросам условно-досрочного освобождения

совершеннолетних преступников, предписывающий тюремное заключение Миллигана и информирующий о том, что предварительное слушание по нарушению условий досрочного освобождения состоится в окружной тюрьме Франклина. Она поняла: поскольку во время ареста в квартире подзащитного было найдено оружие, досрочное освобождение может быть аннулировано. Поэтому Миллигана немедленно вернут в тюрьму города Лебанон недалеко от Цинциннати и ожидать суда он будет уже там.

– Слушание состоится в среду на следующей неделе. Постараемся оставить вас здесь. Я бы предпочла, чтобы вас не увозили из Коламбуса, чтобы можно было с вами разговаривать.

– Я не хочу в Лебанон.

– Ну, не переживайте.

– Я не помню, как делал все то, что мне предъявляют.

– Поговорим об этом позже. Сейчас вам надо будет выйти вон туда и немного постоять. Справитесь?

– Наверное.

– Уберите волосы с лица, чтобы его было хорошо видно.

Полицейский отвел Миллигана к остальным, поставил в ряд, на место номер два.

Всего женщин было четверо. Донне Уэст, опознавшей насильника по фотографии, сказали, что она больше не нужна, и она со своим женихом уехала в Кливленд. Синтия Мендоса, кассир из «Крогера», обналичившая один из чеков, Миллигана не опознала. Она выбрала номер три. Женщине, подвергшейся сексуальному нападению в августе при совершенно иных обстоятельствах, показалось, что это был номер два, но она сомневалась. Кэрри Драер заявила, что из-за отсутствия усов она не уверена, но номер два кажется ей знакомым. Полли Ньютон утверждала, что это точно он.

3 ноября суд присяжных предъявил Миллигану обвинение в трех похищениях, трех ограблениях с отягчающими обстоятельствами и четырех изнасилованиях. Все это – особо тяжкие уголовные преступления, за которые полагается срок от четырех до двадцати пяти лет за каждую жертву.

Прокуратура редко занимается распределением адвокатов, даже в случае тяжких убийств. Как правило, глава подразделения уголовных преступлений за две-три недели назначает главного прокурора методом случайного перебора. Но окружной прокурор Джордж Смит выбрал лучших прокуроров, предупредив их, что шумиха вокруг дела «насильника из кампуса» вызывает общественные волнения. Он хотел, чтобы именно

они взялись за это дело и были беспощадны.

Тридцатидвухлетний Терри Шерман с черными кудрями и устрашающими английскими усами славился жестокостью к преступникам, совершившим сексуальное нападение, и хвастался тем, что не проиграл еще ни одного дела об изнасиловании. Заглянув в материалы дела, он рассмеялся.

– Дело уже предрешено. Доказательства у нас мощные, а у защиты нет ничего. Он наш.

Бернард Залиг Явич, тридцатипятилетний специалист по уголовному судопроизводству со стороны обвинения, окончил юридический факультет на два года раньше Джуди Стивенсон и Гэри Швайкарта и хорошо их знал. Гэри какое-то время работал при нем судебным делопроизводителем. Явич четыре года сам проработал государственным защитником, прежде чем перейти в прокуратуру. Он, как и Шерман, считал, что дело, скорее всего, простое.

– Скорее всего? – переспросил Шерман. – У нас масса вещественных доказательств, отпечатки пальцев, опознание – все, что только может быть. Говорю тебе, им нечего нам противопоставить.

Несколько дней спустя Шерман беседовал с Джуди и решил объяснить ей все как есть.

– Никакой сделки о признании вины по делу Миллигана не будет. Мы победим и будем добиваться осуждения на максимальный срок. А у вас нет ничего.

Но Берни Явич смотрел глубже. Он в свое время тоже работал государственным защитником и знал, что сделал бы сам, будь он на месте Джуди с Гэри.

– У них есть один вариант – объявить его невменяемым.

Шерман расхохотался.

На следующий день Уильям Миллиган попытался покончить с собой, разбив голову о стену камеры.

– Он так до суда не доживет, – услышав об этом, сказал Гэри Швайкарт напарнице.

– Думаю, что он вообще не в состоянии предстать перед судом, – ответила Джуди. – Полагаю, надо сообщить судье, что, по нашему мнению, этот человек не в состоянии принимать участие в собственной защите.

– Считаешь, надо показать его психиатру?

– Да.

– Господи, представляю себе заголовки в газетах.

– Хрен с ними. С этим парнем что-то не так. Не знаю что, но ты же видел, насколько разным он бывает. И я ему верю, когда он говорит, что не помнит этих изнасилований. Необходимо провести экспертизу.

– А кто ее оплатит?

– Ну, у нас же есть какой-то фонд.

– Да, там прямо миллионы.

– Ладно тебе, психологическое тестирование мы можем себе позволить.

– Скажи об этом судье, – недовольно буркнул Гэри.

Суд согласился дать дополнительное время на психологическую экспертизу, так что Гэри Швайкарт сосредоточился на слушании по поводу условно-досрочного освобождения, назначенного в том же суде в среду, на восемь тридцать утра.

– Меня отправят обратно в Лебанон, – сказал Миллиган.

– Мы постараемся, чтобы этого не случилось, – ответил Гэри.

– У меня в квартире нашли пистолеты. А в условиях по досрочному освобождению было «ни при каких обстоятельствах не приобретать, не владеть смертельным или огнестрельным оружием, не использовать его и не иметь при себе».

– Может, и так, – согласился Гэри. – Но если уж нам тебя защищать, нам было бы удобнее, чтобы ты остался в Коламбусе, а не уехал в Лебанон – это облегчит нам работу.

– И что вы будете делать?

– Предоставь это мне.

Гэри заметил на лице Миллигана улыбку и азарт в глазах, чего не видел никогда ранее. Он расслабился, вел себя непринужденно, шутил, почти как ни в чем не бывало. Этот человек совершенно не был похож на тот комок нервов, который предстал перед ним в первый день знакомства. Может, защищать его права окажется куда легче, чем Гэри подумалось изначально.

– Ну вот, – сказал Швайкарт, – так держать.

Он провел Миллигана в переговорную, где представители ведомства по вопросам условно-досрочного освобождения совершеннолетних преступников уже раздавали копии отчета инспектора Миллигана и показаний сержанта Демпси о том, что в ходе ареста у обвиняемого был найден «Смит-Вессон» 9-го калибра и самозарядный пистолет 25-го калибра с пятью боевыми патронами.

– Господа, скажите, – начал Швайкарт, потирая бороду костяшками пальцев, – проведено ли огневое испытание этого оружия?

– Нет, – ответил председатель, – но это настоящее оружие с боевыми патронами.

– Если нет свидетельства, что оно стреляет, почему мы должны считать это оружием?

– Тестирование будет проведено не ранее следующей недели.

Гэри стукнул ладонью по столу.

– Я настаиваю, что решение об отмене освобождения под честное слово должно приниматься либо сегодня, либо *после* слушания дела в суде. Итак, что это – оружие или игрушка? Вы не доказали мне, что это настоящие пистолеты, – он осмотрел всех собравшихся.

Председатель кивнул.

– Господа, полагаю, нам остается лишь отложить вопрос об отмене освобождения под честное слово, пока экспертиза не подтвердит, что это настоящие пистолеты.

На следующее утро в десять часов пятнадцать минут от инспектора поступило уведомление, что дело о прерывании досрочного освобождения Миллигана будет повторно слушаться 12 декабря 1977 года в тюрьме Лебанона, а также что в присутствии самого Миллигана на слушании необходимости нет.

Джуди отправилась к Миллигану, чтобы обсудить вещественные доказательства, обнаруженные в его квартире.

В его взгляде она заметила отчаяние.

– Вы считаете, что это сделал я, да?

– Билли, мое мнение не в счет. Надо исходить из имеющихся улик. Надо поговорить о том, как ты можешь объяснить наличие всех этих вещей.

Миллиган смотрел на нее стеклянными глазами, он как будто удалялся, снова уходил в себя.

– Это неважно, – сказал он. – Уже ничего не важно.

На следующий день Джуди Стивенсон получила письмо на желтой линованной бумаге для юридических документов:

«Уважаемая мисс Джуди!

Я пишу это письмо, потому что иногда мне не удается выразить свои чувства, а мне очень важно, чтобы вы меня поняли.

Во-первых, я хотел бы поблагодарить вас за все, что вы для меня сделали. Вы милая добрая женщина и старались как могли. Большого я просить не смею.

Теперь вы можете с чистой совестью забыть обо мне. Скажите

начальству, что *никакие* адвокаты мне не нужны. Мне не нужен никто.

Если уж *вы* считаете, что я виноват, значит, так и есть. Все, что я хотел знать, подтвердилось. Я всю свою жизнь только тем и занимался, что причинял страдания и боль тем, кого люблю. Самое страшное – то, что я и не перестану это делать, потому что не могу. Если меня запрут в тюрьме, я стану только хуже, как вышло после прошлого раза. Психиатры тоже помочь не могут, потому что не понимают, что со мной.

Мне придется остановиться самому. Я сдаюсь. Да мне уже все равно. Можно попросить вас о последнем одолжении? Позвоните маме или Кэти и скажите, чтобы больше ко мне не приходили. Я не хочу их видеть, так что пусть не расходуют зря бензин. Но я их люблю и мне стыдно. Вы – самый лучший адвокат из тех, что я встречал, и я никогда не забуду вашей доброты. До свидания,

Билли».

В тот же вечер Швайкарту позвонил дежурный.

– Ваш клиент снова пытался покончить с собой.

– Господи! Что он сделал?

– Знаете, вы не поверите, но нам придется выдвинуть против него обвинения в порче государственного имущества. Он разбил унитаз в своей камере и острым куском порезал вены.

– Черт!

– И вот что еще. Станный он у вас какой-то. Ему удалось разбить унитаз кулаком.

5

Швайкарт и Стивенсон проигнорировали письмо Миллигана, в котором тот отказывался от их услуг, и стали ежедневно посещать его в тюрьме. Их организация выделила средства на психологическую экспертизу, и 8 января 1978 года доктор Уиллис С. Дрискол, психолог-клиницист, провел серию тестов.

Проверка умственного развития показала коэффициент интеллекта 68, но, по словам Дрискола, показатель снижен из-за депрессии. Он диагностировал острую шизофрению.

«Миллиган испытывает сильный кризис идентичности, то есть слабо осознает границы своего “я”. Он утратил способность оценивать

расстояние, видеть разницу между собой и окружением, что характерно для шизофрении... Ему слышатся голоса, приказывающие ему, что делать, а в случае неподчинения кричат на него. Миллиган считает, что голоса эти принадлежат людям, пришедшим из ада, чтобы его мучить. Помимо этого, он упоминает и хороших людей, временами вселяющихся в его тело, чтобы сразиться с плохими... По моему мнению, мистер Миллиган в настоящий момент неспособен защищать собственные интересы. Он не находится в достаточном контакте с реальностью, чтобы осознавать происходящее с ним. Я настоятельно рекомендую поместить его в больницу для дальнейшего исследования и по возможности лечения».

Первое сражение в рамках закона состоялось 19 января, когда Стивенсон и Швайкарт предоставили данное заключение судье Джею С. Флауэрсу как свидетельство того, что их клиент не может выступить в собственную защиту. Флауэрс ответил, что выдаст ордер, чтобы подзащитного обследовал отдел судебной психиатрии Юго-западного центра психического здоровья Коламбуса. Такое решение беспокоило Гэри с Джуди, поскольку этот центр обычно вставал на сторону обвинения.

Гэри настаивал, чтобы любое решение Юго-западного центра не подлежало огласке и ни при каких обстоятельствах не использовалось против его клиента. Шерман и Явич выразили несогласие. Тогда адвокаты Миллигана пригрозили, что запретят ему разговаривать с психологами и психиатрами этого центра. Судья Флауэрс чуть не обвинил их в проявлении неуважения.

Компромисс был достигнут, когда обвинение согласилось, что они смогут расспрашивать подсудимого о фактах, которые станут известны в беседах с назначенными судом психологами, только в случае, если Миллиган окажется в состоянии защищать собственные интересы. Хотя бы частичная победа. Защита согласилась рискнуть и позволить специалистам в области судебной психиатрии из Юго-западного центра побеседовать с Миллиганом на таких условиях.

– Неплохой ход, – со смехом прокомментировал Шерман, когда они выходили из кабинета судьи. – Демонстрирует ваше отчаяние. Но это все равно бесполезно. Я все еще не сомневаюсь, что это дело решенное.

В целях предотвращения дальнейших попыток самоубийства Миллигана перевели в одиночный изолятор и надели на него смирительную рубашку. Через несколько часов врач Расс Хилл отправился оценить состояние пациента, и его взгляду предстало невероятное зрелище.

Хилл подозвал сержанта Уиллиса, работавшего в смену с трех до одиннадцати часов, и показал за решетку. У Уиллиса отвисла челюсть: Миллиган снял смиренную рубашку, положил ее под голову и заснул.

Глава вторая

1

Первое собеседование с представителем Юго-западного центра было назначено на 31 января 1978 года. Когда сержант Уиллис ввел Миллигана в кабинет, Дороти Тернер, хрупкая и добрая женщина-психолог с робким, чуть ли не запуганным взглядом подняла на них голову.

Перед ней предстал молодой человек приятной наружности, ростом метр восемьдесят три сантиметра, в синем джемпере. У него были окладистые усы и длинные бакенбарды, но в глазах читался какой-то детский страх. Он как будто удивился, увидев ее, но, сев на стул напротив, начал улыбаться и положил руки на колени.

– Мистер Миллиган, – начала она, – меня зовут Дороти Тернер, я работаю в Юго-западном центре психического здоровья и хочу задать вам несколько вопросов. Где вы в данный момент проживаете?

Миллиган осмотрелся.

– Здесь.

– Назовите свой номер социального страхования.

Он нахмурился, глубоко задумался, долгим взглядом изучал то пол, то желтые стены, то стоявшую на столе пепельницу, сделанную из жестяной банки. Потом начал грызть ноготь и рассматривать кутикулу.

– Мистер Миллиган, – снова заговорила Дороти, – я смогу вам помочь, только если вы пойдете мне навстречу. Прошу вас отвечать на мои вопросы, чтобы я могла понять, что происходит. Какой у вас номер социального страхования?

Он пожал плечами.

– Не знаю.

Она посмотрела в записи и зачитала номер.

Он покачал головой.

– Это не мой номер. Кажется, Билли.

Женщина пристально посмотрела на него.

– А вы разве не Билли?

– Нет, – ответил он, – это не я.

Она нахмурилась.

– Подождите-ка. Если вы не Билли, то кто же?

– Я Дэвид.

– А где же Билли?

– Билли спит.

– Где он спит?

Он указал на свою грудь.

– Там. Спит.

Дороти Тернер вздохнула, постаралась взять себя в руки и терпеливо кивнула.

– Мне надо поговорить с Билли.

– Артур не разрешит. Билли спит. Артур не станет его будить, потому что иначе Билли покончит с собой.

Дороти довольно долго смотрела на него, не зная, что делать дальше. Миллиган говорил и выглядел как ребенок.

– Погодите. Объясните.

– Не могу. Я допустил ошибку. Мне нельзя было этого говорить.

– Почему?

– Получу от остальных. – В детском голосе зазвучал ужас.

– Тебя зовут Дэвид?

Он кивнул.

– А «остальные» – кто это?

– Не могу сказать.

Психолог принялась тихонько постукивать по столу.

– Дэвид, ты должен мне рассказать, чтобы я могла тебе помочь.

– Не могу. Они на меня сильно разозлятся и больше не выпустят.

– Но кому-то же ты обязан сказать. Тебе ведь очень страшно, да?

– Да. – В глазах у него уже стояли слезы.

– Дэвид, ты должен мне доверять. И объяснить, что происходит, чтобы я могла помочь.

Он надолго задумался и наконец пожал плечами.

– Ну ладно, но на одном условии. Обещайте, что никому и никогда не расскажете эту тайну. Никому на свете. И ни за что.

– Да, – согласилась Дороти Тернер, – обещаю.

– Никогда в жизни?

Дороти кивнула.

– Поклянитесь.

– Клянусь.

– Хорошо. Скажу. Но всего я не знаю. Знает только Артур. Как вы и сказали, мне страшно, потому что в большинстве случаев я не понимаю, что творится.

– Дэвид, сколько тебе лет?

– Восемь, но скоро девять.
– А почему ты пришел ко мне на встречу?
– Я даже не знал, что буду в пятне. В тюрьме кто-то пострадал, и я вышел забрать боль.
– Ты не мог бы это пояснить?
– Артур говорит, что я хранитель боли. Когда становится больно, я встаю в пятно и беру ее на себя.
– Это же ужасно.
Он кивнул, сдерживая готовые пролиться слезы.
– Это нечестно.
– Дэвид, а что это за «пятно»?
– Это Артур его так называет. Он нам объяснил, что делать, когда кому-то надо выходить. Это большое пятно света, как от прожектора. Все стоят вокруг, смотрят или спят у себя в кровати. А кто встает в пятно, идет в мир. Как говорит Артур: «Кто в пятне, тот и в сознании».
– А кто там еще?
– Их много. Я всех не знаю. Сейчас с некоторыми уже знаком, но не со всеми. Ой! – Он резко глотнул воздух.
– Что такое?
– Я назвал Артура по имени. Теперь точно будет плохо, потому что я не сохранил тайну.
– Дэвид, ничего страшного. Я же пообещала, что никому не расскажу. Миллиган съезжился в кресле.
– Не могу больше говорить. Мне страшно.
– Ладно, Дэвид. На сегодня хватит, я вернусь завтра и побеседуем еще.
Выйдя из здания тюрьмы, психолог остановилась и плотно запахла пальто – дул холодный ветер. Дороти готовилась к встрече с молодым преступником, который, вероятно, пытается выдать себя за сумасшедшего, чтобы избежать наказания. Подобного же она не ожидала.

2

Когда на следующий день Миллиган вошел в переговорную, Дороти Тернер заметила, что он выглядит как-то иначе. Он не смотрел в глаза, сел, подтянул к груди колени и принялся играть своей обувью. Дороти спросила, как он себя чувствует.

Поначалу Миллиган не отвечал, просто осматривался, время от времени бросая на нее взгляды, будто не узнавая. Потом покачал головой и наконец

заговорил – снова как мальчишка. Но из кокни.

– Ну и шум тут, – сказал он. – Шум и гам. И вы. Не понимаю, что творится.

– Дэвид, у тебя изменился голос. Это какой-то акцент?

Он проказливо уставился на нее.

– Да я не Дэвид. Я *Кристофер*.

– А где же Дэвид?

– Плохо себя вел.

– В каком смысле?

– Да остальные жуть как на него разозлились, что все растрепал.

– Ты не мог бы объяснить?

– Не мог. Мне не надо проблем по типу как у Дэвида.

– Ну а почему у него проблемы? – спросила психолог, наморщив лоб.

– Потому что растрепал.

– Что?

– Да ну. Тайну растрепал.

– Кристофер, может, тогда хотя бы о себе расскажешь? Сколько тебе лет?

– Тринадцать.

– А чем любишь заниматься?

– Немного стучу на барабанах, но на губной гармошке лучше выходит.

– Откуда ты?

– Из Англии.

– А братья или сестры у тебя есть?

– Одна Кристина. Ей три года.

Дороти пристально смотрела в лицо мальчика, говорившего на выраженном кокни. Он казался открытым, искренним и счастливым, полная противоположность человеку, с которым она разговаривала лишь день назад. Должно быть, Миллиган – хороший актер.

3

4 февраля, когда Дороти Тернер пришла к Миллигану в третий раз, она заметила, что вошедший в кабинет мужчина держится совершенно иначе. Он небрежно плюхнулся на стул, откинулся на спинку, надменно посмотрел на нее.

– Ты как? – поинтересовалась она, буквально опасаясь того, что может услышать в ответ.

Он пожал плечами.

– Да ничо.

– А как Дэвид с Кристофером?

Он хмуро уставился на нее.

– Дамочка, я вас даже не знаю.

– Я тут – чтобы тебе помочь. Нам надо обсудить то, что происходит.

– Блин, да я и не в курсе, что происходит.

– Мы с тобой позавчера разговаривали, забыл?

– Нет, что за хрень. Я вас впервые в жизни вижу.

– А как тебя зовут?

– Томми.

– А фамилия?

– Да просто Томми.

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Не мог бы ты рассказать мне немного о себе?

– Дамочка, я с незнакомцами не разговариваю. Так что отстаньте.

В последующие пятнадцать минут она пыталась его разговорить, но «Томми» все так же упрямылся. Выйдя из тюрьмы, Дороти Тернер какое-то время так и стояла на Фронт-стрит, совершенно ничего не понимая, думая о «Кристофере» и о том, как пообещала «Дэвиду» хранить его тайну. Она испытывала противоречивые чувства: с одной стороны, она обещала, а с другой – необходимо сообщить об этом адвокатам Миллигана. Через какое-то время она позвонила в их офис и спросила Джуди Стивенсон.

– Слушайте, – начала она, когда Стивенсон подошла к телефону, – сейчас я всего сказать не могу, но если не читали «Сибил»^[5], то найдите и ознакомьтесь.

Джуди Стивенсон удивил этот звонок, она приобрела указанную книгу и в тот же вечер взялась за чтение. Поняв, о чем речь, она легла в постель и уставилась в потолок, думая при этом нечто вроде: «Да бросьте! Множественная личность? На это Тернер намекала?» Адвокат попыталась представить себе Миллигана, которого трясло от страха перед опознанием, вспомнила другие моменты, когда тот превращался в разговорчивого манипулятора, шутил, острил. Джуди всегда списывала эти перемены на депрессию. Потом ей вспомнился рассказ сержанта Уиллиса о персонаже, способном снять любую смиренную рубашу, замечания врача Рассы Хилла, что временами Билли демонстрировал нечеловеческую силу. В голове зазвучали и слова самого Миллигана: *«Не помню того, в чем меня*

обвиняют. Ничего не знаю».

Ей пришлось в голову разбудить мужа и обсудить это с ним, но она уже знала, что скажет Эл. Знала, что ответит любой, если она попытается рассказать то, о чем думает. За три года работы государственным защитником Джуди еще ни разу не сталкивалась с подобным случаем. Она решила пока ничего не говорить даже Гэри. Следует сначала самой убедиться.

На следующее утро Стивенсон позвонила Дороти Тернер.

– Знаете, Миллиган, с которым я познакомилась несколько недель назад и периодически общалась лично, временами вел себя действительно странно. Я замечала перепады настроения. Он человек темпераментный. Но эта разница была не настолько глобальной, чтобы увидеть у него такое же заболевание, как у Сибил.

– Меня уже несколько дней мучает один вопрос, – ответила Тернер. – Я дала обещание хранить тайну и придерживалась его. Я лишь посоветовала вам прочесть книгу. Но я попробую уговорить Миллигана согласиться, чтобы я вам все рассказала.

Джуди старалась не забывать того, что общается с психологом из Юго-западного центра, который наверняка будет на стороне обвинения.

– Вам все карты в руки. Говорите, что делать.

На четвертой встрече Дороти Тернер увидела перепуганного мальчика, который в первый день назвался Дэвидом.

– Я помню о своем обещании никому ничего не рассказывать, – сказала она, – но все же надо поговорить об этом с Джуди Стивенсон.

– Нет! – закричал он, вскочив на ноги. – Вы обещали! Если вы ей скажете, мисс Джуди меня разлюбит.

– Не разлюбит. Она тебя защищает, и ей надо все знать, чтобы тебе помочь.

– Вы дали слово. Если нарушите, это все равно что ложь. Нельзя. Я влип в неприятности. Артур и Рейджен очень злятся, что я проболтался, и...

– А кто такой Рейджен?

– Вы поклялись. Клятва – это самое важное на свете.

– Дэвид, неужели ты не понимаешь? Если не сказать Джуди, она не сможет тебя спасти. Возможно, ты надолго попадешь в тюрьму.

– Все равно. Вы обещали.

– Но...

Психолог заметила, что глаза у Миллигана стали как стеклянные и

забежали, словно он разговаривал сам с собой. Потом Миллиган распрямил спину, сложил кончики пальцев и посмотрел Дороти в глаза.

– Мадам, вы не имеете права, – сказал он отчетливо, как английский аристократ, едва двигая при этом челюстями, – нарушать данное парнишке обещание.

– Мы, кажется, раньше не встречались. – Психолог схватила за ручки кресла, отчаянно пытаясь скрыть удивление.

– Он обо мне рассказывал.

– Вы Артур?

Он едва заметно кивнул.

Дороти Тернер глубоко вздохнула.

– Итак, Артур, крайне важно рассказать адвокатам о том, что происходит.

– Нет, они вам не поверят.

– Может, проверим? Я приглашу на встречу Джуди Стивенсон и...

– Нет.

– Возможно, она сможет спасти вас от тюрьмы. Я просто обязана...

Он подался вперед и с презрением уставился на нее.

– Мисс Тернер, вот что я вам скажу. Если вы кого-нибудь приведете, остальные будут молчать и вы окажетесь в дураках.

После пятнадцати минут спора с Артуром она опять поймала стеклянный взгляд. Миллиган откинулся на спинку стула. А когда снова подался вперед, голос был уже другой, а лицо стало спокойным и дружелюбным.

– Нельзя рассказывать, – повторил он. – Вы дали обещание, а это священо.

– А с кем я сейчас разговариваю? – шепотом спросила она.

– Я Аллен. Это я по большей части выхожу к Джуди и Гэри.

– Но они-то знают лишь Билли Миллигана.

– Мы все откликаемся на это имя, чтобы не выдать себя. Но Билли спит. Уже давно. Послушайте, миссис Тернер... можно на «ты»? Мать Билли тоже зовут Дороти.

– Ты говоришь, что с Джуди и Гэри в основном общаешься *ты*. А кого еще они видели?

– Ну, они ничего не поняли, поскольку Томми на меня очень похож. Ты с ним тоже общалась. Это он снимает смиренную рубашку и наручники. Мы с Томми почти одинаковые, но разговариваю в основном я. А он резкий и язвительный. Не умеет ладить с людьми, в отличие от меня.

– А с кем еще они общались?

Он пожал плечами.

– На первой встрече с Гэри был Дэнни. Он ничего не понял и боялся. Мальчишка не особо ориентируется в происходящем. Ему всего четырнадцать.

– А тебе?

– Восемнадцать.

Дороти вздохнула и покачала головой.

– Ладно... Аллен. Ты производишь впечатление умного молодого человека. И наверняка понимаешь, что мне лучше не держать данного обещания. Надо сказать обо всем Джуди с Гэри, чтобы они могли полноценно тебя защищать.

– Артур с Рейдженем против. Говорят, люди будут думать, что мы сошли с ума.

– Но у тебя же появятся шансы избежать тюрьмы – разве оно того не стоит?

Он покачал головой.

– Не мне решать. Мы всю жизнь храним этот секрет.

– А кто может решить?

– Ну, по сути, все. Артур главный, но это наша общая тайна. Тебе Дэвид рассказал, но больше никто не должен узнать.

Дороти попыталась объяснить, что ее задача как психолога заключается в том, чтобы поставить адвокатов в известность, но Аллен еще раз подчеркнул, что нет никаких гарантий, что это признание поможет, а если об этом растреляют в газетах, его жизнь в тюрьме будет просто невыносимой.

Потом вышел маленький Дэвид, которого психолог узнала по поведению, и начал умолять ее не нарушать данного обещания.

Она попросила снова позвать Артура, и он появился.

– Ну вы и настойчивая, – недовольно сказал он.

Дороти не сдавалась, и наконец у нее появилось ощущение, что она может его переубедить.

– Я не люблю спорить с леди, – сказал Артур и со вздохом откинулся на спинку стула. – Если вам кажется, что это совершенно необходимо, и если согласятся остальные, я дам разрешение – от *своего лица*. Но вы должны получить согласие каждого.

Несколько часов ушло на то, чтобы разъяснить ситуацию всем личностям. Они выходили по очереди, и каждая смена роли была просто изумительной. На пятый день Дороти встретила с Томми, который ковырял в носу.

– Значит, ты понимаешь, что мне придется рассказать все это мисс Джуди.

– Дамочка, мне плевать, делайте что хотите. Только отстаньте от меня.

– Поклянитесь, что никому на целом свете, кроме Джуди, не скажете. И она должна пообещать, что не скажет никому, – потребовал Аллен.

– Я согласна, – ответила психолог. – Вы не пожалеете.

В тот же день после посещения тюрьмы Дороти сразу же поехала в адвокатскую контору. Она рассказала Джуди Стивенсон об условиях, выставленных Миллиганом.

– Что, даже Гэри Швайкарту сказать нельзя?

– Мне пришлось это пообещать. Повезло, что он хоть вас разрешил посвятить.

– Мне не особо верится, – призналась Джуди.

Тернер кивнула.

– Это хорошо. Я поначалу тоже отнеслась скептически. Но клянусь, вы удивитесь, встретившись со своим клиентом.

4

Когда сержант Уиллис ввел Миллигана в переговорную, Джуди Стивенсон заметила, что он держится скованно, словно стеснительный подросток. Билли, похоже, боялся полицейского, словно видел его впервые, но бросился к столу и сел рядом с Дороти Тернер. Потом отказывался говорить до тех пор, пока не уйдет Уиллис. И постоянно тер запястья.

Тернер начала:

– Скажешь Джуди Стивенсон, кто ты такой?

Он вжался в стул и покачал головой, глядя на дверь, проверяя, действительно ли ушел полицейский.

– Джуди, – наконец сказала Тернер, – это Дэнни. Я его уже довольно хорошо знаю.

– Привет, Дэнни. – Стивенсон изо всех сил старалась скрыть, насколько ее ошеломила перемена в голосе и лице подзащитного.

Он поднял взгляд на Тернер и прошептал:

– Ну вот видите? Она смотрит на меня как на ненормального.

– Нет, – ответила Джуди. – Я просто удивлена. Ситуация очень необычная. Дэнни, тебе сколько лет?

Он снова потер запястья, словно с них недавно сняли веревку и теперь он пытается восстановить кровообращение. Но ничего не ответил.

- Дэнни четырнадцать, – сказала Тернер. – Он художник.
- Что ты рисуешь? – поинтересовалась Стивенсон.
- В основном натюрморты, – ответил Дэнни.
- Полицейские нашли в квартире пейзажи, они тоже твои?
- Нет, пейзажи я не пишу. Не люблю землю.
- Почему?
- Не скажу, не то он меня убьет.
- Кто тебя убьет?

Джуди сама удивилась, что задает столько вопросов, ведь она во все это не верила и не собиралась попадаться на удочку, но все же его блестящая игра – за которую она это принимала – ее впечатлила.

Миллиган закрыл глаза, и по щекам потекли слезы.

Происходящее все больше выбивало Джуди из колеи, она пристально смотрела на юношу, а он словно уходил в себя. Губы беззвучно шевелились, взгляд стал стеклянным, зрачки двигались из стороны в сторону. Потом Миллиган осмотрелся, напугался, затем узнал женщин, место, где находится. Он откинулся на спинку, достал из правого носка сигарету, не вынимая всю пачку.

– Огонька не найдется?

Джуди дала ему прикурить. Он глубоко затянулся и выпустил к потолку облако дыма.

- Ну, привет, – поздоровался он.
 - Расскажешь Джуди Стивенсон, кто ты такой?
- Он кивнул, выдувая кольцо дыма.
- Аллен.

– Мы встречались? – спросила Джуди, надеясь, что он не уловит дрожь в ее голосе.

– Я пару раз показывался, когда вы с Гэри приходили поговорить насчет моего дела.

– Но мы разговаривали с Билли Миллиганом.

Он пожал плечами.

– Мы все отсылаемся на «Билли». Так ничего объяснить не приходится. Но я ни разу не утверждал, что я – Билли. Это вы так решили, а я не видел смысла спорить.

- А можно поговорить с ним? – поинтересовалась Джуди.
- Ну нет. Его не будят. Если его пустить в пятно, он покончит с собой.
- Почему?
- Он еще боится, что его обидят. И про остальных не знает. Он лишь заметил, что теряет время.

– В каком смысле? – переспросила Джуди.

– Это со всеми из нас происходит. Ты где-нибудь что-нибудь делаешь.

А потом вдруг оказываешься в другом месте, понимаешь, что время прошло, но не знаешь, что было.

Джуди покачала головой.

– Ужас.

– Да, привыкнуть к этому не удастся, – согласился Аллен.

Когда за Миллиганом вернулся сержант Уиллис, Аллен ему улыбнулся.

– Это сержант Уиллис, – сообщил он женщинам. – Приятный парень.

Стивенсон и Тернер вышли из тюрьмы вместе.

– Понимаете, почему я вас пригласила... – начала Дороти.

Стивенсон вздохнула.

– Я шла сюда с уверенностью, что распознаю обман. Но я верю, что говорила с двумя разными людьми. И теперь понимаю, почему он порой кажется таким переменчивым. Раньше я списывала это на перепады настроения. Надо рассказать Гэри.

– Я едва добилась разрешения рассказать это вам. Не думаю, что Миллиган это дозволит.

– Но он обязан, – возразила Джуди. – Хранить это в тайне – слишком тяжелая для меня ноша.

После посещения тюрьмы мысли у Джуди путались: в них были и трепет, и страх, и непонимание. Невероятно. Нереально. Но в то же время она понимала, что в глубине души начинает в это верить.

Через несколько часов ей домой позвонил Гэри и сказал, что шериф сообщил ему об очередной попытке Миллигана покончить с собой – он опять хотел разбить голову о стену.

– Что интересно, – добавил Гэри, – я смотрел его досье и вдруг понял, что именно сегодня, 14 февраля, ему исполняется двадцать три года. И знаешь, кое-что еще... сегодня же день святого Валентина.

5

На следующий день Дороти с Джуди сказали Аллену, что очень важно посвятить в тайну и Гэри Швайкарта.

– Ни в коем случае.

– Это необходимо, – настаивала Джуди. – Надо рассказать и другим, чтобы мы могли спасти тебя от тюрьмы.

– Вы обещали. Таков был уговор.

– Помню, – не сдавалась Джуди. – Но это крайне важно.

– Артур не согласен.

– Позволь нам поговорить с ним, – попросила Дороти.

Вышел Артур и сердито посмотрел на них обеих.

– Меня это уже утомляет. Мне надо много думать и учиться, я устал от ваших приставаний.

– Но вы должны дать нам разрешение рассказать обо всем Гэри, – снова сказала Джуди.

– Ни за что. Вас двоих уже слишком много.

– Это просто необходимо для того, чтобы помочь вам, – добавила Тернер.

– Мадам, мне *не нужна* помощь. Дэнни с Дэвидом, может, и да, но меня это не беспокоит.

– Неужели вы не заинтересованы в том, чтобы Билли жил? – Джуди уже начинало злить, что Артур смотрит на нее свысока.

– Да, – ответил он, – но какой ценой? Они скажут, что мы сошли с ума. Все и так уже выходит из-под контроля. Мы заботимся о том, чтобы Билли жил, с того самого дня, когда он попытался спрыгнуть с крыши в школе.

– Что это значит? – переспросила Тернер. – Что вы для этого делаете?

– Не даем ему проснуться.

– Неужели вы не осознаете значимость этого шага? – продолжала Джуди. – От этого зависит, что его ждет: тюрьма или свобода. Разве вам не будет удобнее думать и учиться не в тюремных стенах? Или вы хотите вернуться в Лебанон?

Артур скрестил ноги и принялся переводить взгляд с Джуди на Дороти и обратно.

– Не люблю спорить с леди. Я соглашусь, но только на том же условии, что и раньше – надо уговорить и остальных.

Три дня спустя Джуди добилась разрешения рассказать все Гэри Швайкарту.

Холодным февральским утром она вышла из тюрьмы и направилась в контору. Налила себе чашку кофе, вошла в захламленный кабинет Гэри, села и собралась с духом.

– Так, – начала она, – вели ни с кем тебя не соединять. Мне надо рассказать тебе кое-что насчет Билли.

Когда рассказ о встречах с Дороти Тернер и Миллиганом был закончен, Гэри смотрел на Джуди Стивенсон как на дуру.

– Я своими глазами видела, – не сдавалась она. – Я с ними разговаривала.

Гэри приподнялся из-за стола и тут же неуклюже свалился обратно; его нечесанные волосы доставали до воротничка, а мешковатая рубаша почти полностью выбилась из-под ремня.

– Да ладно, – возразил Швайкарт, – быть такого не может. Ну, я понимаю, что он ненормальный, и я на твоей стороне. Но из этого ничего не выйдет.

– Сходи посмотри сам. Ты просто не представляешь... Я абсолютно уверена.

– Ладно. Но знаешь что: я в это не верю. И прокурор не поверит. И судья не поверит. Джуди, в тебе я не сомневаюсь. Ты – отличный адвокат, прекрасно разбираешься в людях. Но это брехня. Думаю, он пытается тебя надуть.

На следующий день Гэри отправился вместе с Джуди к трем часам в тюрьму Франклина, рассчитывая не более чем на получасовую встречу. Он заранее отверг возможность того, что рассказанное может быть правдой. Это казалось просто нереальным. Но по мере общения с разными личностями скепсис сменился любопытством. На его глазах перепуганный Дэвид превратился в робкого Дэнни, который даже помнил, как они встретились в тот день, когда Миллигана только посадили в эту тюрьму.

– Когда они ворвались в квартиру и арестовали меня, я вообще не понял, что происходит, – сказал Дэнни.

– А что заставило тебя рассказать о бомбе?

– Я не говорил, что это бомба.

– Ты предупредил полицейского, что она «взорвется».

– Ну, это Томми всегда говорит: «Мои вещи не трогай, могут взорваться».

– Почему?

– У него спросите. Он разбирается в электронике, всегда возится с проводами и прочей такой фигней. Он любитель.

Швайкарт несколько раз потянул себя за бороду.

– Умелец снимать наручники и специалист в электронике. А можно поговорить с этим «Томми»?

– Не знаю. Томми разговаривает только с теми, с кем сам захочет.

– Ты можешь его вызвать? – попросила Джуди.

– Это так *не делается*. Оно само происходит. Попросить, наверное, могу.

– Попробуй, – сказал Швайкарт, сдерживая улыбку. – Постарайся.

Миллиган как будто ушел в собственное тело. Лицо побледнело, он стал смотреть будто внутрь себя. Губы шевелились, словно он разговаривал

сам с собой, и казалось, что сосредоточенность охватила всю комнатку. Швайкарт не только прекратил ухмыляться, но и едва не перестал дышать. Глаза Миллигана забегали из стороны в сторону. Потом он осмотрелся, словно только что очнулся от глубокого сна, коснулся рукой правой щеки, словно проверяя реальность собственного существования. А потом надменно откинулся на спинку стула и зло уставился на адвокатов.

Гэри ахнул. Он был явно впечатлен.

– Ты Томми? – поинтересовался он.

– А кто спрашивает?

– Я твой адвокат.

– Не *мой*.

– Я буду помогать Джудии Стивенсон в том, чтобы защитить тебя от тюрьмы, кем бы ты ни был.

– Фигня. Мне не надо, чтобы кто-то меня от чего-то защищал. Меня ни одна тюрьма в мире не удержит. Захочу – тут же сбегу.

Гэри строго посмотрел на него, приведя в смущение.

– Так это ты снимаешь смиренную рубашку. Значит, Томми.

Парню все это как будто надоело.

– Ну да... ну да.

– Дэнни рассказал нам о коробке с электронной начинкой, которую в вашей квартире нашли полицейские. Он сказал, что она твоя.

– Он всегда слишком много болтал.

– Зачем ты сделал муляж бомбы?

– Какой, на хрен, муляж бомбы? Если копы такие тупые, что черный ящик не узнают, я тут не при делах.

– Что?

– Да что слышали. Это черный ящик, экспериментировал, пытался сделать систему получше, чем у телефонных компаний. Хотел новый телефон для машины. Я обмотал цилиндры красной изолентой, а тупые копы решили, что это бомба.

– Ты же сказал Дэнни, что он может взорваться.

– Да бог ты мой! Я малышне это всегда говорю, чтобы не трогали мои вещи.

– Томми, а где ты этому научился? – поинтересовалась Джудия.

Он пожал плечами.

– Как-то сам. По книжкам. Сколько себя помню, я пытался понять, как все работает.

– А снимать наручники?

– Это Артур мне подкинул идею. Кто-то же должен был выпутываться

из веревки, когда нас связывали и бросали в сарае. Я научился управлять мышцами рук и суставами. Потом и замками всякими увлекся.

Швайкарт на миг задумался.

– А пистолеты тоже твои?

Томми покачал головой.

– Оружием разрешено владеть только Рейджену.

– Разрешено? Кто это разрешает? – спросила Джуди.

– Зависит от ситуации... Слушайте, я уже устал, что вы из меня все вытягиваете. Этим Артур должен заниматься, ну, или Аллен. У них спрашивайте, ладно? Я пошел.

– Подожди...

Но Джуди уже не успела. Взгляд подернулся, поза сменилась. Миллиган сложил кончики пальцев пирамидкой. Потом поднял подбородок, выражение лица стало другим. Джуди узнала Артура и представила его Гэри.

– Прошу простить Томми, – холодно сказал он. – Довольно неприятный парень. Не разбирайся он так хорошо в электронике и замках, я бы давно его изгнал. Но его способности полезны.

– А вы что умеете? – поинтересовался Гэри.

Артур недовольно махнул рукой.

– Я только на любительском уровне. Потихоньку занимаюсь биологией и медициной.

– Гэри спрашивал у Томми о пистолетах, – сказала Джуди. – Вы же знаете, что хранение оружия нарушает условия вашего досрочного освобождения.

Артур кивнул.

– Владеть оружием разрешается только Рейджену, нашему хранителю ненависти. Он на этом специализируется. Но и он может применять его только в целях защиты, для выживания. Точно так же и свою огромную силу он может использовать лишь на всеобщее благо и ни в коем случае не для того, чтобы вредить другим. Понимаете, он умеет концентрировать адреналин и управлять им.

– В ходе похищений и изнасилования тех четырех женщин он воспользовался оружием, – сообщил Гэри.

Голос Артура стал ледяным.

– Рейджен никого не насиловал. Я разговаривал с ним об этом деле. Да, он начал воровать, поскольку беспокоился из-за неоплаченных счетов. Он признает, что ограбил в октябре трех женщин, но категорически отрицает, что знаком с этой августовской девушкой и что в его

преступлениях были действия сексуального характера.

Гэри подался вперед, пристально глядя в лицо Артура и замечая, как тает его скептический настрой.

– Но есть доказательства...

– Плевал я на доказательства! Раз Рейджен говорит, что не делал этого, нет смысла подвергать его слова сомнению. Он врать не будет. Рейджен – вор, но не насильник.

– Вы сказали, что разговаривали с ним, – начала Джуди. – Как это происходит? Вы общаетесь друг с другом вслух или в голове? Словами или мыслями?

Артур сложил ладони.

– Бывает и так и так. Иногда внутри, и, вероятнее всего, никто этого даже не замечает. В других обстоятельствах, как правило, когда мы одни, разумеется, вслух. Если бы нас кто-то за этим застал, подумали бы, что мы совсем чокнутые, только представьте себе.

Гэри откинулся на спинку стула, достал платок и вытер пот со лба.

– Кто в это поверит?

Артур снисходительно улыбнулся.

– Как я уже сказал, Рейджен, да и все мы, никогда не врет. А нас всю жизнь обвиняли во лжи. Так что для нас дело чести – никогда и ни в чем не обманывать. И нам нет дела до того, кто нам верит.

– Но вы не всегда сами вызываетесь рассказывать правду, – отметила Джуди.

– А это называется «ложь умолчанием», – добавил Гэри.

– Ой, да ладно, – Артур и не пытался скрыть своего презрения. – Вы адвокаты и прекрасно знаете, что в ходе дачи свидетельских показаний человек не обязан рассказывать то, о чем его не спросили. Вы сами первые рекомендуете клиенту отвечать только «да» или «нет», вдаваясь в подробности только тогда, когда это в его интересах. Если вы зададите кому-то из нас прямой вопрос, в ответ получите либо правду, либо молчание. Разумеется, в некоторых случаях правда бывает неоднозначна. Английский язык по природе своей расплывчат.

Гэри задумчиво кивнул.

– Буду иметь это в виду. Но мы, кажется, ушли от темы. По поводу пистолетов...

– Рейджен лучше всех знает, что произошло в те дни, когда были совершены *три* октябрьских преступления. Может, вам лучше поговорить с ним?

– Не сейчас, – ответил Гэри, – лучше попозже.

– Кажется, вы боитесь встречи с ним.

Гэри пристально посмотрел на него.

– А вы не этого добивались своим рассказом о том, какой он злой и опасный?

– Я не называл его злым.

– Ну, а впечатление сложилось такое, – сказал Гэри.

– Я считаю важным, чтобы вы познакомились с Рейдженем, – возразил Артур. – Вы открыли ящик Пандоры. Думаю, стоит уж откинуть крышку до конца. Но он выйдет только по вашему желанию.

– А он хочет с нами разговаривать? – поинтересовалась Джуди.

– Нет, вопрос в том, хотите ли вы разговаривать с ним.

Гэри понимал, что такая перспектива его действительно пугала.

– Думаю, это необходимо, – ответила Джуди, глядя на Гэри.

– Он ничего плохого вам не сделает, – заверил Артур с натянутой улыбкой. – Рейджен знает, что вы хотите помочь Билли. Мы это обсуждали и решили, что раз уж наша тайна раскрыта, то нам лучше быть с вами откровенными. Как настойчиво повторяла миссис Стивенсон, это для нас последняя надежда избежать тюрьмы.

Гэри вздохнул, подав назад голову.

– Хорошо, Артур. Я готов встретиться с Рейдженем.

Артур отодвинул свой стул к самой дальней стене небольшой переговорной, чтобы максимально увеличить расстояние. Снова сел, его взгляд стал таким далеким, словно он смотрел вглубь самого себя. Губы зашевелились, рука взмыла к щеке. Челюсть напряглась. Затем он сменил позу: напряженная спина изогнулась, и перед адвокатами предстал агрессивный, настороженный борец.

– Плохо думали. Нельзя было разглашать секрет.

К их удивлению, голос стал низким и грубым, в нем слышалась уверенность в своих силах и враждебный настрой, которые прогремели на всю комнатушку. Говорил собеседник с ярко выраженным славянским акцентом.

– Вот что я вам скажу, – продолжил Рейджен, злобно глядя на окружающих. Его лицо было так напряжено, что выглядело теперь совершенно иначе, и смотрел он пронизывающе, насупив брови. – Даже при том, что Дэвид проболтался по ошибке, я против.

Не похоже было, что он лишь имитировал акцент, речь действительно шипела и свистела, как у человека, выросшего в Восточной Европе. Он выучил английский, но акцент остался при нем.

– Почему вы не хотели рассказывать правду? – спросила Джуди.

– Кто поверить? – спросил он, сжимая кулаки. – Скажут мы все придурки. Это будет плохо.

– Это может защитить от тюрьмы, – сказал Гэри.

– Как возможно? – рявкнул Рейджен. – Я не дурак, мистер Швайкарт. Полиция имеет доказательства, что я делал грабежи. Я признаю три ограбления на университете. Но только три. Но что говорят еще – вранье. Я не насильник. Я пойду в суд признаваться в грабежах. Но если идти в тюрьму, я убью детей. Это эвтаназия. Тюрьма – не место маленьких.

– Но если... вы убьете маленьких... не приведет ли это и к вашей собственной смерти? – спросила Джуди.

– Необязательно, – ответил Рейджен. – Мы все разные люди.

Гэри нервно провел рукой по волосам.

– Скажите, а когда Билли, или кто там это был, на прошлой неделе бился головой о стену камеры, это не повредило ваш череп?

Рейджен потрогал его рукой.

– Это так. Но боль была не моя.

– А кто ее испытывал? – спросила Джуди.

– Дэвид – хранитель боли. Он берет все страдания. Дэвид – эмпат.

Гэри встал и начал ходить из стороны в сторону, но, увидев, как напрягся Рейджен, решил, что лучше сесть.

– Это Дэвид пытался расколоть свою башку?

Рейджен покачал головой.

– Это Билли.

– А, – сказал Гэри, – я думал, Билли все это время спал.

– Так. Но у него был день рождения. Малышка Кристин написать ему открытку, хотела дать. Артур разрешает Билли в день рождения проснуться и встать в пятно. Я был против. Я защищаю. Я это отвечаю. Может, Артур умнее, но он человек. Артур делать ошибки.

– И что случилось, когда Билли проснулся? – спросил Гэри.

– Он смотреть вокруг. Видеть себя в тюрьме. Думать, что делал что-то плохое. И бить головой по стене.

Джуди вздрогнула.

– Билли нас не знает, ясно, – объяснил Рейджен. – У него... как это говорить?... Амнезия. Скажу так. Он в школе потерял много времени, шел крыша. Начал прыгать. Я толкнул его с пятна и остановил. И с этого дня он спать. Всегда. Я и Артур слежу за этим, чтобы его защищать.

– Когда это было? – уточнила Джуди.

– Сразу после шестнадцати. Помню, ему было плохо, что отец заставит его работать в день рождения.

– Боже мой, – прошептал Гэри. – Он спит семь лет?

– Еще спит. Просыпаться несколько минут. Ошибка пускать его в пятно.

– А кто все это время работал? – спросил Гэри. – Общался с окружающими? Никто из тех, с кем мы общались, не упоминал ни русского, ни британского акцента.

– Не русский, мистер Швайкарт. Югославский.

– Простите.

– Ничего. Просто чтобы знать. Ответ на вопрос: когда надо говорить с людьми, в пятне чаще Аллен или Томми.

– Они появляются и удаляются по собственному желанию? – поинтересовалась Джуди.

– Скажу так. В разных обстоятельствах пятно контролирую я или Артур – по ситуации. В тюрьме я – я решаю, кому выходить, кому не показываться, потому что тюрьма – опасное место. Я защитник, и вся власть моя. В ситуациях без опасности, когда важно ум и логика, тогда пятно управляет Артур.

– А сейчас?

Гэри уже понимал, что полностью утратил профессиональное беспристрастие, и с любопытством наблюдал за этим невероятным феноменом, всецело его захватившим.

Рейджен пожал плечами и осмотрелся.

– Сейчас тюрьма.

Дверь приемной внезапно открылась, Рейджен подскочил, как кот, настороженный, готовый обороняться, приняв каратистскую позу. Увидев, что это лишь какой-то адвокат, который зашел посмотреть, свободна ли комната, он успокоился.

Хотя Гэри изначально намеревался уделить клиенту стандартные пятнадцать минут, максимум полчаса, уверенный, что разоблачит несомненный обман, ушел он через пять часов в абсолютном убеждении, что у Миллигана действительно множественная личность. Когда они с Джуди вышли в морозную ночь, Гэри поймал себя на абсурдной мысли съездить в Англию или Югославию и поискать свидетельства существования Артура или Рейджена. Он не то чтобы верил в реинкарнацию или одержимость дьяволом, но все еще был совершенно изумлен и не испытывал никаких сомнений, что общался в приемной с несколькими различными людьми.

Гэри посмотрел на Джуди – та тоже оглушенно молчала.

– Так, ладно, – начал он, – должен признать, что я в шоке как в мыслях,

так и в чувствах. Я верю. И, думаю, что даже Джо-Энн мне поверит, когда я объясню, почему снова опоздал к ужину. Но, черт побери, как мы убедим в этом обвинение и судью?

21 февраля доктор Стелла Кэрولين, психиатр Юго-западного центра психического здоровья, коллега доктора Тернер, сообщила адвокатам Миллигана, что доктор Корнелия Уилбур, получившая мировую известность из-за работы с Сибил, женщиной, имевшей шестнадцать личностей, согласилась приехать к ним из Кентукки 10 марта и пообщаться с Миллиганом.

Готовясь к визиту доктора Уилбур, Дороти Тернер и Джуди Стивенсон взялись убеждать Артура, Рейджена и остальных, что придется разделить их тайну с еще одним человеком. Они опять подолгу уговаривали каждого поодиночке. К этому времени было известно уже девять имен – Артур, Аллен, Рейджен, Дэвид, Дэнни, Кристофер, но с Кристин, трехлетней сестрой Кристофера, они еще не встречались, как и с оригиналом, или главной личностью, Билли, которому остальные не давали проснуться. Получив наконец разрешение посвящать в тайну и других людей, они назначили в тюрьме встречу Миллигана с доктором Уилбур, где в том числе должен был присутствовать и прокурор.

Джуди с Гэри также побеседовали с матерью Миллигана, Дороти, его младшей сестрой Кэти и старшим братом Джимом. Хотя никто из них не подтверждал жестокого обращения с Билли, о котором рассказывали его личности, мать призналась, что Челмер Миллиган ее бил. Учителя, друзья и родственники Билли Миллигана описывали случаи его странного поведения, трансоподобные состояния, попытки покончить с собой.

Джуди и Гэри уже не сомневались, что собрали веские доказательства в пользу своего клиента, который согласно закону штата Огайо не был в состоянии предстать перед судом. Но в то же время они понимали, что их ожидает еще одно препятствие: если судья Флауэрс признает экспертизу Юго-западного центра, Билли Миллигана отправят в психиатрическую клинику для дальнейшей диагностики и соответствующего лечения. Но им не хотелось, чтобы их клиента отправили в государственную клинику города Лайма для невменяемых преступников, поскольку были наслышаны о ней от своих предыдущих клиентов и понимали, что Билли там не выжить.

Доктор Уилбур должна была встретиться с Миллиганом в пятницу, но по личным причинам у нее изменились планы. Джуди позвонила сообщить об этом Гэри.

– Ты сегодня зайдешь в контору? – поинтересовался он.

– Не собиралась.

– Нам надо все обговорить, – сказал он. – Юго-западный центр утверждает, что никакой альтернативы Лайме нет, но по моим ощущениям – должна быть.

– Слушай, в офисе не топят, и холодина адский, – ответила она. – Эла нет дома, у меня горит камин. Приезжай. Напою тебя ирландским кофе и обсудим.

Он рассмеялся.

– Уломала.

Через полчаса они оба сидели у камина.

Гэри грел руки о горячую чашку.

– Знаешь, я был совершенно потрясен, когда вышел Рейджен, – признался он. – Я просто поражен, насколько он приятный человек.

– Да, я как раз о том же думала, – согласилась Джуди.

– Я о том, что Артур назвал его «хранителем ненависти». Я ждал черта в ступе, а он оказался таким интересным и обаятельным. И я верю, что он не трогал ту женщину, которую в августе изнасиловали у Нейшенвайд-плаза. Да и насчет остальных троих уже сомневаюсь.

– По поводу первой я согласна. Это обвинение просто притянута за уши. Рисунок совершенно другой. Но остальных-то троих, несомненно, похитили, обокрали и изнасиловали, – ответила Джуди.

– У нас есть лишь обрывки его воспоминаний об этих преступлениях. Знаешь, странно, что Рейджен узнает вторую жертву и думает, что кто-то из них с ней и раньше пересекался.

– Помимо этого, мы знаем, что Томми помнит, как выходил в пятно и контролировал тело в «Вендис», что они с третьей жертвой съели там по гамбургеру, и полагает, что у кого-то из них с ней было свидание.

– Полли Ньютон подтвердила, что они заезжали перекусить. И, по ее же словам, выглядел он как-то странно и закончил половой акт через пару минут, сказав при этом самому себе: «Билл, да что с тобой? Соберись». А ей – что ему надо принять холодный душ, чтобы остыть.

– Но был же еще и какой-то бред насчет того, что он «уэзермен» и ездит на «Мазерати».

– Кто-то просто хвастался.

– Ладно, надо признать, что мы не знаем, что именно там произошло, как и никто из тех личностей, с которыми мы общались.

– Рейджен признается в ограблениях, – напомнила Джуди.

– Да, а изнасилования отрицает. Я про то, что это в целом странно. Можешь себе представить, что трижды за две недели Рейджен напивается, принимает амфетамины и бежит с утра пораньше в кампус за восемнадцать километров от дома? Потом выбирает жертву и вырубается...

– Уходит из пятна, – поправила Джуди.

– Да, я как раз об этом, – Гэри вернул ей чашку и попросил еще кофе. – Так вот, он всякий раз выходит из пятна, а потом оказывается в центре Коламбуса с денежками в кармане и понимает, что обворовал их, как и собирался. Но не помнит подробностей. И так три раза. По его словам, это время в промежутке кто-то украл.

– Да, тут явно чего-то не хватает, – согласилась Джуди. – Кто-то же бросал в воду бутылки, стрелял по ним.

Гэри кивнул.

– Это был не Рейджен. По словам женщины, он несколько минут возился с пистолетом, прежде чем ему удалось произвести выстрел. Ну, не сразу смог снять с предохранителя. И не всегда попадал. Рейджен в этом эксперт, он бы не промазал.

– Но Артур уверял, что другим пользоваться оружием запрещено.

– Так и вижу, как мы пытаемся объяснить это судье.

– Мы будем это делать?

– Не знаю, – ответил Швайкарт. – Вообще, глупо объяснять его невменяемость именно диссоциативным расстройством личности, ведь, согласно классификации, это невроз, а не психоз. Даже психиатры считают, что множественные личности – не сумасшедшие.

– Да лучше уж так прямо и сказать, что вменяем и невиновен. Будем упираться на то, что это сделано непреднамеренно, как в том калифорнийском казусе с множественной личностью.

– Тогда правонарушение было незначительное, – возразил Гэри. – А у нас дело уже очень громкое, сослаться на расщепление личности не прокатит. Это факт.

Джуди вздохнула и стала смотреть на огонь.

– И вот что еще, – продолжил Гэри, поглаживая бороду. – Даже если Флауэрс увидит то же, что видим мы, он отправит Миллигана в Лайму. А Билли в тюрьме уже прослышал, что это за место. Помнишь заявление Рейджена по поводу эвтаназии? О том, что если его отправят туда, он убьет детей? Я в это верю.

– Тогда надо сделать так, чтобы его поместили куда-нибудь еще, – сказала Джуди.

– Юго-западный центр говорит, что Лайма – это единственное место, где его могут лечить перед судом.

– В Лайму – только через мой труп, – возразила она.

– Тут я тебя поправлю, – сказал Гэри, поднимая чашку. – Через *наши* трупы.

Они чокнулись, Джуди налила еще.

– Не могу смириться, что у нас нет других вариантов.

– Давай найдем другие варианты, – предложил он.

– Точно, – согласилась она. – Найдем.

– Раньше было только так, – напомнил он, вытирая с бороды сливки.

– И что? раньше в Огайо не было Билли Миллигана.

Джуди взяла с полки потрепанное «Уголовное право штата Огайо», и они принялись читать его вслух по очереди.

– Еще кофе? – предложила она.

– Просто черный, не ирландский. И покрепче.

Два часа спустя Гэри попросил ее перечитать один абзац. Джуди ткнула пальцем в параграф 2945.38.

«...если суд или присяжные признают обвиняемого невменяемым, суд немедленно должен направить его в клинику для душевнобольных или умственно отсталых, находящуюся в юрисдикции суда. Если суд признает это целесообразным, данное лицо должно быть направлено в государственную клинику города Лайма до тех пор, пока к нему не вернется рассудок, после чего обвиняемый будет преследоваться по закону».

– Да! – вскричал, подскакивая, Гэри. – «В клинику для душевнобольных или умственно отсталых, находящуюся в юрисдикции суда». Это не означает, что *исключительно* в Лайму.

– Нашли!

– Боже, а все говорят, что другого варианта содержания до суда нет.

– Осталось только найти другую психбольницу в юрисдикции нашего суда.

Гэри хлопнул себя по лбу.

– Господи. Невероятно. Я знаю! Я после армии работал там ассистентом. Это больница Хардинга.

– Хардинга? Она точно в этой юрисдикции?

– Однозначно. Она в Уортингтоне, штат Огайо. Кроме того, это одна из самых консервативных и уважаемых психиатрических клиник во всей

стране. Они относятся к Церкви адвентистов седьмого дня. Даже самые непробиваемые прокуроры говорят: «Уж если доктор Джордж Хардинг-младший считает его сумасшедшим, то я верю. Он не из тех, кто за тридцать минут склонится на сторону защиты и объявит человека невменяемым».

– Прокуроры так говорят?

Гэри вскинул правую руку.

– Я слышал такое, честное слово. Думаю, даже от Терри Шермана. Кстати, Дороти Тернер говорила, что часто принимает участие в экспертизе по просьбе больницы Хардинга.

– Значит, отправим его туда, – согласилась Джуди.

Гэри вдруг резко сел, лицо его помрачнело.

– Но есть проблема. Это очень дорогая частная клиника, а денег у Билли нет.

– Это не должно нас остановить.

– Ну а как мы его туда пропихнем?

– Устроим так, чтобы они заинтересовались диагнозом Билли.

– И как же мы этого добьемся? – спросил Гэри.

Полчаса спустя Гэри стряхнул снег с ботинок и позвонил в дверь дома Хардинга. Он вдруг резко застеснялся: он, чокнутый бородатый государственный адвокат, пришел к консервативному психиатру из истеблишмента, внуку брата самого президента Уоррена Хардинга^[6], в его роскошный дом. Это должна была делать Джуди. Она бы произвела лучшее впечатление. Гэри затянул галстук потуже, заправил выбившийся воротничок, открылась дверь.

Сорокадевятилетний Джордж Хардинг оказался стройным, безупречно выбритым мужчиной с мягким взглядом и голосом. Гэри он показался очень симпатичным.

– Мистер Швайкарт, прошу вас.

Гэри с трудом снял ботинки и оставил их в лужице в прихожей. Потом сбросил куртку, повесил ее на вешалку и прошел вслед за доктором Хардингом в гостиную.

– Мне ваше имя показалось знакомым, – сказал хозяин, – и после вашего звонка я поискал в газетах. Вы выступаете защитником по делу Миллигана, молодого человека, напавшего на четырех женщин в кампусе Университета Огайо.

Гэри покачал головой.

– На трех. Изнасилование, случившееся в августе на Нейшенвайд-

плаза, совершенно не похоже на остальные, и его, несомненно, сбросят со счетов. Дело приобрело крайне неожиданный оборот. И я хотел бы поинтересоваться вашим мнением.

Хардинг указал Гэри на мягкий диван, а сам сел на стул с жесткой спинкой. Он сложил кончики пальцев и внимательно выслушал подробный рассказ Гэри о том, что стало известно им с Джуди, и о назначенной на воскресенье встрече в окружном суде Франклина.

Хардинг задумчиво кивнул, а потом заговорил, старательно подбирая слова.

– Я, разумеется, с уважением отношусь к Стелле Кэролин и Дороти Тернер, – он снова впал в задумчивость, уставившись в потолок. – Тернер проводит для нас тестирование, она со мной об этом деле уже говорила. Если приедет доктор Уилбур... – теперь он смотрел в пол поверх башенки из пальцев, – я не вижу поводов отказываться. Значит, в воскресенье?

Гэри лишь кивнул, не отважившись сказать ни слова.

– Но, мистер Швайкарт, должен сразу вам сказать, что я испытываю огромные сомнения в отношении синдрома, называемого множественной личностью. Хотя доктор Корнелия Уилбур летом 1975 года и читала лекцию о Сибил непосредственно в больнице Хардинга, я не могу сказать, что верю в это. При всем моем уважении как к ней, так и к другим психиатрам, сталкивавшимся с пациентами такого рода... Понимаете, в подобном случае очевидно, что пациент вполне может лишь симулировать амнезию. Но поскольку соберутся Тернер и Кэролин... да и доктор Уилбур приедет...

Хардинг поднялся.

– Подчеркну, что это ни к чему не обязывает ни меня, ни больницу. Но я буду рад появиться на встрече.

Добравшись до дома, Гэри тут же позвонил Джуди.

– Привет, коллега, – со смехом сказал он. – Хардинг заинтересовался.

В субботу 11 марта Джуди отправилась в окружную тюрьму Франклина, чтобы сообщить Миллигану об изменении в планах и о том, что доктор Корнелия Уилбур встретится с ним только на следующий день.

– Лучше бы было предупредить вчера, – сказала она, – извини.

Его затрясло. По выражению лица Джуди поняла, что перед ней Дэнни.

– Дороти Тернер больше не придет, да?

– Конечно, придет, Дэнни. Почему ты так подумал?

– Люди сначала обещают, а потом забывают. Не оставляйте меня одного.

– Не оставлю. Но ты все же соберись. Завтра придет доктор Уилбур, а с ней – Стелла Кэрولين, Дороти Тернер, я... и еще несколько человек.

Его глаза широко распахнулись.

– Еще несколько?

– Будет один врач... доктор Хардинг из больницы Хардинга. И прокурор Берни Явич.

– Мужчины? – едва вымолвил Дэнни и так затрясся, что у него застучали зубы.

– Их присутствие очень важно, чтобы тебя защитить, – объяснила она. – Но будем и мы с Гэри. Слушай, думаю, надо дать тебе успокоительное.

Дэнни кивнул.

Джуди вызвала охранника и попросила поместить клиента в камеру, чтобы самой сходить за врачом. Когда они через несколько минут вернулись, Миллиган сидел в дальнем углу, съездившись, из носа шла кровь, которой он перепачкал все лицо. Он опять бился головой о стену.

Миллиган безучастно посмотрел на Джуди, и она поняла, что это уже не Дэнни, а хранитель боли.

– Дэвид? – спросила она.

Он кивнул.

– Мисс Джуди, мне больно. Очень больно. Я не хочу больше жить.

Джуди приподняла и обняла его.

– Дэвид, не говори так. Ты должен жить. Многие в тебя верят и помогут тебе.

– Я боюсь попасть в тюрьму.

– Туда тебя не отправят. Мы будем за это бороться.

– Я ничего плохого не делал.

– Дэвид, я знаю. Я тебе верю.

– Когда ко мне придет Дороти Тернер?

– Я же говорила... – и тут она поняла, что говорила это Дэнни. – Завтра. И с ней будет еще одна женщина, психиатр доктор Уилбур.

– Вы же не раскроете ей тайну?

Она покачала головой.

– Не раскроем, Дэвид. Что касается доктора Уилбур, в этом точно не будет необходимости.

Утро воскресенья 12 марта выдалось холодным и солнечным. Берни Явич вылез из машины и зашел в тюрьму с крайне странным предчувствием. Он как прокурор еще ни разу не присутствовал на психиатрической экспертизе подсудимого. Явич несколько раз перечитал и отчет Юго-западного центра, и полицейские отчеты, но совершенно не представлял, чего именно ждать.

Он просто не мог поверить в то, что все эти выдающиеся специалисты всерьез говорят о расщеплении личности. То, что посмотреть на Миллигана приехала сама Корнелия Уилбур, на него не произвело особого впечатления. Она верит в эту болезнь и ищет ее всюду. Следить надо будет за доктором Джорджем Хардингом. По мнению Явича, это самый уважаемый психиатр штата Огайо, он разоблачит любое притворство. Многие ведущие прокуроры, не отличающиеся особым уважением к показаниям психиатров, когда те говорят о невменяемости преступников, отмечают, что доктор Хардинг-младший – единственное исключение.

Собравшись, все расположились в обычной большой комнате со складными стульями, доской и столом, где на пересменку собирались полицейские.

Явич поздоровался с доктором Стеллой Кэролин и Шейлой Портер, социальным работником из Юго-западного центра, его также представили докторам Уилбур и Хардингу.

Потом открылась дверь, и прокурор впервые увидел самого Билли Миллигана. Рядом с ним находилась Джуди Стивенсон, она держала подзащитного за руку. Перед ними шла Дороти Тернер, за ними – Гэри. Они вошли, и Миллиган, увидев такое количество людей, оробел.

Дороти Тернер представила всех вошедших и посадила Миллигана ближе к Корнелии Уилбур.

– Доктор Уилбур, – тихонько сказала она, – это Дэнни.
– Здравствуй, Дэнни, приятно познакомиться. Как дела?
– Нормально, – ответил он, прижимаясь к руке Дороти.
– Я понимаю, что тут полно незнакомых людей и ты нервничаешь, но мы собрались, чтобы тебе помочь, – постаралась успокоить его Уилбур.

Они расселись, Швайкерт наклонился к Явичу и прошептал:

– Если ты не согласишься в то, что увидишь, я сдам лицензию.

Уилбур начала расспрашивать Миллигана, и Явич расслабился. Она напоминала ему симпатичную энергичную мамашу с ярко-рыжими волосами и насыщенно красной помадой. Дэнни ответил на ее вопросы, рассказал об Артуре, Рейджене, Аллене.

Корнелия Уилбур повернулась к Явичу:

– Понимаете, для множественной личности характерна готовность рассказывать о том, что случилось с другими, но не с ним самим.

Задав еще несколько вопросов и получив на них ответы, психиатр обратилась к Джорджу Хардингу:

– Яркий пример истерико-невротической диссоциации.

Дэнни посмотрел на Джуди и сказал:

– Она ушла из пятна.

Джуди улыбнулась и прошептала ему:

– Нет, Дэнни, у нее все происходит по-другому.

– Наверняка у нее внутри много народу, – настаивал Дэнни. – Со мной она так разговаривает, а потом начинает по-другому и такими умными словами, как Артур.

– Жаль, судья Флауэрс сейчас не с нами, – посетовала Уилбур. – Я понимаю, что происходит с этим человеком. И что ему нужно.

Дэнни мотнул головой и с возмущением уставился на Дороти Тернер.

– Вы ей сказали! Вы же обещали, но не сдержали слово.

– Нет, Дэнни, – ответила ему Тернер, – я ничего не говорила. Доктор Уилбур сама поняла, потому что встречала таких, как ты, и раньше.

Корнелия Уилбур мягким, но уверенным голосом успокоила Дэнни, глядя ему в глаза. Она коснулась своего лба рукой, и на ее пальце сверкнуло кольцо с бриллиантом, отразившееся в его глазах.

– Дэнни, ты совершенно расслаблен и чувствуешь себя хорошо. Тебя ничего не беспокоит. Успокойся. Можешь говорить и делать что хочешь.

– Я хочу уйти, – ответил Дэнни, – из пятна.

– Дэнни, мы согласны с каждым твоим желанием. Вот что. Когда ты уйдешь, я бы хотела поговорить с Билли. С тем Билли, который родился с этим именем.

Он пожал плечами.

– Я не могу заставить Билли выйти. Он спит. Только Артур и Рейджен могут его разбудить.

– Ну, тогда передай Артуру с Рейдженем, что я хочу поговорить с Билли. Это очень важно.

Взгляд Дэнни стал пустым. Изумление Явича все росло. Потом Миллиган зашевелил губами, тело резко дернулось, распрямившись, и он стал оглядываться по сторонам, словно ничего не понимая. Поначалу он молчал, а потом попросил сигарету.

Доктор Уилбур отреагировала на просьбу, он уселся, и Джуди Стивенсон шепотом сообщила Явичу, что сигареты курит только один из них – Аллен.

Уилбур снова представила тех присутствующих, с кем Аллен еще не был знаком, и Явич поразился, насколько Миллиган переменился, расслабился, стал общительным. Он часто улыбался, много, быстро и открыто говорил, совершенно не напоминая стеснительного Дэнни, похожего на маленького мальчика. Аллен рассказал, чем увлекается: играет на пианино и ударных, а еще рисует, в основном портреты. Ему восемнадцать лет, любит бейсбол, хотя Томми, наоборот, эту игру ненавидит.

– Хорошо, Аллен, – сказала Уилбур, – я бы теперь пообщалась с Артуром.

– Ну ладно, – согласился Аллен, – но погодите, я...

Шокированный Явич наблюдал за тем, как Аллен сделал пару быстрых и глубоких затяжек, а потом ушел. Такая мелочь, эти затяжки, показались ему абсолютно спонтанным поступком, после которого должен был появиться Артур, который не курит.

Снова взгляд подернулся пеленой, задрожали веки. Потом Миллиган открыл глаза, отстранился, высокомерно осмотрел окружающих, сложил кончики пальцев, сделав пирамидку из ладоней. И заговорил с благородным британским акцентом.

Явич слушал, нахмурившись. Он понимал, что с Уилбур разговаривает совершенно другой человек. Взгляд и жесты очевидно отличали его от Аллена. У Явича был друг из Англии, адвокат из Кливленда, так что его поразило и сходство в их речи – акцент казался настоящим.

– Полагаю, я с собравшимися не знаком, – начал Артур.

Его представили всем по очереди, Явичу казалось глупым здороваться с Артуром так, словно он только что вошел. Когда Уилбур задала Артуру вопрос об остальных, он рассказал, кто какую роль выполняет, кому можно, а кому нельзя выходить в пятно. Наконец, доктор Уилбур снова сказала, что должна поговорить с Билли.

– Будить его очень опасно, – ответил Артур. – Вы же знаете, у него суицидальные наклонности.

– Необходимо, чтобы его увидел доктор Хардинг. От этого может зависеть исход слушания. Либо свобода и лечение, либо тюрьма.

Артур задумался, поджав губы.

– Ну, вообще-то, не мне это решать. Поскольку мы находимся в тюрьме – то есть во враждебной обстановке, – главенствует Рейджен, и окончательное решение о том, кто выйдет в пятно, принадлежит ему.

– Какую роль Рейджен играет в вашей жизни? – поинтересовалась доктор.

– Он наш защитник и хранитель ненависти.
– Хорошо, – напористо сказала доктор Уилбур. – Я должна поговорить с Рейдженем.

– Мадам, я рекомендую...

– Артур, у нас не так много времени. Все эти занятые люди пожертвовали утром воскресенья, чтобы собраться и оказать вам помощь. Рейджен должен дать согласие на то, чтобы к нам вышел Билли.

Лицо Миллигана снова утратило какое-либо выражение, он смотрел в пустоту, как в трансе. Губы шевелились, словно он вел какой-то внутренний неслышимый разговор. Потом напряглась челюсть, лоб сильно нахмурился.

– *Невозможно*, – прорычал голос с сильным славянским акцентом.

– В каком смысле? – спросила Уилбур.

– Невозможно говорить с Билли.

– А вы кто?

– Рейджен Вадасковинич. Кто эти люди?

Доктор Уилбур снова всех представила, а Явич опять поразился перемене и привлекающему внимание славянскому акценту. Он расстроился, что не знает ни одного выражения на сербохорватском, чтобы проверить, понимает ли Рейджен язык или только говорит с акцентом. Ему хотелось бы, чтобы это проверила хотя бы доктор Уилбур. Но выказать это желание вслух он не мог, потому что всех попросили молчать, лишь представляться.

Доктор Уилбур снова обратилась к Рейджену:

– Откуда вы узнали, что я хотела поговорить с Билли?

Рейджен кивнул с некой радостью в глазах.

– Артур спрашивать мое мнение. А я возражаю. Я защитник, и мое право – решать, кто идет на пятно. Невозможно, чтобы вышел Билли.

– Почему?

– Вы доктор, да? Скажу так. Невозможно потому, что Билли проснется и убьет себя.

– Почему вы так уверены?

Он пожал плечами.

– Когда Билли на пятне, он всегда думает, что сделал плохо, и пытается себя убивать. А я за это отвечаю. И я говорю «нет».

– За что вы отвечаете?

– Защита всех, особенно маленьких.

– Ясно. И вы всегда справлялись со своими обязанностями? Маленькие ни разу не страдали, не испытывали боль, потому что вы их

защищали в любой ситуации?

– Не совсем так. Дэвид чувствует боль.

– И вы *допускаете* это?

– Это его цель.

– То есть вы, большой сильный мужчина, позволяете ребенку переживать столько боли и страданий?

– Доктор Уилбур, не я...

– Рейджен, вам должно быть стыдно. И я не думаю, что вы можете брать на себя такую власть. Я – врач, я уже лечила пациентов, похожих на вас. И, думаю, лучше *мне* решить, можно ли выходить Билли, – я однозначно не из тех, кто позволит беззащитному ребенку брать на себя всю боль, когда можно облегчить его страдания.

Рейджен заерзал на стуле; вид у него был смущенный и виноватый. Он пробормотал, что она совершенно неправильно понимает ситуацию, но доктор Уилбур продолжала, мягко, но весьма настойчиво.

– Ладно! – согласился он. – Вы берете ответственность. Но сначала мужчины уходить из комнаты. Билли боится их после того, что делал ему отец.

Гэри, Берни Явич и доктор Хардинг с готовностью поднялись, но слово взяла Джуди:

– Рейджен, надо разрешить доктору Хардингу остаться и увидеть Билли. Доверься мне. Доктор Хардинг очень заинтересовался медицинским аспектом вашего случая, надо позволить ему остаться.

– А мы выйдем, – сказал Гэри, указывая на себя и Явича.

Рейджен осмотрелся, оценивая обстановку.

– Разрешаю, – сказал он, указывая на стул в самом дальнем углу этой большой комнаты. – Но он должен сидеть там. Все время.

Джордж Хардинг вяло улыбнулся, ему было тревожно. Но он кивнул и сел в углу.

– И не двигаться! – добавил Рейджен.

– Хорошо.

Гэри с Явичем вышли в коридор.

– Основную личность, Билли, я сам никогда не видел. Не знаю, выйдет ли он. Но что скажешь о том, что уже увидел? – поинтересовался Гэри.

Явич вздохнул.

– Сначала я был настроен крайне скептически. А теперь не знаю, что и думать. Но мне не кажется, что он притворяется.

Оставшиеся в комнате с Миллиганом стали свидетелями того, как он поблел, его взгляд обратился вовнутрь. Губы начали подрагивать, как

бывает у человека, разговаривающего во сне.

Вдруг глаза распахнулись.

– Боже! – воскликнул он. – Я думал, что умер!

Он дернулся. Увидев, что на него смотрят люди, Миллиган вскочил со стула, упал на пол и на четвереньках пополз к противоположной стене, подальше ото всех, втиснулся между пустых стульев, съежился, зарыдал.

– Что я наделал на этот раз?

– Ты ничего плохого не сделал. Тебе не из-за чего переживать, – нежно, но уверенно сказала Корнелия Уилбур.

Миллиган дрожал и вжимался в стену, как будто пытаюсь просочиться сквозь нее. Волосы упали на глаза, но он и не попытался убрать их.

– Билли, ты, наверное, не знаешь об этом, но мы все собрались, чтобы тебе помочь. Встань, пожалуйста, с пола, сядь на стул – и поговорим.

Всем было ясно, что Уилбур прекрасно владеет ситуацией и знает, что делает, что она умеет добиться от Миллигана нужной реакции.

Он встал, сел на стул, хотя у него прыгали колени, да и все тело тряслось.

– Я не умер?

– Билли, ты живее всех живых. Мы в курсе, что у тебя проблемы и что тебе нужна помощь. Да?

Он кивнул, широко распахнув глаза.

– Билли, ты недавно пытался разбить голову о стену. Зачем?

– Я думал, что умер, – повторил он. – А потом вдруг проснулся в тюрьме.

– А что было перед этим?

– Я пошел на крышу в школе. Больше не хотел с врачами общаться. Доктор Браун из Центра психического здоровья Ланкастера меня не вылечил. И я думал, что спрыгнул. Почему я не мертв? Кто вы все такие? Почему вы так на меня смотрите?

– Тут врачи и адвокаты, Билли. Мы собрались, чтобы тебе помочь.

– Врачи? Папа Чел меня убьет, если я буду с вами разговаривать.

– Но почему?

– Не хочет, чтобы я рассказывал, что он со мной делал.

Уилбур вопросительно посмотрела на Джуди Стивенсон.

– Это его приемный отец, – пояснила Джуди. – Но его мать развелась с Челмером Миллиганом шесть лет назад.

Билли в ошеломлении вылупил глаза.

– Развелась? Шесть лет назад? – Он поднес руку к лицу, словно проверяя, действительно ли все это происходит. – Как такое возможно?

– Билли, нам надо о многом поговорить, – сказала Уилбур. – Сложить мозаику, в которой не хватает многих элементов.

Он начал неистово вертеть головой.

– Как я сюда попал? Что происходит? – Миллиган зарыдал и начал раскачиваться взад-вперед.

– Билли, я понимаю, что ты устал. Можешь пойти отдохнуть.

Он резко перестал плакать. Насторожился, хотя по-прежнему пребывал в смятении. Потом дотронулся до мокрой щеки и нахмурился.

– Что там происходит? Кто это был? Я слышал плач, но не понял, откуда он. Боже, кем бы он ни был, он же собирался броситься о стену. Кто это?

– Билли, – ответила Уилбур. – Настоящий Билли, иногда таких называют «первичной» или «ключевой» личностью. А ты кто?

– Я не в курсе, что Билли выпустили. Меня не предупредили. Я Томми.

Гэри и Берни Явичу разрешили вернуться. Собравшимся представили Томми, задали ему несколько вопросов и отвели обратно в камеру. Когда Явич услышал о том, что случилось в их отсутствие, он покачал головой. Все это казалось таким нереальным – словно в тело Миллигана вселялись какие-то духи или демоны.

– Не знаю, что это все означает, но, полагаю, я на вашей стороне. Не похоже, что он играет, – сказал он, обращаясь к Гэри с Джуди.

Только доктор Джордж Хардинг ничего не сказал, точнее, сказал лишь, что сделает окончательное заключение позже, поскольку ему надо обдумать увиденное и услышанное. Но он обещал высказать свое мнение судье Флауэрсу в письменной форме на следующий день.

8

Расс Хилл, врач, поднявшийся с Томми в его камеру, понятия не имел, что с ним не так. Он лишь знал, что этого молодого человека часто посещают доктора и адвокаты, что он очень переменчив и хорошо рисует. Через несколько дней после того воскресенья он, проходя мимо камеры Миллигана, как раз застал его за этим занятием. Заглянув через решетку, он увидел детские каракули с какой-то подписью печатными буквами.

К нему подошел охранник и засмеялся.

– Ха, да мой двухлетний ребенок рисует лучше, чем этот чертов насильник.

– Отстань от него, – сказал Хилл.

У охранника в руках был стакан воды, и он плеснул через решетку, намочив рисунок.

– Зачем ты так? – спросил Хилл. – Дурак, что ли?

Но тут охранник заметил выражение лица Миллигана и отошел от решетки. Это была несомненная ярость. Он, казалось, искал что-нибудь, чем швырнуть в охранника. Вдруг Билли схватился за унитаз, вырвал его и бросил в решетку, разбив на куски.

Охранник попятился, потом побежал и нажал кнопку сигнала тревоги.

– Ох, Миллиган, – сказал Хилл.

– Он полил рисунок Кристин. Плохо портить работу ребенка.

В коридор ворвались шестеро полицейских, но Миллиган к этому времени уже сидел на полу с изумлением на лице.

– Сукин сын, ты за это заплатишь, – заорал охранник, – это государственная собственность.

Томми сел к стене, завел руки за голову и высокомерно ответил:

– Да плевал я на эту государственную собственность.

В письме судье Флауэрсу, датированном 13 марта 1978 года, доктор Джордж Хардинг-младший написал: «На основании проведенной встречи считаю, что Уильям С. Миллиган не компетентен предстать перед судом, поскольку он не в состоянии оказывать содействие адвокатам в целях собственной защиты. Помимо этого, ему недостает эмоциональной интеграции для того, чтобы давать показания, предстать перед обвинением и в целом присутствовать в суде, кроме как чисто физически».

Доктору Хардингу предстояло принять еще одно решение. И Швайкарт, и Явич просили его не только об экспертизе, но и о том, чтобы он взял Миллигана в больницу Хардинга для дальнейшего обследования и лечения.

Решение это далось Джорджу Хардингу нелегко. На него произвел впечатление тот факт, что на встрече присутствовал и сам прокурор Явич – такое случалось крайне редко. Швайкарт с Явичем заверяли, что не просят его занимать позицию защиты или обвинения, поскольку обе эти стороны заранее пришли к соглашению занести отчет доктора Хардинга в судебный протокол с пометкой «по соглашению сторон». А разве можно устоять, когда об одном и том же просят обе стороны?

Как главный врач больницы Хардинга он обратился с этой просьбой к ее администратору и начальнику финансовой службы.

– Мы никогда не отказывались от трудных случаев, – сказал он им. – Больница Хардинга берет не только тех пациентов, которые легко

поддаются лечению.

На основании мнения Джорджа Хардинга, что таким образом можно повысить квалификацию персонала, а также сделать вклад в психиатрию как науку, комитет согласился принять Уильяма Миллигана в свою больницу на три месяца, предписанные судом.

14 марта за Миллиганом пришел Хилл в сопровождении одного полицейского.

– Тебя ждут внизу, – пояснил охранник, – но шериф сказал, что надо надеть смирительную рубашку.

Миллиган не сопротивлялся, и его на лифте привезли на первый этаж.

Там в коридоре его ждали Гэри и Джуди, которым не терпелось рассказать своему клиенту радостные новости. Когда открылась дверь лифта, Расс Хилл и охранник уставились на Миллигана с раскрытым ртом – он снял смирительную рубашку, освободившись почти полностью.

– Невероятно, – удивился охранник.

– Я же сказал, этим меня не удержать. Как и вообще ни в тюрьме, ни в больнице.

– Томми? – спросила Джуди.

– Да, черт возьми! – фыркнул он.

– Иди сюда, – сказал Гэри, затаскивая его в переговорную. – Надо поговорить.

Томми вырвал руку.

– В чем дело?

– У нас хорошие новости, – ответила Джуди.

– Доктор Джордж Хардинг предложил поместить тебя в больницу Хардинга для наблюдения и лечения перед судом, – сказал Гэри.

– И что это значит?

– Возможны два варианта, – объяснила Джуди. – Либо тебя в какой-то момент сочтут в состоянии предстать перед судом и назначат время, либо скажут, что ты уже не будешь способен пройти через судебный процесс, и тогда обвинения будут сняты. Прокурор согласен, судья Флауэрс отдал приказ на следующей неделе перевести тебя отсюда в больницу Хардинга. На одном условии.

– Вечно какие-то условия, – ответил Томми.

Гэри подался вперед и уперся в стол указательным пальцем.

– Доктор Уилбур сказала судье, что множественные личности держат обещания. Она понимает, насколько важным это будет для всех вас.

– И?

– Судья говорит, что тебя можно отправить в больницу прямо сейчас, если ты поклянешься, что не будешь пытаться оттуда сбежать.

Томми сложил на груди руки.

– Черт. Этого я не обещаю.

– Но надо! – закричал Гэри. – Бог ты мой, мы работали как проклятые, чтобы тебя не вернули в Лайму, а ты теперь вот так?

– Ну, просто это неправильно, – ответил Томми. – Это мой главный талант. Основной повод меня выпускать. А меня лишают права им пользоваться.

Гэри так вцепился в собственные волосы, словно хотел их выдрать.

Джуди положила руку Томми на плечо.

– Томми, ты должен это пообещать. Если не ради себя, то хотя бы ради детей. Ради малышей. Ты же понимаешь, что здесь им плохо. А в больнице о них позаботятся.

Юноша опустил руки, уставился в стол, и Джуди поняла, что нашла верный подход. Она к этому времени уже поняла, что все личности сильно любят младшеньких и чувствуют за них ответственность.

– Ладно, – неохотно выдавил он, – обещаю.

Томми не сказал, что когда только услышал, что его могут перевести обратно в Лайму, купил у надежного человека лезвие. И на момент разговора оно было приклеено к подошве левой ноги. Признаваться в этом причин не было – его же не спрашивали. Он уже давно выучил правило: когда тебя переводят из одного казенного дома в другой, всегда бери с собой оружие. Он не будет пытаться бежать, потому что обещал, но хотя бы сможет защититься от изнасилования. Или отдаст Билли, чтобы тот перерезал себе горло.

За четыре дня до назначенного перевода в больницу Хардинга в камеру Миллигана пришел сержант Уиллис. Он хотел, чтобы Томми показал ему, как снимает смирительную рубашку.

Юноша хмуро смотрел на поджарого полицейского; тот уже начал лысеть, и смуглое лицо обрамляли седые волосы.

– Зачем мне это?

– Тебя все равно отсюда переводят, – ответил Уиллис. – А я еще не настолько стар и не откажусь узнать что-нибудь новенькое.

– Сержант, вы ко мне хорошо относились, но я так с полпинка свои секреты не выдаю.

– Ну, например, ты этим мог бы помочь спасти кому-нибудь жизнь.

Перед этим Томми отвернулся, но теперь снова посмотрел на

полицейского – с любопытством.

– Как это?

– Я знаю, что ты не больной. Но у нас тут есть больные. На них мы надеваем рубашки в целях защиты. Если они их снимут, то покончат с собой. А если ты покажешь, как это сделал, мы что-нибудь придумаем, чтобы этого не могли другие. И люди будут спасены.

Томми пожал плечами, делая вид, что это его не интересует.

Но на следующий день он показал Уиллису, как это делается. И как надеть рубашку так, чтобы ее ни за что было не снять.

Поздним вечером того же дня Джуди позвонила Дороти Тернер.

– Есть еще одна, – сказала Тернер.

– Кто?

– Еще одна личность, о которой мы не знали. Девятнадцатилетняя девушка Адалана.

– Боже! – прошептала Джуди. – Значит, их десять.

Дороти рассказала, как только что ходила в тюрьму и увидела, что Миллиган сидит на полу и очень нежно рассказывает о том, как нуждается в любви. Дороти села рядом, утешила, вытерла слезы. И «Адалана» поведала ей, что тайком пишет стихи. Плача, она призналась, что может по своему желанию убрать человека из пятна. И до настоящего момента о ее существовании было известно лишь Артуру и Кристине.

Джуди попыталась вообразить себе это: Дороти сидит на полу, обнимает Миллигана.

– А почему она сейчас решила показаться? – поинтересовалась Джуди.

– Адалана винит себя в том, что случилось с мальчиками, – ответила Дороти. – Это она украла время у Рейджена, когда произошли изнасилования.

– Что?

– Адалана сказала, что сделала это от отчаяния: ей очень хотелось, чтобы ее обнимали, ласкали, любили.

– Значит, Адалана...

– Она лесбиянка.

Повесив трубку, Джуди еще очень долго смотрела на телефон. Муж поинтересовался, что ей такого рассказали. Она уже было раскрыла рот, чтобы ответить, но лишь покачала головой и выключила свет.

Глава третья

1

Билли Миллигана перевели из окружной тюрьмы Франклина в больницу Хардинга на два дня раньше назначенного срока, утром 16 марта. Доктор Джордж Хардинг к тому времени собрал команду терапевтов, которым предстояло заниматься новым пациентом, и ввел их в курс дела, но сам во время преждевременного приезда больного находился на рабочей встрече в Чикаго.

Джуди Стивенсон с Дороти Тернер поехали вслед за полицейской машиной до больницы. Они понимали, насколько ужасным будет возвращение Дэнни в тюрьму. Доктор Шумейкер, штатный врач, пообещал лично наблюдать за пациентом до приезда доктора Хардинга, и заместитель шерифа передал ему заключенного.

Джуди и Дороти пошли вместе с Дэнни в Уэйкфилд-коттедж, психиатрическое отделение закрытого типа, рассчитанное на четырнадцать острых пациентов, которым требуется постоянное наблюдение и повышенное внимание. Для Миллигана подготовили кровать в одной из двух палат «повышенного внимания». Палата закрывалась на тяжелую дубовую дверь с окошком, которое позволяло вести круглосуточное наблюдение. Санитар (которых в больнице Хардинга называли психотехниками) принес поднос с обедом, Дэнни принялся за еду, а женщины остались с ним.

После обеда к ним подошел доктор Шумейкер и три медсестры. Тернер, которая считала крайне важным, чтобы персонал увидел, как проявляется синдром множественной личности, предложила Дэнни позвать Артура, чтобы он мог познакомиться с людьми, которым предстоит с ним работать.

Сестра Эдриен Маккен, координатор отделения, входила в группу терапевтов, которой предстояло работать с Миллиганом, и знала, о чем идет речь, но для двух других сестер это было полнейшей неожиданностью.

Донне Эгар, матери пяти дочерей, было трудно справиться с эмоциями, охватившими ее при встрече с «насильником из кампуса». Она пристально наблюдала за маленьким мальчиком, потом взгляд у него застыл, как в трансе, губы беззвучно зашевелились во внутреннем диалоге.

Когда Миллиган, наконец, поднял глаза, взгляд его был строгим и даже высокомерным. Он заговорил с британским акцентом.

Донна с трудом сдерживалась, чтобы не засмеяться, поскольку ни Дэнни, ни Артур не убедили ее в собственной реальности – скорее это лишь гениальный актер, стремящийся избежать тюрьмы. Но все равно ее интересовала личность Билли Миллигана, и хотелось понять, что за человек может вести себя, как он.

Дороти и Джуди поговорили с Артуром, заверив, что он в безопасности. Дороти пообещала, что вскоре зайдет, чтобы провести несколько психологических тестов. Джуди с Гэри тоже собирались время от времени навещать Миллигана, чтобы обсуждать подробности по его делу.

Психотехник Тим Шепард каждые пятнадцать минут заглядывал к новому пациенту через окошко и делал записи:

«5:00. Тихо сидит на кровати, скрестив ноги.

5:15. Сидит на кровати, скрестив ноги, смотрит перед собой.

5:31. Стоит, смотрит в окно.

5:45. Подали ужин.

6:02. Сидит на краю кровати, смотрит перед собой.

6:07. Забрали поднос, поел хорошо».

В семь пятнадцать Миллиган начал ходить.

В восемь зашла сестра Хелен Йегер, провела с ним сорок минут. Первая сделанная ей запись о пациенте была краткой:

«16.03.78. Мистер Миллиган остается в отделении повышенного внимания – за ним ведется пристальное наблюдение в целях особой предосторожности. Разговаривали о его множественных личностях. Почти все время со мной общался “Артур” – с английским акцентом. Заявил, что одна из личностей, Билли, склонен к суициду и спит с 16 лет – таким образом других защищают от потенциального вреда. Ест хорошо. Испражняется регулярно. Пищевых реакций не наблюдается. В общении приятный».

Когда медсестра Йегер ушла, Артур тихонько сообщил остальным, что в этой больнице безопасно и хорошо. Поскольку для помощи врачам в лечении необходим разум и логика, то теперь он, Артур, будет полностью контролировать пятно.

В два двадцать пять ночи психотехник Крис Кэн услышал доносившийся из палаты громкий шум. Он подошел посмотреть и увидел, что пациент сидит на полу.

Томми расстроился, что упал с кровати. Через несколько секунд он услышал шаги и увидел, что на него смотрят. Как только шаги удалились, Томми снял лезвие с ноги и хорошенько его припрятал, приклеив снизу ко дну кровати. Когда придет время, он достанет его оттуда.

2

Доктор Джордж Хардинг, вернувшийся из Чикаго 19 марта, остался недоволен тем фактом, что его тщательно продуманный план оказался нарушен преждевременным переводом. Он собирался лично встретить Миллигана. Доктор Хардинг вложил много сил в то, чтобы собрать терапевтическую команду, состоявшую из психолога, специалиста по арт-терапии, второго терапевта, социального работника, занимающегося пациентами психиатрических клиник, врачей, медсестер, психотехников и координатора отделения Уэйкфилд. С ними он уже обсудил сложности, связанные с диссоциативным расстройством личности. Когда кто-то открыто признавал, что не верит в этот диагноз, Хардинг внимательно выслушивал, делился собственными сомнениями и просил помочь выполнить приказ суда. Предупредил, что всем лучше относиться к данному пациенту непредвзято и совместно попытаться понять природу Уильяма Стэнли Миллигана.

На следующий день после возвращения доктора Хардинга доктор Перри Айрес изучил состояние физического здоровья пациента. В медицинской карте он написал, что Миллиган часто шевелил губами и скашивал глаза вправо, как правило, перед ответом на какой-либо вопрос. Когда врач спросил, зачем он так делает, тот ответил, что совещается с другими, особенно с Артуром, чтобы правильно ответить.

– Но вы зовите нас Билли, – попросил Миллиган, – чтобы никто не подумал, что мы сумасшедшие. Я Дэнни. А анкету заполнял Аллен. Но я про других не должен рассказывать.

Доктор Айрес процитировал это в своем отчете, добавив следующее:

«Изначально мы договорились, что постараемся вести речь исключительно о Билли, с учетом того что информацию о здоровье всех личностей будет предоставлять нам Дэнни. Но поскольку ему не удалось

придерживаться этого соглашения, стали известны и другие имена. Единственное заболевание, о котором он помнит, – это грыжа, удаленная, когда Билли было девять лет, – “Дэвиду всегда девять”, и именно он проходил через это. Аллен страдает туннельным зрением, у остальных оно нормальное...

Примечание: прежде чем начать осмотр, я детально объяснил ему, что именно буду делать. Я подчеркнул, что обязательно надо посмотреть на место иссечения грыжи, а также провести ректальное исследование, чтобы проверить состояние предстательной железы по причине наличия гноя в моче (пиурия). Он очень разволновался, губы и глаза быстро задвигались, видимо, он обсуждал это с остальными. Потом обеспокоенно, но вежливо он ответил, что “от этого может стать хуже Билли и Дэвиду, потому что когда они жили на ферме, Челмерс четырежды изнасиловал их. Челмерс – это наш отчим”. В этом же разговоре пациент добавил, что женщина, которую в семейной истории Билли называют его матерью, “не моя мать – я своей матери не знаю”».

Розали Дрейк и Ник Чикко, терапевты, работающие в Уэйкфилд-коттедже с мини-группами, общались с Миллиганом ежедневно – больше всех остальных. Каждый день в десять часов утра и в три часа дня семь-восемь пациентов отделения собирались вместе и занимались каким-либо делом.

21 марта Ник вывел Миллигана из его палаты повышенного внимания, которая к этому времени уже запиралась лишь на ночь, в комнату, предназначенную для групповой работы. Стройный двадцатисемилетний психотехник с большой бородой и двумя сережками в левом ухе (одна – тоненькое золотое кольцо, вторая – с нефритом) знал, что Миллиган не любит мужчин из-за пережитого в детстве насилия. Расстройство множественной личности Ника интересовало, но относился он к этому диагнозу скептически.

Розали, голубоглазая блондинка под тридцать, специалист по трудотерапии, столкнулась с множественной личностью впервые. Но после рассказа доктора Хардинга о новом пациенте она заметила, что весь персонал мгновенно разделился на два лагеря: те, кто верил в расщепление личности Миллигана, и те, кто считал его мошенником, который лишь изображал редкое заболевание, чтобы не сесть в тюрьму за совершенные изнасилования. Розали изо всех сил старалась не принимать поспешных решений.

Когда Миллиган расположился за угловым столом, подальше от остальных, Розали Дрейк сообщила ему о принятом накануне общем

решении: вся группа будет делать коллажи, которыми участники хотят рассказать что-нибудь о себе какому-то любимому человеку.

– Мне делать некому, я никого не люблю, – ответил он.

– Тогда сделай для нас, – предложила Розали. – Все будут участвовать, – она взяла в руки лист картона, – и мы с Ником тоже.

Она стала присматривать за ним издали. Миллиган взял лист формата А4 и принялся вырезать из журналов фотографии. Розали уже слышала, что он талантлив, поэтому, наблюдая за тихим стеснительным пациентом, с нетерпением ждала, что же у него получится. Работал он молча и умиротворенно. Когда он закончил, Розали подошла посмотреть.

Коллаж ее поразил. Посередине листа оказался перепуганный и заплаканный ребенок, смотревший прямо на нее, а под ним стояла подпись «Моррисон». Над мальчиком нависал какой-то злой человек, рядом с ним было приклеено красное слово «опасность», а в правом нижнем углу – череп.

Розали тронула простота послания и эмоциональная глубина работы. Розали ни о чем подобном не просила и не ждала. Ей показалось, что коллаж демонстрирует очень болезненное прошлое. Когда она смотрела на него, у нее по коже бежали мурашки, и она поняла, что попалась. Коллеги могут сомневаться, но это точно не произведение бесчувственного социопата. Ник Чикко с ней согласился.

Доктор Джордж (которого так называли коллеги и пациенты, чтобы не путать с отцом, доктором Джорджем Хардингом-старшим) изучил публикации по теме в специализированных журналах и выяснил, что расстройство множественной личности в последнее время стало встречаться чаще. Помимо этого, он обзвонил нескольких психиатров, и все они заявили буквально одно и то же: «Мы готовы рассказать все, что знаем, но информации у нас мало, мы многого еще не понимаем. По большей части вам придется разбираться самому».

Доктор Джордж понял, что придется затратить куда больше времени и сил, чем он предполагал изначально, и усомнился в правильности своего решения принять пациента – ведь они как раз затеяли сбор средств на расширение больницы. Но он утешал себя тем, что это важно для Билли Миллигана, для психиатрии, для расширения границ известного о человеческой психике.

Прежде чем Хардинг напишет заключение для суда, ему предстояло побольше разузнать о жизни Билли Миллигана. С учетом обширной амнезии пациента это представлялось серьезной проблемой.

В четверг 23 марта Гэри Швайкарт и Джуди Стивенсон пришли к своему клиенту на час, в течение которого он пересказал им свои скудные воспоминания о происшедшем. Адвокаты сопоставили его рассказ с тем, что говорили три жертвы, и продумали альтернативные стратегии защиты, которые будут зависеть от того, что доктор Хардинг напишет для суда.

Оба адвоката отметили, что Миллиган казался более спокойным, хотя и выражал недовольство тем, что его заперли в отделении повышенного внимания и заставляют носить «особую безопасную одежду».

– Доктор Джордж говорит, чтобы ко мне относились как к остальным пациентам, но никто тут мне не доверяет. Другим можно ездить в фургоне на экскурсии, а мне – нет. Я вынужден сидеть здесь. И меня бесит, что они так настойчиво зовут меня Билли.

Гэри и Джуди постарались успокоить Миллигана, объяснить, что доктор Джордж и так сильно рискнул, взяв его в свою больницу, и теперь вынужден соблюдать осторожность и не испытывать терпение других врачей. Джуди решила, что разговаривает с Алленом, но не спросила, поскольку боялась, что он обидится, когда поймет, что она его не узнает.

– Думаю, тебе лучше быть со здешним персоналом заодно. Это твой единственный шанс не попасть в тюрьму, – добавил Гэри.

Уходя, оба они облегченно пришли к выводу, что Миллиган теперь в безопасности и с их плеч временно свалились повседневные заботы и обязанности.

В тот же день состоялась первая терапевтическая сессия; эти сорок пять минут показались доктору Хардингу непростыми. Миллиган сидел в кабинете в Уэйкфилде на стуле лицом к окну, поначалу избегая зрительного контакта. Казалось, он помнит о своем прошлом очень мало, зато он свободно говорил о том, как издевался над ним отчим.

Доктор Хардинг осознал, что выбрал чрезмерно осторожный подход. Доктор Уилбур рекомендовала ему как можно скорее разобраться в том, сколько у пациента личностей, и установить, что это за люди. Надо попросить их рассказать о причинах их существования и дать им возможность пережить момент их появления.

Затем следовало подвести личностей к знакомству, к общению, чтобы они начали помогать друг другу в решении различных проблем, делиться опытом и переживаниями, а не разъединяться. По словам Уилбур, стратегия заключается в том, чтобы объединить личностей, после чего ознакомить Билли, ядро, с воспоминаниями, связанными с их появлением. И, наконец, попытаться произвести слияние. И хотя искушение испробовать этот

подход было очень велико – ведь доктор Уилбур так ловко вызывала различные личности Миллигана на встрече в тюрьме, – Джордж Хардинг был уже терапевтом опытным и давно понял, что методы, которыми успешно пользуются коллеги, не всегда эффективны в его исполнении. Он себя считал человеком консервативным и решил разбираться самостоятельно. И в свое время ему станет понятно, с чем он имеет дело.

Время шло, и сестра Донна Эгар заметила, что у нее с Миллиганом сложились довольно доверительные отношения. Он очень мало спал, куда меньше, чем большинство пациентов, рано вставал и много разговаривал с Донной. Он поведал ей, кто еще живет в его теле.

Как-то пациент подал ей исписанный листок с подписью «Артур».

– Но я никого по имени «Артур» не знаю и не понимаю, что тут написано, – испуганно признался он.

Вскоре персонал больницы начал жаловаться доктору Джорджу, что работать с человеком, который постоянно говорит «Я этого не делал, это был кто-то другой», становится все сложнее, ведь они видели все собственными глазами. По их словам, Миллиган подрывал лечение остальных пациентов, манипулировал персоналом, переходя от одного к другому, чтобы добиться желаемого. А еще постоянно как бы намекал на то, что может появиться Рейджен и «разобраться», – и им виделась в этом завуалированная угроза.

Доктор Джордж предложил, что с множественными личностями Миллигана будет разбираться исключительно он сам, и то только во время терапевтических сессий. А персонал больницы не должен ни упоминать его других имен, ни обсуждать его на территории отделения, в особенности в присутствии других пациентов.

Хелен Йегер, сестра, беседовавшая с Артуром в день его прибытия, 28 марта записала в журнале для медсестер план терапии:

«В течение месяца мистер Миллиган должен взять на себя ответственность за свои поступки, за которыми его застали другие, перестав их отрицать.

План

1. Когда пациент будет отрицать, что умеет играть на пианино, персонал должен говорить, что видели или слышали, как он играет, спокойно констатируя этот факт.

2. При появлении рукописных текстов, которые пациент не признает, персонал должен говорить, что видели, как он их писал.

3. Если пациент будет говорить о себе как о другом человеке, персонал

должен напоминать ему, что его зовут Билли».

В ходе терапии доктор Джордж объяснил Аллену свой подход, обратив внимание на то, что остальных пациентов отделения смущают имена других личностей.

– Но кто-то называет себя Наполеоном или Иисусом Христом, – возразил Аллен.

– В твоём случае речь о другом, и в это оказывается вовлечен персонал – сегодня ты у них Дэнни, завтра Рейджен, или Томми, или Аллен. Так что я предлагаю, чтобы в общении с работниками больницы и другими пациентами все твои личности откликались на имя Билли, пока ты...

– Доктор Джордж, это не «личности». Это люди.

– Почему ты проводишь такое различие?

– Когда вы говорите «личности», кажется, что вы не верите в их реальность.

3

8 апреля, через несколько дней после того, как Дороти Тернер начала программу психологического тестирования, Донна Эгар увидела, что Миллиган ходит по своей палате туда-сюда с сердитым видом. Когда она поинтересовалась, что с ним, он ответил с английским акцентом:

– Никто ничего не понимает.

Потом он снова переменялся – и лицо, и стать, и походка, и манера речи, и Донна поняла, что теперь это Дэнни. К этому моменту она уже заметила, что различные личности Миллигана отличаются постоянством в себе и кажутся вполне реальными, так что Донна уже не думала, что он притворяется. Но понимала, что всецело верит ему из всех только она.

Несколько дней спустя он пришел к ней крайне опечаленный. Донна сразу же снова узнала Дэнни. Уставившись на нее, он жалостно спросил:

– Почему я здесь?

– В каком смысле? – спросила она. – В комнате, в доме?

Он покачал головой.

– Некоторые пациенты спрашивали меня, почему меня поместили в эту больницу.

– Может, Дороти Тернер объяснит, когда придет на тестирование.

Вечером того же дня, закончив работу с Дороти Тернер, Миллиган отказался с кем-либо разговаривать. Он убежал к себе и отправился в ванную умыться. Через несколько секунд Дэнни услышал, что дверь в его

комнату сначала открылась, потом закрылась. Выглянув, он увидел одну из пациенток, молодую женщину по имени Дорин. Хотя он зачастую с сочувствием выслушивал ее проблемы и рассказывал о своих, в остальном она его не интересовала.

– Зачем пришла? – спросил Дэнни.

– Хотела с тобой поговорить. Ты из-за чего так расстроился?

– Ты же знаешь, что тебе нельзя сюда заходить, это против правил.

– Но ты кажешься таким грустным.

– Я узнал, что кое-кто наделал. Ужасное. Я не должен жить.

Послышались шаги, затем стук в дверь. Дорин бросилась в ванную и закрыла за собой дверь.

– Зачем ты это делаешь? – строго прошептал он. – У меня еще хуже проблемы будут. Настоящий бардак.

Она захихикала.

– Так, Билли, Дорин! – сказала сестра Йегер. – Выходите оба, когда будете готовы.

9 апреля 1979 года она сделала следующую запись:

«Мистер Миллиган, которого застали в его ванной комнате с пациенткой женского пола – и без света, – на поставленный вопрос ответил, что ему надо было побыть с ней наедине, чтобы обсудить то, что он о себе выяснил. Это было связано с тем, что в ходе сегодняшнего психологического тестирования с миссис Тернер он узнал, что изнасиловал трех женщин. Он много плакал, говорил, что хочет, “чтобы Рейджен и Адалана умерли”. Позвали доктора Джорджа, объяснили инцидент. Помещен в палату повышенного внимания с особыми мерами предосторожности. Через несколько минут пациента застали на постели с поясом от банного халата. Он все еще плакал и сказал, что хотел их убить. После беседы отдал пояс. А до этого завязывал его себе на шее».

По результатам тестирования Дороти Тернер обнаружила значительную разницу в коэффициенте умственного развития личностей:

Таблица стр 111

Кристин была слишком мала для исследования, Адалана не захотела выйти, а Артур делать именно этот тест отказался, заявив, что это ниже его достоинства.

По тесту Роршаха Тернер выявила у Дэнни едва скрываемую враждебность и потребность во внешней поддержке, чтобы не чувствовать себя слишком уж никчемным и неправильным. Томми продемонстрировал

большую зрелость, а также большой потенциал к показным действиям. Он оказался и сильнее всех склонен к шизоидному типу личности, меньше всех заботился о других. Максимальный потенциал к насильственному поведению отмечен у Рейджена.

Артур оказался наиболее мыслящим, и, по мнению Дороти Тернер, удерживать главенствующую позицию ему удавалось именно с помощью интеллекта. Ей также показалось, что у Артура развито ощущение превосходства над окружающим миром как защитная функция, но в то же время он испытывает тревожность и боится эмоциональных ситуаций. Что касалось чувств, Аллен был практически полностью отстраненным человеком.

У личностей наблюдалось и кое-что общее: выраженные женственные признаки, сильное суперэго, которое могло быть подавлено гневом. Свидетельств психоза или шизофрении Дороти Тернер *не* обнаружила.

19 апреля, когда Розали Дрейк с Ником Чикко объявили, что мини-группе предстоит делать упражнения на доверие, Артур выпустил в пятно Дэнни. Предварительно в общей комнате соорудили полосу препятствий из столов, стульев, кушеток и досок.

Зная, что Миллиган боится мужчин, Ник предложил, чтобы с ним работала напарница. Предстояло надеть пациенту на глаза повязку и провести через комнату.

– Билли, давай, – сказала Розали, – только так ты сможешь научиться доверять людям, чтобы жить потом среди них.

Наконец, он позволил ей завязать ему глаза.

– Хорошо, держи меня за руку, – скомандовала она. – Я проведу тебя мимо всех препятствий и буду следить, чтобы ты не ударился.

По мере выполнения упражнения она видела, какой ужас у Дэнни вызывает то, что он не знает, куда идет и на что может наткнуться. Поначалу они двигались очень медленно, потом пошли быстрее, обходя стулья, проползая под столами, поднялись и спустились по лестнице. Понимая, насколько Миллигану страшно, Ник с восхищением смотрел, как он справляется.

– Ну, ты не ударился, мне удалось тебя защитить, да, Билли?

Дэнни кивнул.

– Тебе надо привыкнуть к мысли, что некоторым людям доверять можно. Не всем, разумеется, но кому-то – вполне, это безопасно.

Розали обратила внимание, что в ее присутствии он чаще всего бывал мальчиком Дэнни. Но ее очень расстраивало, что большинство его рисунков говорило о смерти.

В следующий вторник Аллена впервые отвели в корпус дополнительной терапии на занятие по изобразительному искусству, где ему представилась возможность порисовать.

Дона Джонса, арт-терапевта с мягким характером, впечатлил природный талант Миллигана, но он заметил, что в незнакомой группе новый пациент беспокоится и упрямится. Терапевт понял, что причудливые рисунки Билли – это способ привлечь внимание и получить похвалу.

Джонс показал его набросок, на котором была изображена надгробная плита с надписью «Не покойся с миром».

– Билли, не расскажешь ли ты нам о своей работе? Что ты чувствовал, когда рисовал это?

– Это настоящий отец *Билли*, – ответил Аллен. – Он был комиком и конферансье, жил в Майами, во Флориде, а потом покончил с собой.

– Может, все же скажешь, что ты чувствовал, Билли? Меня пока больше интересуют эмоции, а не события.

Аллен недовольно отшвырнул карандаш – ему не нравилось, что похвала за его рисунок достается Билли, и посмотрел на часы.

– Мне нужно вернуться в свой корпус и заправить постель.

На следующий день он заговорил с медсестрой Йегер о своей терапии, жалуясь, что все делается неправильно. Когда сестра сказала, что он мешает персоналу и другим пациентам, Миллиган расстроился.

– Я не могу отвечать за то, что делают другие люди, – ответил он.

– Мы не вправе обсуждать других людей, – сказала Йегер, – только Билли.

– Доктор Хардинг делает не то, что сказала доктор Уилбур. Его лечение – плохое, – прокричал он.

Миллиган потребовал, чтобы ему дали прочесть его карту, Йегер ответила отказом, и он пригрозил, что знает способ заставить врачей предоставить ему доступ к этой информации. И добавил, что персонал наверняка не фиксирует перемены в поведении и не сможет впоследствии дать объяснение потерянное время.

Вечером после визита доктора Джорджа Томми объявил работникам больницы, что увольняет своего врача. Через некоторое время из палаты вышел Аллен и сказал, что берет его обратно.

Дороти Мур, мать Миллигана, получив разрешение посещать сына, стала приезжать почти каждую неделю, часто с дочерью Кэти. Реакции Билли оказались непредсказуемыми. Иногда после этих встреч он

становился радостным и общительным, иногда впадал в депрессию.

Соцработник Джоан Уинслоу на встрече группы доложила, что разговаривала с Дороти после каждого ее визита. Она производила впечатление доброго и щедрого человека, но Уинслоу казалось, что ее робость и зависимое положение не дали ей возможности вмешаться, когда над сыном совершалось насилие, о котором он говорил. Дороти сказала, что всегда жила с ощущением, что у нее два Билли – один был добрым и нежным мальчиком, а второй не задумываясь вредил другим.

Ник Чикко зафиксировал, что 18 апреля после визита миссис Мур Миллиган казался очень расстроенным, закрылся в своей палате и положил на голову подушку.

В конце апреля, когда прошла половина назначенного срока, то есть шесть из двенадцати недель, доктор Джордж подумал, что ситуация развивается слишком медленно. Ему надо было каким-то образом установить связь между порожденными личностями и «оригиналом», настоящим Билли. Но для начала предстояло пробиться к этому Билли и установить с ним контакт, а самого его доктор Джордж не видел с того воскресенья, когда доктору Уилбур удалось уговорить Рейджена его выпустить.

Доктору Джорджу пришла идея продемонстрировать ключевой личности видеозаписи с его альтер-эго, на которых была бы видна разница в их поведении и манерах речи. Он поделился этой мыслью с Алленом, рассказав, насколько важно, чтобы личности общались как друг с другом, так и с самим Билли. Аллен согласился.

Через некоторое время он поделился с Розали радостью от того, что его снимут на пленку. Миллиган волновался из-за этого, но доктор Джордж убедил его, что таким образом он сможет многое о себе узнать.

Первая видеозапись была сделана 1 мая в присутствии Дороти Тернер: доктор Джордж знал, что Билли с ней чувствует себя свободно, и, кроме того, хотел, чтобы в пятно встала Адалана. Поначалу он не собирался выпускать новых людей, но понял, что это необходимо для того, чтобы оценить важность женского аспекта в структуре личности Миллигана.

Психиатр несколько раз повторил, как полезно было бы, чтобы Адалана вышла и поговорила с ними. Наконец после нескольких смен ролей лицо Миллигана приобрело мягкое слезливое выражение. Он заговорил сдавленно, через нос. Лицо стало почти женским. Глаза дергались.

– Мне больно говорить, – сказала Адалана.

Доктор Джордж попытался скрыть, как его взволновала эта перемена.

Он хотел, чтобы девушка вышла, он ждал этого. Но все равно он был удивлен.

– Почему? – спросил терапевт.

– Из-за парней. Потому что у них из-за меня проблемы.

– Что ты наделала? – поинтересовался он.

Дороти Тернер, уже встречавшаяся с Адаланой накануне перевода Миллигана в больницу, молча наблюдала.

– Они не понимают, что такое любовь, – сказала «девушка». – Каково это, когда тебя обнимают, ухаживают за тобой. Я украла то время. Я почувствовала, что Рейджен перебрал алкоголя и таблеток. Трудно об этом говорить...

– Понимаю, но нужно, – ответил доктор Джордж, – чтобы нам стало понятно.

– Я это сделала. Но теперь уже поздно извиняться, да? Я испортила мальчикам жизнь... Но они не понимали...

– Чего? – переспросила Тернер.

– Что такое любовь. Что такое потребность в любви. В том, чтобы тебя обняли. Просто ощущать тепло и заботу. Я не знаю, что меня толкнуло на это.

– Ты в тот момент испытывала тепло и заботу? – спросила Тернер.

После паузы Адалана прошептала:

– Всего чуть-чуть... я украла время. Артур не пускал меня в пятно. Я силой воли изгнала Рейджена...

Она принялась смотреть по сторонам со слезами в глазах.

– Мне не нравится, что происходит. Я не могу выступить в суде. Я не хочу говорить с Рейдженем... Я хотела бы уйти от парней. Не хочу больше портить им жизнь... Черт, я так перед ними виновата... Ну почему я это сделала?

– А когда ты впервые вышла в пятно? – спросил доктор Джордж.

– Прошлым летом я начала красть время. И когда мальчики были в одиночной камере в Лебаноне, воровала, чтобы писать стихи. Я так люблю их сочинять... – она расплакалась. – Что они сделают с парнями?

– Мы этого не знаем, – мягко ответил доктор Джордж, – мы пытаемся разобраться во всем как можно лучше.

– Но не делайте им слишком больно, – попросила Адалана.

– Ты знала, что замышлялось, накануне тех событий в октябре прошлого года? – спросил врач.

– Да. Я знаю все. Даже такое, чего не знает Артур... Но я не смогла этого остановить. Я почувствовала воздействие таблеток, алкоголя. Я не

знаю, почему я это сделала. Мне было так одиноко.

Она шмыгнула носом и попросила платочек.

Доктор Джордж внимательно смотрел на Адалану, на выражение ее лица, ведя расспрос очень деликатно, опасаясь спугнуть.

– Были ли у тебя друзья, с которыми... тебе было хорошо? Которые помогали как-то справиться с одиночеством?

– Я никогда ни с кем не разговариваю. Даже с парнями... Только с Кристин.

– Ты сказала, что вставала в пятно летом и в тюрьме Лебанона. А до этого?

– В пятне я не бывала. Но я была. Я с ними уже давно.

– С тех пор, когда Челмер...

– Да! – перебила она. – Не упоминайте его.

– Ты знакома с матерью Билли?

– Нет! Она сама даже с мальчиками не знакома.

– А с сестрой Кэти?

– Да, с Кэти я общалась. Но, наверное, она об этом не знала. Мы вместе ходили по магазинам.

– А с братом Джимом?

– Нет... Он мне вообще не нравится.

Адалана вытерла глаза и откинулась на спинку стула, посмотрела на видеокамеру, удивилась, зашмыгала носом. Потом надолго смолкла, и доктор Джордж понял, что она ушла. Он посмотрел на сидевшего перед ним человека со стеклянным взглядом и задумался о том, кто же выйдет следующий.

– Было бы очень хорошо, – мягко подтолкнул он, – если бы мы могли поговорить с Билли.

С изумленным и испуганным видом Миллиган, осматриваясь, принялся крутить головой. Доктор Джордж узнал лицо, которое уже видел в тюрьме, когда доктор Уилбур вызывала его, Билли, основную личность.

Доктор Джордж и с ним разговаривал очень мягко, боясь, что Билли уйдет прежде, чем он успеет наладить контакт. У Билли от страха дрожали колени, глаза испуганно бегали.

– Знаешь ли ты, где ты? – поинтересовался терапевт.

– Нет, – ответил Билли, пожав плечами, словно отвечал на вопрос учителя, подразумевавший однозначный ответ, и не знал, правильный ли вариант он выбрал.

– Ты в больнице, я твой врач.

– Боже, он меня убьет, если я буду говорить с врачом.

– Кто?

Билли снова осмотрелся, заметил смотревшую на него камеру.

– Что это?

– Это прибор, чтобы записать нашу беседу. Видеокамера, мы подумали, что будет полезно записать сессию, чтобы ты увидел, что происходит.

На этом Билли исчез.

– Это его испугало, – с презрением сказал Томми.

– Я объяснил, что это видеокамера...

Томми фыркнул:

– Он наверняка и не знает, что это такое.

Когда встреча закончилась и Томми ушел в Уэйкфилд, доктор Джордж еще долго сидел один у себя в кабинете и думал. Он понимал, что придется сообщить суду, что хотя Уильям С. Миллиган не сумасшедший в общепринятом смысле, то есть у него нет психоза (диссоциация считается неврозом), с медицинской точки зрения, поскольку Миллиган крайне далек от реальности, он все равно не может ни подчиняться закону, ни нести ответственность за содеянное.

Теперь оставалось лишь продолжать лечение пациента и каким-то образом привести его в состояние, в котором он сможет предстать перед судом.

Однако оставалось уже меньше половины определенного судом срока. Как за такое время вылечить подобную болезнь, ведь даже такой психоаналитик, как Корнелия Уилбур, работала с пациенткой Сибил более десяти лет?

На следующее утро Артур счел нужным рассказать Рейджену о том, что он узнал из видеозаписи беседы доктора Джорджа с Адаланой. Расхаживая по палате, он вслух разговаривал с Рейдженом:

– Загадка с изнасилованиями решена. Я знаю, кто это сделал.

Тут же зазвучал голос Рейждена:

– Как узнал?

– Мне стали известны кое-какие факты, я их сопоставил.

– И кто?

– Думаю, раз уж тебя обвиняют в преступлениях, которых ты не совершал, ты имеешь право знать.

Диалог с переключением ролей напоминал скоростную стрельбу, местами он звучал вслух, местами – только в голове.

– Рейджен, помнишь, раньше ты иногда слышал женские голоса?

– Да, я слышал Кристин. И да, голоса других женщин тоже говорили.
– Ну так вот, когда ты грабил, в октябре, три раза, тогда вмешалась одна из наших девушек.

– В смысле?
– У нас есть девушка, с которой ты не знаком, Адалана.
– Я никогда о ней не слышать.
– Она очень милая и тихая. Это она у нас всегда убирает и готовит. Она составляла букеты, когда Аллен устроился в цветочный магазин. Я просто никогда не думал, что...

– Она тут какое отношение иметь? Она брала деньги?
– Рейджен, нет. Она изнасиловала тех, кого ты ограбил.
– Она насиловать девушек? Артур, как она может насиловать девушек?
– Рейджен, ты слышал о лесбиянках?
– Ну, а как лесбиянка насилует другая девушка?
– Вот поэтому обвинили тебя. Когда в пятно выходит кто-то из мужчин, некоторые из них чисто физически способны заниматься сексом, хотя мы с тобой оба знаем, что мы все дали обет безбрачия. Она воспользовалась твоим телом.

– Ты говоришь, что меня обвинять за изнасилование, которое сделала эта сука?

– Да, но я хочу, чтобы ты с ней поговорил и позволил ей все тебе объяснить.

– Так вот почему весь разговор об изнасилование? Я ее убивать.
– Рейджен, образумься.
– Образумься?
– Адалана, я хочу, чтобы ты познакомилась с Рейдженем. Поскольку он наш защитник, он имеет право знать, что произошло. Тебе придется как-то оправдаться перед ним, объяснить свое поведение.

В голове зазвучал тихий тонкий голос, словно откуда-то издалека, из темноты. Он был похож на галлюцинацию или голос из сна.

– Рейджен, прости меня за неприятности...
– Неприятности? – зарычал Рейджен, мечась из стороны в сторону. – Грязная шлюха! Ты почему ходишь насиловать женщин? Ты понимаешь, что всем за тебя достается?

Он резко развернулся, вышел из пятна, и в палате внезапно раздался женский плач.

В окошке показалось лицо медсестры Йегер.

– Билли, тебе помочь?

– Мадам, пойдите к чертям! – ответил Артур. – Оставьте нас!

Йегер ушла, расстроившись, что Артур на нее рявкнул. После этого Адалана попыталась объяснить.

– Рейджен, ты должен понять, у меня свои потребности, не как у остальных.

– Но какой, черт возьми, секс с женщины? Ты сама женщина.

– Вы, мужчины, этого не понимаете. Дети хотя бы знают, что такое любовь, что такое сострадание, что такое обнять кого-то и сказать «я тебя люблю, ты мне безразличен, у меня к тебе чувства».

– Так, я должен перебить, – вклинился Артур. – Мне всегда казалось, что физическое проявление любви алогично и анахронично с учетом достигнутого в последнее время научного прогресса...

– Вы ненормальные! – заорала Адалана. – Оба! – Потом ее голос снова стих. – Если бы вы только пережили что-то подобное, если бы вас кто-то обнимал и заботился о вас, вы бы поняли, что это такое.

– Слушай, сука! – рявкнул Рейджен. – Я плевать, кто ты и что ты. Если ты еще заговоришь с кем-то в отделении... да и вообще хоть с кем-то... я позабочусь, что ты сдохнешь.

– Минуточку, – сказал Артур, – в больнице решение принимаешь не ты. Здесь главный я. А ты меня слушаешься.

– И ты что, даешь ей уйти ненаказанной за это?

– Ни в коем случае. Этим я займусь. Но ты не имеешь права запрещать ей вставать в пятно. Ты это не решаешь. Ты и так проявил достаточную глупость, позволив ей украсть твоё время. Ты не справился. Из-за твоей дурацкой водки, марихуаны и амфетаминов ты ослаб и жизнь Билли и остальных оказалась в опасности. Да, это сделала Адалана. Но ответственность на тот момент была на тебе, ты защитник. А ты ослаб и подставил не только себя, но и остальных.

Рейджен хотел что-то сказать, но вместо этого попятился. Заметив на подоконнике горшок с цветком, он махнул рукой и столкнул его на пол.

– Так вот, – продолжал Артур. – Я согласен с тем, что с настоящего момента Адалана будет отнесена к «нежелательным». Адалана, ты больше никогда не будешь вставать в пятно. И брать время.

Она пошла в угол, встала лицом к стене и выла до тех пор, пока не ушла с пятна.

После затянувшейся тишины вышел Дэвид и вытер слезы. Увидев на полу цветок, он уставился на него, понимая, что растение умирает. Ему тяжело было смотреть на обнаженные корни. Он прямо чувствовал, как цветок увядает.

Сестра Йегер принесла поднос с едой.

– Тебе точно не нужна помощь?

Дэвид съежился.

– Меня посадят в тюрьму за убийство цветка?

Она поставила поднос и положила руку ему на плечо, стараясь поддержать.

– Нет, Билли. Никто тебя в тюрьму не посадит. Мы будем о тебе заботиться, мы вылечим тебя.

В понедельник 8 мая доктор Джордж выделил время в своем плотном графике на встречу Американской ассоциации психиатров, проходившую в Атланте. С Миллиганом он общался накануне в пятницу и на время отъезда назначил начало курса интенсивной терапии с руководящим психологом больницы, доктором Марлен Коукэн.

Марлен Коукэн была родом из Нью-Йорка и изначально сомневалась в диагнозе множественной личности, хотя открыто свое мнение никогда не выражала. Однажды после обеда, когда она беседовала с Алленом в своем кабинете, ее поприветствовала медсестра Донна Эгар.

– Привет, Марлен, как дела?

Аллен резко повернулся к ней.

– Марлен – так зовут девушку Томми, – выпалил он.

Именно в тот момент, увидев спонтанную реакцию, на обдумывание которой у него не было времени, доктор Коукэн предположила, что пациент все же не притворяется.

– Меня тоже так зовут, – сказала она. – А ты говоришь, что это подруга Томми?

– Ну, она не знает, что это Томми. Она всех нас называет Билли. Но Томми подарил ей обручальное кольцо. Она так и не узнала нашу тайну.

– Когда узнает, она будет просто в шоке, – задумчиво проговорила доктор Коукэн.

На встрече Ассоциации доктор Хардинг рассказал Корнелии Уилбур, как развиваются дела с Миллиганом, и добавил, что теперь он вполне верит в его множественную личность. Он также поведал, что Миллигану запретили пользоваться остальными именами прилюдно и к каким трудностям это приводит.

– Например, на групповой терапии у доктора Пульезе. Когда его просят рассказать, что его беспокоит, он говорит: «Мой врач запретил мне об этом разговаривать». Можете себе представить, как это действует на других пациентов. К тому же он стремится сам занять роль терапевта.

Пришлось убрать его из группы.

– Вы должны понять, – ответила Уилбур, – насколько его личностям неприятно, что их не признают. Да, они привыкли отзываться на имя «Билли», но поскольку теперь это уже не секрет, они чувствуют себя отверженными.

Доктор Джордж подумал над этим и спросил, как Уилбур оценивает шансы вылечить Миллигана в такой короткий срок.

– Я считаю, что вам лучше попросить у судьи еще хотя бы девяносто дней. И попробовать объединить личности, чтобы он мог оказывать содействие адвокатам и предстать перед судом.

– Через две недели, 26 мая, назначен визит судебного психиатра штата Огайо, который должен будет составить заключение. Вы не могли бы приехать к нам в больницу на консультацию? Мне бы очень пригодилась ваша помощь.

Уилбур согласилась.

И хотя по графику встреча Ассоциации должна была длиться до пятницы, доктор Джордж уехал в среду. На следующий день он собрал всю команду, работавшую с Миллиганом, а после этого сообщил и остальному персоналу Уэйкфилда, что в ходе обсуждения с доктором Уилбур понял, что отказ признавать личности пациента не способствует терапии.

– Мы думали, что если игнорировать его расщепление, то может произойти интеграция, но получилось, что они лишь уходят в подполье. Мы будем продолжать работать на увеличение ответственности, но подавлять другие личности отныне прекратим.

Доктор Джордж отметил, что такой уровень слияния личностей, при котором Миллиган сможет предстать перед судом, достигим только в случае, если их признавать и работать с каждым по отдельности.

Розали Дрейк этому обрадовалась. Втайне она все равно относилась к ним всем по-разному, особенно к Дэнни. Теперь всем станет легче, поскольку не надо будет притворяться, что никакого расщепления нет, из-за нескольких человек, которые в него до сих пор не верят.

Донна Эгар с улыбкой зафиксировала новый план действий для медсестер, датированный 12 мая 1978 года:

«Мистеру Миллигану разрешается говорить о своих личностях, чтобы он мог высказывать чувства, которые ему до этого приходилось с трудом подавлять. Свидетельством этого должны стать его откровенные беседы с персоналом.

План

А. Не отрицать его диссоциацию.

Б. Когда он считает себя кем-то другим, расспрашивать о его чувствах».

4

В середине мая работу мини-группы перенесли в сад, и Розали Дрейк с Ником Чикко увидели, что Дэнни ужасно боится почвенной фрезы. Они начали работать по программе декомпенсации, постепенно прося Дэнни подойти к ней все ближе и ближе. Когда Ник заметил, что со временем он перестанет бояться и сможет даже управлять машиной, Дэнни чуть не упал в обморок.

Через несколько дней один из других пациентов Розали отказался участвовать в работе в саду. Аллен заметил, что он вообще частенько к ней цепляется.

– Это глупо! – кричал пациент. – Видно, что вы ни хрена не знаете о том, как ухаживать за садом.

– Ну, нам остается лишь стараться по мере сил, – ответила Розали.

– Тупая ты баба! – не унимался он. – Ни черта не смыслишь ни в садоводстве, ни в групповой терапии.

Аллен заметил, что Розали чуть не плачет, но промолчал. Он выпустил на время Дэнни, поработать с Ником. Позднее, в палате, Аллен попытался встать в пятно, но его отшвырнули так, что он ударился о стену. Такое мог сделать только Рейджен и только в момент, когда вот-вот должно произойти переключение.

– Боже, ты зачем так? – прошептал Аллен.

– Ты сегодня в саду допустил, что тот хам обидеть даму.

– Меня это не касалось.

– Ты правила знаешь. Когда женщине или ребенку делают плохо, ты не стоишь и не смотришь без дела.

– Ну, а *ты* почему ничего не сделал?

– Я не был в пятне. Это ты отвечал. Помни это, или другой раз полезешь в пятно, и я разбить тебе голову.

Когда на следующий день тот же пациент снова нахамил Розали, Аллен схватил его за ворот и сурово посмотрел в глаза.

– Выбирай выражения, черт тебя дери!

Он надеялся, что пациент уймется. А если нет, Аллен решил, что уйдет и пропустит Рейджена, пусть дерется. Он-то возможности не упустит.

Розали Дрейк постоянно приходилось защищать Миллигана от тех, кто говорил, будто он лишь притворяется, чтобы избежать тюрьмы, от тех, кому не нравилось, что Аллен требует особых привилегий и настраивает персонал друг против друга, и тех, кому не нравилось высокомерие Артура или враждебность Томми. Она злилась, когда сестры начинали брюзжать, что любимчик доктора Джорджа отнимает слишком много времени, да и вообще расходов на него много. Часто повторяемая едкая шутка, что, мол, «о насильнике заботятся больше, чем о его жертвах», Розали всякий раз корбила. Когда пытаешься помочь психически больному, повторяла она, надо забыть о жажде мести и увидеть в нем человека.

Однажды утром Розали заметила, что Билли сидит на ступеньках Уэйкфилда и шевелит губами – разговаривает сам с собой. Произошла перемена. Он изумленно поднял взгляд, встряхнул головой, коснулся щеки.

Потом он увидел бабочку, протянул руку и поймал ее. Заглянув в дырочку между сложенными ладонями, он вскрикнул и вскочил на ноги. Потом раскрыл ладони, подбросил насекомое вверх, словно пытаясь помочь взлететь. Но бабочка упала на землю. Он уставился на нее со страдальческим выражением лица.

Розали подошла, он повернулся к ней в явном испуге и со слезами на глазах. У нее возникло необъяснимое ощущение, что с этой личностью она еще не встречалась.

Он поднял бабочку.

– Не летает больше.

Она тепло улыбнулась, не зная, рискнуть ли, назвав его по имени.

– Привет, Билли. Я так давно хотела с тобой познакомиться, – наконец прошептала она.

И Розали уселась рядом с Билли, который, обняв коленки, в изумлении смотрел на траву, деревья и небеса.

Несколько дней спустя, во время работы в мини-группе, Артур снова позволил Билли встать в пятно и заняться лепкой из глины. Ник предложил ему слепить голову, и Билли трудился над ней целый час, сначала сформировав шар, потом добавив нос и глаза с двумя шариками зрачков.

– Я сделал голову, – гордо объявил он.

– Очень хорошо, – ответил Ник. – Чья же она?

– Обязательно чья-та?

– Нет, но вдруг.

Билли отвел взгляд, и в пятно встал Аллен. Он посмотрел на эту голову с отвращением: на простой серый шар наклеено несколько

кругляшков. Аллен взялся за инструмент, чтобы переделать. Он задумал показать Нику, что такое настоящая скульптура, изваяв бюст Линкольна или, может, доктора Джорджа.

Когда он поднес руку к лицу, инструмент выскользнул и вонзился в руку, пошла кровь.

Аллен разинул рот. Такая неуклюжесть не была для него характерна. Вдруг он снова влетел в стену. Черт. Снова Рейджен.

– Ну, а сейчас я что не так сделал? – прошептал он.

– *Никогда* не смей трогать работу Билли, – прогремел ответ.

– Черт, да я всего лишь хотел...

– Ты хотел хвастать. Показывать, что талантливый художник. Но сейчас важнее лечение Билли.

Тем же вечером, в палате, Аллен пожаловался Артуру, что ему надоели нападки Рейджена.

– Он такой придирчивый, пусть тогда сам или кто-нибудь еще идет и занимается всем этим.

– Ты слишком много споришь, – ответил Артур. – Порождаешь раздор. Из-за тебя доктор Пульезе выгнал нас с групповой терапии. Ты постоянно манипулируешь персоналом, многие из-за этого относятся к нам плохо.

– Ну пусть тогда кто-нибудь другой все улаживает. Выпусти кого-нибудь неболтливую. Лечение нужно Билли и детям. Пусть они и общаются с этими людьми.

– Я как раз собирался позволять Билли чаще выходить в пятно, – ответил Артур. – Он поговорит с доктором Джорджем, а потом познакомится с нами. Пора уже.

5

Когда в среду 24 мая Миллиган вошел в отделение, доктор Джордж заметил в его глазах страх, буквально отчаяние, словно пациент был готов в любой момент убежать или упасть в обморок. Он смотрел в пол, и доктору Джорджу показалось, что здесь его удерживает какая-то совсем уж тонкая нить. Какое-то время они посидели в тишине, у Билли коленки ходили ходуном от волнения, потом терапевт мягко заговорил:

– Может, расскажешь немного о том, как ты чувствуешь себя в связи с нашей сегодняшней встречей?

– Я ничего об этом не знаю, – ответил Билли гнусаво и плаксиво.

– Ты не знал, что идешь ко мне? Ты когда встал в пятно?

Билли смутился.

– Пятно?

– В какой момент ты понял, что тебе придется со мной разговаривать?

– За мной пришел тот человек и сказал идти за ним.

– А к чему ты готовился?

– Он сказал, что ведет меня к врачу. Не знаю зачем. – Колени ходили ходуном.

Разговор шел медленно, перемежаясь длительными и мучительными периодами молчания. Доктор Джордж пытался наладить контакт с основным Билли – в том, что это именно он, терапевт не сомневался. Доктор Хардинг напоминал рыбака, который аккуратно ведет удочку, когда пытается вытянуть рыбу, но не сломать удилище.

– Как ты себя чувствуешь? – прошептал он.

– Наверное, хорошо.

– А какие у тебя раньше были проблемы?

– Ну... иногда я что-нибудь сделаю и не забуду... Я засыпаю... а мне потом рассказывают, что я делал.

– О чем тебе рассказывали?

– О плохих поступках... преступлениях.

– А ты хотел все это делать? Многих из нас время от времени охватывают внезапные и разнообразные желания.

– Просто каждый раз, как я проснусь, мне говорят, что я сделал что-нибудь плохое.

– И как ты на это реагируешь?

– Я хочу умереть, и все... я не хочу никому делать плохо.

Билли так затрясся, что доктор Джордж поспешно сменил тему:

– Ты рассказывал о том, что спишь. Подолгу?

– Кажется, нет, но потом выясняется, что да. И я еще слышу всякое... кто-то пытается со мной разговаривать.

– Что они хотят сказать?

– Да я почти ничего не могу разобрать.

– Это потому, что говорят шепотом? Или слова путаются? Или просто не можешь расслышать?

– Голоса еле слышны... как будто они где-то в другом месте.

– В соседней комнате или в другой стране?

– Да, – согласился Билли, – в другой стране.

– В какой-то конкретной?

Он долго вспоминал, потом ответил:

– Похоже на «Джеймса Бонда». А один как будто русский. Мне одна

леди сказала, что внутри меня живут люди, – это они разговаривают?

– Возможно, – едва слышно испуганно прошептал доктор Джордж, потому что Билли снова встревожился.

Миллиган вдруг закричал:

– *Что они там делают?*

– Скажи, что они тебе говорят? Может, так мы сможем это понять. Тебе говорят, что делать, приказывают, советуют?

– Похоже, они говорят: «Слушай его. Слушай его».

– О ком это они? Обо мне?

– Вроде бы.

– А когда меня нет, когда ты один, они с тобой тоже разговаривают?

Билли вздохнул.

– Они как будто *про* меня разговаривают. С другими.

– Похоже, что они тебя защищают? Говорят о тебе друг с другом для того, чтобы тебя оберегать?

– Мне кажется, они делают так, чтобы я спал.

– Когда такое происходит?

– Когда я очень расстраиваюсь.

– Может, когда ты расстроишься невыносимо сильно? Это вообще одна из причин, почему люди спят – чтобы избежать того, что их расстроило. Тебе не кажется, что ты становишься достаточно сильным и им больше не надо тебя так оберегать?

– Кто эти *они*? – закричал Билли, снова встревожившись. – Кто все эти люди? Почему я должен из-за них спать?

Доктор Джордж решил, что лучше пойти по другому пути.

– Что для тебя самое трудное в жизни?

– Когда кто-нибудь меня обижает.

– Это тебя пугает?

– Я из-за этого засыпаю.

– Но тебя же все равно могут обидеть, – подчеркнул доктор Джордж. – Даже если ты не будешь об этом знать.

Билли положил руки на трясущиеся коленки.

– Но если я усну, больно не будет.

– А потом?

– Не знаю... Когда я просыпаюсь, мне не больно. – После очень длительной паузы он снова поднял глаза: – Никто мне не объяснил, откуда взялись эти люди.

– Которые с тобой разговаривают?

– Да.

– Может, это как раз связано с тем, о чем мы только что говорили. Когда ты сам не знаешь, как защититься от опасности, какая-то другая твоя сторона придумала, что делать, чтобы тебе не было больно.

– Другая моя сторона?

Доктор Джордж улыбнулся и кивнул, ожидая реакции. У Билли дрожал голос.

– А почему я эту другую сторону не знаю?

– Думаю, потому, что внутри тебе очень и очень страшно, – сказал доктор Джордж. – И этот страх мешает тебе действовать, когда надо защищаться. Тебя это почему-то чересчур пугает. И ты засыпаешь, а твоя другая сторона принимает меры.

Билли как будто задумался, а потом посмотрел на доктора Джорджа, словно силясь понять.

– А почему я такой?

– Должно быть, тебя что-то сильно напугало в раннем детстве.

Билли долго молчал, потом заплакал.

– Я не хочу о том думать. Это больно.

– Но ведь ты сам спросил меня, почему ты засыпаешь, когда возникает опасная для тебя ситуация.

Билли осмотрелся.

– А как я попал в эту больницу? – чуть не задыхаясь, проговорил он.

– Миссис Тернер, доктор Кэролин и доктор Уилбур подумали, что, возможно, после лечения тебе не придется так надолго засыпать. Что ты сможешь научиться справляться с проблемами и пугающими ситуациями.

– То есть вы можете это сделать? – плача, спросил Миллиган.

– Мы как минимум очень хотим тебе в этом помочь. Ты согласен?

Билли снова закричал:

– *Значит, вы всех их из меня выгоните?*

Доктор Джордж откинулся на спинку кресла. Надо постараться не обещать слишком многого.

– Мы хотим помочь тебе, чтобы не приходилось столько спать. И эти твои стороны тоже помогут тебе стать сильным и здоровым человеком.

– Я перестану их слышать? Они не смогут меня усыплять?

Доктор Джордж выбирал слова осторожно.

– Если ты наберешься сил, им не придется тебя усыплять.

– Я раньше не думал, что кто-то вообще сможет мне помочь. Я... Я не знал... Всякий раз, как я поворачивался, я просыпался... в комнате взаперти... или снова в ящике... – Миллиган хватал ртом воздух, а взгляд в ужасе метался туда-сюда.

– Наверное, это очень страшно, – попытался подбодрить его доктор Джордж, – просто ужасно страшно.

– Меня всегда засовывали в ящик, – сказал Билли, снова переходя на крик. – Он знает, что я здесь?

– Кто?

– Мой папа.

– Мы с ним не общаемся. Я не в курсе, знает ли он.

– Я... я ничего не должен рассказывать. Если он узнает, что вы со мной разговариваете, он... ой!.. Он меня убьет... и закопает в сарае...

На Билли было трудно смотреть, его лицо перекосилось от боли, он сжался, опустил глаза. Удочка хрустнула. Доктор Джордж понимал, что потерял его.

Тихо зазвучал голос Аллена:

– Билли уснул. Артуру даже не пришлось его усыплять, он сам, потому что начали возвращаться воспоминания.

– Эта тема оказалась слишком непереносимой, да?

– А о чем вы говорили?

– О Челмере.

– Ох, это... – он посмотрел на видеокамеру. – А почему аппарат включен?

– Я сказал Билли, что хотел бы записать его на видео. Объяснил ему, как это происходит. Он согласился. А почему вышел ты?

– Артур сказал. Думаю, вы напугали Билли этими воспоминаниями. Они его как будто держат.

Доктор Джордж начал пересказывать их беседу, а потом ему в голову пришла мысль.

– Слушай, а я могу поговорить с тобой и Артуром одновременно? Чтобы мы сразу втроем обсудили то, что только что произошло?

– Ну, я могу спросить у Артура.

– Спроси и узнай еще вот что: не думает ли он, что Билли уже стал сильнее и не настолько склонен к самоубийству, что, вероятно, можно позволить ему брать на себя больше...

– У него нет суицидальных наклонностей.

Зазвучал тихий, но четкий голос с британским акцентом, и доктор Джордж понял, что Артур решил выйти и сам ответить на вопрос. Он не видел Артура с того воскресенья, когда с ним говорила доктор Уилбур. Терапевт постарался сохранять самообладание и продолжил беседу:

– Стоит ли до сих пор сдувать с Билли пылинки? Он все еще так же уязвим?

– Да, – сказал Артур, складывая кончики пальцев. – Он очень пуглив. Параноидален.

Доктор Джордж подчеркнул, что он сам не планировал пока заводить беседу о Челмере, но, похоже, это было нужно Билли.

– Вы затронули тему прошлого, – Артур старательно подбирал слова. – Это первое, что пришло ему в голову. Ну, и обычный страх сделал свое дело. Этого оказалось более чем достаточно, чтобы он заснул. Я не мог это контролировать. Я дал ему проснуться до того, как он пришел...

– Тебе известно, что он говорит, когда не спит?

– Частично и не всегда. Я не всегда точно знаю, что он думает. Но когда Билли думает, его страх я ощущаю. По какой-то причине он не может четко слышать то, что я ему говорю. Но, похоже, он понимает, что иногда мы его усыпляем, а иногда он *может* сделать это сам собой.

Затем они обсудили кое-что в общем о некоторых личностях, но когда Артур начал что-то вспоминать, он резко остановился, склонил голову и закончил разговор.

– Там кто-то есть, – сказал он и ушел.

За дверью оказался психотехник Джефф Джаната, обещавший прийти за пациентом без четверти двенадцать.

Артур выпустил Томми, и они с Джеффом отправились в Уэйкфилд.

На следующий день, когда до визита доктора Уилбур оставалось два дня, доктор Джордж по дрожащим коленкам понял, что на сессию снова пришел Билли. Он слышал имена «Артур» и «Рейджен» и хотел выяснить, кто они такие.

«И как ему сказать», – думал Хардинг. Он представлял ужасную картину: Билли, осознав правду, покончит с собой. У его коллеги в Балтиморе был пациент, который повесился в тюрьме, узнав, что у него расщепление личности. Доктор Джордж вдохнул поглубже.

– Голос, как в фильме про Джеймса Бонда, принадлежит Артуру. «Артур» – это одно из твоих имен.

Коленки замерли. Глаза округлились.

– Артур – это часть тебя. Ты хочешь с ним познакомиться?

Билли затрясся, коленки прыгали так сильно, что он сам это заметил и положил на них руки.

– Нет. От этого спать хочется.

– Билли, я думаю, что если бы ты как следует постарался, то тебе бы удалось не заснуть, когда появится Артур. Когда ты услышишь его, ты поймешь, в чем заключается твоя проблема.

– Это страшно.

– Но ты можешь мне довериться?

Билли кивнул.

– Хорошо. Ты будешь сидеть здесь, а Артур выйдет в пятно, и мы с ним поговорим. А ты не уснешь. Ты будешь все слышать и запомнишь это. Некоторые другие так делают. Ты выйдешь из пятна, но не утратишь сознание.

– Какого «пятна»? Вы и в прошлый раз о нем говорили, но не объяснили, что это.

– Артур говорит, что именно так твои внутренние люди проявляются в реальности и начинают действовать. Это как пятно света от большого прожектора, кто в нем стоит, тот и находится в сознании. Закрой глаза, и ты его увидишь.

Билли закрыл глаза, а Хардинг затаил дыхание.

– Вижу! Я как будто на темной сцене, а на меня светит прожектор.

– Хорошо. Теперь сделай шаг в сторону, выйди из света, и тогда должен появиться Артур и поговорить с нами.

– Выхожу, – объявил Билли, и коленки перестали трястись.

– Артур, Билли надо с тобой поговорить, – сказал Хардинг. – Мне неловко тебя вызывать, но для терапии Билли важно, чтобы он узнал о твоём существовании, как и обо всех остальных.

У Хардинга вспотели ладони. Когда пациент открыл глаза, поменялось и лицо: вместо мрачного Билли появился высокомерный Артур с тяжелыми веками. Стиснутые челюсти, губы едва шевелятся, отчетливый акцент британской аристократии, как позавчера.

– Уильям, это Артур. Хочу, чтобы ты знал, что здесь безопасно, люди стараются тебе помочь.

Выражение лица Билли мгновенно переменялось, глаза широко распахнулись. Он удивленно осмотрелся вокруг и спросил:

– Почему я раньше про вас не знал?

Снова включился Артур.

– Я рассудил, что тебе лучше пребывать в неведении, пока ты не был готов. Ты постоянно предпринимал попытки покончить с жизнью. Так что мы считали правильным дожидаться подходящего момента, чтобы посвятить тебя в эту тайну.

Доктор Джордж слушал и наблюдал; он очень боялся и в то же время радовался тому, что Артур проговорил с Билли почти десять минут, за которые рассказал о Рейджене и остальных восьми личностях и объяснил, что задача доктора Джорджа – объединить все эти сознания в одно, чтобы

снова сделать его цельным человеком.

– И вы это сможете? – Миллиган уже обращался к доктору Джорджу.

– Билли, это называется слияние. Происходит оно довольно медленно. Сначала это будут Аллен с Томми, потому что они очень похожи. Потом – Дэнни с Дэвидом, но им обоим нужна длительная терапия. А потом будем по очереди объединять и остальных, пока ты не станешь снова цельным.

– Обязательно объединять их со мной? Нельзя от них просто избавиться?

Доктор Джордж сложил кончики пальцев.

– Другие терапевты уже пробовали этот способ с такими же пациентами, как ты, Билли. И он не сработал. Оптимальные условия для выздоровления – это объединить все твои сущности вместе, для чего сначала все они начинают общаться, потом запоминают, что делают остальные, чтобы избавиться от амнезии. Мы называем это «общим сознанием». А потом будем работать над объединением всех этих людей. Это и есть слияние.

– И когда вы это сделаете?

– На послезавтра у тебя назначена встреча с доктором Уилбур. Мы проведем демонстрацию и обсуждение, в которых будет участвовать практически весь работающий с тобой персонал больницы. Мы покажем видеозаписи, чтобы некоторые из работников... кто с таким расстройством еще не сталкивался... смогли лучше тебя понять и оказывать помощь более эффективно.

Билли кивнул. Потом его глаза округлились, а взгляд устремился вовнутрь. Он несколько раз кивнул, потом удивленно уставился на доктора Джорджа.

– Билли, в чем дело?

– Артур просил передать, что сам хочет решить, кто может принимать участие в этой встрече.

6

Больница Хардинга буквально гудела от волнения. Доктор Корнелия Уилбур уже выступала здесь с лекцией летом 1955 года, но теперь все иначе. Теперь у них лечится печально известный пациент, первый человек с расщеплением личности, за которым ведут круглосуточное наблюдение в условиях психиатрической больницы. Среди персонала все еще существовали разногласия насчет диагноза, но, тем не менее, всем хотелось

попасть на лекцию доктора Уилбур.

И хотя работникам Уэйкфилда заранее сообщили, что планируется присутствие лишь десяти-пятнадцати человек, в подвальный зал административного корпуса набилось человек сто. И врачи, и руководители привели своих жен; сзади расположились служащие других отделений больницы, которые вообще никак не соприкасались с Миллиганом, но они все равно пришли. Кто сел на пол, кто встал к стене; люди толпились даже в вестибюле.

Доктор Джордж продемонстрировал свежие видеозаписи, на которых он и Дороти Тернер беседовали с различными «людьми». Артур с Рейдженом возбудили особенно большой интерес, поскольку ранее никто из персонала, работающего за пределами Уэйкфилда, их не видел. Адалана, с которой до этого беседовала вообще лишь доктор Тернер, кого-то повергла в восторг, у кого-то вызвала насмешки. Но когда на экране появился сам Билли, основная личность, все благоговейно смолкли. А когда он закричал: «Кто все эти люди? Почему я должен из-за них спать?», некоторые, в том числе и Розали Дрейк, едва сдержали слезы.

По окончании просмотра доктор Уилбур привела в зал самого Билли и задала ему несколько вопросов. Она побеседовала с Артуром, Рейдженом, Дэвидом и Дэнни. Они отвечали, но Розали заметила, как они расстроены. Когда все закончилось, Розали по разговорам поняла, что весь персонал Уэйкфилда так или иначе недоволен. Сестры Эдриен Маккен и Лора Фишер опять возмущались, что Миллигану уделяют столько внимания, прославляют его. А сама Розали, Ник Чикко и Донна Эгар злились, что Билли вот так выставили напоказ.

После визита доктора Уилбур терапевтическая стратегия снова поменялась, и доктор Джордж сконцентрировался на слиянии. Доктор Марлен Коукэн также назначила график регулярных встреч, на которых личности начали делиться воспоминаниями о мучениях и пытках, прорабатывать их, высвобождая боль, которая и привела к первичной диссоциации в возрасте восьми лет.

Доктор Коукэн план слияния не одобрила. Она знала, что таким образом доктор Уилбур работала с Сибил, и считала, что в других обстоятельствах, возможно, методика и годилась бы. Но сейчас следует подумать о том, что будет, если Рейджена объединить с остальными и отправить Миллигана за решетку. В опасной тюремной обстановке у него не будет способов защиты, и, оставшись без них, он может там умереть.

– Раньше не умирал, – возразил кто-то.

– Да, но раньше его защищал Рейджен. Если его снова изнасилуют – вы же знаете, такое в тюрьмах часто бывает... он, вероятнее всего, покончит с собой.

– Но наша задача произвести слияние, – ответил Хардинг. – Она поставлена судом.

Основному Билли советовали слушать остальных своих личностей, отвечать им, признавая их существование, разузнать, каковы они. Благодаря постоянным напоминаниям Билли мог проводить в пятне все больше и больше времени. Слияние должно было проходить поэтапно: сначала планировалось объединить попарно те личности, у которых много общего или хотя бы сходные качества, после чего работать уже с ними методом интенсивной суггестии, до тех пор пока все они не сольются в первоначальном Билли.

Поскольку наиболее похожи были Аллен с Томми, планировалось начать со слияния этой пары. По словам самого Аллена, за многочасовыми спорами и аналитическими сессиями доктора Джорджа следовали еще более длительные внутренние беседы между Артуром и Рейдженем. Аллен с Томми старались оказывать доктору Джорджу содействие в процедуре слияния, но дело шло с трудом, поскольку у Томми имелись такие страхи, которых Аллен не разделял. Аллен, например, любил бейсбол, а Томми боялся в него играть, потому что в детстве однажды наделал ошибок и его за это побили. Доктор Джордж предложил, чтобы Ник Чикко, Аллен и остальные личности поговорили с Томми об этом страхе, чтобы помочь ему его преодолеть и чтобы он начал играть в эту игру. Планировалось продолжать и арт-терапию, в том числе живопись маслом.

Аллен также сказал, что младшенькие поначалу не понимали саму идею слияния, пока Артур не объяснил им на примере. Он предложил им вспомнить «Кулэйд»^[7], поскольку дети знали, что это такое, и объяснил, что его порошок состоит из различных кристаллов и каждая песчинка отдельна друг от друга. А когда добавляешь воды, все они растворяются. Но если его не выпить, а оставить стоять, то вода испарится и останется твердое вещество. То есть ничего не добавилось, ничего не потерялось. Но изменилось.

– Так что теперь все понимают, – сказал Аллен, – что слияние – это все равно что развести «Кул-эйд».

5 июня медсестра Нэн Грейвс записала: «Мистер Миллиган сказал, что на час “Томми” и “Аллен” слились, и это было “странно”».

По заявлению Донны Эгар, Миллиган говорил ей, что беспокоится из-

за слияния, так как ему не хотелось, чтобы кто-то умирал и чтобы его способности и сильные стороны ослабли. «Но мы над этим работаем», – заверил ее Аллен.

На следующий день Гэри Швайкарт и Джуди Стивенсон принесли хорошие новости. Суд продлил срок лечения Билли в больнице Хардинга, добавив на завершение процедуры слияния как минимум три месяца.

В среду вечером, 14 июня, в музыкальном зале Томми играл на ударной установке. Розали Дрейк его слушала. Она знала, что раньше на барабанах играл только Аллен. Но, по всей видимости, в состоянии слияния у них получалось не так хорошо, как если бы Аллен был один.

– Я чувствую себя так, будто краду талант Аллена, – поделился он.

– Ты пока еще Томми?

– Я – сочетание, имени у меня теперь нет. И это мне не нравится.

– Но ты же откликаешься на «Билли».

– На это имя я всегда отзывался, – сказал он, выстукивая медленный ритм.

– А почему ты не можешь продолжать в том же духе?

Он пожал плечами.

– Да, думаю, так для всех будет проще. Ладно, – и сказал, стуча по барабану: – Можете так и звать меня Билли.

Слияние шло этапами. Иногда на различные промежутки времени семь личностей – за исключением Артура, Рейджена и Билли – сливались воедино. Во избежание путаницы Артур назвал этот конгломерат именем «Кенни». Но оно не прижилось, и все продолжали звать и его Билли.

Вечером одна пациентка принесла сестре Йегер записку, найденную в мусорной корзине Билли. Похоже было, он снова хотел покончить с собой. Его сразу же вернули под усиленное наблюдение. Согласно записям сестры Йегер, в последующие дни он то сливался, то разъединялся, но все больше времени находился в состоянии слияния. К 14 июля он проводил в общем сознании уже большую часть дня и казался при этом весьма умиротворенным.

Шли дни, и Миллиган почти постоянно являл собой объединенную личность, но возникали краткие моменты потери сознания, когда пациент был абсолютно не в состоянии контролировать пятно.

28 августа Джуди с Гэри снова посетили своего клиента в больнице и напомнили, что суд уже через три недели ожидает нового отчета от доктора Джорджа. Если он посчитает, что Миллиган стал достаточно целостным и в

состоянии предстать перед судом, то судья Флауэрс назначит дату слушания.

– Думаю, следует обсудить стратегию поведения в суде, – сказал Артур. – Мы хотим изменить свое заявление. Рейджен готов признать вину и понести наказание за три ограбления, но не за изнасилования.

– Но четыре пункта из всех десяти, в которых ты обвиняешься, – это изнасилования.

– По словам Адаланы, все три женщины пошли навстречу, – заявил Артур. – Ни у одной из них нет физических повреждений. У каждой была возможность убежать. К тому же Адалана сказала, что вернула каждой из них часть денег, так что, когда им компенсируют убытки по страховке, они окажутся даже в выигрыше.

– С их показаниями это не сходится, – возразила Джуди.

– И кому вы поверите? Им или мне?

– Такой вопрос можно было бы задавать, если бы только одна из них противоречила Адалане. Но с ее словами не сходятся все три версии. Ты же понимаешь, что они не были знакомы, не общались.

– Но каждая из них имеет повод не говорить правду.

– Ты-то откуда знаешь, что произошло на самом деле? – поинтересовалась Джуди. – Тебя там не было.

– Но была Адалана, – ответил Артур.

Ни Джуди, ни Гэри не поверили, что жертвы пошли навстречу, они считали, что Артур подавал события так, как их видела Адалана.

– Можно с ней поговорить? – попросил Гэри.

Артур покачал головой.

– За содеянное я запретил ей когда-либо выходить в пятно. Никаких исключений быть не может.

– Тогда, боюсь, мы не сможем поменять заявление, – ответил Гэри. – Невиновен. Невиновен по причине невменяемости.

Артур холодно посмотрел на него и сказал, едва шевеля губами:

– Вы не вправе ссылаться на невменяемость от моего имени.

– Это наш единственный шанс, – сказала Джуди.

– Я не сумасшедший. Тема закрыта.

На следующий день Джуди с Гэри получили очередную записку на желтой бумаге для юридических документов, в которой говорилось, что Уильям С. Миллиган больше не хочет, чтобы они представляли его интересы в суде и что сам будет защищать себя.

– Он опять нас уволил, – сообщил Гэри. – Что скажешь?

– Думаю, что я этого не видела, – ответила Джуди, пряча листок в

папку. – Бумаги то и дело теряются, попадают не туда. У нас такая шикарная система архивирования, что его найдут месяцев через шесть-семь.

В течение трех последующих дней три аналогичных письма «попали бог знает куда», и, не получив ответа, Артур, наконец, бросил попытки их уволить.

– Ну, а у нас есть шансы выиграть, если мы объявим его невменяемым? – спросила Джуди.

Гэри закурил трубку, фыркнув, выпустил дым.

– Если Кэролин, Тернер, Коукэн, Хардинг и Уилбур как один заявят, что Билли, по определению штата Огайо, был не в себе во время совершения преступлений, то, думаю, шансы весьма велики.

– Но ты же сам мне говорил, что еще ни один серьезный преступник с множественной личностью не был оправдан под предлогом невменяемости.

– Ну, – протянул Гэри, и сквозь бороду мелькнула ухмылка, – тогда Уильям Стэнли Миллиган станет первым.

7

Доктору Джорджу Хардингу-младшему пришлось вести борьбу с собственной совестью. Он не сомневался, что слияние уже произошло или скоро произойдет, и, возможно, этого будет достаточно, чтобы Миллиган мог предстать перед судом. Но проблема заключалась не в этом. По ночам доктор Джордж лежал в постели без сна, обдумывал отчет для судьи Флауэрс, пытаясь решить для себя, имеет ли он моральное право использовать диагноз множественной личности как защиту от обвинения в таких страшных преступлениях.

Он очень уважал закон. И боялся, что его отчетом могут злоупотребить, что это дискредитирует диссоциативное расстройство личности как диагноз, негативно скажется на других пациентах с таким же заболеванием, на доверии к его профессии и показаниям психиатрической экспертизы в целом. Если судья Флауэрс согласится с тем, что расстройство множественной личности, которое на данный момент относится к неврозам, – повод счесть обвиняемого невиновным по причине невменяемости, это создаст прецедент, который окажет большое влияние на штат Огайо, а может, и на всю страну.

Доктор Джордж не сомневался, что в те злосчастные октябрьские дни Билли Миллиган не контролировал свои поступки. Его профессиональной

задачей было выяснить об этом явлении как можно больше, узнать то, что ранее было неизвестным. Разобраться в данном случае, понять Билли настолько, чтобы это могло принести пользу обществу в решении аналогичных проблем. Хардинг опять обзвонил коллег, спрашивая их мнения и советов, побеседовал с персоналом собственной больницы – и 12 сентября 1978 года сел за стол и написал заключение для судьи Флауэрс на девяти страницах, в которых описал медицинскую, социальную и психиатрическую историю Билли Миллигана.

«По словам пациента, – пишет он, – его мать и другие дети страдали от физического насилия со стороны мистера Миллигана, а он сам пережил садистское и половое насилие, включая анальную пенетрацию. По его свидетельствам, это началось в возрасте восьми-девяти лет и длилось около года, как правило, на ферме, где он оставался с отчимом наедине. Обвиняемый также заявляет, что боялся, что приемный отец его убьет, поскольку тот угрожал “зарыть его в сарае, а матери сказать, что сбежал”».

Анализируя психодинамику данного случая, Хардинг отметил, что самоубийство биологического отца Миллигана лишило последнего отцовской заботы и участия, из-за чего у него осталось чувство бесконтрольной силы и всеохватывающей вины, которое вызывало тревогу, внутренний конфликт и способствовало появлению фантазий. Таким образом, он оказался «особенно уязвим перед злодеяниями, совершаемыми приемным отцом Чермелом Миллиганом, воспользовавшимся потребностью мальчика в близости и заботе для решения собственных проблем путем половых и садистских актов, направленных против него...»

Поскольку в детстве Миллиган ассоциировал себя с матерью, когда муж избивал ее, мальчик «чувствовал ее страх и боль...». Это также привело к «некому страху потери матери, из-за которого он попал в нестабильный мир фантазий, где возникали непредсказуемые и нечеткие персонажи, словно во сне. Это в сочетании с оскорблениями, садизмом и насилием отчима привело к периодическим диссоциациям...»

В заключение доктор Джордж Хардинг написал: «В настоящее время мое мнение таково: после осуществленного слияния его множественных личностей пациент в состоянии предстать перед судом... но я также считаю его психически нездоровым, и по причине болезни он не мог контролировать свое преступное поведение, продемонстрированное им во второй половине октября 1977 года».

19 сентября Джуди Стивенсон подала письменную поправку к заявлению своего подзащитного, сформулировав ее так: «Невиновен по

причине невменяемости».

8

До того момента диагноз Миллигана не обнародовался. О его множественной личности было известно лишь лицам, участвовавшим в его лечении, обвинению и судье. Адвокаты Миллигана продолжали настаивать на том, что диагноз лучше держать в секрете, поскольку лечение и разбирательство сильно усложнится, если СМИ поднимут шумиху.

Берни Явич согласился; неразглашение тайны подозреваемого вполне сочеталось с его профессиональной этикой, а никаких показаний на эту тему в суде никто еще не давал.

Но 27 сентября в «Коламбус ситизен джорнэл» вышла разоблачительная статья с огромным заголовком:

В ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАСИЛЬНИКЕ «ПРОЖИВАЮТ» 10
ЧЕЛОВЕК
ДЛЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ИХ «СЛИЛИ ВОЕДИНО»

Когда о статье узнали в больнице Хардинга, Билли порекомендовали рассказать об этом остальным пациентам самому, пока информация не дошла до них от третьих лиц. Он сообщил своей мини-группе, что его обвиняют в совершении этих преступлений, но он сам не уверен, что сделал все это, поскольку на тот момент находился в состоянии «разобщенности».

В вечерних теленовостях тоже показали репортаж, и Билли ушел в свою палату в слезах.

Несколько дней спустя он нарисовал портрет молодой красавицы с измученным взглядом, медсестра Нэн Грейвс записала с его слов, что это Адалана.

3 октября Миллигана посетил Гэри Швайкарт. Он приехал на универсале, чтобы захватить с собой какие-нибудь картины подзащитного. Гэри объяснил, что Джуди Стивенсон уехала с мужем отдыхать в Италию, и на слушании по поводу его способности предстать перед судом ее не будет, но к самому разбирательству она вернется. Они ходили, разговаривали, Гэри пытался подготовить Билли к переводу в окружную тюрьму Франклина, где он должен был ожидать слушания, а также к вероятности того, что они проиграют дело.

Доктор Джордж был уверен, что слияние личностей Билли в одну произошло. Такие выводы он делал по отсутствию видимой диссоциации и по тому, как в Миллигане стали проявляться характеристики всех его людей. Поначалу он наблюдал сочетание их частей, но постепенно они смешивались и гомогенизировались. То же самое заметил и персонал. Теперь в одном человеке, Билли Миллигане, проявлялись аспекты ранее разрозненных личностей. Доктор Джордж объявил, что пациент готов.

4 октября, за два дня до предполагаемого возвращения Билли в тюрьму Франклина, в «Ситизен джорнэл» была опубликована вторая крупная статья за авторством Гарри Фрэнкена. Из оставшегося неназванным источника журналист раздобыл копию заключения доктора Хардинга и обратился к Гэри и Джуди, попросив их это как-то прокомментировать, а также предупредил о публикации. Гэри с Джуди сообщили об этом судье Флауэрсу, который решил, что тогда надо передать эту же информацию и в «Коламбус диспэч». Защитники Миллигана согласились прокомментировать заключение психиатра, раз уж произошла утечка информации. Они также позволили фотографам снять картины, которые привез с собой Гэри: Моисей, собирающийся разорвать скрижаль с десятью заповедями; еврей, трубящий в рог; пейзаж и портрет Адаланы.

Газетные статьи расстраивали Билли, и во время последней сессии с доктором Коукэн он пребывал в угнетенном состоянии. Он боялся, что с ним могут сделать в тюрьме, узнав, что среди его личностей есть лесбиянка.

– Если меня сочтут виновным и отправят обратно в Лебанон, точно придется умереть, – сказал он терапевту.

– Тогда получится, что Челмер победил.

– Ну а что мне еще делать? У меня внутри лишь скопившаяся за долгие годы ненависть. Я с ней не справлюсь.

И хотя Коукэн редко советовала, предпочитая не руководить пациентом, а давать ему самому делать выбор, в этот раз она понимала, что на надлежащую терапию у нее времени нет.

– Можно найти позитивное применение ненависти, – предложила она. – Тебя в детстве мучили. Но ты можешь посвятить свою жизнь борьбе с насилием над детьми и одержать таким образом верх надо всеми этими страшными воспоминаниями и над человеком, который, как ты говоришь, над тобой издевался. Пока ты жив, ты можешь бороться и побеждать. А если ты умрешь, то побеждает тот, кто обижал тебя, а не ты.

Через несколько часов, разговаривая в своей палате с Донной Эгар,

Билли залез под кровать и достал лезвие, которое Томми припрятал уже почти семь месяцев назад.

– Вот, – сказал он, отдавая его. – Мне оно больше не нужно. Я решил жить.

Донна прослезилась и обняла Билли.

Через какое-то время он обратился к Розали:

– Я не хочу больше ходить в мини-группу. Мне надо подготовиться к одиночеству. И мне нельзя раскисать. Так что никаких прощаний.

Но пациенты из группы сделали ему прощальные открытки, и когда Розали их принесла, Билли дал волю слезам.

– У меня такое ощущение, – сказал он, – что это моя первая нормальная человеческая реакция. Раньше у меня были, как это называется, «смешанные чувства». А такое со мной впервые.

Билли должны были увезти в пятницу 6 октября. У Розали в тот день был выходной, но она все равно пришла в больницу, чтобы побыть с ним. Она понимала, что кое-кто из персонала Уэйкфилда удивится и даже будет отпускать язвительные комментарии, но ей было все равно. Она вошла в холл отделения, Билли предстал перед ней в синем костюме-тройке; он в ожидании расхаживал туда-сюда, но казался при этом спокойным, как будто у него все под контролем.

Розали с Донной Эгер проводили Миллигана в здание администрации, где у стойки регистрации их ждал помощник шерифа в темных очках.

Когда помощник шерифа вдруг достал наручники, Розали вышла вперед, загородив Билли, и строго спросила, действительно ли есть необходимость сковывать его, как животное.

– Да, мэм, таков закон.

– Боже мой! – закричала Донна. – Сюда его привели две женщины, а вы теперь будете изображать из себя напыщенного плохого полицейского и наденете на него наручники?

– Мэм, я обязан это сделать. Прошу меня извинить.

Билли протянул руки, щелкнули наручники, Розали заметила, как он вздрогнул. Затем он сел в тюремный автомобиль, который медленно поехал по извилистой дороге, ведущей к мосту, а две медсестры пошли за ним вслед. Потом они помахали Билли на прощание, вернулись в свой корпус и долго-долго плакали.

Глава четвертая

1

Прочитав заключение доктора Джорджа Хардинга, Берни Явич и Терри Шерман сказали, что впервые видят столь тщательную психиатрическую экспертизу. Они, как прокуроры, знали, к чему обычно можно прицепиться, но все позиции заключения Хардинга оказались неприступны. Это же был не трех-четырёхчасовой осмотр. Доктор исследовал подсудимого в условиях стационара более семи месяцев. К тому же в заключении было выражено не только его личное мнение – Хардинг предоставил свидетельства консультаций с многочисленными другими психологами и психиатрами.

6 октября 1978 года в итоге краткого слушания по вопросу вменяемости Миллигана судья Флауэрс на основании отчета доктора Хардинга заключил, что тот теперь в состоянии предстать перед судом, и назначил слушание на 4 декабря.

Швайкарт заметил, что его это устраивает с одной оговоркой: в ходе разбирательства будет учитываться законодательство, имевшее место на момент совершения преступлений (поскольку 1 ноября планировалось внести поправки в закон штата Огайо, заменив обязанность обвинения доказывать вменяемость подзащитного на обязанность защиты доказывать его невменяемость).

Явич выразил несогласие.

– Нам необходимо тщательно обдумать этот вопрос, – сказал судья. – Мне известны случаи, когда в результате подобных ходатайств вносились поправки: возьмите, например, наш новый уголовный кодекс. И в большинстве случаев, практически без исключения, условия выбираются в пользу подзащитного. Но я не слышал об аналогичных судебных решениях или прецедентах.

На выходе из зала суда Швайкарт сообщил Явичу и Шерману, что от имени своего клиента планировал отказаться от суда присяжных и намерен просить судью провести слушание единолично.

– Уплывает наше дело, – сказал Явич, когда Швайкарт удалился.

– Я с самого начала говорил, что может быть не так просто, – согласился Шерман.

Судья Флауэрс признал, что обвинение сильно все усложнило,

согласившись принять заключение доктора Хардинга, но отвергнув утверждение о невменяемости Миллигана.

Когда Гэри с Джуди посетили Билли в окружной тюрьме Франклина, они увидели, что он снова впал в депрессию. Большую часть времени его занимали неприятные мысли, он много рисовал. Ему не нравился нарастающий интерес прессы. К тому же он стал больше спать, чтобы не замечать своего холодного безликого окружения.

– Почему мне нельзя было дожидаться суда в больнице? – спросил он у Джуди.

– Это невозможно, – ответила она. – Нам и так повезло, что суд позволил тебе пробыть там семь месяцев. Держись. До слушания осталось уже меньше двух месяцев.

– Ты, главное, не распадайся, – согласился Гэри. – Я уверен, что если ты нормально перенесешь суд, тебя сочтут невиновным. Но если сломаешься на слушании, то отправят в Лайму.

Но однажды после обеда тюремный охранник заметил, что Билли лежит на нарах и рисует карандашом. Он посмотрел на набросок через решетку: это была тряпичная кукла Энни^[8] с петлей на шее – она повесилась перед разбитым зеркалом.

– Эй, Миллиган, зачем ты такое рисуешь?

– Потому что злой, – ответил он со славянским акцентом. – Кому-то пора умереть.

Услышав акцент, охранник поспешно нажал на кнопку сигнализации. Но Рейджен лишь смотрел на него с некоторым любопытством.

– Так, кто ты там, отойди назад, – сказал охранник. – Отойди от рисунка, к стене.

Рейджен подчинился. К решетке подбежали другие охранники. Они быстро открыли дверь и ворвались в камеру, схватили рисунок и снова с грохотом захлопнули дверь.

– Боже мой! – прокомментировал один из них. – Ну и большое воображение.

– Позвоните его адвокатам, – сказал кто-то. – Он опять слетел с катушек.

Когда прибыли Гэри с Джуди, их встретил Артур, объяснивший, что полного слияния Билли не было никогда.

– Но достигнутого достаточно, чтобы предстать перед судом, – заверил он. – Теперь Билли понимает природу выдвинутых против него обвинений, может участвовать в собственной защите. Но мы с Рейдженем не

сливались. Думаю, вы понимаете, что в этом месте обстановка враждебная, здесь правит Рейджен. Но если Билли не переведут в больницу, я не гарантирую, что хотя бы от частичного слияния что-то останется.

Окружной шериф Гарри Беркемер сообщил репортеру «Коламбус диспэч», что, по свидетельствам его подчиненных, воплощаясь в Рейджена, Миллиган демонстрировал необычайную силу и выносливость. Например, его отвели в рекреационную зону, и он начал бить по груше. «Он колотил ее что есть сил девятнадцать с половиной минут без передышки, – сказал Беркемер. – Обычный человек теряет силы уже через три минуты. А Рейджен так дубасил, что мы даже испугались, не сломал ли он руку, и даже отвели к врачу на осмотр». Но с ним оказалось все в порядке.

24 октября судья Флауэрс снова направил запрос на экспертизу Миллигана в Юго-западный Центр психического здоровья, чтобы понять, в состоянии ли он предстать перед судом. Доктору Джорджу Хардингу-младшему было разрешено посещать подсудимого по его собственному усмотрению. Кроме того, судья дал распоряжение немедленно перевести Миллигана из тюрьмы в Центральную психиатрическую больницу штата Огайо.

15 ноября Мэрион Дж. Колоски, руководитель программы содействия суду Юго-западного центра судебной психиатрии, сообщила в отчете, что по результатам последней встречи доктор Стелла Кэролин и Дороти Тернер сочли Миллигана в состоянии выступить в свою защиту при поддержке адвокатов, но с оговоркой: «Его психическое состояние является довольно нестабильным, так что в любой момент возможно разрушение достигнутого слияния и последующая диссоциация личности, наблюдавшаяся ранее».

29 ноября в «Дейтон дейли ньюс» и «Коламбус диспэч» появилась информация, что Челмер Миллиган отрицает факт сексуального насилия пасынка, изложенный в широко известном психиатрическом заключении. В «Коламбус диспэч» была опубликована следующая статья «Ассошиэйтед пресс»:

«ОТЧИМ ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО НЕ НАСИЛОВАЛ МАЛЕНЬКОГО МИЛЛИГАНА

По словам Челмерса [sic] Миллигана, его «крайне расстроило» опубликованное заключение, утверждающее, что он совершал физическое и половое насилие над своим пасынком Уильямом С. Миллиганом, в теле которого, по заявлениям врачей, уживается десять личностей.

“Со мной вообще никто не беседовал на эту тему”, – жалуется Миллиган, утверждая, что выдвинутые против него обвинения в жестоком обращении с пасынком – “несомненно, ложные”...

Согласно заключению, подписанному доктором Джорджем Т. Хардингом, психиатры также считают, что Миллиган страдает от расстройства множественной личности и что одним его личностям неизвестно, что творят другие. И причина заболевания видится им частично в пережитом в детстве жестоком обращении...

Челмер Миллиган заявляет, что после публикации данного заключения у него начались серьезные трудности.

“Некоторые люди всегда все понимают не так. И это меня раздражает”, – сказал он.

Он также добавил, что особенно его расстраивает форма публикаций, в которой прямых обвинений в жестоком обращении ни от Миллигана, ни от психиатров нет.

“Начал все это мальчишка, – сказал Миллиган. – А они (репортеры) лишь повторяют то, что они (психиатры и Миллиган-младший) сказали”.

Он отказался рассказать, планирует ли возбуждать судебный иск по поводу этих обвинений в жестоком обращении».

У Гэри и Джуди крепла уверенность, что Билли признают невиновным по причине невменяемости, но они знали, что перед ними стоит еще одна непростая задача. Пока после каждого подобного вердикта подсудимых отправляли в Лайму. Но через три дня, то есть 1 декабря, в Огайо вступит в силу новый закон, касающийся невменяемых правонарушителей, который гласит, что такие лица считаются психически больными, а не преступниками. И, согласно новому закону, Миллигана должны поместить в среду с наиболее мягкими ограничениями, которая обеспечит безопасность ему самому и окружающим, а выбор психиатрической клиники должен делать суд, занимающийся делами об опеке.

Поскольку разбирательство было назначено на 4 декабря и Билли предстояло судить по новому закону первым, довольно велики были шансы, что его согласятся отправить не в Лайму, а в другое заведение, если защита предоставит альтернативный вариант места, где подсудимый сможет получить надлежащее лечение.

Больница Хардинга больше не рассматривалась из-за ее дороговизны. Следовало подобрать государственную больницу, в которой можно найти специалиста, разбирающегося в специфике заболевания и готового взяться за лечение данного пациента.

Доктор Корнелия Уилбур говорила, что в одной государственной

психиатрической больницы, до которой от Коламбуса было не более 120 километров, работает довольно опытный врач, у которого лечилось несколько множественных личностей. Иными словами, она порекомендовала доктора Дэвида Кола, медицинского директора Центра психического здоровья города Афины штата Огайо.

Прокуратура запросила предварительную встречу с судьей по делам об опеке Ричардом Б. Меткафом, чтобы прояснить нововведения в законе штата. Судья Джей Флауэрс дал разрешение и назначил дату. Но Джуди с Гэри знали, что обсуждаться будут не только формальности. Встречу собирался посетить и сам судья Флауэрс, чтобы заодно принять решение по согласованию сторон о том, какие улики могут быть предъявлены в понедельник и куда Билли Миллигана отправить на лечение, в случае если он будет признан невиновным по причине невменяемости.

Гэри с Джуди считали важным прояснить, готов ли доктор Кол принять Билли на лечение в Центр психического здоровья Афин. Джуди слышала об этом специалисте не впервые, она даже расспрашивала его в переписке о таком заболевании, как множественная личность, не упоминая, впрочем, имени Билли. Теперь же она позвонила ему, чтобы узнать, возьмет ли этот врач Миллигана в качестве пациента и сможет ли приехать в пятницу в Коламбус на встречу с ними.

Кол ответил, что ему необходимо обсудить этот вопрос с заведующей, Сью Фостер, а ей, в свою очередь, с ее непосредственным начальством в департаменте психического здоровья. Однако сообщил, что обдумает возможность взять Миллигана на лечение, и согласился приехать на встречу в Коламбус.

Первого декабря Джуди с нетерпением ожидала приезда доктора Кола. В приемной судьи Меткафа собралась уже довольно большая группа людей, имеющих отношение к этому делу, в том числе доктор Джордж Хардинг, доктор Стелла Кэролин, Дороти Тернер и Берни Явич. Вскоре после десяти адвокат заметила, как секретарша указала на нее толстенькому невысокому мужчине средних лет, с круглым смуглым лицом, обрамленным седыми волосами. Смотрел он сурово и проницательно, словно орел.

Джуди представила его Гэри и остальным и провела в кабинет судьи Меткафа.

Доктор Дэвид Кол устроился во втором ряду и стал слушать разговор адвокатов о том, что новый закон как раз применим в случае Миллигана. Вскоре в кабинет вошел судья Флауэрс, и вместе с судьей Меткафом они

вкратце пересказали суть дела и последовательность событий до настоящего момента. Берни Явич перечислил имевшиеся у него свидетельства и признал, что опровергнуть нездоровье Миллигана на момент совершения преступлений будет трудно. Он не станет подвергать сомнению заключения Юго-западного центра и доктора Хардинга. Гэри отметил, что защита не намерена оспаривать улики, указывающие на то, что Миллиган действительно совершил вменяемые ему преступления.

До Дэвида Кола дошло, что собравшиеся обсуждали ход судебного разбирательства, назначенного на понедельник. Похоже, они старались разработать устраивающий всех сценарий. Гэри с Джуди выразили согласие с тем, чтобы удалить имена жертв из протокола. Оставалось лишь определить, что будет, если судья сочтет Билли невиновным по причине невменяемости.

Гэри поднялся.

– К нам из города Афины приехал доктор Кол. В ходе работы в Афинском центре психического здоровья, которое является государственным учреждением, он сталкивался с пациентами с множественной личностью. Признанные эксперты в этой сфере, доктор Ральф Эллисон из Калифорнии и доктор Корнелия Уилбур из Кентукки, очень его рекомендовали.

Кол вдруг оказался в центре внимания.

– Доктор Кол, вы примете Миллигана? – спросил судья Флауэрс.

Он насторожился, поскольку ему показалось, что все эти люди играют в «горячую картошку», и решил прояснить свою позицию.

– Да, я его приму, – сказал Кол. – Но если это произойдет, я хочу иметь возможность лечить его так же, как я лечил и других множественных личностей, то есть в свободной обстановке, которая наиболее способствует терапии. – Он окинул взглядом собравшихся, которые тоже смотрели на него, потом снова перевел глаза на Флауэrsa и Меткафа и подчеркнул: – В противном случае не надо его ко мне направлять.

Оглянувшись еще раз, он увидел, что все кивают.

Возвращаясь в Афины, доктор Кол еще раз тщательно обдумал все увиденное и услышанное на этой встрече – и вдруг понял, что практически все собравшиеся там, включая прокурора Явича, не сомневались, что Миллиган – множественная личность. И что если все произойдет так, как они только что обсудили, Миллиган станет первым человеком с таким диагнозом, который будет объявлен невиновным в столь серьезных преступлениях. И что данное обсуждение было предвестником нового шага в истории юриспруденции и психиатрии, который будет сделан в

следующий понедельник.

Проснувшись утром 4 декабря, когда его должны были забрать из психиатрической больницы Коламбуса и отвезти в окружной суд Франклина, Билли Миллиган посмотрел на себя в зеркало и, к огромному удивлению, обнаружил, что у него нет усов. *Но он не помнил, как брился!* И задумался, кто же это мог быть. Усы были сбриты и между первым и вторым изнасилованием, а потом отросли. Билли снова потерял время. У него опять возникло то же странное чувство, появившееся в последние дни в окружной тюрьме Франклина: ему казалось, что Рейджен и Артур не сливаются с остальными, не хотят или не могут, пока не убедятся, что его не отправят снова в тюрьму. Ну, хотя бы частичное слияние достигнуто – и его достаточно для судебного разбирательства.

Он собирался и дальше откликаться на имя «Билли», хотя знал, что он и не изначальный Билли, и не полный конгломерат всех его личностей. А нечто промежуточное. Направляясь к полицейскому фургону, Билли думал, каково будет, если он достигнет полного слияния.

Сев в припаркованный у входа в больницу полицейский фургон, он заметил, что заместители шерифа смотрят на него как-то странно. На пути в здание суда они сделали восьмикилометровый крюк, чтоб сбросить с хвоста газетчиков и телерепортеров, которые могли за ними увязаться. Фургон подъехал к автомобильным воротам тюрьмы Франклина со стороны Франт-стрит, но прежде чем ворота закрылись, в них успели проскочить девушка и мужчина с телекамерой.

– Давай, Миллиган, – сказал водитель, открывая дверцу.

– Я не выйду, – ответил Билли, – пока люди с камерой не уйдут. Если вы не будете меня защищать, я при первой же возможности расскажу об этом своим адвокатам.

Водитель развернулся и заметил репортеров.

– Кто вы такие?

– Новости «Четвертого канала». У нас есть разрешение.

Водитель посмотрел на Билли, тот однозначно покачал головой.

– Адвокаты велели мне к репортерам и близко не подходить. Я не выйду.

– Он отказывается выходить, пока вы не уйдете, – передал им водитель.

– У нас есть право... – снова начала женщина.
– Это нарушает мои права, – закричал Билли из грузовика.
– Что там происходит? – подключился и полицейский, охранявший ворота.

– Миллиган отказывается выходить из-за репортеров, – объяснил водитель.

– Ребята, послушайте, – сказал сержант Уиллис. – Боюсь, вам придется уйти, поскольку нам надо его провести.

Репортер с оператором вышли, стальная дверь опустилась, и Билли позволил Уиллису провести его в следующую дверь. Там его ждали полицейские в черных рубашках, которым хотелось посмотреть на Миллигана, и Уиллису пришлось велеть им расступиться.

Сержант Уиллис повез его на четвертый этаж.

– Сынок, ты меня помнишь?

Билли кивнул.

– Да, вы нормально со мной обращались.

– Ну, и у меня из-за тебя проблем не было. Если не считать унитаза. – Уиллис угостил его сигаретой. – Теперь ты знаменит.

– Я себя знаменитым не ощущаю, – ответил Билли, – скорее, что меня все ненавидят.

– Ну, внизу собрались ребята и с «Четвертого канала», и с «Десятого», и «Эй-би-си», и «Эн-би-си», и «Си-би-эс». Я столько камер даже на суде по самым страшным убийствам не видел.

Они остановились у зарешеченной двери в какой-то тамбур, дальше которого находились ворота, ведущие в здание окружного суда.

Сидящий за столом охранник приветственно кивнул.

– Едва узнал тебя без усов, – потом он нажал на кнопку звонка, чтобы сообщить центральному посту управления, чтобы все встали по местам, открыли ворота здания суда и пропустили Миллигана.

Дверь распахнулась. Конвоиры поставили Миллигана к стене и тщательно обыскали.

– Хорошо, – сказал один, – давай по этому коридору, я за тобой.

На восьмом этаже здания суда к ним присоединились Джуди с Гэри. Они тоже заметили отсутствие усов.

– Без них тебе лучше, – прокомментировала Джуди, – черты лица четче.

Билли приложил палец к губам, и у Гэри мелькнуло подозрение. Он хотел что-то сказать, но к ним подошел полицейский с рацией и наушником, взял Билли за локоть и сообщил, что шериф просил привести

Миллигана на третий этаж.

– Минуточку, – сказал Гэри, – суд будет на этом этаже.

– Сэр, я не знаю, в чем дело, но шериф сказал привести его немедленно.

– Ты жди здесь, – сказал Гэри Джуди, – а я пойду с ним, разберусь, что происходит.

Швайкарт зашел в лифт вместе с Билли и полицейским, но когда двери открылись, Гэри все понял. Сработала вспышка. Их поджидали фотограф с репортером из «Коламбус диспэч».

– Что за хрень? – заорал Гэри. – Я, по-вашему, тупой? Я этого не потерплю.

Репортер объяснил, что они хотели сделать фотографии без наручников. И якобы получили одобрение шерифа.

– Проваливайте! – рявкнул Гэри. – Не имеете права так обращаться с моим клиентом.

Повернувшись к Билли, он завел его обратно в лифт. Полицейский поехал с ними и отвел их в комнату для ожидания возле зала суда по гражданским делам.

В комнату вошли Дороти Тернер и Стелла Кэролин, обняли и успокоили Билли. Когда они ушли и Билли остался наедине с полицейским, он затрясся и схватился за стул, на котором сидел.

– Миллиган, – объявил полицейский, – все, можешь входить в зал суда.

Гэри заметил, что когда Билли ввели, художники-криминалисты схватились за резинки. Он улыбнулся. Они стирали усы.

– Ваша честь, – начал Гэри, подходя к судье, – обвинение и защита пришли к соглашению, что нет необходимости ни вызывать свидетелей, ни выставлять самого Билли. По соглашению сторон факты по делу будут зачитаны по протоколу.

Судья Флауэрс сверился с записями.

– Вы не будете оспаривать выдвинутые обвинения и отрицать, что ваш клиент совершил вменяемые ему преступления, за исключением первого пункта, заключающегося в посягательстве сексуального характера?

– Все верно, ваша честь, но мы заявляем о невиновности клиента по причине его невменяемости.

– Господин Явич, хотите ли вы оспорить психиатрические заключения, предоставленные Юго-Западным центром психического здоровья и больницей Хардинга?

Явич встал.

– Нет, ваша честь. Обвинение согласно с показаниями, данными доктором Хардингом, доктором Тернер, доктором Кэролин и доктором Уилбур, которые подтверждают проявление у подсудимого психического заболевания на момент совершения преступлений.

Джуди Стивенсон зачитала показания со стороны защиты, данные под присягой, и их занесли в протокол. В зале стояла тишина. Время от времени Джуди поднимала взгляд на Билли и видела, насколько он бледен. Ей оставалось лишь надеяться, что боль от услышанного не пошатнет его слияние.

«Миссис Маргарет Ченджетт готова дать под присягой показания о том, что несколько раз видела мать Миллигана после того, как ее избивал мистер Миллиган. Она также клятвенно утверждает, что однажды сам Билли позвал ее, сказав, что матери очень плохо. Миссис Ченджетт отправилась домой к Миллиганам и застала миссис Мур в кровати. По словам миссис Ченджетт, миссис Мур лежала избитая и дрожала. Миссис Ченджетт сказала, что вызовет врача и священника, и весь день провела с миссис Мур.

Дороти Мур, мать подзащитного, готова в случае вызова дать под присягой показания о том, что ее бывший супруг, Чермел Миллиган, сильно над ней издевался, в пьяном виде часто избивал. Как правило, на время избиений он запирали детей в их комнате. Она готова подтвердить под присягой, что после избиений “у Челмера часто наступало половое возбуждение”. Миссис Мур также сказала, что мистер Миллиган ревновал к Биллу и часто бил его “просто в воспитательных целях”. Однажды он привязал Билла к плугу, а потом – к двери сарая, чтобы его “исправить”. Миссис Мур готова подтвердить под присягой, что до совершения сыном данного правонарушения она не знала, насколько жестоко Билла избивали, а также об актах содомии...»

Гэри заметил, что, услышав это, Билли закрыл руками глаза.

– У тебя платочек есть? – спросил Миллиган.

Обернувшись, Гэри увидел, что вокруг него человек десять уже протягивали платки.

«Миссис Мур также готова подтвердить под присягой, что один раз сталкивалась с женской стороной Билли, когда он приготовил ей завтрак. По ее словам, он разговаривал и даже двигался как девочка. Миссис Мур также готова дать показания о том, что однажды нашла Билла у пожарного выхода дома в центре Ланкастера в состоянии, “похожем на транс”. Он без разрешения ушел из школы, ей позвонил директор и поставил об этом в известность. Миссис Мур сказала, что не раз заставляла Билла “в транс”.

Она готова подтвердить под присягой, что, выходя из этого состояния, Билл не мог вспомнить то, что с ним происходило, пока он находился в “трансе”.

Миссис Мур также готова подтвердить под присягой, что она не делала шагов к разводу с мистером Миллиганом потому, что хотела сохранить семью. Она развелась лишь тогда, когда дети поставили ей ультиматум с таким условием».

Зачитали заключения Кэролин и Тернер.

Потом перешли к показаниям Джима, брата Билли:

«Если Джеймса Миллигана вызовут в суд, он готов дать показания под присягой в том, что Челмерс [sic] Миллиган часто возил Джеймса и Билла на принадлежавший их семье участок, где стоял сарай. Его, Джеймса, отправляли в поле охотиться на кроликов, а Биллу всегда приказывали остаться с отчимом, Челмерсом. И всякий раз, когда он, Джеймс, возвращался к сараю, Билл плакал. Билл часто жаловался Джеймсу, что отчим его обижал. Когда Челмерс замечал это, он всякий раз говорил Биллу: “Ну, ничего такого тут в сарае не было, да?” Билл, который очень боялся отчима, отвечал “Да”. Далее Челмерс говорил: “Мы же не хотим расстраивать маму, да?” Потом он вез обоих мальчиков в магазин за мороженым, после чего они возвращались домой.

Он также готов подтвердить под присягой, что в семейных неурядицах страдал всегда только Билли».

В половине первого судья Флауэрс предложил как обвинению, так и защите высказать свои последние доводы. Обе стороны отказались от этого права.

Судья исключил первый пункт обвинения, первое изнасилование, отметив, что для его доказательства не хватает улик и *modus operandi*^[9] совершенно не соответствует остальным случаям.

– Перейдем к свидетельствам в пользу невменяемости, – продолжил судья. – По требованию предоставлены медицинские заключения, и, судя по их данным, все врачи согласны, что на момент совершения преступлений, в которых он обвиняется, подзащитный находился в невменяемом состоянии. И что по причине своего психического расстройства он не осознавал разницы между добром и злом и также не был в состоянии воздержаться от совершения этих поступков.

Гэри затаил дыхание.

– Поскольку противоречащих свидетельств нет, – продолжил Флауэрс, – у суда не остается выбора, кроме как по имеющимся данным заключить, что по пунктам обвинения со второго по десятый включительно

подсудимый невиновен по причине невменяемости.

Судья Флауэрс передал Билли Миллигана в распоряжение окружного суда Франклина по делам об опеке, трижды стукнул молотком и объявил заседание суда закрытым.

Джуди едва не расплакалась, но удержалась. Она стиснула Билли и потащила его в комнату ожидания, подальше от толпы. Дороти Тернер зашла его поздравить, за ней – Стелла Кэролин и все остальные, и Джуди заметила на их щеках слезы.

В стороне остался только Гэри. Он задумчиво стоял у стены, сложив на груди руки. Битва оказалась трудная, он не спал ночами, его брак оказался на грани распада, но теперь она уже почти закончилась.

– Так, Билли, – сказал он. – Теперь нам надо к судье Меткафу, разбирающему дела об опеке. Но нам придется выйти в фойе и пробраться через толпу репортеров с камерами.

– А через задний ход не получится?

Гэри покачал головой.

– Мы выиграли. Я не хочу, чтобы пресса против нас ополчилась. Они ждали несколько часов. Тебе лучше предстать перед камерами и ответить на пару-тройку вопросов. Не хотелось бы, чтобы про тебя писали, будто ты удрал через черный ход.

Когда Гэри вывел Билли в фойе, их обступили репортеры с операторами и пошли рядом с ними, снимая.

– Мистер Миллиган, как вы себя чувствуете?

– Нормально.

– Вы, наверное, очень рады, что суд закончился?

– Нет.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ну, – ответил он, – многое еще впереди.

– Каковы ваши цели?

– Хочу снова стать нормальным членом общества. Заново научиться жить.

Гэри понастойчивее подтолкнул его в спину, и Билли пошел быстрее. Они добрались до девятого этажа, где заседал судья Меткаф, но оказалось, что тот ушел на обед. Им предстояло вернуться через час.

Берни Явич обзвонил всех жертв, как и обещал, и рассказал об итогах заседания.

– Согласно имеющимся свидетельствам и закону, – сказал он, – у меня нет сомнений в том, что судья вынес верное решение.

Терри Шерман был с ним согласен.

После обеда судья Меткаф изучил рекомендации психиатров и направил Миллигана в Центр психического здоровья Афин на попечение доктора Дэвида Кола.

Билли отвели в переговорный зал, и Ян Райан с «Канала-6», работавший над документальным фильмом о жизни Билли для Фонда защиты детей от насилия, задал ему несколько вопросов, а также снял небольшой материал для спецвыпуска теленовостей. Джуди с Гэри куда-то позвали, в какой-то момент появился полицейский и сказал, что Билли пора ехать в Афины.

Он расстроился, что придется уезжать, не попрощавшись с Джуди и Гэри, но офицер надел наручники так, что Миллиган едва мог шевелить руками, хотя необходимости в этом не было, и спешно повел Билли вниз, где его ждал полицейский фургон. Второй полицейский сунул ему в руки стаканчик с горячим кофе и хлопнул дверцей.

Когда фургон заворачивал за угол, горячий кофе пролился на новый костюм, и Билли швырнул стаканчик за сиденье. Ему было хреново и становилось все хуже и хуже.

Он совершенно не знал, что его ждет в Афинах. Может, там вообще все равно что тюрьма. Билли старался не забывать, что его мучения далеко не окончены и еще хватает желающих, чтобы он оказался за решеткой. Миллиган помнил, что условия его досрочного освобождения из тюрьмы были нарушены, так как у него дома нашли оружие, и что Гэри уже поставили в известность, что как только его вылечат, отправят обратно в тюрьму. Но, наверное, уже не в Лебанон. После изнасилований – скорее всего, в ад под названием Лукасвилль. А где Артур? И Рейджен? Они вообще собираются принимать участие в слиянии?

Они ехали по занесенному снегом тридцать третьему шоссе, мимо Ланкастера, где Билли вырос, учился в школе и пытался покончить с собой. Все это казалось абсолютно невыносимым. Он очень устал и хотел, чтобы все это уже закончилось. Он закрыл глаза и ослабил контроль...

Через несколько секунд Дэнни осмотрелся, гадая, куда его везут. Ему было холодно, одиноко и страшно.

Глава пятая

1

Они добрались до Афин и свернули с шоссе уже в темноте. Больница располагалась в комплексе зданий викторианской эпохи, стоявших на заснеженном холме, с которого был виден кампус Университета штата Огайо. Они переехали через широкую улицу и свернули в узкий извилистый переулок. Дэнни затрясся. Двое полицейских вывели его из фургона и повели вверх по лестнице старого здания из красного кирпича с узкими белыми колоннами.

Билли провели через старый коридорчик прямо к лифту, а затем – на четвертый этаж. Когда двери открылись, полицейский сказал:

– Ну, повезло вам, мистер.

Дэнни попытался упереться, но офицер протолкнул его в тяжелую металлическую дверь с надписью «*Прием и интенсивная терапия*».

В отличие от тюрьмы или больницы отделение тут походило на длинный коридор какого-нибудь отеля: ковер, светильники, занавески, кожаные кресла. И по обе стороны – множество дверей. А пост медсестер был похож на стойку регистрации.

– Боже мой, – удивился полицейский. – Прямо как на курорте.

В дверях кабинета по правую руку появилась пожилая женщина. Ее широкое и дружелюбное лицо обрамляли черные кудри, будто она только что покрасила волосы и сделала перманент. Она улыбнулась, и, когда они вошли в небольшую приемную, мягко спросила у полицейского, как его зовут.

– Это не я к вам ложусь, леди.

– Ну, вы же сдаете мне пациента, мне надо записать, кто его привел.

Полицейский неохотно назвал. Дэнни смущенно отошел в сторонку и принялся потирать пальцы, которые из-за наручников уже занемели.

Доктор Дэвид Кол, видевший, как полицейский заталкивал Миллигана, сурово посмотрел на него и рявкнул:

– И снимите с него эти идиотские наручники!

Офицер отыскал ключи и выполнил распоряжение. Дэнни потер запястья, глядя на оставшиеся на коже глубокие вмятины.

– Что со мной будет? – плаксиво спросил он.

– Молодой человек, как вас зовут? – спросил доктор Кол.

– Дэнни.

Полицейский, снимавший наручники, расхохотался.

– Боже мой!

Доктор Кол подскочил и захлопнул дверь прямо перед его лицом. Его не удивляло, что в подобных обстоятельствах произошла диссоциация. От доктора Хардинга он знал, что слияние было в лучшем случае неустойчивым. По собственному опыту работы с множественными личностями он знал, что стрессовые ситуации, такие как суд, могли вызвать разрушение слияния. Так что теперь нужно внушить Дэнни уверенность в ситуации.

– Дэнни, приятно познакомиться, – сказал доктор Кол. – Сколько тебе лет?

– Четырнадцать.

– А откуда ты родом?

Он пожал плечами.

– Не помню. Наверное, из Ланкастера.

Кол ненадолго задумался и, заметив, насколько Миллиган устал, отложил ручку.

– По-моему, это можно отложить на потом. Надеюсь, ночь пройдет хорошо. Это миссис Кэтрин Джиллот, один из наших специалистов по охране психического здоровья. Она проводит тебя в твою комнату, сможешь поставить там чемодан и снять пиджак.

Доктор Кол вышел, а миссис Джиллот отвела его через коридор в первую комнату по левой стороне. Дверь была открыта.

– Это моя комната? Не может быть.

– Заходи, парнишка, – сказала она, вошла сама и открыла окно. – Тут отличный вид на Афины и университет. Сейчас уже темно, но утром увидишь. Располагайся.

Она оставила его одного, но Билли уселся в кресле в коридоре и сидел так, боясь пошевелиться, до тех пор пока не начали выключать свет.

Потом он вошел в свою комнату и сел на постель. Он дрожал, в глазах стояли слезы. Билли уже знал, что если с тобой хорошо обращаются, рано или поздно придется за это расплачиваться. Всегда есть какая-то ловушка.

Он лег на постель и задумался о том, что с ним будет. Билли изо всех сил старался не засыпать, но он пережил трудный день, так что в итоге уснул.

Утром 5 декабря 1978 года Дэнни открыл глаза и увидел, что через окно льется свет. Выглянув, он увидел реку, а на другом берегу – университет. Когда он стоял у окна, в дверь постучали. Это оказалась взрослая женщина довольно приятной внешности, с короткой стрижкой и широко поставленными глазами.

– Меня зовут Норма Дишонг, я твой специалист из утренней смены. Если хочешь, идем со мной, и я покажу тебе, что тут у нас есть и где подают завтрак.

Он согласился, и она показала комнату с телевизором, бильярдную, буфет. За двойными стеклянными дверями был устроен небольшой кафетерий с одним длинным столом по центру и четырьмя квадратными столиками вроде карточных, которые стояли вдоль стен.

– Бери поднос, приборы, выбирай еду.

Билли взял поднос, протянул руку за вилок, но, достав ее, понял, что это нож, и отшвырнул его. Нож ударился о стену и со звоном упал на пол. Все посмотрели на Миллигана.

– Что такое? – спросила Дишонг.

– Я... боюсь ножей. Они мне неприятны.

Она сходила за ножом, а потом достала вилку и положила ему на поднос.

– Давай, возьми что-нибудь поесть.

После завтрака Норма окликнула Билли, когда он шел мимо сестринского поста.

– Если хочешь пройтись по всему зданию, надо только расписаться в листке, который висит на стене, чтобы мы знали, что ты вышел.

Миллиган в ошеломлении уставился на нее.

– Я что, могу выходить?

– Это открытое отделение. Ты можешь ходить по всей клинике. А когда доктор Кол увидит, что ты готов, ты сможешь гулять и на улице, на территории больницы.

Билли удивился еще больше.

– На улице? И тут нет ни стен, ни заборов?

Норма улыбнулась.

– Именно так. Это же клиника, а не тюрьма.

В тот же день доктор Кол зашел к Билли в комнату.

– Ну, как самочувствие?

– Хорошо. Я и не предполагал, что людям вроде меня можно ходить без присмотра. В больнице Хардинга было иначе.

– Тогда ты ожидал суда, – объяснил Кол. – Я хочу, чтобы ты кое-что запомнил. Слушание прошло, и тебя признали *невиновным*. Для нас ты не преступник. Что бы ни совершил в прошлом ты или кто-то из *тех, кто существует внутри тебя*, это осталось позади. Теперь у тебя новая жизнь. Все, что ты будешь тут делать, как будешь развиваться, как воспринимать события... как будешь работать с Билли, над собой, брать себя в руки... вот от чего зависит твое выздоровление. Но надо, чтобы тебе *хотелось* выздороветь. А относиться плохо к тебе здесь никто не будет.

В тот же день в вечернем выпуске «Коламбус диспэч» появилась заметка о том, что Миллигана перевели в Афины. В материале был подведен краткий итог по делу, включая представленные в суде свидетельства того, что Челмер Миллиган жестоко обращался с женой и детьми. Там также было опубликовано данное под присягой заявление Черлмера Миллигана и его адвоката, копию которого направили в «Коламбус диспэч»:

«В октябре 1963 года я, Челмер Дж. Миллиган, женился на матери Уильяма Стэнли Миллигана. Вскоре после этого я усыновил Уильяма, а также его брата и сестру.

Уильям обвинял меня в угрозах, жестоком обращении и содомии, в основном в период между его 8 и 9 годами. Эти обвинения абсолютно ложные. Более того, ни один из психиатров и психологов, составлявших заключение для судьи Флауэрс, не связался со мной до выхода данного документа.

Я не сомневаюсь в том, что Уильям постоянно и во многом врал в ходе тех осмотров. Я был женат на его матери 10 лет и знаю его как отъявленного лжеца. И мне кажется, что он продолжает придерживаться той же выработанной давно стратегии.

Обвинения Уильяма и их публикация в многочисленных газетах и журналах навлекли на меня много проблем, душевной боли и страданий. Так что я делаю это заявление с целью разъяснить возникшее недоразумение и восстановить свою репутацию».

Однажды утром, через неделю после перевода Миллигана в новую больницу, к нему снова зашел доктор Кол.

– Я тут подумал, что надо сегодня начинать терапию. Пойдем ко мне в кабинет.

Испуганный Дэнни пошел за ним. Кол предложил ему удобное кресло, а сам сел напротив и сложил руки на своем круглом животе.

– Я читал твою карту, а она у тебя толстенная, так что я много о тебе знаю. Мы будем заниматься примерно тем же, что делала доктор Уилбур. С

ней я тоже разговаривал и знаю, что ей удалось вызвать твоё доверие и побеседовать с Артуром, Рейдженем и остальными. Нам предстоит повторить тот же путь.

– Как? Я не могу их вызвать.

– Просто устраивайся поудобнее и слушай мой голос. Не сомневаюсь, Артур поймет, что я друг доктора Уилбур. Она рекомендовала направить тебя на лечение именно сюда, поскольку доверяет мне, и я надеюсь, что ты тоже проникнешься ко мне доверием.

Дэнни поерзал в кресле, потом откинулся на спинку, расслабился, взгляд его начал плавать из стороны в сторону. И через несколько секунд он внезапно напрягся и посмотрел перед собой.

– Да, доктор Кол, – сказал он, сложив кончики пальцев, – я признателен, что доктор Уилбур вас порекомендовала. Я всецело готов к сотрудничеству с вами.

Кол ждал, что появится англичанин, так что перемена его не шокировала. Он повидал уже достаточно множественных личностей, чтобы не удивляться появлению новых альтер-эго.

– Гм... э... да. Ты не представишься? Для проформы.

– Я Артур. Вы хотели со мной поговорить.

– Да, Артур. Я, естественно, по акценту догадался, кто передо мной, но, думаю, ты понимаешь, что я вынужден строить различные предположения...

– Доктор Кол, у меня нет акцента. Это у вас он есть.

Кол пару секунд смотрел на него удивленно.

– А, да. Прощу прощения. Надеюсь, ты не против ответить на пару вопросов?

– Отнюдь. Именно поэтому я здесь, чтобы оказать всевозможное содействие.

– Я хотел бы сверить основные факты по разным личностям...

– Доктор Кол, это *люди*, а не «личности». Аллен уже говорил доктору Хардингу, что если вы будете называть нас «личностями», у нас сложится впечатление, что вы отрицаете факт нашей реальности. А это усложнит терапию.

Кол пристально всмотрелся в лицо Артура и решил не обращать внимания на его высокомерие и снобизм.

– Согласен. Я хотел бы узнать побольше об этих *людях*.

– Я расскажу все, что смогу.

Кол расспрашивал Артура о возрасте, внешности, отличительных особенностях, способностях и причинах появления девяти человек,

зафиксированных доктором Хардингом.

– А почему появилась малышка? Кристин. Какую роль она играет?

– Для общения с одиноким ребенком.

– А какой у нее темперамент?

– Девочка застенчива, но выходит из себя, когда предчувствует, что Рейджен готов проявить жестокость. Он ее боготворит, так что обычно она устраивает истерику, топает ногами и тем самым отвлекает Рейджена от его злостных намерений.

– Почему ей все время три года?

Артур хитро улыбнулся.

– У нас возникла потребность в человеке, который практически ничего не знает о происходящем. Это ее незнание – важный защитный механизм. Когда Уильяму надо было что-то скрыть, она выходила в пятно, начинала рисовать, играть в классики или с тряпичной куклой, которую ей сделала Адалана. Кристин – очаровательная девочка. Я ее особенно люблю. Она ведь тоже из Британии.

– Не знал.

– Да-да. Она сестра Кристофера.

Кол ненадолго задумался.

– Артур, ты всех остальных знаешь?

– Да.

– И всегда всех знал?

– Нет.

– А как узнал?

– Методом дедукции. Когда я понял, что теряю время, я начал пристально наблюдать за окружающими. Понял, что у них это происходит по-другому, и задумался. Потом я стал расспрашивать – как снаружи, так и в голове – и таким образом узнал правду. А потом очень медленно, долгие годы, устанавливал с остальными контакт.

– Ну, тогда я рад, что мы с тобой встретились. Чтобы помочь Билли, да и всем вам, мне понадобится твоя помощь.

– Обращайтесь в любое время.

– Хочу спросить еще кое-что важное, пока ты не ушел.

– Да?

– Гэри мне кое-что рассказывал, да и в прессе это уже появилось. По его словам, судя по разногласиям в показаниях, то есть по расхождениям с тем, что говорили жертвы, например будто кто-то из вас ругался матом, рассказывал о преступной деятельности, назвался именем «Фил»... помимо десяти перечисленных, могут быть еще и другие личности. Тебе об этом

что-нибудь известно?

Артур не ответил, его взгляд подернулся пеленой, губы зашевелились. Он медленно и едва уловимо подался назад. Через несколько секунд заморгал, осмотрелся.

– Боже! Только не это!

– Привет, я доктор Кол. Не скажешь, как тебя зовут, я запишу в формуляр?

– Билли.

– Ага. Ну, привет, Билли. Я твой доктор. Тебя направили сюда под мою опеку.

Билли поднес руку к голове, он еще не совсем пришел в себя.

– Я вышел из здания суда. Сел в фургон... – Он поспешно посмотрел на свои запястья, одежду.

– Билли, что ты помнишь?

– Коп очень крепко сковал мне руки. Потом сунул горячий кофе и хлопнул дверью. Когда мы тронулись, я залил свой новый костюм. И это последнее... где мой костюм?

– В твоём шкафу. Можем отправить его в химчистку. Пятна должны отойти.

– У меня странные ощущения, – сказал он.

– Поделишься со мной?

– Словно в голове чего-то не хватает.

– В воспоминаниях?

– Нет. Как будто перед судом я был ближе с остальными, понимаете? Но теперь кажется, что тут еще больше не хватает. – Он постучал по голове.

– Билли, мы в ближайшие дни и недели постараемся отыскать то, чего не хватает, и вернуть все на место.

– А где я?

– Это Центр психического здоровья в городе Афины, штат Огайо.

Он уселся поудобней.

– Судья Меткаф так и говорил. Я помню, он сказал, что меня отправляют сюда.

Кол понял, что теперь имеет дело с частично объединенным Билли, главной личностью, и заговорил мягко, стараясь придерживаться нейтральных вопросов. Его все еще поражало, как сильно при переключении личности менялось лицо. Артур со стиснутыми челюстями, сжатыми губами и тяжелыми веками казался надменным, а Билли с широко раскрытыми глазами выглядел таким нерешительным, слабым и уязвимым.

Но в отличие от Дэвида Билли демонстрировал не страх, а недоумение. Он охотно отвечал на задаваемые вопросы, стараясь угодить доктору, но было видно, что многого он не знает или не помнит.

– Доктор Кол, простите меня. Иногда вы что-то спрашиваете, и я думаю, что дам вам ответ, но не нахожу его. Наверное, мой Артур или Рейджен знает. Они умнее меня, и память у них хорошая. Но я не знаю, куда они делись.

– Ничего страшного, Билли. Память улучшится, и ты увидишь, что знаешь куда больше, чем предполагал.

– Доктор Хардинг тоже это говорил. Что такое произойдет в результате слияния, и так действительно было. Но после суда все снова распалось. Почему так?

– Билли, ответа на этот вопрос я не знаю. А ты сам как думаешь?

Он покачал головой.

– Я знаю только, что Артур и Рейджен сейчас не со мной, а когда их нет, я мало что помню. Я многое в своей жизни пропустил, потому что они делали так, чтобы я много спал. Это мне Артур сказал.

– Артур с тобой много разговаривает?

Билли кивнул.

– С тех пор как доктор Джордж нас с ним познакомил, он постоянно говорит мне, что делать.

– Думаю, следует его слушать. Как правило, у множественных личностей внутри есть кто-то, кто знает всех остальных и старается помочь. Мы называем их «внутренними помощниками», сокращенно ВП.

– Артур? Он ВП?

– Думаю, да. Он подходит на эту роль: умный, знает о существовании других, высоконравственный...

– Да, Артур очень нравственный. Это он придумал правила.

– Какие правила?

– Как себя вести, что делать, чего не делать.

– Ну, я считаю, что Артур нам очень поможет в лечении, если согласится.

– Я в этом не сомневаюсь, – сказал Билли. – Артур все время говорит, как важно всем объединиться и выздороветь, чтобы я стал полезным гражданином и достойным членом общества. Но я не знаю, куда он делся.

В ходе разговора Колу показалось, что доверие Билли к нему растет. Потом он отвел его обратно в отделение, показал его палату и снова познакомил с Нормой Дишонг и другими.

– Норма, это Билли, – сказал Кол. – Он тут новенький. Надо, чтобы

кто-нибудь показал ему отделение ПИТ.

– Разумеется, доктор Кол.

Но, приведя Билли в его комнату, она пристально посмотрела на него.

– Ты же тут уже ориентируешься, да, Билли, так что повторять не будем.

– Что такое ПИТ? – поинтересовался он.

Она подвела его к тяжелой двери, открыла ее и показала на табличку.

– Прием и интенсивная терапия. Сокращенно мы называем ее ПИТ.

Норма развернулась и ушла.

Билли не понял, что он сделал такого, что она с ним так неприветлива, он старался, но вспомнить не мог.

Узнав, что вечером к нему придет мать с сестрой, Билли напрягся. Кэти он уже встречал в суде, и поначалу Билли был в шоке, увидев, что четырнадцатилетняя девочка превратилась в привлекательную двадцатидвухлетнюю женщину, но когда привык, ему стало с ней легко. А матери на слушании не было, он сам на этом настоял. Хотя Кэти заверяла брата, что Дороти приезжала к нему в больницу Хардинга, а до этого – в тюрьму Лебанона, Билли ничего этого не помнил.

Последний раз он видел маму в шестнадцать лет, а потом его «усыпили». Но перед глазами у Билли стояло более раннее воспоминание из времени, когда ему было четырнадцать: ее прекрасное лицо окровавлено, выдерн огромный клоч волос...

Когда они вошли в отделение, Билли поразило, насколько состарилась его мать. Все лицо покрылось морщинами. Темные волосы с тугими кудрями походили на парик. Но голубые глаза и пухлые губы остались все такими же красивыми.

Мама с Кэти предались воспоминаниям о прошлом, каждая старалась вспомнить из детства Билли поступок как можно интереснее, который тогда казался очень странным, а теперь становилось понятно, что это сделал кто-то из его личностей.

– Я всегда знала, что их двое, – сказала мать. – Я всегда говорила, что есть мой Билли и какой-то другой. Я пыталась объяснить им, что тебе нужна помощь, но меня никто не слушал. Говорила и врачам, и адвокатам, которые посоветовали тебе признать меньшее из преступлений, после чего ты попал в Лебанон. Но меня никто не слушал.

Кэти подалась назад и сурово посмотрела на мать.

– Тебя бы послушали, если бы ты рассказала про Челмера.

– Я не знала, – ответила Дороти Мур. – Кэти, бог свидетель, если бы я

представляла, что он делает с Билли, я бы вырвала ему сердце. И не забрала бы у тебя тогда нож, сынок.

Он нахмурился.

– Какой нож?

– Я помню все, как вчера, – сказала мать, разглаживая юбку на своих длинных загорелых ногах. – Тебе было лет четырнадцать. Я нашла у тебя под подушкой нож и спросила, что он там делает. И знаешь, что ты сказал? Я думаю, это был *другой* Билли. «Мадам, к утру ваш муж будет мертв». Слово в слово, бог свидетель.

– А как Челла? – Билли решил сменить тему.

Мать опустила взгляд.

– Что-то случилось, – заметил Билли.

– С ней все в порядке, – ответила мать.

– Я же чувствую, что что-то не так.

– Она ждет ребенка, – сказала Кэти. – Но ушла от мужа и возвращается в Огайо, будет жить с мамой, пока не родит.

Билли начал махать рукой перед глазами, словно разгоняя дым или туман.

– Я знал, что что-то не так, чувствовал.

Мать кивнула.

– Да, ты всегда многое угадывал. Как там это называется?

– Экстрасенс, – сказала Кэти.

– И ты такая же, – добавила мать. – Вы двое всегда все знали. Без разговоров понимали, что творится друг с другом. У меня от этого, скажу я вам, всегда мурашки по коже бегали.

Они провели с Билли больше часа, после чего он лег на кровать и долго смотрел на огни Афин.

3

В последующие дни Билли бегал трусцой вокруг клиники, читал, смотрел телевизор, ходил на терапию. В газетах Коламбуса регулярно мелькало его имя. В журнале «Пипл» тоже вышла довольно большая статья о его жизни, а на обложке «Коламбус мансли» появился его портрет. В больницу постоянно звонили люди, которые читали о Миллигане, видели его картины и хотели их купить. С разрешения доктора Кола Билли заказал материалы, поставил в своей комнате мольберт и начал десятками рисовать портреты, пейзажи и натюрморты.

Билли также сообщил доктору Колу, что, по словам Джуди с Гэри, появилось много желающих приобрести права на историю его жизни, другие зовут его принять участие в ток-шоу типа «Шоу Фила Донахью», «Дина!» и «60 минут».

– Билли, ты бы хотел, чтобы о тебе написали? – поинтересовался в связи с этим доктор Кол.

– Ну, деньги бы мне не помешали. Когда я поправлюсь, мне нужно будет на что-то жить. Кто возьмет меня на работу?

– А если не думать о деньгах? Как тебе мысль о том, что весь мир прочтет о твоей жизни?

Билли нахмурился.

– Я думаю, люди должны об этом знать. Это помогло бы им понять, до чего может довести издевательство над детьми.

– Если ты всерьез решишь, что готов позволить кому-нибудь написать о твоей жизни, я могу свести тебя со своим знакомым писателем, которому я доверяю. Он преподает тут, в Афинах, в Университете Огайо. По одной из его книг сняли фильм. Но только если захочешь, я говорю это лишь для того, чтобы ты рассмотрел все возможности.

– Вы считаете, что настоящий писатель захочет написать обо мне книгу?

– Ну, думаю, никто не пострадает, если вы познакомитесь, заодно и узнаем, что он скажет по этому поводу.

– Ладно, идея хорошая. Я бы с радостью.

Вечером Билли постарался представить себе, каково это – общаться с писателем. Попробовал вообразить его внешность. Вероятно, он будет в твидовом пиджаке, с трубкой, как Артур. Но хороший ли он писатель, если ему приходится еще и преподавать в университете? Писатель должен жить в Нью-Йорке или Беверли-Хиллз. И почему это доктор Кол его рекомендует? Надо быть поосторожнее. Гэри сказал, что книга может принести много денег. И фильм тоже. Потом Билли задумался, кто сыграет его самого.

Всю ночь он ворочался от волнения и испуга от мысли, что будет разговаривать с настоящим писателем, по книге которого сняли фильм. Когда наконец на рассвете он заснул, Артур решил, что Билли не в состоянии выдержать интервью с писателем, и выпустить в пятно надо будет Аллена.

– Меня-то почему? – спросил тот.

– Ты манипулятор. Кто лучше проследит за тем, чтобы Билли не одурачили?

– Я у нас как лицо компании, – проворочал Аллен.

– Это у тебя лучше всего получается, – ответил Артур.

На следующий день Аллен познакомился с писателем и был одновременно шокирован и разочарован. Вместо высокого эффектного мужчины перед ним предстал низенький худенький человечек с бородой и в очках, в желто-коричневой вельветовой куртке свободного покроя.

После того как доктор Кол представил их друг другу, они перешли в его кабинет. Аллен откинулся на спинку кожаного диванчика и закурил сигарету. Писатель сел напротив и закурил трубку. Прямо как Артур. Они немного поболтали, потом Аллен перешел к делу.

– Доктор Кол сказал, что вас могут заинтересовать права на мою биографию. Сколько, по-вашему, они стоят?

Писатель улыбнулся и выпустил дым.

– Это от многого зависит. Мне надо узнать о тебе побольше, чтобы убедиться, что у тебя есть что-то, что заинтересует издателей. Что-нибудь такое, чего еще не напечатали в газетах, в «Тайм» и «Ньюсуик».

Кол улыбнулся и положил руки на живот, сплетя пальцы.

– В этом можешь не сомневаться.

Аллен подался вперед, поставив локти на колени.

– Да, напечатано не все. Далеко. Но задаром я не расскажу. Мои адвокаты из Коламбуса сказали, что на мою биографию охотников много. Приезжали из Голливуда, предлагали купить права на телепрограмму и кино, а на этой неделе прилетит еще один писатель со своим предложением.

– Звучит многообещающе, – ответил писатель, – о тебе столько пишут и говорят, я не сомневаюсь, что многие хотели бы прочесть о твоей жизни.

Аллен кивнул и улыбнулся. И решил зайти чуть дальше.

– Я хотел бы почитать, что вы написали, чтобы получить представление о вашей работе. Доктор Кол сказал, что по одной из ваших книг сняли фильм.

– Я пришлю тебе роман, – пообещал писатель. – Почитаешь, если заинтересуешься, поговорим еще раз.

Когда он ушел, доктор Кол предложил Билли найти себе адвоката, живущего поблизости, чтобы представлять его интересы. Государственные защитники из Коламбуса уже не могли этим заниматься.

На той же неделе Аллен, Артур и Билли по очереди читали присланный писателем роман.

– Думаю, именно он должен писать про нас, – сказал Билли Артуру,

когда книга подошла к концу.

– Согласен, – сказал Артур. – Он так хорошо понимает внутренний мир своего персонажа, я хочу, чтобы и про нас он рассказал так же. Если уж кто-то захочет вникнуть в суть проблемы Билли, рассказывать о ней надо изнутри. Писатель должен представить себя на нашем месте.

– Я против. Вообще не надо книга, – выступил Рейджен.

– Почему? – спросил Аллен.

– Скажу так. Билли будет с ним говорить. И ты, и остальные. Вы можете сказать такое, за что меня еще могут сажать – другие преступления.

Артур задумался.

– Но это рассказывать необязательно.

– К тому же, – добавил Аллен, – мы в любой момент можем выйти из игры. Если всплывет что-нибудь, что можно использовать против нас, Билли может уничтожить книгу.

– Как это?

– Он будет все отрицать, – сказал Аллен. – То есть я скажу, что я только притворялся, будто у меня множественная личность. Скажу, что это была брехня, и никто книгу не купит.

– И кто в это поверит? – спросил Рейджен.

Аллен пожал плечами.

– А неважно. Кто вообще захочет печатать книгу, если человек, про кого она, скажет, что наврал?

– Аллен прав, – сказал Артур.

– То же самое касается любого контракта, который Билли подпишет, – добавил Аллен.

– То есть притворяться, что он был некомпетентный их подписывать? – уточнил Рейджен.

Аллен улыбнулся.

– «Невиновен по причине невменяемости», так? Я говорил об этом по телефону с Гэри Швайкартом. Он сказал, что я в любой момент могу заявить, что был не в себе, когда подписывал контракт, что доктор Кол меня вынудил. И он будет считаться недействительным.

Артур кивнул.

– Тогда, наверное, можно смело разрешить этому писателю искать издателя.

– Я все же думаю, это неумно, – сказал Рейджен.

– А мне кажется важным рассказать миру нашу историю, – возразил Артур. – Про множественных личностей уже писали, но ничего похожего на нашу жизнь не было. Если мы объясним людям, как мы устроены, то это

будет вклад в психиатрию.

– К тому же, – добавил Аллен, – мы разбогатеет.

– Вот это, – ответил Рейджен, – лучшая и самая умная причина сегодня.

– Я знал, что деньги тебя заинтересуют, – ответил Аллен.

– Это одно из интереснейших противоречий в природе Рейджена, – сказал Артур. – Он ярый коммунист, но настолько любит деньги, что готов пойти на воровство.

– Но ты должен признавать, что после наших счетов другое я даю бедным и нуждающимся.

– И что? – засмеялся Аллен. – Может, мы на основании твоей благотворительности даже налоговые льготы получим.

4

19 декабря в больницу позвонил редактор газеты «Афинс мессенджер» и попросил о возможности взять у Миллигана интервью. Билли с доктором Колом согласились.

Кол отвел Билли в конференц-зал и представил ему редактора Херба Эми, репортера Боба Эки и фотографа Гейла Фишер. Он показал гостям картины Билли, и Миллиган ответил на вопросы журналистов о своем прошлом, о жестоком обращении, о попытках покончить с собой, о том, как другие личности взяли над ним верх.

– А как насчет эпизодов насилия с вашей стороны? – спросил Эми. – Если вам разрешать выходить с территории больницы – ведь такое право имеют многие пациенты из вашего отделения, – могут ли жители Афин быть уверены в том, что им и их детям ничего не угрожает?

– Я считаю, – сказал доктор Кол, – что на вопрос о насилии должен отвечать не Билли, а кто-нибудь из его личностей.

Он вывел Билли из зала и усадил в своем кабинете, располагавшемся напротив.

– Билли, мне кажется важным, чтобы ты установил с афинской прессой хорошие отношения. Надо продемонстрировать людям, что им не стоит тебя бояться. Тебе наверняка вскоре захочется иметь возможность выходить в город без надзора, покупать самому краски, ходить в кино или просто купить гамбургер. Наши сегодняшние гости явно относятся к тебе с пониманием. Думаю, надо дать им поговорить с Рейдженем.

Билли молча зашевелил губами. Через пару секунд он подался вперед

и сурово посмотрел на него.

– Доктор Кол, вы ненормальный?

У Кола от такого грубого тона перехватило дыхание.

– Почему ты так думаешь, Рейджен?

– Потому что это неправильно. Мы старались, чтобы Билли не спать.

– Если бы я не считал, что это важно, я не стал бы тебя звать.

– Неважно. Вы использовать газеты. Я против. И злой.

– Ты прав, – сказал Кол, с осторожностью глядя на него. – Но надо доказать людям, что суд вынес насчет тебя правильное решение.

– Мне плевать, что думать люди. Я не даю меня эксплуатировать, не хочу постыдные заголовки.

– Но хорошие отношения с местной прессой крайне важны. От того, что о тебе будут думать жители города, зависит твоя терапия и твои привилегии.

Рейджен задумался. Ему казалось, что Кол хочет использовать его, чтобы придать веса газетной публикации, но доводы он приводил разумные.

– Вы считать так правильно?

– Иначе я бы этого не предложил.

– Хорошо, – ответил Рейджен, – я буду говорить с репортерами.

Кол отвел его обратно в зал, и журналисты посмотрели на него с опаской.

– Я буду отвечать вопросы, – объявил Рейджен.

Эки смутился, услышав акцент.

– Я... то есть мы... спросили... Мы хотели бы убедиться, что от вас... то есть Билли, можно не ждать агрессивных поступков.

– Я буду делать такие поступки, только если кто-то начнет обидеть Билли или принести при нем вред женщине или ребенку, – ответил Рейджен. – Я буду вмешиваться только такие ситуации. Скажу так. Вы позволите обижать свой ребенок? Нет. Вы станете защищать жена, ребенок и чужая женщина. Если кто-то захочет обижать Билли, я защищу. Но нападать без причины – варварство. Я не варвар.

Задав еще несколько вопросов, репортеры попросили поговорить с Артуром. Кол повторил их просьбу, и они увидели, как озлобленная физиономия Рейджена словно тает, меняясь. Через миг оно снова приобрело жесткие черты, превратившись в высокомерное, недовольное лицо с поджатыми губами. Артур осмотрелся, будто занятый своими мыслями, достал из кармана трубку, закурил, выпустил длинную струйку дыма.

– Ну и безумие, – сказал он.

– Что именно? – поинтересовался доктор Кол.

– Усыплять Уильяма и выставять нас напоказ. Я как мог старался не давать ему заснуть. Очень важно, чтобы он контролировал ситуацию. Но, – Артур перевел внимание на газетчиков, – что касается вашего вопроса по поводу агрессии, я могу заверить матерей этого города, что запирасть двери на сто замков нет необходимости. Состояние Уильяма улучшается. Он потихоньку приобретает мою логику, а у Рейджена – способность выражать агрессию. Мы его учим, он вбирает нас в себя. Когда мы передадим ему все, что знаем и можем, мы исчезнем.

Репортеры принялись строчить в блокнотах.

Кол снова вызвал Билли, он вышел и начал задышаться от дыма трубки.

– Боже! Какая мерзость! – сказал Миллиган и отшвырнул ее на стол. – Я не курю.

Продолжая отвечать на вопросы, Билли сказал, что не помнит, что было, когда доктор Кол вывел его из зала. О своих целях он говорил нерешительно. Сказал, что надеется продать несколько картин, часть денег отдав центру, занимающемуся профилактикой жестокого обращения с детьми.

Когда репортеры выходили, Кол заметил, что все трое были весьма впечатлены.

– Сдается мне, – сказал доктор, возвращаясь вместе с Билли в ПИТ, – у тебя добавилось сторонников.

Джуди Стивенсон была занята, и Гэри Швайкарт приехал в Афины к Билли вместе с начальником их государственной адвокатской конторы. Гэри хотел побольше разузнать о писателе, который собирался взяться за книгу о Билли, а также об Л. Алане Голдсберри, адвокате из Афин, нанятом Билли для ведения этих вопросов. Они собрались в конференц-зале в одиннадцать часов; на встрече присутствовали также доктор Кол и сестра Билли со своим женихом Робом. Миллиган настаивал, что принял решение и хочет, чтобы именно этот человек стал автором книги. Швайкарт передал Голдсберри список издательств, писателей и продюсеров, проявивших интерес к биографии Билли.

После встречи Гэри захотел поговорить с Билли наедине.

– У меня теперь новое дело, которое тоже во всех новостях, – рассказал он. – «Убийца с двадцать вторым калибром».

Билли очень серьезно посмотрел на него.

– Пообещай мне кое-что.

– Что?

– Если он виновен, – сказал Миллиган, – не защищай его.

– Да, Билли, от тебя это странно слышать.

Уезжая из больницы, Гэри испытывал смешанные чувства. Ответственность за Билли теперь несут другие люди. А позади – четырнадцать месяцев, которые забирали у него все силы и ресурсы.

Отчасти поэтому он развелся с Джо-Энн. Дело отнимало много времени, которое должно было принадлежать семье, принесло много негативного внимания – ему даже глубокой ночью звонили и обвиняли в том, что он избавил от тюрьмы насильника... все это стало слишком тяжелым грузом. Одного из его сыновей затравили в школе из-за того, что отец защищал Миллигана.

Помимо того, в ходе работы приходилось постоянно думать о том, что другим клиентам уделяется недостаточно времени и сил, потому что сложный случай Миллигана стал главным в списке задач и Гэри, и Джуди. Как сформулировала его напарница, «начинаешь бояться, что кем-то пренебрегаешь, работаешь в десять раз больше, чтобы никого не обделить. А расплачиваться за это приходится семье и родным».

Садясь в машину, Гэри поднял взгляд на огромное уродливое викторианское здание больницы и кивнул. Да, теперь за Билли Миллигана отвечают другие люди.

5

23 декабря Билли проснулся с беспокойством на душе – ему предстояла беседа с писателем. А о детстве он помнил мало, одни обрывки, да и те только с чужих слов. Как же он будет рассказывать писателю о своей жизни?

После завтрака он дошел до конца вестибюля, налил себе вторую чашку кофе, сел в кресло и стал ждать. На прошлой неделе при содействии нового адвоката, Алана Голдсберри, Миллиган подписал контракт на книгу с писателем и издательством. Даже это оказалось довольно трудным. А теперь его уже охватывала паника.

– Билли, к тебе пришли.

Голос Нормы Дишонг напугал его, Билли подскочил и пролил кофе на джинсы.

Писатель вошел в отделение. Боже, во что он вляпался?

– Привет, – сказал писатель, улыбаясь. – Готов приступить?

Билли провел его в комнату и стал наблюдать: худощавый бородатый гость достал кассетный магнитофон, блокнот, карандаши, трубку, табак, а потом устроился в кресле.

– Давай заведем такое правило: в начале каждой беседы ты будешь говорить, как тебя зовут. Чтобы я сразу записал, с кем имею дело, хорошо?

– Билли.

– Ага. Во время нашей с тобой первой встречи в кабинете доктора Кола он говорил про какое-то «пятно», ты тогда сказал, что еще не слишком хорошо меня знаешь и не хочешь пока вдаваться в подробности. А теперь готов?

Билли смущенно опустил глаза.

– На первой встрече это был не я. Я сам слишком стеснялся.

– Да? А кого я видел?

– Аллена.

Писатель нахмурился и глубокомысленно затянулся.

– Хорошо, – сказал он, записав что-то в блокноте. – А про пятно теперь расскажешь?

– Я сам узнал про него, как и почти про все остальное, что мне известно, в больнице Хардинга, где было достигнуто частичное слияние. Артур использует этот образ, чтобы объяснить малышам, как происходит переход в реальный мир.

– На что похоже это пятно? Каким ты его видишь?

– Это большое светящееся пятно на полу. Все стоят рядом в темноте или лежат в своих кроватях, кто-то наблюдает, кто-то спит, кто-то занят своими делами. А тот, кто встает в это пятно, завладевает сознанием.

– Все личности откликаются на имя Билли, когда к ним обращаются?

– Когда я спал, а посторонние звали Билли, *люди*, живущие во мне, начали откликаться на это имя. Доктор Уилбур мне как-то объяснила, что они из всех сил скрывают, что их много. Правду обо мне узнали исключительно по ошибке – Дэвид сильно перепугался и рассказал Дороти Тернер.

– А ты знаешь, когда появились эти люди?

Билли кивнул, подался назад и задумался.

– Кристина появилась, когда я был совсем маленьким. Когда именно – не помню. Большинство остальных возникли в возрасте от восьми до девяти лет. Когда Челмер... когда папа Чел...

Билли начал запинаться.

– Если тебе эта тема неприятна, не надо об этом.

– Ничего, – ответил он, – врачи говорят, что мне важно выговориться и

забыть.

Миллиган закрыл глаза.

– Помню, что это произошло через неделю после первого апреля. Я тогда учился в четвертом классе. Он повез меня на ферму, чтобы я помог подготовить землю к посадке. Завел в сарай и привязал к фрезе. И потом... потом...

На глазах выступили слезы, он заговорил эмоционально и сбивчиво, как мальчишка.

– Может, не надо...

– Он меня избил, – сказал Билли, потирая запястья, – потом завел мотор, и я подумал, что он хочет разрезать меня на куски ножами. Он грозился, что, если я признаюсь матери, он зароет меня в сарае, а ей скажет, будто я сбежал, потому что ненавижу ее.

Билли рассказывал, а по щекам текли слезы.

– Когда это повторилось в следующий раз, я закрыл глаза и ушел. Доктор Джордж из больницы Хардинга помог мне вспомнить это, поэтому теперь я знаю, что к мотору привязали Дэнни, а потом вышел Дэвид и принял на себя боль.

Писатель дрожал от ярости.

– Боже, удивительно, что ты вообще выжил.

– Теперь я понимаю, что в Ченинвэе меня не *арестовали*. Меня *спасли*. Мне очень жаль, что до этого успели пострадать люди, но сейчас мне кажется, что после двадцати двух лет мучений удача мне наконец улыбнулась.

Глава шестая

1

На следующий день после Рождества писатель снова проделал долгий и извилистый путь до Афинского центра психического здоровья, чтобы второй раз побеседовать с Билли Миллиганом. Он предчувствовал, что Билли будет в плохом настроении из-за того, что ему пришлось остаться на праздник в больнице.

Писатель знал, что за неделю до Рождества Билли настойчиво просил у доктора Кола разрешения отпраздновать Рождество с семьей, дома у сестры в Логане в штате Огайо. Но Кол сказал, что пока еще рано – ведь Миллиган приехал всего две недели назад. Но Билли все просил и просил. Остальным пациентам ПИТа разрешили съездить домой на короткие каникулы. Если доктор не врал, когда говорил, что к нему будут относиться как и к остальным, то он должен был попытаться добиться разрешения, которое дали другим.

Понимая, что пациент его проверяет, и зная, насколько ценно в данной ситуации доверие Билли, доктор Кол согласился послать запрос. Но не сомневался, что его отклонят.

Прошение произвело фурор в комиссии по условно-досрочному освобождению департамента психического здоровья и прокуратуре Коламбуса. Когда Явич позвонил Гэри Швайкарту и спросил, что за ерунда творится в Афинах, Гэри пообещал постараться узнать.

– Но я больше не его адвокат, – добавил он.

– Ну, я бы на твоём месте позвонил его врачу в Афины, – сказал Явич, – и порекомендовал бы ему образумиться. Уж если отпустить Миллигана домой всего через две недели после того, как его поместили в больницу, то Огайо неминуемо ждут протесты против изменения закона о душевнобольных преступниках.

Как и ожидал Кол, запрос отклонили.

Когда писатель прошел через тяжелую металлическую дверь и направился к палате Билли, он заметил, что в отделении никого нет. Он постучал к Миллигану.

– Секундочку, – раздался заспанный голос.

Когда дверь открылась, писателю показалось, что Билли только что встал. Он удивленно посмотрел на электронные часы.

– Я этого не помню, – сказал Миллиган.

Он подошел к столу, посмотрел на какую-то бумажку. Потом показал ее писателю. Это оказалась квитанция из магазина при больнице на двадцать шесть долларов.

– Я не помню, чтобы я их покупал, – повторил Билли. – Кто-то тратит мои деньги... я продал картины и заработал. По-моему, это неправильно.

– Может, магазин согласится принять их обратно, – предположил писатель.

Билли рассмотрел часы.

– Наверное, лучше оставить. Мне все равно они теперь нужны. Они не очень хорошие, но... посмотрим.

– А кто их мог купить, если не ты?

Билли обвел своими серо-голубыми глазами комнату, чтобы убедиться, что больше никого нет.

– В последнее время я слышу странные имена.

– Например?

– Кевин. И Филип.

Писатель постарался сдержать удивление. Он читал, что личностей десять, но такие имена никем не упоминались. Гость проверил, включен ли магнитофон.

– А доктору Колу ты про них рассказывал?

– Еще нет. Но, думаю, скажу. Хотя я не понимаю, что это означает. Кто они? Почему я о них думаю?

Пока Билли говорил, писателю вспомнился последний абзац из статьи, опубликованной в «Ньюсуик» 18 декабря: «Но некоторые вопросы пока остаются без ответов... Например, почему он говорил изнасилованным женщинам, что он “партизан” и “убийца”? По мнению врачей, у Миллигана могут существовать и другие личности, о которых мы еще ничего не знаем, и кто-то из них может оказаться виновником еще не раскрытых преступлений».

– Билли, прежде чем продолжать, я думаю, что нам надо установить основные правила. Я не хочу, чтобы то, что ты мне расскажешь, могло быть использовано против тебя. Если ты соберешься говорить о чем-то, в чем тебя потом смогут обвинить, говори «не для записи», и я остановлю магнитофон. Чтобы в моих материалах не было ничего против тебя. Если ты забудешь об этом, я сам тебя остановлю и выключу магнитофон. Понятно?

Билли кивнул.

– И еще. Если соберешься каким-либо образом нарушить закон, мне не

говори. Если скажешь, мне придется сразу же пойти в полицию. В противном случае меня обвинят в соучастии.

Миллиган был очень удивлен.

– Я больше не собираюсь нарушать закон.

– Я рад это слышать. Теперь можем вернуться к тем именам.

– Кевин и Филип.

– О чем они тебе говорят?

Билли посмотрелся в зеркало, висевшее над столом.

– Ни о чем. Я не помню. Но мне постоянно лезет в голову слово «нежелательные». Это как-то связано с Артуром, но не знаю, как именно.

Писатель подался вперед, согнув спину.

– Расскажи мне об Артуре. Что он за человек?

– Без эмоций. Напоминает мне Спока из сериала «Звездный путь». Он из тех, кто без колебаний пожалуется в ресторане. У кого нет интереса объяснять людям ничего, но когда они не понимают, о чем он говорит, – злится. Проявлять терпение к другим у него нет времени. Он говорит, что у него плотный график – надо что-то улаживать, планировать, организовывать.

– Он вообще отдыхает?

– Иногда он играет в шахматы – с Рейдженем, хотя фигуры двигает Аллен, – но вообще он не любит тратить время впустую.

– Тебе он как будто не нравится.

Билли пожал плечами.

– Артур не из тех людей, кто нравится или не нравится. Ты его просто уважаешь.

– А внешне он отличается от тебя?

– Рост и вес примерно одинаковый – 183 сантиметра, 86 килограммов. Но он носит очки в проволочной оправе.

Разговор длился три часа. Собеседники обсудили некоторых личностей, упоминавшихся в газетах, настоящую семью Билли, поговорили о его детских воспоминаниях. Писатель искал способ работы с подобным материалом. Самой главной проблемой будет амнезия. В памяти Билли очень много пробелов, так что о его детстве или тех важнейших семи годах, которые он проспал, а за него жили другие личности, узнать будет невозможно. Автор решил, что какой-то опыт он будет описывать с литературными вольностями, но в целом придерживаться фактов, предоставленных Билли. То есть напишет все, как он рассказывает, за исключением предположительно совершенных им преступлений. Но он очень боялся, что в повествовании окажется много недопустимых

пробелов. А в таком случае написать книгу будет невозможно.

2

Доктор Кол поднял голову: его отвлекали громкие голоса за дверью кабинета. Секретарша разговаривала с мужчиной с сильным бруклинским акцентом.

– Доктор Кол занят, сейчас он не может вас принять.

– Да, блин, мне на это положить. Мне надо с ним поговорить. Нужно ему кой-че передать.

Кол уже было встал, но тут дверь открылась и перед ним оказался Билли Миллиган.

– Вы психиатр Билли?

– Я доктор Кол.

– Ну так вот, а я Филип. Тут кое-кто из нас решил, что надо вам это отдать.

Он припечатал к столу листок желтой бумаги, развернулся и вышел. Кол только взглянул на него и сразу же понял, что перед ним длинный список имен: десять личностей Билли и еще какие-то. Хотя последнее слово именем не было, просто «Учитель».

Врач сначала захотел догнать пациента, а потом передумал. Сняв телефонную трубку, он попросил соединить его с лаборантом кабинета физиотерапии.

– Джордж, у меня на сегодня запланирована сессия с Билли Миллиганом и Дейвом Малавистой. Я бы хотел, чтобы ты снял на видео.

Потом он повесил трубку и стал изучать список. Незнакомых имен оказалось очень много, двадцать четыре. Кол попытался запретить себе мысль, которая закралась ему в голову. Как с этим справиться? И кто такой этот «Учитель»?

Кол отправился в ПИТ после обеда, постучал в дверь Миллигана. Через несколько секунд Билли открыл – заспанный, взъерошенный.

– Да?

– Билли, у нас после обеда сессия. Давай, приходи в себя.

– Да, хорошо. Ладно, доктор Кол.

Билли вышел из отделения вслед за этим полным энергии врачом.

Они шагали по коридору в современное здание, предназначенное для пожилых пациентов, мимо автоматов с газировкой и шоколадками к

кабинету физиотерапии.

Джордж, который настраивал камеру в конференц-зале, кивнул вошедшим Билли с доктором Колом. Стулья были составлены справа как будто для несуществующей аудитории. А слева, за открытой дверью-гармошкой, разместилась телекамера и другая аппаратура. Билли сел на стул, указанный доктором, а Джордж помог ему закрепить провод микрофона на шее. Тут в зал вошел темноволосый мужчина, и доктор Кол повернулся, чтобы с ним поздороваться, – это оказался Дейв Малависта, старший штатный психолог.

Джордж объявил, что камера готова, и Кол начал сессию.

– Представься, пожалуйста.

– Билли.

– Хорошо, Билли. Я хочу кое-что узнать, прошу тебя о помощи. Нам известно, что в списке, как ты говоришь, «твоих людей» появляются новые имена. Ты знаешь кого-нибудь еще?

Билли удивился, перевел взгляд с Кола на Малависту, потом обратно.

– Ну, в Коламбусе один психолог спрашивал меня про кого-то по имени Филип.

Кол отметил, что у Билли нервно задергались коленки.

– А такие имена, как Шон, Марк, Роберт, тебе о чем-нибудь говорят?

Билли задумался, на вид стал отстраненным, губы задвигались во внутреннем диалоге.

– Я слышал какой-то разговор в голове. Артур с кем-то спорил. Имена знакомы. Но я не знаю, что они означают, – пробормотал он, потом сделал паузу. – Артур сказал, что Шон неотсталый. Умственно. Что он с рождения глухой, поэтому развивается медленно. Своему возрасту не соответствует... С того момента, как доктор Уилбур меня разбудила, как и до того, как я уснул, внутри меня шла война.

Губы пациента снова зашевелились. Кол взглядом дал Джорджу сигнал перейти на крупный план и поближе снять лицо.

– Хотите, чтобы кто-нибудь объяснил? – беспокойно спросил Билли.

– Ты как думаешь, с кем мне лучше поговорить?

– Точно не знаю. Последние несколько дней у нас серьезная неразбериха. Я не знаю, кто сможет рассказать.

– Билли, ты можешь уйти с пятна?

Он удивился и несколько обиделся, как будто доктор Кол его прогонял.

– Билли, я не это хотел...

Его взгляд застыл, какое-то время он сидел как неживой. Потом осмотрелся, как будто только проснулся и всполошился. Щелкнув

пальцами, он сурово уставился на врача.

– Доктор Кол, вы нажили себе многих врагов.

– Не мог бы ты это пояснить?

– Ну, я пока не из их. Зато вот Артур...

– Почему же?

– Случилось вторжение нежелательных.

– Кто эти «нежелательные»?

– Кого Артур лишил права слова, когда их функции стали ненужные.

– Если они стали не нужны, почему они все еще здесь?

Рейджен злобно уставился на него.

– Вы чего, хотите чтобы мы их убили?

– Ладно, – ответил Кол, – продолжай.

– Я решением Артура недовольный. Он должен защищать тоже, как и я. Я сам все не могу делать.

– Ты не мог бы рассказать мне об этих нежелательных подробнее? Они агрессивные? Преступники?

– Агрессивный только я. И то только когда причина, – он вдруг заметил на своем запястье часы и удивился.

– Это твои? – поинтересовался Кол.

– Я понятия не имею, откуда они взялись. Наверное, Билли покупал, когда я не видел. Как я говорю, остальные не воры, – он улыбнулся. – Артур с нежелательные сноб и приказал другим их вообще не упоминать. Мы должны были держать их секретом.

– Почему вы раньше не говорили, что есть еще люди?

– Никогда никто не спрашивал.

– Никогда?

Он пожал плечами.

– Может, спрашивали Билли или Дэвид, которые не знают, что они есть. Про нежелательных не могли говорить, пока нет полное доверие.

– А почему теперь мне о них рассказали?

– Артур теряет власть. Сейчас нежелательные бунтовать и сделали решение объявить себя вам. Тот список писал Кевин. Это очень нужный шаг. Но плохо слишком много рассказывать, когда доверия пока мало. Мы теряли защитный механизм. Я клялся не рассказывать, но я не стану врать.

– Рейджен, что будет дальше?

– Мы укрепимся. Все вместе. Чтобы иметь полный контроль. Не будет больше амнезии. Будет только один главный.

– Кто?

– Учитель.

– Кто такой Учитель?

– Он очень приятный человек. У него есть хорошее и плохое, как почти у всех. Вы знаете, какой Билли сейчас. Его эмоции от разных обстоятельств меняются. Учитель свое имя скрывает, но я знаю, кто Учитель. Если вы узнаете, кто Учитель, вы точно решите, что все мы сумасшедшие.

– В каком смысле?

– Вы видели части Учителя. Скажу так. Главный вопрос такой: как мы все учились тому, что знаем? От Учителя. Он научил Томми понимать техника и убегать. Артур – биология, физика, химия. Меня – оружие и управлять адреналин, чтобы быть максимально сильный. Он тоже всех нас учил рисовать. Учитель знает все.

– Рейджен, кто этот Учитель?

– Учитель – это целый Билли. Но Билли это не знает.

– Рейджен, а почему ты сейчас вышел в пятно и рассказываешь мне все это?

– Потому что Артур злится. Он делал ошибку, расслабил контроль, допустил, что Кевин и Филип раскрыли про нежелательных. Артур умный, но он просто человек. Теперь внутри бунт.

Кол жестом пригласил Малависту придвинуться ближе.

– Ты не против, если к нам присоединится Дейв Малависта?

– Билли нервничал от вас двоих, но у меня страх нет, – Рейджен осмотрел провода, электронное оборудование и покачал головой. – Как в комнате у Томми.

– Ты не мог бы рассказать об Учителе побольше? – попросил Малависта.

– Скажу так. Билли детстве был сильно одаренный. Мы все были нем одним. Но сейчас он это не знает.

– Зачем тогда вы ему понадобились? – спросил Малависта.

– Меня сделали для физической защиты.

– Но ведь ты знаешь, что ты – лишь плод воображения Билли?

Рейджен откинулся на спинку стула, улыбнулся.

– Мне говорили. Я принял, что я плод воображения, но сам Билли не принял. Билли многое не смог. Поэтому есть нежелательный.

– Тебе не кажется, что Билли лучше знать о том, что он – Учитель? – продолжал Малависта.

– Это его расстроит. Но когда вы будете говорить с Учителем, это Билли целый, – Рейджен снова посмотрел на часы. – Нехорошо тратить деньги Билли, когда он это не знает. Но так он поймет, сколько много

времени теряет.

– Рейджен, тебе не кажется, что вам всем пора посмотреть реальности в глаза и начать работать над вашими проблемами? – спросил Кол.

– У меня проблем *нет*. Я сам *есть* проблема.

– Как ты думаешь, как Билли отреагирует, если узнает, что он – Учитель?

– Это его уничтожит.

На следующей сессии Рейджен рассказал доктору Колу, как они с Артуром долго и яростно спорили и в итоге приняли решение сказать Билли, что он – Учитель. Артуру поначалу казалось, что Билли не перенесет удара и сойдет с ума. Но теперь они оба согласны, что если уж бороться за выздоровление Билли, то надо сказать ему правду.

Кола такое решение обрадовало. Судя по признанию Рейджена, что между ними с Артуром идет конфликт, а нежелательные подняли бунт, они движутся к кризисной точке. Доктору казалось, что пришла пора Билли увидеть остальных, а также узнать, что именно *он* владеет всеми знаниями, он научил всех тому, что они умеют. Когда Билли узнает, что он – Учитель, он сам станет сильнее.

Кол попросил поговорить с Билли. Увидев трясущиеся коленки, понял, что перед ним именно тот, кто нужен, и рассказал о решении, принятом Артуром с Рейдженем. Билли закивал и сказал, что готов. Доктор Кол увидел в этом смесь желания и страха. Он заправил кассету в магнитофон, отрегулировал настройки и приготовился встретиться с реакцией пациента.

Билли смотрел на себя на экране, смущенно улыбаясь. Увидев, что у него трясутся коленки, и поняв, что то же самое происходит и сейчас, он положил на них ладони, пытаясь унять дрожь. А когда пошли кадры с безмолвно движущимися губами, он приложил руку ко рту и широко раскрыл глаза, до конца не осознавая происходящего. Потом появился Рейджен; лицо у него было таким же, только голос другой – и Билли впервые услышал его не у себя в голове, а с экрана. «Доктор Кол, вы нажили себе многих врагов».

К тому моменту Билли уже поверил на слово в то, что говорили ему другие, – что он множественная личность, хотя внутри себя не находил никаких этому подтверждений. Билли знал лишь то, что он иногда слышал голоса и терял время. Он верил доктору, но сам этого не чувствовал. Теперь же он впервые увидел перевоплощения собственными глазами и понял, что это такое.

В испуге Билли завороченно смотрел на Рейджена, который

рассказывал о списке из двадцати четырех имен и о нежелательных. С открытым ртом он слушал об Учителе, благодаря которому все обрели свои знания и навыки. Кто он такой, этот Учитель?

«Учитель – это целый Билли. Но Билли это не знает», – сказал Рейджен с экрана.

Кол заметил, что Миллиган обмяк. Он как будто бы сильно ослаб, вспотел.

Билли вышел из комнаты физиотерапии и пошел на четвертый этаж по лестнице. Кто-то с ним здоровался, но он не отвечал. В вестибюле ПИТа почти никого не было. Он вдруг почувствовал слабость, задрожал и плюхнулся в кресло.

Он – Учитель.

Это он умный, талантливый, сильный, может откуда угодно сбежать.

Билли попытался это как-то понять. Поначалу был только основной Билли, которого произвели на свет и на которого выписали свидетельство о рождении. А потом он разбился на множество кусков, но все это время за разделенными частями стояла безымянная сущность – некто, кого Рейджен назвал Учителем. То есть получается, что это невидимое, состоящее из различных фрагментов похожее на духа, нечто по имени Учитель и создало всех остальных, как детей, так и чудовищ, – и, следовательно, оно одно несло ответственность за совершенные ими преступления.

Если все двадцать четыре личности объединить в одну, как раз получится Учитель. Или цельный Билли. На что это будет похоже? Он вообще это узнает? Доктору Колу надо познакомиться с этим Учителем. Это важно для терапии. Писателю он тоже нужен, чтобы узнать все, что с ним было...

Билли закрыл глаза, и по его телу растеклось какое-то странное тепло – из ног в руки, потом в плечи, в голову. Он весь вибрировал, пульсировал. Он посмотрел на пол и увидел пятно: белый свет был таким ярким, что заболели глаза. Билли смотрел и понимал, что они должны встать в него, все вместе, все сразу, и тогда они все будут в пятне, и он сам в пятне, он попадет в него... и провалится... полетит... кувырком через свой внутренний мир... и они будут плыть все вместе... скользить... соединяться...

А потом он оказался по ту сторону.

Миллиган сцепил руки, потом вытянул их перед собой, посмотрел. Теперь он понял, почему не достиг полного слияния раньше. Он же не про всех знал. А теперь к нему вернулись все созданные им люди, как и все их

действия, мысли и воспоминания – с самого раннего детства до настоящего. Как успешные, так и неудачники – нежелательные, которыми Артур пытался управлять, а потом скрыть их существование, но тщетно. Теперь Билли знал о своей жизни все: весь абсурд, все трагедии, все оставшиеся нераскрытыми преступления. А также то, что когда он будет о чем-то думать, что-то вспоминать, рассказывать писателю, остальные двадцать три человека тоже будут это слышать и узнают историю своей жизни. После этого амнезии больше не будет, и они все станут другими. И от этого было грустно. Как будто он что-то потерял. Но надолго ли?

Билли заметил, что кто-то идет по коридору, повернулся посмотреть. Он понял, что какие-то его части уже знакомы с этим невысоким врачом.

Доктор Кол увидел возле комнаты с телевизором, как ему поначалу показалось, Билли. Но когда пациент встал, он понял, что это и не Билли, и не кто-то из его личностей, которых он уже видел. В позе Миллигана была необыкновенная непринужденность, а взгляд оказался обезоруживающе открытый. Кол догадался, что что-то произошло, и он хотел продемонстрировать пациенту свою чувствительность, то, что он догадался, не спрашивая. Для этого следовало рискнуть. Кол сложил на руки на груди и посмотрел прямо в пронзительные глаза.

– Ты Учитель, да? Я ждал тебя.

Учитель посмотрел на него сверху вниз и кивнул. В его едва заметной улыбке была какая-то спокойная сила.

– Вы отключили все мои защитные механизмы, доктор Кол.

– Нет, не я. И ты это знаешь. Просто время пришло.

– Да, и пути обратно нет.

– А ты хотел бы его иметь?

– Думаю, нет.

– Теперь ты сможешь рассказать о своей жизни писателю. Ты много помнишь?

Учитель уверенно смотрел на него.

– Все. Я помню, как Билли привезли в больницу во Флориде, когда ему был месяц, и он чуть не задохнулся. Помню его настоящего отца, Джонни Моррисона, еврея, комика и церемониймейстера, который покончил с собой. Помню первого воображаемого друга Билли.

Кол кивнул, улыбнулся, похлопал его по плечу.

– Учитель, я очень рад, что теперь ты с нами. Нам многому надо научиться.

Становление учителя

Глава седьмая

1

Дороти Сэндс вспоминает события марта 1955 года. Она держала на руках месячного младенца после того, как дала ему лекарство; лицо ребенка вдруг покраснело, а вокруг губ появилось белое кольцо.

– Джонни! – заорала она. – Надо везти Билли в больницу!

Джонни Моррисон влетел в кухню.

– Он ничего не глотает, – объяснила Дороти, – все срыгивает. И посмотри, какая реакция на лекарство.

Джонни окликнул домработницу Мими и велел ей присмотреть за маленьким Джимом, а сам побежал заводить машину. Дороти вынесла ребенка, и они поехали в больницу Маунт-Синай в Майами-Бич.

В приемной на младенца бросил взгляд молодой интерн.

– Уже поздно, – констатировал он.

– Он еще живой! – заорала мать. – Сукин сын, спасай моего ребенка!

Интерна от такого обращения как током ударило, он даже начал заикаться.

– Мы... постараемся.

Медсестра принялась заполнять регистрационный формуляр.

– Как зовут ребенка? Адрес?

– Уильям Стэнли Моррисон, – ответил Джонни, – 1311 Норт-ист, 154-я улица, Северный Майами-Бич.

– Вероисповедание?

Джонни молча посмотрел на Дороти. Она знала, что он хотел сказать «иудей», но, увидев, как на него смотрят, решил этого не делать.

– Католик.

Потом Джонни Моррисон вышел в зал ожидания. Дороти последовала за ним и плюхнулась на пластиковую скамью. Джонни курил одну за одной. Дороти казалось, что он все еще сомневался в том, что Билли – его ребенок, поскольку тот совсем не походил на смуглого и темноволосого Джима, родившегося полутора годами ранее. Джонни очень обрадовался появлению Джимбо и постоянно твердил, что собирается отыскать свою жену и оформить развод, но так этого и не сделал. Хотя купил отделанный розовой штукатуркой дом с пальмами в заднем дворе, приговаривая, что у человека, занимающегося шоу-бизнесом, должна быть нормальная

семейная жизнь. И для Дороти эта жизнь была лучше, чем с прошлым мужем, Диком Джонасом, с которым они обретались в Секлвилле, штат Огайо.

Но она понимала, что у Джонни трудные времена. Его шуткам уже не смеялись. Публика теперь охотнее ходила на молодых комиков, а Джонни оттесняли на задворки. Когда-то он был высококлассным конференсье и музыкантом, но теперь вместо того, чтобы работать, больше играл в казино и пил. Дошло до того, что он закладывал за воротник уже перед первым выходом в ночном клубе «для разогрева», в итоге на последний номер его уже не хватало. При этом Джонни продолжал называть себя «полумузыкантом, полуумником», хотя следовало бы добавлять «и бутылка рома».

Это был уже не тот Джимми Моррисон, что организовывал ее выступления и провожал до дома, «чтобы с моей молоденькой розовощекой крестьяночкой из Огайо ничего не случилось». Не тот Джонни Моррисон, в котором она была настолько уверена, что предупреждала всех приставал: «Ты поосторожнее, я девчонка Джонни Моррисона».

Теперь тридцатишестилетний коренастый, как борец Джонни, слепой на левый глаз, был ей скорее как отец.

– Не курил бы ты столько, – попросила Дороти.

Он затушил сигарету и сунул руки в карманы.

– Сегодня я выступать не настроен.

– Джонни, ты в этом месяце уже и так много пропустил.

Он оборвал ее пронизывающим взглядом и собирался что-то ответить, Дороти уже подготовилась к остроте, но тут вышел врач.

– Мистер и миссис Моррисон, думаю, с ребенком все будет в порядке. У него опухоль, которая блокирует пищевод. Мы это уладим. Его состояние стабильное. Поезжайте домой, если что-то изменится, мы вам позвоним.

Билли не умер, но в течение первого года жизни то и дело лежал в больнице Майами. Когда Дороти с Джонни должны были выступать в другом городе, Билли и Джимбо оставляли на Мими или в детском саду.

В третий раз Дороти забеременела через год после рождения Билли. Джонни предложил сделать аборт на Кубе. Она отказалась, потому что, как объяснила детям несколько лет спустя, это был смертный грех. Кэти Джо родилась в новогоднюю ночь 31 декабря 1956 года. Больничные расходы повергали Джонни в ужас. Он стал еще больше занимать, больше играть, больше пить. Дороти выяснила, что он должен «акулам-ростовщикам» шесть тысяч долларов. Она с ним поссорилась. Он ее побил.

Осенью 1956 года Джонни госпитализировали с алкогольным психозом и депрессией, но 19 октября разрешили поехать домой, поскольку на следующий день Джимбо исполнялось пять лет. Дороти в тот день вернулась с работы поздно и обнаружила, что он лежит ничком на столе, а рядом на полу – полбутылки виски и пустой пузырек из-под снотворного.

2

По воспоминаниям Учителя, у первого воображаемого друга Билли не было имени. Однажды, в три года и восемь месяцев, когда Джимбо отказался с ним играть, Кэти была слишком мала, а папа не мог оторваться от книги, Билли сидел у себя в комнате и скучал в одиночестве. Потом он заметил перед собой темноволосого черноглазого мальчишку, который просто смотрел на него. Билли толкнул в его сторону игрушечного солдатика. Мальчик взял его, положил в грузовичок и начал катать туда-сюда. Они не разговаривали, но это было все равно лучше, чем оставаться совсем одному.

Тем же вечером Билли с этим мальчишкой видели, как отец залез в аптечку и взял пузырек с таблетками. Он видел и папино лицо в зеркале, когда тот проглотил все желтые пилюли. Потом Джонни сел за стол, Билли лег в свою кроватку, а безымянный мальчик исчез. Билли проснулся среди ночи от маминого крика. Он видел, как она бросилась к телефону и вызвала полицию. Билли стоял у окна, рядом с ним – Джимбо, они смотрели, как выкатывали носилки и как машины с мигалками увезли папу.

Потом папа не возвращался, чтобы поиграть с ним, а мама была слишком расстроена и занята, Джимбо где-то гулял, а Кэти еще не доросла. Билли хотел с ней поиграть, поговорить, но мама сказала, что она еще совсем маленькая и с ней надо обращаться очень и очень осторожно. Так что когда ему снова стало одиноко и скучно, он закрыл глаза и заснул.

«Кристин» открыла глаза и подошла к колыбельке Кэти. Когда малышка заплакала, Кристин по выражению лица догадалась, чего она хочет, пошла к той красивой женщине и сказала, что Кэти голодна.

– Спасибо, Билли, – ответила Дороти, – ты хороший мальчик. Присмотри за сестренкой, а я приготовлю ужин. Потом зайду почитаю тебе на ночь – и на работу.

Кристин не знала, кто такой Билли и почему ее так называют, но обрадовалась, что ей разрешили поиграть с Кэти. Взяла красный карандаш,

подошла к стене возле колыбельки и нарисовала Кэти куклу.

Когда Кристин услышала шаги, она подняла голову и увидела красавицу, которая сердито смотрела на стену и карандаш в ее руке.

– Это плохо! Плохо! – закричала Дороти.

Кристин закрыла глаза и ушла.

Билли открыл глаза и увидел, что мама злая. Она схватила его, встряхнула, он испугался и заплакал. Мальчик не знал, за что его наказывают. А потом сам увидел на стене рисунок и подумал: кто же так небезобразничал?

– Я не плохо! – плакал он.

– Ты рисовал на стене! – кричала мама.

Он покачал головой.

– Это не Билли. Это Кэти, – сказал он, показывая на кроватку.

– Не ври, – Дороти с силой ткнула пальцем в его детскую грудь. – Врать – плохо. Будешь врать – попадешь в ад. А сейчас отправляйся в свою комнату.

Джимбо отказывался с ним разговаривать. Билли задумался, не он ли рисовал на стене. Немного поплакав, он закрыл глаза и уснул...

Когда Кристин открыла глаза, она увидела, что у противоположной стены спит мальчик постарше. Она стала искать куклу, чтобы поиграть, но в комнате были лишь солдатики и машинки. Такие игрушки ей не нравились. Ее интересовали куклы, бутылочки с сосками и красивая тряпичная кукла Энни, как у Кэти.

Кристин вышла из комнаты и отправилась на поиски кроватки Кэти. Пришлось заглянуть в три двери, прежде чем она ее нашла. Кэти спала, так что Кристин взяла куклу Энни и вернулась в свою кровать.

Утром Билли наказали за то, что взял у сестры игрушку. Дороти обнаружила куклу у сына в кровати и принялась его трясти. Она трясла Билли очень долго, ему стало казаться, что у него скоро отвалится голова.

– Никогда больше так не делай, – сказала она. – Это кукла Кэти.

Кристин поняла, что теперь надо быть поосторожнее, играя с Кэти в присутствии матери Билли. Поначалу она думала, что мальчик в другой кровати и есть Билли, но его все называли Джимбо, и она догадалась, что это старший брат. Сама она всю жизнь была Кристин, но все почему-то звали ее Билли, и она привыкла откликаться на это имя. Кристин очень любила Кэти, играла с ней, учила ее говорить, новым словам. Она понимала, когда Кэти хочет есть и что ей нравится. Знала, когда у Кэти что-то болело, и если что-то было не так, рассказывала Дороти.

Они вместе играли в дочки-матери, а когда мамы Кэти не было, они

надевали ее наряды, туфли и шляпы и делали вид, будто поют в ночном клубе. Но больше всего Кристин нравилось рисовать что-нибудь для Кэти, только уже не на стенах. Дороти купила побольше бумаги и карандашей, и все говорили, что у Билли хорошо получается.

Джонни выписали, но Дороти было не по себе. Когда он играл с детьми, сочинял песни или монологи, казалось, все хорошо, но стоило ей отвернуться, он звонил букмекерам. Дороти пыталась положить этому конец, но Джонни начинал злиться, хамил ей и бил. Потом он переехал в мотель «Миджет мэншн», не отметив с ними ни Рождество, ни трехлетие Кэти в новогоднюю ночь.

18 января Дороти разбудил звонок из полиции. Тело Джонни обнаружили в его универсале, припаркованном возле мотеля; на выхлопную трубу был надет шланг, а другой его конец вставлен в заднее окно. Джонни Моррисон оставил предсмертное письмо на восьми страницах, в котором поносил Дороти и велел ей оплатить часть задолженности по страховке.

Когда Дороти сообщила детям, что Джонни улетел на небеса, Джимбо с Билли пошли к окну и стали смотреть в небо.

На следующей же неделе ростовщики пригрозили, что ей лучше отдать шеститысячный долг Джонни, иначе с ней и детьми может что-нибудь случиться. Так что Дороти схватила детей и сбежала – сначала к своей сестре Джо-Энн Басси, которая жила в Ки-Ларго, а потом вернулась в Секлвилль. Там Дороти снова встретилась со своим бывшим мужем, Диком Джонасом. После нескольких свиданий и его обещаний измениться она снова вышла за него.

3

Однажды утром, когда Билли было уже почти пять лет, он пришел на кухню и встал на цыпочки, чтобы достать полотенце для посуды. Стоявшая на столе банка с печеньем с грохотом упала на пол и разбилась. Мальчик попытался сложить кусочки, но они не хотели держаться на месте. Услышав шаги, он задрожал. Он не хотел, чтобы его наказывали. Не хотел, чтобы было больно.

Билли понимал, что сделал что-то плохое, но не хотел знать, что будет дальше, не хотел слышать, как мама закричит. Он закрыл глаза и уснул...

Шон открыл глаза, осмотрелся. Заметив на полу разбитую банку, уставился на нее. Что это? Почему она разбита? И как тут оказался он?

Вошла красивая женщина; она пристально смотрела на него и открывала рот, но Шон не слышал ни звука. Она принялась его трясти и никак не унималась, тыкала пальцем ему в грудь, лицо у нее покраснелось, губы двигались. Он вообще не понимал, почему она на него сердится. Женщина потащила Шона в комнату, затолкала его туда и закрыла дверь. Какое-то время он сидел в мертвой тишине, гадая, что же дальше. Потом уснул.

Билли открыл глаза и съежился, ожидая, что его ударят за банку, но этого не случилось. Как он попал в свою комнату? Впрочем, к тому времени мальчик уже привык к тому, что иногда он закрывает глаза в одном месте, а открывает в другом, да еще и в другое время. Он думал, что так происходит со всеми. Но до сих пор он обычно оказывался в ситуации, когда его обвиняли во вранье и наказывали за что-нибудь такое, чего он не делал. А теперь он впервые действительно провинился, а потом очнулся и понял, что ничего ему за это не было. Так что Билли стал ждать, когда мама накажет его за банку. Поскольку ему было страшно, ребенок весь день просидел у себя в комнате один. Ему хотелось, чтобы Джимбо поскорее вернулся из школы или хотя бы появился тот маленький темноволосый мальчик, который иногда приходил играть в его солдатиков и машинки. Билли крепче закрыл глаза, надеясь, что друг появится. Но ничего не случилось.

Но странно – он больше никогда не чувствовал себя одиноким. Когда подкрадывалось одиночество, скука или грусть, Билли просто закрывал глаза. А когда открывал, оказывался где-нибудь в другом месте, да и все остальное уже было иначе. Иногда он закрывал глаза, когда на улице ярко светило солнце, а открывал уже ночью. А бывало и наоборот. Иногда он играл с Кэти или Джимбо, но стоило ему моргнуть – и вот он уже сидит на полу один. Временами у Билли появлялись красные следы на руках или болел зад, как будто его выпороли. Но вообще его больше не пороли и не трясли.

Билли радовался, что его перестали наказывать.

Дороти прожила с Диком год. Потом для нее это стало слишком, и она

снова от него ушла. Она работала официанткой в «Ланкастер кантри-клуб» и пела в коктейль-барах типа «Континенталь» и «Топ-хэт». А детей устроила в школу Святого Иосифа в Секлвилле.

В первом классе Билли учился хорошо. Монашки хвалили его художественные способности. Он очень быстро делал наброски, а его работа со светом и тенью была поразительно хороша для шестилетнего ребенка. Но во втором классе сестра Джейн Стивенс начала бороться за то, чтобы он рисовал и писал только правой рукой. «Уильям, твоей левой рукой водит дьявол. Надо его изгнать». Когда он видел, что она берется за линейку, закрывал глаза...

Шон открыл глаза и увидел, что к нему идет женщина в черном платье и накрахмаленном белом нагруднике, с линейкой в руках. И понял, что его сейчас за что-то накажут. Но за что? Она шевелила губами, но слов он не слышал. Он съежился и смотрел на ее разъяренное красное лицо. Женщина схватила его за левую руку, занесла линейку и беззвучно принялась бить по ладони.

По щекам катились слезы, и он все не понимал, почему оказался тут, почему его наказывают за то, чего он не делал. Несправедливо.

Когда Шон ушел, Билли открыл глаза, сестра Стивенс уже шагала прочь. На левой руке он заметил красные следы, рука горела. С лицом тоже было что-то не то. Он коснулся щеки правой рукой. Слезы?

Джимбо помнил, что хотя он был на год и четыре месяца старше брата, именно Билли в семь лет подбил его летом сбежать из дома. Билли сказал, что надо собрать еду, взять нож и одежду и отправиться на поиски приключений. Домой они вернутся богатые и знаменитые. Джимбо поразил план и решимость брата, так что он согласился.

Они надели рюкзаки, тайком выбрались из дома и пошли прочь из Секлвилля, через районы застройки в огромное заросшее клевером поле. Билли показал на пять-шесть яблонь, которые росли посреди этого поля, и сказал, что там они остановятся на обед. Джимбо пошел за ним.

Они сидели, прислонившись спиной к деревьям, ели яблоки и обсуждали предстоящие приключения, и в какой-то момент Джимбо заметил, что начинается сильный ветер. Стали опадать яблоки.

– Слушай, – сказал Джимбо, – собирается буря.

Билли осмотрелся.

– Посмотри, еще пчелы!

Джимбо показалось, что жужжащий рой окружил их со всех сторон.

– Они повсюду. Нас зажалют до смерти! Мы в ловушке! Помогите!

Помогите! – закричал он. – Кто-нибудь, помогите!

Билли быстро собрал вещи.

– Слушай, когда мы шли сюда, нас не искушали. Так что лучше вернуться назад, как пришли. Но только бегом! Давай!

Джимбо перестал орать и бросился за ним.

Они понеслись через поле и добрались до дороги невредимыми.

– Быстро ты сообразил, – сказал Джимбо.

Билли смотрел на темнеющее небо.

– Страшно. Нас остановили, на сегодня все отменяется. Так что вернемся, но никому не расскажем. А в следующий раз попробуем снова.

И всю дорогу до дома Джимбо думал, почему он позволяет командовать младшему брату.

Тем же летом братья отправились на разведку в лес на окраине Секлвилля. Дойдя до речушки Харджис-крик, они увидели свисавшую над водой веревку, привязанную к ветке дерева.

– Можем перепрыгнуть на ней на тот берег, – предложил Билли.

– Я попробую первый, – ответил Джимбо, – я же старший. Если это безопасно, то и ты прыгнешь за мной.

Джимбо схватился за веревку, отошел, разбежался и прыгнул. Пролетев три четверти пути, он упал в грязную жижу, и его стало засасывать.

– Болото! – заорал он.

Билли действовал очень быстро. Он нашел длинную палку и бросил ее брату. Потом забрался на ту самую ветку, спустился по веревке и вытащил его. Оказавшись на берегу, Джимбо лег на спину и посмотрел на Билли.

Тот промолчал, и Джимбо обнял его за плечи.

– Билл, ты спас мне жизнь. Я теперь перед тобой в долгу.

В отличие от Билли с Джимбо Кэти обожала католическую школу и восхищалась сестрами. Она твердо решила тоже стать монахиней, когда вырастет. А еще она трепетно чтит память отца и старалась разузнать о Джонни Моррисоне все, что было только можно. Мать сказала детям, что он заболел, что его увезли в больницу и там он умер. И пятилетняя девочка, прежде чем что-то сделать, спрашивала себя: «Этого ли хотел бы папа Джонни?» Эта привычка сохранилась у Кэти, и когда она выросла.

Дороти откладывала заработанные пеннием деньги и купила долю в баре «Топ-хэт». Потом она познакомилась с симпатичным молодым

человеком, который внушил ей чудесную идею открыть на пару клуб во Флориде. По словам кавалера, действовать надо было быстро. Ей предстояло поехать с детьми во Флориду, посмотреть потенциальные места. А он собирался остаться в Секлвилле, продать ее акции, после чего присоединиться к ней. Для этого ей надо было лишь переписать свою долю в баре на него.

Она так и поступила, поехала с детьми во Флориду, остановилась у сестры, посмотрела несколько выставленных на продажу клубов, потом ждала целый месяц. Но он так и не приехал. Поняв, что ее облапошил мошенник, она снова вернулась в Секлвилль – совершенно без денег.

В 1962 году Дороти выступала в баре при боулинге и познакомилась там с Челмером Миллиганом, вдовцом. Он тогда жил со своей дочерью Челлой, ровесницей Билли, кроме того, у него была взрослая дочь-медсестра. Они начали встречаться, Челмер устроил Дороти в компанию, где заведовал штамповочным цехом, изготавливавшим детали для телефонов.

Челмер Миллиган не понравился Билли с самого начала. «Я ему не доверяю», – сообщил он Джимбо.

В Секлвилле ежегодно проводился Тыквенный фестиваль, знаменитый на всем Среднем Западе. Помимо парадов и карнавалов, на улицах устраивали тыквенную ярмарку, где торговали тыквенными пончиками, тыквенными конфетами и даже гамбургерами с тыквой. Город превращался в тыквенную сказку с огоньками, флажками и карнавальными шествиями. Тыквенный фестиваль 1963 года оказался очень радостным.

Дороти думала, что ее жизнь наконец устроилась. Она встретила мужчину с постоянной работой, который будет о ней заботиться, к тому же он обещал принять и ее троих детей. Ей казалось, что он станет им хорошим отцом, а она – такой же хорошей матерью для Челлы. 27 октября 1963 года Дороти вышла за Челмера Миллигана.

Через три недели после свадьбы, в середине ноября, в воскресенье, Челмер повез их в гости к своему отцу, который жил на маленькой ферме в Бремене в штате Огайо, всего в пятнадцати минутах езды. Дети радостно бегали по большому белому дому, катались на качелях, повешенных на крыльце, заглянули в кладовку над родником и в старый красный сарай, который стоял чуть ниже на склоне холма. Челмер сказал, что мальчики будут ездить сюда по выходным, помогать в работе. Предстояло подготовить землю к посадке овощей, дел было много.

Билли запомнил пейзаж с сарайчиком и гниющими в поле тыквами и решил нарисовать его в подарок новому папе Челу, когда они вернутся домой.

В следующую пятницу к третьеклассникам зашли мать-настоятельница и отец Мейсон и стали шептаться с сестрой Джейн Стивенс.

– Дети, встаньте, пожалуйста, все и склоните головы, – сказала сестра Стивенс, по щекам которой текли слезы.

Дрожащим голосом заговорил отец Мейсон, и ребята поразились торжественности его речи.

– Дети, возможно, вы не осознаете творящегося в мире. Я и не жду от вас этого. Но должен сообщить вам, что сегодня утром убили нашего президента, Джона Кеннеди. Помолимся.

Когда священник прочел «Отче наш», детей вывели на улицу, и они стали дожидаться автобусов, которые должны были развезти их по домам. Уловив горе взрослых, ребята ждали молча.

В те же выходные мама смотрела новости и траурное шествие по телевизору, и Билли заметил, что она плачет. Его это ранило. Ему было невыносимо видеть ее в таком состоянии, слушать, как она плачет, и он закрыл глаза...

Шон уставился на беззвучное изображение на экране, на всех, кто смотрел передачу. Он подошел к телевизору и поднес к нему лицо, чтобы ощутить вибрации. Челла его оттолкнула. Шон ушел в свою комнату и сел на кровать. Он уже обнаружил, что, если тихонько выпускать изо рта воздух сквозь стиснутые зубы, в голове забавно вибрировало – зzzzzzzzzzzzzzz... Он долго сидел один в своей комнате и делал так: зzzzzzzzzzzzzzz...

Челмер перевел всех троих детей из школы Святого Иосифа в городскую школу. Он был ирландским протестантом и не собирался мириться с тем, чтобы кто-то в его семье учился в католической школе; он также хотел, чтобы все отныне перешли в методистскую церковь.

Детям не понравилось, что им пришлось сменить их взрослые молитвы, к которым они уже привыкли – «Отче наш» и «Аве Мария», – на детские, которые читала Челла, в особенности «Отхожу я ко сну».

Билли решил, что если уж он и будет менять религию, то станет иудеем – как его отец Джонни Моррисон.

Глава восьмая

1

Вскоре после свадьбы семья переехала в близлежащий городок Ланкастер, и Дороти обратила внимание, что Челмер необычайно строг со всеми четырьмя детьми. За столом не разговаривать. Не смеяться. Соль передавать только по часовой стрелке. Когда приходили гости, дети должны были сидеть с прямой спиной, ровно поставив ноги и положив руки на колени.

Кэти запретили сидеть у матери на коленях.

– Ты для этого уже слишком большая, – сказал Челмер семилетней девочке.

Однажды Джимбо попросил Билли передать соль, мальчик не дотянулся до солонки, чтобы взять в руки, и просто подтолкнул ее.

– Ты что, ничего нормально сделать не можешь? Девять лет, а ведешь себя как дитя малое! – заорал Челмер.

Дети стали бояться папу Чела. Если он выпивал пива, то становился еще страшнее.

Билли не решался демонстрировать недовольство и уходил в себя. Он не понимал, зачем вся эта строгость, неприятие, наказания. Однажды, когда Челмер кричал на него, Билли посмотрел отчиму прямо в глаза, и тот перешел на леденящий душу шепот: «Смотри в пол, когда я с тобой разговариваю».

От его голоса Билли поежился и отвел взгляд...

Когда Шон открывал глаза, зачастую на него кто-то сердито смотрел и раскрывал рот. Иногда – красивая женщина. Иногда – кто-то из девочек или мальчик побольше, чем он сам, который толкал его и отбирал игрушки. Когда они шевелили губами, Шон делал то же самое и жужжал, стиснув зубы. Через некоторое время они стали над этим смеяться. Все, кроме злого мужчины. Тот смотрел очень зло. Тогда Шон начинал кричать, что от этого в голове тоже возникало странное ощущение, а потом закрывал глаза и уходил.

Через какое-то время Кэти вспомнила любимую детскую игру Билли.

– Билли, сделай пчелку, – сказала она, – покажи Челле.

Билли ошеломленно посмотрел на нее.

– Какая пчелка?

– Ну, ты так делаешь иногда. Зззззз!

Билли удивился, но зажужжал.

– Какой ты смешной, – обрадовалась Кэти.

– Почему ты жужжишь по ночам? – через какое-то время спросил Джимбо, когда они были одни в своей комнате.

Они вдвоем спали на старинной широкой деревянной кровати, и Джимбо иногда будило жужжание, издаваемое братом.

Билли застеснялся, когда Джимбо спросил про жужжание, о котором говорили и девочки, а сам он ничего не знал. Но Билли быстро придумал, что ответить.

– Это я такую игру изобрел.

– Что за игра?

– Называется «пчелка». Смотри, – он убрал руки под одеяло и начал выписывать ими круги. – Зззззз... Видишь, это семья пчел под деревом.

Джимбо был уверен, что под одеялом действительно жужжало. Билли достал один кулак, делая вид, будто держит в нем жужжащую пчелу. Потом принялся изображать пальцами пчелу, бегающую по подушке и одеялу. Он повторил это несколько раз, а потом вдруг Джимбо почувствовал резкий укол в руку.

– Эй! Ты чего?

– Это тебя пчела ужалила. Лови ее. Прихлопни рукой и держи.

Джимбо несколько раз поймал обидчицу. А потом, когда он прихлопнул пчелу еще раз, жужжание заполнило комнату, в которой уже стемнело, звук стал совсем громким и агрессивным, из-под одеяла вылезла вторая рука и принялась щипать его все сильнее и сильнее.

– Ой! Ой! Хватит, больно!

– Это не я, – ответил Билли. – Ты поймал маленькую пчелку. Теперь прилетел ее папа и старший брат, чтобы тебя наказать.

Джимбо отстал от маленькой пчелки, но Билли выпустил всю семью, и пчелы кружили над подушкой, где лежала их родственница.

– Хорошая игра, – согласился Джимбо. – Завтра вечером продолжим.

Перед сном Билли лежал в темноте и думал, что это, скорее всего, и есть настоящее объяснение его жужжания. Он, наверное, придумал эту игру и жужжал, не думая о том, что его слышат другие. Наверняка так бывает со многими. И время многие тоже теряют. Он часто слышал, как мама или кто-нибудь из соседей говорил: «Боже, не заметил, как время пролетело», или «Неужели уже вечер?», или «Ох, на что только ушел целый

день?»

2

Учитель очень четко помнил события одного воскресенья, через неделю после первого апреля. Билли, которому месяца за полтора до этого исполнилось девять лет, заметил, что папа Чел все время на него смотрит. Мальчик взял журнал и начал его листать, но, подняв взгляд, увидел пристальный взгляд Челмера. Отчим сидел с каменным лицом, приложив к подбородку руку, и его пустые сине-зеленые глаз неустанно следили за мальчиком. Билли встал, аккуратно положил журнал на место и сел на диван, как его приучили: ноги в пол, руки на коленях. Но Челмер продолжал на него смотреть, так что Билли встал и вышел на заднее крыльцо. Ему было не по себе, и он решил поиграть с Блэкджеком. Все говорили, что это злая собака, но Билли хорошо с ним ладил. Обернувшись, он заметил, что Челмер наблюдает за ним через окошко ванной комнаты.

Мальчик уже испугался, ему очень хотелось скрыться с глаз Челмера, так что он обошел дом и устроился во дворе, и хотя вечер был теплый, он сидел и дрожал. Бросили газету, Билли поднял ее, повернулся к дому и снова заметил, что отчим на него смотрит.

И до самого вечера Билли ощущал сверлящий взгляд Челмера. Мальчик дрожал, не зная, что тот замыслил. Челмер молчал, но следил за каждым движением Билли.

Вся семья сидела перед телевизором и смотрела диснеевские мультфильмы, Билли растянулся на полу. Время от времени он оборачивался и ловил пристальный, холодный и пустой взгляд Челмера. Мальчик сел поближе к маме на диван, Челмер поднялся и тяжелой походкой вышел из комнаты.

Ночью Билли почти не спал.

На следующее утро, еще до завтрака, Челмер появился на кухне с таким видом, как будто тоже почти не спал, и объявил, что они с Билли поедут на ферму. Там их ждут дела.

Челмер поехал длинной дорогой и за всю поездку не проронил ни слова. Он открыл гараж, завел трактор в сарай. Затем Билли закрыл глаза. Он почувствовал боль...

По этому поводу в заключении доктора Хардинга было сказано так: «По словам пациента... он сам пережил садистское и половое насилие, включая анальную пенетрацию. По его свидетельствам, это началось в

возрасте восьми-девяти лет и длилось около года, как правило, на ферме, где он оставался с отчимом наедине. Помимо этого, он испытывал страх, что приемный отец его убьет, поскольку тот угрожал “зарыть его в сарае, а матери сказать, что сбежал”».

...и в этот момент его сознание, эмоции и душа раскололись на двадцать четыре части.

3

Впоследствии Кэти, Джимбо и Челла подтвердили воспоминания Учителя о первом избиении их матери. Как рассказала сама Дороти, Челмер впал в ярость, когда увидел, что на работе она разговаривает с чернокожим. Стоя у станка, она заметила, что рабочий на сборочном конвейере задремал, так что Дороти подошла к нему, встряхнула и предупредила об опасности. Он улыбнулся и поблагодарил.

Вернувшись к своему станку, Дороти заметила, что Челмер сурово на нее смотрит. По пути домой он был молчалив и мрачен.

Дома она наконец с ним заговорила.

– В чем дело? Хочешь поговорить?

– Что у тебя с этим нигером? – спросил он.

– Что у меня с ним? Боже мой, ты о чем?

Он ударил Дороти. Дети из гостинной наблюдали, как он ее избивал. Билли был просто в ужасе, он хотел помочь маме, остановить Челмера. Но от него пахло спиртным, и мальчик испугался, что тот убьет его самого, закопает, а матери скажет, что сбежал.

Билли унесся в свою комнату, громко хлопнул дверью, навалился на нее спиной и закрыл уши руками. Но ему не удалось заглушить крики матери. Он расплакался и медленно съехал на пол, сел. Закрыл глаза, и благодаря глухоте Шона все стихло...

По воспоминаниям Учителя, именно это событие стало началом трудных времен. Восприятие стало сильно путаться, Билли где-то бродил, теряя время, не зная, ни какой сейчас день недели, ни какой месяц. Он уже учился в четвертом классе. Учителя обратили внимание на странности в поведении мальчика, когда он от имени какой-нибудь из своих личностей, не понимая, что творится вокруг, говорил что-нибудь необычное или вставал и начинал ходить по классу; тогда его отправляли в угол. Обычно лицом к стенке приходилось стоять трехлетней Кристин.

Она могла очень долго стоять там молча, чтобы у Билли не было проблем. А вот Марк, чье внимание подолгу не удерживалось ни на чем, за исключением ручного труда, ушел бы. Томми психовал бы, Дэвид – страдал, Джейсон, «клапан давления», орал бы, Бобби заблудился бы в своих фантазиях. Сэмюэль, иудей, как Джонни Моррисон, начал бы молиться. Остальные, как и вышеперечисленные, вели бы себя неправильно, из-за чего у Билли было бы еще больше трудностей. И лишь Кристин, которая не вырастала старше трех лет, могла стоять спокойно и молчать.

Кристин была тем ребенком, которого ставили в угол.

К тому же она первая слышала голос другой личности. Однажды утром Кристин шла в школу и остановилась, чтобы нарвать в поле цветов. Она нашла сумах и шелковицу и попыталась сделать букет. Если подарить цветы миссис Рот, учительнице, может, она будет пореже отправлять ее в угол. Но, дойдя до яблони, малышка решила, что лучше будет преподнести ей фрукты. Выбросив цветы, она попробовала сорвать яблоко. Но яблоки оказались слишком высоко, и Кристин расстроилась до слез.

– Чего не так, малышка? Чего ты плачешь?

Кристин посмотрела вокруг, но никого не увидела.

– Дерево не дает мне яблоки, – ответила она.

– Не плачь. Рейджен достанет яблоки.

«Рейджен» ловко взобрался на дерево, собрав все свои силы, отломил толстую ветку и спустился с ней на землю.

– Вот, – сказал он, – у меня тебе много яблоки.

Он набрал полную охапку и повел Кристин в школу.

Когда Рейджен ушел, яблоки рассыпались посреди дороги. На самое блестящее и большое яблоко, которое Кристин хотела подарить учительнице, неслась машина. Малышка попыталась его схватить, но Рейджен толкнул ее в сторону, чтобы девочка не попала под колеса. Увидев, как машина раздавила ее прекрасное яблоко, Кристин расплакалась, а Рейджен поднял с земли другое, почти такое же красивое, вытер и подал ей.

– Ой, Билли, спасибо, – сказала миссис Рот.

Кристин расстроилась, ведь яблоко принесла она. Потом девочка пошла в конец класса, выбирая себе место. Она села в левом ряду, но через несколько минут появился огромный мальчишка и велел убираться.

Она обиделась, но когда поняла, что сейчас придет Рейджен и ударит его, Кристин поспешно встала и пересела на другой стул.

– Эй, это мое место! – крикнула стоявшая у доски девчонка. – Билли сел на мое место.

– Ты что, забыл, где сидишь? – спросила миссис Рот.

Кристин кивнула.

Учительница показала на пустое место справа.

– Вон твое место, Билли. Иди, садись.

Кристин не поняла, почему миссис Рот сердится, ведь она так старалась понравиться учительнице. Даже сквозь слезы она почувствовала, что Рейджен хочет сделать что-то плохое. Так что ей пришлось покрепче закрыть глаза и начать топтать ногами – чтобы остановить его. Потом она и сама ушла.

Билли открыл глаза, удивленно осмотрелся и понял, что он в классе. Но как он сюда попал? И почему все на него смотрят? И хихикают?

Когда он выходил, его окликнула миссис Рот.

– Билли, спасибо за яблоко. Очень мило с твоей стороны. Мне искренне жаль, что опять пришлось тебя отругать.

Она ушла, а он смотрел на нее и все не понимал, о чем она говорила.

4

Впервые услышав из уст Билли британский акцент, Кэти с Джимбо подумали, что он дурачится. Они с Джимбо были в одной комнате, смотрели, какую одежду пора постирать. Кэти подошла к двери, чтобы проверить, готов ли Билли идти в школу с ней и Челлой.

– Билли, что с тобой? – спросила она, заметив странный взгляд брата.

Брат посмотрел на нее, на обстановку в комнате, на другого мальчика, который тоже уставился на него. Он вообще не понимал, ни кто они такие, ни как он сюда попал. И ни с каким Билли он тоже не был знаком. Он знал лишь то, что он Артур – из Лондона.

Опустив взгляд, он заметил, что на нем один черный носок, а второй фиолетовый.

– Да, скажу я вам, они же однозначно непарные.

Девочка с мальчиком начали хихикать.

– Билли, ну ты и дурачок! Но смешной. Ты прямо как Ватсон из твоих любимых фильмов про Шерлока Холмса, согласен, Джимбо?

На этом она усккала, и мальчишка, которого называли Джимбо, тоже побежал, крикнув вслед:

– Поспеши, не то опоздаешь!

Он не мог понять, почему они называли его Билли, если он Артур.

Он что, какой-то самозванец? Шпион, поселившийся в этом доме? Или

детектив? Чтобы решить эту загадку, придется применить логическое мышление. Например, почему на нем носки разного цвета? Кто их надел? И что тут вообще происходит?

– Билли, ты идешь? Ты же знаешь, что папа Чел с тобой сделает, если ты снова опоздаешь.

Артур решил, что если уж он и самозванец, то надо подыгрывать. Он догнал Челлу с Кэти и пошел с ними в школу на Николас-драйв, но всю дорогу молчал. Когда они прошли мимо одной из дверей, Кэти спросила:

– Билли, ты куда? Заходи давай.

Он долго стоял, пока не вычислил – по последнему оставшемуся пустому стулу, – где безопасно будет сесть. Потом подошел к стулу, не глядя по сторонам, высоко задрав голову, не смея сказать ни слова, – Артур уже догадался, что другие смеются над ним потому, что он говорит не так, как все.

Учительница раздала контрольные по арифметике.

– Когда закончите, оставляйте листок в книге и идите на перемену. А потом проверьте еще раз. Потом я соберу и поставлю оценки.

Увидев примеры на умножение и деление в столбик, Артур фыркнул. Он взял карандаш и быстренько написал ответы, решив все в уме. Закончив, он вложил листок в учебник и принялся смотреть в пустоту.

Это было слишком элементарно.

Шум детей в школьном дворе досаждал ему, и Артур закрыл глаза...

– Доставайте из учебников листочки, – сказала после перемены учительница.

Билли поднял на нее изумленный взгляд.

Как он оказался в школе? Что он тут делает? Он помнил, как встал утром, но как оделся и как пришел в класс – нет. И он понятия не имел, что произошло за этот промежуток времени.

– Можете проверить ответы, а потом сдавайте контрольные.

Какие контрольные?

Билли вообще не понимал, что происходит, и решил, что если она его спросит, почему он не сдает, скажет, что забыл или потерял на улице. Надо ведь как-то объясняться. Открыв книгу, он изумленно раскрыл глаза. Там лежал листок с решенной контрольной – все пятьдесят примеров. Билли заметил, что это не его почерк – похожий, но как будто писали очень быстро. Он вообще частенько находил у себя какие-то бумаги, насчет которых лишь оставалось полагать, что они принадлежат ему. И сейчас Билли понимал, что он, которому математика совершенно не давалась, ну никак не мог все это решить. Повернув голову, он посмотрел на девочку за

соседней партой – у нее были такие же примеры. Так что он пожал плечами, взял карандаш и подписал «Билли Миллиган» в верхней части листка. Проверять он и не собирался. Какой смысл, если он и решить бы это сам не мог?

– Ты уже закончил?

Подняв взгляд, он увидел учительницу.

– Да.

– Ты даже проверять не стал?

– Нет.

– Ты что, *настолько* в себе уверен, что сдашь просто так?

– Я не знаю, – сказал Билли, – проверите – увидим.

Она взяла у него листок и вернулась за свой стол. Через несколько секунд нахмурилась и вернулась к нему.

– Билли, покажи-ка мне свой учебник.

Он подал книгу, учительница принялась ее листать.

– А руки.

Он показал руки. Потом она потребовала продемонстрировать манжеты и содержимое карманов, посмотрела и под партой.

– Странно, – наконец сказала она. – Не понимаю. Ответы заранее ты точно знать не мог, потому что я делала копии контрольной только сегодня утром, а решения лежат у меня в сумке.

– Я сдал?

Учительница неохотно вернула ему листок.

– На отлично.

Учительница называла Билли лентяем, смутьяном, вруном. В период с четвертого по восьмой класс его то и дело водили к кураторам, директору, школьному психологу. Все его детство проходило в постоянной борьбе: сочинять, подгонять факты, выдумывать какие-то объяснения с единственной целью скрыть от всех, что большую часть времени он не помнит, что было с ним несколько дней, часов или даже минут назад. Все заметили, что временами Билли как будто впадает в транс. Все говорили, что Билли какой-то странный.

Поняв, что он отличается от остальных, что не все теряют время, убедившись, что часто все как один говорят, будто он делал нечто такое, чего он сам не может вспомнить, Билли заключил, что он ненормальный. И стал это скрывать.

Каким-то образом ему удавалось держать это в секрете.

По воспоминаниям Учителя, весной 1969 года, когда ему было

четырнадцать лет и он учился в восьмом классе, Челмер повез его на ферму, точнее, за кукурузное поле, вручил лопату и велел копать...

Впоследствии доктор Стелла Кэролин описала с его слов это событие в своем заключении, зафиксированном в судебном протоколе: «[Отчим] совершал над ним половое насилие и угрожал похоронить заживо, если он расскажет об этом матери. Однажды он даже закопал мальчика, оставив на лице маску с трубкой, чтобы тот мог дышать... Прежде чем раскопать ребенка, он помочился через трубку ему на лицо» («Ньюсуик, 18 декабря 1978 г.»).

...и с этого дня Дэнни начал бояться земли. Он больше никогда не лежал в траве, не дотрагивался до земли и не рисовал пейзажей.

5

Несколько дней спустя Билли вошел в свою комнату и протянул руку, чтобы включить лампу, стоявшую возле кровати. Но лампа не зажглась. Он щелкал и щелкал выключателем – но безрезультатно. Тогда мальчик поплелся в кухню, взял новую лампочку и попытался ее поменять – он видел, как это делает мама. Его так ударило током, что он отлетел к стене...

«Томми» открыл глаза, не зная, чего ожидать. Он увидел лежащую на кровати лампочку, взял ее, посмотрел под абажур и начал ее вкручивать. Когда он дотронулся до металла, его ударило током. Вот черт! Что это за фигня такая? Он снял абажур и посмотрел в дырочку. А когда тронул ее пальцем, его снова ударило. Он сел и попытался разобраться. Что за чертовщина? Он проследил, куда идет провод: в розетку в стене. Томми вынул вилку и снова коснулся металлической части патрона. Ничего не случилось. Значит, бьется стена. Он посмотрел в две маленькие дырочки, потом подскочил и побежал вниз. Там он увидел, что провода идут с потолка в предохранительную коробку и выходят из дома. Поняв, что они поднимаются по телефонным столбам и идут дальше вдоль улиц, мальчик в ошеломлении остановился. Так вот зачем эта хрень!

Томми пошел дальше, чтобы посмотреть, куда ведут столбы. Когда уже почти стемнело, он добрался до здания с оградой из проволоочной сетки и вывеской «*Электростанция Огайо*». Ладно, решил он, а у них откуда эта фигня, которая дает свет и может тряхнуть тебя до полусмерти?

Вернувшись домой, он взял телефонный справочник, нашел в нем «*Электростанцию Огайо*», записал адрес. Уже стемнело, но на следующее утро он пойдет и посмотрит, откуда берется электричество.

На следующий день Томми отправился в центр, на электростанцию. Он вошел в помещение и принялся недоуменно смотреть по сторонам. Там оказалось много людей, которые сидели за столами, разговаривали по телефону, печатали на машинках. Офис, не более того! Господи, опять поражение! Он побрел по Мейн-стрит, пытаясь понять, откуда же берется эта гадость, и вдруг перед муниципалитетом ему на глаза попала библиотека.

Ладно, придется смотреть в книжках. Томми поднялся на третий этаж, нашел в картотеке слово «электроэнергия», подобрал книги и начал читать. Узнав о дамбах, гидроэлектростанциях, угле и другом горючем топливе, которое дает энергию для работы различного оборудования, а также свет в лампочках, он был просто поражен.

Томми читал до темноты. А потом пошел бродить по улицам Ланкастера, глядя на лампочки вокруг, и с восторгом думал, что теперь знает, откуда берется все это электричество. Мальчик решил узнать как можно больше о приборах и токе. Он остановился у витрины магазина и принялся разглядывать электронную аппаратуру. Возле телевизора, на экране которого космонавт в костюме спускался по лестнице, собралась целая толпа.

– Вы можете в это поверить? – сказал кто-то. – Изображение поступает прямо с луны!

«...огромный шаг вперед для человечества», – сказал диктор в телевизоре.

Томми посмотрел на луну, потом обратно на экран. Об этом тоже надо разузнать.

Потом он заметил женское отражение в витрине.

– Билли, тебе уже пора домой, – сказала Дороти.

Он посмотрел на хорошенькую маму Билли и собрался сказать ей, что он Томми, но она положила ему руку на плечо и повела к машине.

– Билли, переставай шляться по городу. К возвращению Чела тебе лучше быть дома, иначе сам знаешь, чего ждать.

Пока они ехали в машине, Дороти то и дело бросала на него взгляды, словно пытаясь что-то понять, но Томми сидел молча.

Дома она сначала покормила его, а потом сказала:

– Билли, может, пойдешь порисуешь? Ты же знаешь, это тебя всегда успокаивает. Такое ощущение, что ты совсем разнервничался.

Пожав плечами, Томми отправился в комнату, где хранились принадлежности для рисования. Крупными мазками он нарисовал ночной пейзаж, дорогу со столбами. Закончив, отошел, посмотрел. Для новичка

вышло обалденно. А на следующее утро Томми написал еще один пейзаж, и хотя на картине вообще-то был день, добавил еще и луну.

6

Билли любил цветы, стихи и помогать маме по дому, но знал, что Челмер из-за этого будет обзывать его «маменькиным сынком» и «педиком». Поэтому он перестал и помогать матери, и писать стихи. Тайком ото всех это делала за него «Адалана».

Однажды вечером Челмер смотрел фильм про Вторую мировую, в котором офицер гестапо на допросе избил человека шлангом. Когда фильм закончился, Миллиган вышел во двор, отрезал кусок шланга, сложил его вдвое и замотал концы черной изолентой так, что получилась ручка.

Вернувшись в дом, он увидел, что Билли моет посуду.

Адалана, не успев даже понять, в чем дело, упала на пол от удара пониже спины.

Челмер повесил шланг на дверь своей спальни и лег в постель.

Адалана сделала вывод, что мужчины полны злобы и ненависти и что им ни в коем случае нельзя доверять. Ей очень хотелось, чтобы Дороти или кто-нибудь из девочек, Кэти или Челла, обнял ее, поцеловал, чтобы весь страх и другие неприятные чувства ушли. Но она знала, что этим может лишь навлечь на себя еще больше неприятностей, так что легла в свою кровать и плакала, пока не заснула.

Челмер частенько брался за шланг; доставалось, как правило, Билли. По воспоминаниям Дороти, она набрасывала на оружие порки свою ночную рубашку или халат, в надежде что если Челмер не будет его видеть, то и рука к нему не потянется. А однажды, после того как муж им довольно долго не пользовался, она выбросила шланг. И Челмер никогда так и не узнал, как это случилось.

Томми, помимо тайных игр с моторами и электроприборами, начал изучать способы бегства. Он прочел про знаменитых в этой области Гудини^[10] и Сильвестра, но, к собственному разочарованию, узнал, что некоторые из их величайших подвигов были лишь фокусами.

Позже Джимбо вспоминал, как брат просил его крепко связать ему руки веревкой и уйти. Оставшись один, Томми изучал узлы и искал простейший способ повернуть запястье так, чтобы веревка начала скользить. Потом он стал завязывать одно запястье и снимать веревку,

держа руку за спиной.

Когда Томми прочел о ловушках, которые в Африке ставили на обезьян – животное просовывало лапу в щель, чтобы взять еду, но не могло вытащить сжатый кулак, – он заинтересовался, как устроена человеческая рука. Он изучил строение скелета по картинкам в энциклопедии и придумал, что если сжать руку так, чтобы она стала уже запястья, то ее можно будет высвободить в любой ситуации. Измерив свои запястья и ладони, Томми начал делать упражнения, сжимая и тренируя кости и суставы. И когда ему наконец удалось добиться того, чтобы ладонь становилась тоньше запястья, он понял, что теперь никакими наручниками и цепями его не остановишь.

Томми решил, что нужно еще и научиться выбираться из запертых комнат. Когда мать Билли ушла и он остался в доме один, он взял отвертку, вынул замок из двери и изучил механизм. Он зарисовал строение замка и запомнил все размеры. И с тех пор всякий раз, когда ему попадался замок другого типа, он его разбирал, изучал и ставил на место.

Однажды, бродя по центру, Томми зашел в мастерскую слесаря, занимавшегося замками. Старик позволил ему посмотреть на все многообразие запоров. Он даже дал Томми почитать книжку о замках с магнитным и пружинным механизмом и различных сейфовых замках. Томми старательно учился и постоянно испытывал себя. Заметив в спортивном магазине наручники, он решил, что как только появятся деньги, надо будет купить и разобраться и с ними.

Однажды, когда за ужином Челмер его особенно достал, Томми стал искать способ навредить отчиму так, чтобы его не поймали. И придумал.

Он достал напильник из ящика, взял электробритву Челмера и аккуратно затупил все три вращающихся лезвия, после чего заново собрал бритву.

На следующее утро когда Челмер пошел бриться, мальчик встал неподалеку от ванной. Бритва включилась, лезвия щелкнули, и послышались крики от боли – тупые лезвия теперь не сбривали волосы, а выдирали их.

Челмер вылетел из ванной.

– На что уставился, тупой выродец? Нечего стоять тут и пялиться, как дебил!

Томми сунул руки в карманы и ушел, чтобы Челмер не заметил его улыбку.

«Аллен» впервые встал в пятно, чтобы попытаться переубедить крутых ребят с района, которые на стройке собирались бросить его в яму,

вырытую под фундамент. Он начал с ними спорить, изо всех сил стараясь их обдурить, но ничего не вышло. Они все равно его туда толкнули и принялись швыряться камнями. Тогда Аллен решил, что больше ему тут делать нечего...

Дэнни услышал звук плюхнувшегося прямо перед ним камня. Рядом упал еще один и еще. Он поднял взгляд и увидел, что шайка ребят сверху бросается в него. Один раз ему попали по ноге, другой камень угодил в бок. Дэнни побежал к противоположному краю, потом по кругу, все пытаясь найти возможность выбраться из котлована. Когда до него окончательно дошло, что на такие крутые стены ему не подняться, он сел на землю, скрестив ноги...

Получив камнем по спине, Томми поднял голову. Быстро оценив ситуацию, он понял, что надо сбегать. Он тренировался в открывании замков и развязывании веревок, но тут требовалось бегство другого типа. Тут нужна физическая сила...

Рейджен поднялся на ноги, достал карманный нож и резко взмыл по крутому склону. Он несся к мальчишкам, размахивая открытым ножом, переводил взгляд с одного хулигана на другого, удерживая свою собственную злобу под контролем, и ждал, кто первый на него кинется. Он без колебаний готов был пырнуть любого из них, ведь они взялись обижать мальчишку на добрых тридцать сантиметров ниже, не ожидая, что он готов им ответить. Ребята бросились врассыпную, и Рейджен пошел домой.

Как позднее вспоминал Джимбо, родители пацанов пришли жаловаться на то, что Билли угрожал их детям ножом. Челмер выслушал их, вывел Билли на задний двор и избил.

7

Дороти заметила, что ее младший сын изменился и иногда ведет себя крайне странно.

«Иногда Билли становился не похож на самого себя, – вспоминала она позднее. – У него часто менялось настроение, он замкнулся. Иногда я ему что-нибудь говорила, а он не отвечал, как будто находился где-то далеко, словно думал о чем-то своем, глядя в пустоту. Иногда он шел бродить по городу, как тогда, когда он еще ходил во сне. Бывало, и из школы убегал. Если его вовремя ловили, то задерживали в школе и звонили мне, а я за ним приезжала. Но иногда Билли все же удавалось уйти, и меня тоже вызывали. Тогда я ездила по улицам, искала его повсюду, находила где-нибудь в

центре и везла домой, говорила: “Ладно, Билли, иди ложись”. Но он даже как будто не знал, где его комната! Я его отводила, бог ты мой. Когда он просыпался, я его спрашивала, как он себя чувствует. Он очень удивлялся.

– Я что, сегодня никуда не ходил?

– Нет, Билли, – отвечала я. – Ты что, забыл, как я тебя забрала? Ты пошел в школу, потом мне позвонил мистер Янг, я за тобой приехала. Ты не помнишь, как мы с тобой вернулись домой?

– А, – отвечал он в полном изумлении.

– Ты этого что, не помнишь?

– Наверное, мне было плохо.

– Меня все заверяли, что он наркоман, – рассказывала Дороти, – но я знала, что это не так. Этот ребенок никогда ничего не принимал. Даже аспирин не пил. Я буквально сражалась с ним из-за каждой таблетки. Иногда он возвращался домой сам, ничего не понимая, как в трансе. И не разговаривал со мной, пока не вздремнет. А потом вставал, и это снова был мой Билли. И я им говорила. Я всех убеждала, что этому мальчику нужна помощь».

8

Артур время от времени показывался в школе, чтобы поправить учителя на уроке истории, особенно когда речь заходила об Англии и ее колониях. Но большую часть времени он проводил в городской публичной библиотеке. Книги и личный опыт научат тебя куда больше, чем ограниченные провинциальные учителя.

То, как в школе преподнесли Бостонское чаепитие^[11], вывело Артура из себя. Он прочел правду об этом событии в изданной в Канаде книге под названием «Сухие факты», где опровергался фальшивый патриотизм поступка, в действительности совершенного пьяными моряками. Но когда Артур заговорил, все принялись хохотать, и он вышел из класса, презрев смешки. И снова отправился в библиотеку, поскольку тамошняя хорошенькая библиотекарьша не смеялась над его акцентом.

Артур прекрасно знал о существовании других. Он понял, что что-то не так, по датам в календаре. Согласно книгам и его наблюдениям, обычные люди так много не спят, как он.

Поэтому он начал задавать окружающим вопросы.

– Что я вчера делал? – спрашивал он у Кэти, Джима, Челлы или Дороти.

И их рассказы его ошеломили. Ему предстояло во всем разобраться с помощью логической дедукции.

Однажды перед сном Артур почувствовал, что в его голове будто бы есть кто-то еще, и он удержался от того, чтобы заснуть.

– Ты кто? – спросил он. – Я требую ответа.

И услышал его.

– А ты, блин, сам кто такой?

– Меня зовут Артур. А ты кто?

– Я Томми.

– И что ты тут делаешь?

Мысленный допрос продолжался.

– Как ты сюда попал? – спросил Артур.

– Понятия не имею, а ты?

– И я, но я как пить дать это выясню.

– Как?

– Нам надо мыслить логически. У меня идея. Надо следить за временем, пока не спишь, чтобы получить почасовой отчет о каждом дне.

– Слушай, а хорошая мысль.

– Ставь на внутренней стороне двери чулана отметку за каждый час, когда ты в сознании. И я буду делать то же самое. Потом подсчитаем и сверим с календарем, чтобы понять, все ли время наше.

Оказалось, что не все.

Значит, должны были быть и другие.

Так что, пока Артур пребывал в сознании, он неустанно пытался разрешить загадку недостающего времени и отыскать других людей, с которыми он, по всей видимости, делил разум и тело. После встречи с Томми он по очереди выследил и всех остальных, всего двадцать три человека, включая себя самого и того, к которому все люди извне обращались как «Билли» или «Билл». Благодаря дедукции он выяснил, кто они такие, как склонны себя вести и что делать.

Как Артуру показалось, до него лишь девочка по имени Кристин догадалась о существовании других. Еще он понял, что она, похоже, чувствует, что происходит у них в голове, когда они находятся в сознании, и задумался, можно ли развить такой навык и в себе.

Он завел об этом разговор с человеком по имени Аллен, который ловко манипулировал людьми и легко умел при помощи болтовни вывернуться из любой сложной ситуации.

– Аллен, когда в следующий раз завладеешь сознанием, прошу тебя, напряги мозги и расскажи мне обо всем, что происходит вокруг тебя.

Аллен согласился попробовать и, когда в следующий раз оказался в мире, описал Артуру все, что видит. Артур старался все это себе вообразить, пока ему не удалось сфокусировать картинку, после чего, хоть и с огромным усилием, он смог видеть глазами Аллена. Но он обнаружил, что это получается, лишь когда он бодрствует и специально концентрирует внимание, хотя и не владеет при этом сознанием. Это была первая победа его разума над материей.

Артур понял, что раз уж он такой умный, выходит, что он берет на себя ответственность за большую и очень разношерстную семью. Все они живут в одном теле, и надо установить какой-то порядок в ситуации, казавшейся совершенным хаосом. Поскольку только он в состоянии подойти к данной задаче без эмоций, ему придется поразмыслить над этим и придумать что-нибудь справедливое, осуществимое и – самое главное – логичное.

9

Иногда Билли ходил по школьным коридорам как зачарованный, и над смеялись. Ребята видели, что он разговаривает сам с собой, а порой вообще ведет себя как маленькая девочка, и издевались над ним.

Однажды во время перемены, на школьном дворе, когда было уже холодно, начал прикалываться какой-то мальчишка. Кто-то бросил в Билли камень и попал. Поначалу он не понял, что произошло, но знал, что проявлять гнев нельзя, иначе Челмер его накажет.

Рейджен развернулся и сурово уставился на хохочущих мальчишек. Кто-то еще поднял камень и бросил, но Рейджен поймал его и тут же запустил обратно, попав обидчику в голову.

Ребята удивились и попятились прочь, а Рейджен достал из кармана финку и пошел на них. Они бросились бежать. Рейджен принялся осматриваться, пытаясь понять, где он и как сюда попал. Он сложил нож, убрал его в карман и пошел. Хотя не знал куда.

Но за ним наблюдал Артур – как он проворен, зол. Уж Артур-то вычислил, почему Рейджен тут оказался. И понял, что с внезапными взрывами чувств этого человека придется как-то справляться. Лучше хорошенько изучить и понять его прежде, чем представиться. Больше всего Артура поражало то, что Рейджен думает со славянским акцентом. Артур считал, что славяне – самый варварский народ. То есть, имея дело с Рейдженем, он будет иметь дело с варваром. Такой человек представляет собой угрозу, но может оказаться полезным в опасной ситуации, и его силу

надо обуздать. Артур будет выжидать, и когда придет время, пойдет на контакт с Рейдженем.

Через несколько недель Кевин вместе с крутыми пацанами ввязался в драку с ребятами из соседнего района: они бросались друг в друга комьями грязи. Поле боя представляло собой земляную насыпь возле ямы на стройке. Кевин причислял себя к крутым и швырялся грязью наравне с ними. Не попадая, он смеялся, потому что комья земли взрывались, словно грязевые бомбы.

И вдруг где-то рядом зазвучал очень странный голос с акцентом:

– Ниже, ниже бросай, – он напоминал бруклинского солдата из одного фильма про войну. – Давай пониже, черт тебя дери!

Кевин так удивился, что вообще перестал бросаться, а сел на землю, чтобы попытаться понять, кто это с ним разговаривает.

– Где ты? – спросил он.

– Где *ты*? – эхом ответил голос.

– Я на куче возле ямы.

– Да? И я тоже.

– Тебя как зовут? – поинтересовался Кевин.

– Филип. А тебя?

– Кевин.

– Ржачное имя.

– Да что ты? Жаль, я тебя не вижу, не то врезал бы.

– Ты где живешь? – спросил Филип.

– На Спринг-стрит. А ты откуда?

– Из Бруклина, Нью-Йорк, хотя теперь я тоже живу на Спринг-стрит.

– Дом 933, белый. Там хозяин некий Челмер Миллиган, – продолжал Кевин. – Он меня Билли называет.

– Ничего себе, и я там живу. И тоже знаю этого чувака. И он меня тоже зовет Билли. Но тебя я там не видал.

– Да и я тебя там не видал, – ответил Кевин.

– Ну и ну, дружище! – сказал Филип. – Пошли школьные окна бить.

– Супер, – согласился Кевин.

И они побежали к школе и перебили не меньше десятка стекол.

Артур, который слышал их разговор и наблюдал за ними, решил, что эти двое определенно имеют криминальные склонности и могут представлять собой действительно серьезную проблему.

Рейджен знал нескольких человек, живущих в его же теле. Билли, например, вообще с самого начала, как только завладел сознанием, Дэвида,

который берет на себя боль, Дэнни, живущего в постоянном страхе, и трехлетнюю Кристин, в которой он души не чаял. Но Рейджен понимал, что есть и другие, и многих он еще не встречал. Просто потому, что этими пятерыми обилие голосов, да и происходящие события не объясняли.

Еще Рейджен знал свою фамилию – Вадасковинич, свою родину – Югославия и причину своего существования – выживать и любыми средствами защищать остальных, в особенности детей. Он понимал, что очень силен и умеет чувствовать опасность, словно паук, испытывающий зуд, когда незванный гость даже едва касается его паутины. Рейджен мог трансформировать страх других людей в собственную энергию и действовать. И он поклялся тренироваться, чтобы довести тело до совершенства, изучить боевые искусства. Хотя в столь враждебном мире этого недостаточно.

Рейджен отправился в спортивный магазин и приобрел метательный нож. Потом пошел в лес и стал тренироваться: молниеносно извлекать оружие из ботинка и бросать в дерево. Когда стемнело, он спрятал нож в ботинок и отправился в обратный путь, решив, что отныне больше никогда не будет ходить безоружным.

По дороге домой Рейджен услышал странный голос с британским акцентом. Он резко развернулся, нагнувшись и выхватив нож, но рядом никого не оказалось.

– Рейджен Вадасковинич, я у тебя в голове. Мы живем в одном теле.

Рейджен пошел дальше, разговаривая с Артуром, который рассказал ему то, что знает о других живущих с ними в одном теле.

– Ты правда в моя голова? – переспросил Рейджен.

– Так и есть.

– И знаешь, что я делаю?

– Да, в последнее время я за тобой наблюдал. На мой взгляд, ты отлично владеешь ножом, но не стоит ограничиваться только одним видом оружия. И помимо боевых искусств тебе следует заняться изучением оружия и взрывчатки.

– С бомбой я не ладах. Все эти провода мне неясно.

– С этим мог бы разобраться Томми. Электроника и механика ему даются прекрасно.

– Кто этот Томми?

– Я вас скоро познакомлю. Чтобы выжить в этом мире, нам надо навести в этом хаосе хоть какой порядок.

– Что такое «хаос»?

– Это когда Билли куда-нибудь идет, а люди один за другим начинают

меняться прямо на глазах у окружающих, берутся за какое-нибудь дело, но не заканчивают, попадают в передраги, из которых другим приходится выбираться, напрягая все извилины, – вот это я называю хаосом. Должен быть какой-то способ установить над этим контроль.

– Я слишком большой контроль не нравится, – ответил Рейджен.

– Научиться контролировать людей и события важно для выживания. Эта задача на первом месте по приоритетности.

– А на втором?

– Саморазвитие.

– Согласный, – ответил Рейджен.

– Я хочу рассказать тебе об одной прочитанной мной книге, в которой описан способ управлять выработкой адреналина, то есть его потоком, чтобы обрести максимальную силу.

Артур пересказал, что читал по биологии, особенно на интересовавшую его тему обуздания страха и его трансформации в энергию через адреналин и секрецию щитовидной железы. Рейджена злило, что Артур выставляет себя самым главным, но он вынужден был признать, что этот англичанин действительно знает многое, о чем он сам никогда и не слышал.

– Ты в шахматы играешь? – спросил Артур.

– Конечно, – ответил Рейджен.

– Хорошо, тогда пешка на e4.

Рейджен на миг задумался.

– Конь на c3.

Артур представил себе доску.

– Ага, индийская защита. Прекрасно.

Артур выиграл как эту партию, так и все последующие. Рейджену оставалось лишь признать, что в концентрации мыслей Артур его превосходит; он утешал себя тем, что тот не умеет драться, даже если бы вопрос встал о его жизни и смерти.

– Нам понадобится твоя защита, – сказал Артур.

– Как ты читать мои мысли?

– Способ прост. Ты как-нибудь и сам научишься.

– Билли о нас знает?

– Нет. Он иногда слышит голоса, у него бывают видения, но он понятия не имеет о нашем существовании.

– Разве не надо ему говорить?

– Думаю, нет. Полагаю, это сведет его с ума.

Глава девятая

1

В марте 1970 года школьный психолог из Стэнбери-джуниор-хай Роберт Мартин написал в своем отчете:

«Билл несколько раз был не в состоянии вспомнить, где находится, где его вещи, не мог ходить без посторонней помощи. Его зрачки в это время были очень суженными. В последнее время Билл часто начинает препираться с учителями и одноклассниками, вследствие чего покидает класс. В подобных случаях он огорчается, плачет, становится необщительным. Недавно в аналогичной ситуации он попытался встать на пути движущегося автомобиля. После данного поступка его отвели к врачу. Вынесенный диагноз – приступы «психического транса».

Во время встречи со мной Билл казался подавленным, но контролировал собственное поведение. Он выразил сильную антипатию к отчиму и вызванную этим неприязнь к собственному дому. Билл считает отчима крайне жестким человеком, склонным к тирании и не испытывающим никаких чувств к людям. Это мнение подтвердила мать Билли на родительском собрании. По ее словам, биологический отец Билла покончил с собой, а отчим часто сравнивал с ним самого Билли. Он часто говорит о том, что Билл и его мать довели его отца до самоубийства (по словам матери)».

2

Джон У. Янг, директор Стэнбери-джуниор-хай, заметил, что Билли Миллиган часто пропускал уроки и сидел на ступеньках неподалеку от его кабинета или в последнем ряду аудитории. Янг в таких случаях всегда садился рядом с мальчиком и заводил беседу.

Иногда Билли говорил о покойном отце, о том, что хочет стать артистом эстрады, когда вырастет. Рассказывал, что дома все плохо. Но зачастую Янг тоже видел, что мальчик пребывает в трансе. Тогда он отвозил Билли домой на машине. Поняв, что такое происходит очень часто, директор направил его в клинику психического здоровья Фэрфилда.

Первая встреча Билли Миллигана с доктором Гарольдом Т. Брауном, директором клиники и психиатром, состоялась 6 марта 1970 года. Браун,

щуплый мужчина с седыми бакенбардами, безвольным подбородком и очками в черной оправе смотрел на мальчика и видел перед собой опрятного худощавого пятнадцатилетнего школьника, который казался здоровым, сидел спокойно, не напрягаясь, не нервничая, разве что не смотрел прямо в глаза.

«Голос мягкий, – отметил доктор Браун в записях, – монотонный, как в трансе».

Вдруг Билли уставился на него.

– Что ты чувствуешь? – поинтересовался доктор Браун.

– Я как во сне, который то прервется, то снова продолжится. Отец меня ненавидит. Я слышу его крик. У меня в комнате – красный свет. Я вижу сад, дорогу... цветы, воду, деревья, и там нет никого, кто орал бы на меня. Я вижу много нереального. Вижу дверь с множеством замков, и кто-то по ней колотит, хочет выйти. Вижу, как падает женщина, вдруг она превращается в грудку металла, и я не могу до нее дотянуться. Да я единственный человек, которому удастся ловить глюки и без ЛСД.

– А как ты относишься к родителям? – продолжил Браун.

– Боюсь, он ее убьет. И это я виноват. Они все время из-за меня ссорятся, потому что он ужасно меня ненавидит. И мне снятся неопишуемые кошмары. А иногда у меня очень странные ощущения в теле, как будто я такой легкий, почти воздушный. Порой мне кажется, что я могу летать.

В первом заключении Браун написал: «Несмотря на описанный опыт, пациент имеет связь с реальностью, явной психотической идеации не выявлено. Достаточно способен фокусироваться и удерживать внимание. Способен ориентироваться. Память хорошая. Упомянутая выше идеация и склонность драматизировать ситуацию сильно сказываются на мировоззрении. Для коррекции поведения понимания ситуации пока недостаточно. Предполагаемый диагноз: сильный истерический невроз с конверсионной реакцией. Код по классификации АПА 300.18».

Вспоминая об этой встрече, Учитель сказал, что доктор Браун беседовал не с Билли. Это Аллен описывал мысли и видения Дэвида.

Через пять дней Миллиган снова пришел в клинику, хотя ему не было назначено, но, заметив, что он находится в состоянии транса, доктор Браун согласился его принять. По наблюдениям врача, мальчик понимал, где находится, и делал то, что ему говорят.

– Нам придется позвонить твоей матери, – сказал Браун, – сообщить ей, что ты в клинике.

– Ладно, – ответил Дэвид, встал и вышел.

Несколько минут спустя вернулся Аллен и стал ждать, когда его вызовут. Он сидел молча и пристально осматривал кабинет.

– Что сегодня случилось? – спросил Браун.

– Я был в школе, – ответил Аллен, – примерно в половине двенадцатого мне начал сниться сон. Проснувшись, я обнаружил, что стою на крыше Хикл-билдинг и смотрю вниз, как будто собираюсь прыгнуть. Я спустился и сходил в полицию, попросил их позвонить в школу, чтобы там не беспокоились. А потом пришел сюда.

Браун долго смотрел на него, поглаживая бакенбарды.

– Билли, ты принимаешь наркотики?

Аллен покачал головой.

– Сейчас ты смотришь очень пристально. Что ты видишь?

– Я вижу лица людей, но только глаза и носы, а еще странные цвета. И вижу, как с ними происходят всякие гадости. Как они падают перед машинами, с обрывов, тонут.

По словам доктора Брауна, Миллиган долго сидел молча и как будто смотрел на какой-то видимый только ему экран.

– Билли, расскажи, как дела дома. С родными.

– Челмер любит Джима. А меня ненавидит. Он все время на меня орет. Он превращает жизни двух человек в ад. Меня выгнали с работы в магазине. Я этого хотел, чтобы сидеть дома с мамой, так что понарошку украл бутылку вина, и меня уволили.

19 марта пациент пришел в синей водолазке с синим жакетом; он выглядел почти как девушка. «На мой взгляд, – записал психиатр после этой сессии, – амбулаторного лечения этому пациенту уже недостаточно, его лучше поместить в стационар в государственную больницу Коламбуса, в подростковое отделение. Я договорился об этом с доктором Раулем. Окончательный диагноз – «истерический невроз с многочисленными пассивно-агрессивными свойствами»».

И через полтора месяца после того, как Билли Миллигану исполнилось пятнадцать лет, Дороти с Челмером поместили его в государственную больницу Коламбуса «по собственному желанию». Сам Билли считал, что из-за всех его жалоб и безобразного поведения мама выбрала Челмера, а его решила отдать.

КАРТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БОЛЬНИЦЫ Г. КОЛАМБУСА. КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

24 марта, 16.00. Пациент подрался с другим пациентом, Дэниелом М., в результате чего получил травму – порез под правым глазом. Драка произошла около 16.00 в коридоре, возле палат. По всей видимости, изначально Уильям с Дэниелом играли. Уильям разозлился и ударил Дэниела, тот ударил в ответ. Их развели.

25 марта. У пациента обнаружен нож в футляре. В его палате также найден небольшой напильник, унесенный из мастерской. В беседе с доктором Раулем пациент заявил, что хочет покончить с собой. Изолирован в одиночной палате, принимаются меры предосторожности против самоубийства.

26 марта. Пациент, можно сказать, идет навстречу. Периодически жалуется на странные видения. В играх с остальными не участвовал, почти все время сидел один.

1 апреля. Пациент кричал, что его вот-вот раздавят стены и что он не хочет умирать. Доктор Рауль поместил его в одиночную палату, запретив иметь при себе сигареты и спички.

12 апреля. В последние дни пациент начал демонстрировать плохое поведение во время отхода ко сну. Спрашивает персонал, в транс ли он. Сегодня просил увеличить дозировку лекарств. Я объяснила, что ему надо постараться лечь в кровать, что настроило его враждебно.

4

Джейсон устраивал припадки. Он напоминал предохранительный клапан, способный сбрасывать накопившееся напряжение через крик. Он все время был замкнут, пока не приходила пора «выпустить пар». В государственной больнице Коламбуса в «тихой комнате» закрывали именно его.

Джейсон, готовый взорваться от эмоций, появился в возрасте восьми лет, но его никогда не выпускали – иначе Билли бы наказали. А в больнице страх и напряжение стали слишком невыносимы, так что Джейсон начал давать волю эмоциям, крича и буяня.

Это случилось, когда он услышал по телевизору новость о том, что в Кентском университете убили четырех студентов^[12]. Санитары его изолировали.

Поняв, что после каждого взрыва Джейсона их запирают, Артур решил

принять меры. Обстановка в больнице не особенно отличалась от домашней. Демонстрировать агрессию не разрешалось; и если это делал кто-то один, то наказывали их всех. Поэтому Артур перестал допускать Джейсона в сознание, назвав его «нежелательным» и объявив, что ему навсегда запрещено выходить в мир. Отныне этот человек должен был сидеть в тени за пределами пятна.

Все остальные увлеченно взялись за арт-терапию. Томми если не взламывал замки, то рисовал пейзажи. Даже Рейджен попробовал себя как художник, но делал лишь черно-белые наброски. Благодаря этому Артур понял, что он дальтоник, вспомнил случай с разноцветными носками и пришел к заключению, что так одевался Рейджен. Кристин рисовала цветы и бабочек для брата Кристофера.

По словам санитаров, Билли Миллиган стал спокойнее и покладистее. Он получил определенные привилегии, а когда на улице потеплело, его стали выпускать гулять и разрешили делать наброски на природе.

Другие тоже выходили, осматривались, но поскольку им не нравилось то, что они видели, уходили обратно. Только Рейджен, который находился под впечатлением от славянского имени и акцента доктора Рауля, покорно принимал торазин и выполнял все указания. Дэнни с Дэвидом, послушные дети, тоже пили нейролептики. Томми же прятал их под язык, а потом выплевывал, его примеру следовал Артур и все остальные.

Дэнни подружился с маленьким чернокожим мальчиком, они разговаривали и играли вместе, сидели допоздна, рассказывая друг другу о том, что хотят сделать, когда вырастут. Дэнни впервые в жизни начал смеяться.

В какой-то момент доктор Рауль перевел Дэнни в другую палату, с мальчиками постарше. Поняв, что он тут никого не знает и ему не с кем поговорить, он ушел к себе и расплакался от одиночества.

Потом он услышал голос:

– Ты чего плачешь?

– Уходи, не приставай, – ответил Дэнни.

– Куда мне идти?

Дэнни поспешно оглянулся, но никого в своей комнате не увидел.

– Кто это сказал?

– Я. Меня зовут Дэвид.

– Ты где?

– Не знаю. Кажется, там же, где и ты.

Дэнни посмотрел под кроватью, в шкаф, но никого нигде не нашел.

- Голос твой я слышу, но где ты сам?
- Я тут.
- Ну, я не вижу. Где именно?
- Закрой глаза, – сказал Дэвид.
- Теперь вижу.

И они подолгу разговаривали о прошлом, узнавали друг друга, хотя и не знали, что их слышит еще и Артур.

5

Филип познакомился с хорошенькой четырнадцатилетней пациенткой, чьей красотой все восхищались. Она гуляла с ним и болтала, стараясь возбудить сексуальный интерес, но он никогда не пытался к ней приставать. Она часто видела, как он сидит с альбомом за столиком возле пруда, как правило, в одиночестве.

Однажды теплым июньским днем девушка под села к нему и увидела нарисованный цветок.

- Ой, Билли, так красиво.
- Да ничо особенного.
- Ты настоящий художник.
- Да брось.
- Нет, я серьезно. Ты отличаешься от остальных. Мне нравятся мальчики, которые думают не только об одном.

Девушка положила руку ему на ногу.

Филип подскочил.

- Эй, ты че делаешь?
- Билли, тебе разве не нравятся девушки?
- Нравятся, конечно. Я не педик. Я просто... я не... я...
- Билли, что тебя так расстроило? Что-то не так?

Он снова сел рядом с ней.

- Я просто не особо интересуюсь этим... сексом.

– Почему?

– Ну... мы, то есть я хотел сказать, когда я был маленький, меня изнасиловали.

Она в шоке посмотрела на него.

- Я думала, такое можно сделать только с девочкой.

Филип покачал головой.

- И это еще не все. Били и насиловали. И че-то с головой у меня после

этого. Мне часто снятся сны об этом. В какой-то части головы. И я всю дорогу считал, что секс – это только боль и грязь.

– То есть у тебя никогда не было обычного секса с девчонкой?

– У меня ни с кем никогда не было обычного секса.

– Билли, это не больно.

Он покраснел, отстранился.

– Идем купаться, – предложила она.

– Да, крутая идея, – согласился он, разбежался и прыгнул в воду.

С брызгами вынырнув, он увидел, что девушка сбросила на берегу платье и заходит в воду голая.

– Черт! – он снова ушел на дно.

Когда Филип опять выплыл на поверхность, девушка приблизилась к нему и обняла. Он чувствовал, что она обвила его под водой ногами, прижалась грудями и повела вниз рукой.

– Билли, больно не будет, – сказала она, – я обещаю.

Гребя одной рукой, она довела его до заводи с большим плоским камнем, частично погруженным в воду. Он забрался на него вслед за ней, и девушка сняла с него трусы. Филип трогал ее смущенно и неловко, боясь, что, если закроет глаза, все это исчезнет. Она была очень красивая, и ему не хотелось очнуться потом в другом месте и ничего не помнить. Это событие ему хотелось сохранить в памяти, потому что оно ему нравилось. Девушка обнимала и стискивала его, когда все это происходило, и когда все закончилось, ему хотелось прыгать и кричать от радости. Слезая с нее, он потерял равновесие, соскользнул с мокрого камня и упал в воду.

Девушка рассмеялась. Филип чувствовал себя дураком. Но счастливым. Он расстался с девственностью, и он не педик. Он – мужчина.

6

19 июня доктор Рауль выписал Билли Миллигана из больницы по просьбе его матери. Резюме социального работника по случаю выписки гласило:

«Билл манипулировал персоналом и пациентами. Чтобы избежать неприятностей, он злостно лгал, портил репутацию всем без разбора и сожаления. Отношения со сверстниками устанавливал поверхностные, и, поскольку им он тоже постоянно врал, ему не доверяли.

Рекомендации: поведение Миллигана сильно подрывало эффективность терапии в отделении, по этой причине его выписывают из

больницы и рекомендуют амбулаторное лечение для пациента и психологического консультирования для его родителей.

Медикаментозное лечение на момент выписки: торазин, 25 мг три раза в день».

По возвращении домой в состоянии сильной депрессии Дэнни написал натюрморт – увядающий желтый цветок в треснувшем стакане на черном и темно-синем фоне. Он понес его наверх, показать матери Билли, но замер: в комнате оказался Челмер. Он взял у мальчика рисунок, взглянул и швырнул на пол. «Брехун, это не ты нарисовал». Дэнни поднял натюрморт, стараясь сдержать слезы, и понес обратно в ту комнату, где рисовал. И впервые в жизни подписал свою работу: «Дэнни '70». А на обратной стороне холста заполнил имеющуюся таблицу:

ХУДОЖНИК Денни

СЮЖЕТ Умерание в одиночестве

ДАТА 1970

И с того дня, в отличие от Томми с Алленом, которые все еще ждали похвалы за картины, Дэнни свои натюрморты больше никому не показывал.

Осенью 1970 года Билли перешел в среднюю школу Ланкастера, представлявшую собой комплекс разбросанных современных зданий из стекла и бетона, расположенный на севере города. Успевал он не особенно хорошо и ненавидел как учителей, так и саму школу.

Артур часто сбегал с уроков в библиотеку и читал там книги по медицине; в особенности его заинтересовала гематология.

Томми в свое время ремонтировал всякие приборы и тренировался в способах бегства. Теперь уже никакие веревки не могли его удержать. Он настолько владел своими кистями, что мог развязать любой узел, снять любые путы. Томми купил пару наручников и научился их снимать с помощью разломанного колпачка от шариковой ручки; он пришел к выводу, что при себе всегда надо иметь два таких «ключа» – один в переднем кармане, другой в заднем, чтобы можно было снять наручники, как бы тебя ни сковали.

В январе 1971 года Билли устроился на полставки разносчиком в продуктовом магазине «Ай-Джи-Эй». Он решил, что с первой зарплаты купит Челмеру стейк. Рождественские праздники прошли довольно хорошо, и Билли думал, что если он сделает отчиму что-нибудь приятное, тот перестанет к нему цепляться.

Поднявшись по ступеням задней лестницы, он увидел, что кухонная дверь сорвана с петель. Дома оказались бабушка с дедушкой по линии Миллигана, Кэти, Челла и Джим. Мама прижимала к голове окровавленное полотенце, лицо было все синее.

– Челмер выбил дверь, – рассказал Джим.

– И выдрал у нее из головы волосы, – добавила Кэти.

Билли промолчал, он лишь посмотрел на мать, швырнул на стол стейк, ушел в свою комнату и закрылся. Там он долго сидел в темноте с закрытыми глазами, пытаясь понять, почему в их семье так много боли и страданий. Если бы Челмер умер, все их проблемы закончились бы.

Его охватило ощущение внутренней пустоты...

Рейджен открыл глаза, охваченный яростью, которую уже невозможно было сдерживать. Этот человек должен умереть за то, что сделал с Дэнни, Билли, а теперь и с его матерью.

Он медленно поднялся и пошел на кухню. Из гостиной доносились приглушенные голоса. Рейджен открыл ящик со столовыми приборами, взял пятнадцатисантиметровый нож для мяса, спрятал под майку и вернулся к себе. Спрятал нож под подушку, лег и стал ждать. Когда все уснут, он вонзит нож Челмеру в сердце. Или, может, перережет горло. Рейджен лежал и мысленно повторял план, ожидая, когда в доме наступит тишина. В полночь еще слышались разговоры. Он заснул.

Лучи утреннего солнца разбудили Аллена, он вскочил с постели, не до конца понимая, где находится и что случилось. Он поспешил в ванную, и Рейджен посвятил его в свой план. Когда Аллен вернулся, в его комнате уже оказалась Дороти. Она хотела заправить его постель и теперь стояла с ножом в руках.

– Билли, что это такое?

Мальчик спокойно посмотрел на нож и ответил ровным голосом:

– Я собирался его убить.

Она поспешно подняла на сына взгляд, удивившись тихому и лишенному эмоций голосу.

– Ты о чем?

– Я думал, что к утру твой муж должен быть мертв.

Она побледнела, схватилась за горло.

– Билли, боже мой, что ты такое говоришь? – Дороти схватила его за плечи, встряхнула и тихонько прошипела, чтобы никто больше не услышал: – Ты не должен так говорить. Не должен так думать. Знаешь, что с тобой после этого будет?

Аллен уставился на нее и все так же спокойно ответил:

– Лучше посмотри, что с тобой уже стало.
Он развернулся и вышел.

Билли старался не обращать внимания на смешки и подзуживания одноклассников. В школе прознали, что он лежал в психбольнице. Дети хихикали и крутили пальцем у виска. Девочки показывали ему язык.

На перемене в коридоре возле женского туалета его окружила кучка девчонок.

– Билли, поди сюда. Мы тебе кое-что покажем.

Он понимал, что над ним хотят подшутить, но был слишком скромен, чтобы отказывать девочкам. Они затолкали его в туалет и встали в ряд, перегородив выход; они знали, что Миллиган не посмеет их тронуть.

– Билли, правда, что ты девственник?

Он покраснел.

– Что у тебя никогда ничего не было с девушкой?

Он не знал о том, что произошло с Филипом, когда он лежал в больнице, и кивнул.

– Может, он делал это с животными на ферме.

– Билли, ты играл с животными на ферме в Бремене?

Билли приперли к стене и стянули с него брюки так быстро, что он не успел даже опомниться. Билли поскользнулся, упал на пол, пытаясь удержать штаны, но девчонки убежали, оставив его в женском туалете в одних трусах. Он заплакал.

Вошла учительница. Увидев Билли, она ушла, принеся через некоторое время его штаны.

– Билли, этих девочек следует выпороть, – сказала она.

– Я думаю, их мальчишки подговорили, – ответил он.

– Билли, ты же уже большой и сильный, почему ты позволил им это сделать?

Он пожал плечами.

– Я же не мог ударить девочку.

Он побрел прочь, понимая, что уже никогда не сможет взглянуть в глаза одноклассникам. Билли плелся по коридору. Смысла жить не было. Посмотрев вверх, он заметил, что рабочие оставили открытым выход на крышу. И он понял, что делать. Билли медленно прошел по пустому коридору, поднялся по лестнице, вылез на крышу. На улице было холодно. Он сел и написал послание на форзаце учебника: «До свидания, простите, но я больше не могу».

Билли положил книжку на край крыши, отошел для разбега.

Подготовился, вдохнул поглубже и побежал...

Но прежде, чем он прыгнул, Рейджен его повалил.

– Едва-едва, я бы сказал, – прошептал Артур.

– И что нам с ним делать? – спросил Рейджен. – Оставить его так расхаживать опасно.

– Да, он представляет опасность для всех нас. Он в депрессии, и в какой-то момент самоубийство может ему удался.

– И какое решение?

– Не дадим ему просыпаться.

– Как?

– С этого момента Билли больше не должен завладевать сознанием.

– И кто может это управлять?

– Ты или я. Нам надо поделить ответственность. Я и другим скажу, чтобы никто ни при каких обстоятельствах не дал ему обрести сознание. Когда все будет идти более или менее нормально, в условиях относительной безопасности, я буду главным. Если попадем в опасную ситуацию, власть переходит к тебе. И мы с тобой будем решать, кто может овладевать сознанием, а кто – нет.

– Согласный, – ответил Рейджен и посмотрел на книжку с предсмертной запиской Билли. Он выдрал эту страницу, разорвал на кусочки и пустил по ветру. – Я буду защитник, – добавил он. – Билли неправильно подвергал опасности жизнь детей.

Потом Рейджену в голову пришла еще одна мысль.

– А кто будет говорить? Мой акцент смеются. Твой тоже.

Артур кивнул.

– Я об этом думал. Вот Аллена, как говорят ирландцы, «поцеловал камень красноречия»^[13]. Он может взять эту задачу на себя. Думаю, если бы будем все контролировать и хранить нашу тайну от всего мира, мы сможем выжить.

Артур объяснил ситуацию Артуру, потом поговорил с детьми, стараясь объяснить им, что происходит.

– Представьте себе, что все мы – а нас много, есть даже такие, кого вы ни разу не видели, – находимся в темной комнате. На полу по центру – яркое пятно света. И кто встает в это пятно, оказывается в настоящем мире, управляет сознанием. Именно его видят и слышат окружающие люди, реагируют на него. А остальные в это время могут заниматься привычными делами, учиться, спать, разговаривать или играть. Но тот, кто вышел, не должен рассказывать чужим о нашем существовании. Это тайна нашей семьи.

Дети поняли.

– Ладно, – сказал Артур. – Аллен, возвращайся в класс.

Он встал в пятно, собрал учебники и спустился с крыши.

– Но где же Билли? – спросила Кристин.

Ответа Артура ждали все.

Он мрачно покачал головой, приложил к губам палец и прошептал:

– Билли спит. Его нельзя будить. Билли спит.

Глава десятая

1

Аллен устроился на работу в цветочный магазин в Ланкастере. Поначалу все шло прекрасно; почти всю работу выполнял Тимоти, любивший цветы, хотя время от времени выходила Адалана и составляла букеты. Аллен убедил хозяина, что неплохо повесить в витрине кое-что из его картин, и пообещал комиссию, если какая-нибудь продается. Томми привлекала идея зарабатывать рисованием, и после того, как несколько первых работ купили, он начал стараться как никогда ранее, потратив часть своего дохода на кисти с красками. Он написал больше десятка пейзажей, которые расходились быстрее, чем портреты Аллена или натюрморты Дэнни.

Однажды в июне, в пятницу вечером, хозяин магазина, мужчина средних лет, после закрытия магазина позвал Тимоти в свой кабинет и начал к нему приставать. Тимоти испугался, ушел с пятна и замкнулся в собственном мире. Дэнни поднял глаза и увидел, что замышляет этот мужчина; он вспомнил, что было с ним на ферме, закричал и убежал.

В понедельник утром на работу вышел Томми, полный энтузиазма, – он ждал, что продается что-нибудь еще из его картин, но его ждал пустой магазин. Хозяин съехал, не оставив нового адреса и забрав с собой все картины.

– Треклятый сукин сын! – кричал Томми в пустую витрину. – Ублюдок, я тебя отыщу! – Он нашел камень, швырнул в окно, и ему полегчало.

– Виноватый гнилой капитализм, – сказал Рейджен.

– Не вижу никакой логики, – возразил Артур. – Мужчина явно испугался, что его уличат в гомосексуализме. Какое отношение нечестность перепуганного человека имеет к экономической системе?

– Это следствие корыстности. Он травит умы молодежи вроде Томми.

– Да уж, блин, не знал, что ты коммунист.

– Когда-нибудь, – ответил Рейджен, – все капиталистическое общество уничтожится. Я знаю, ты, Артур, капиталист, так что я тебя предупреждать. Вся власть – народам.

– Будь что будет, – ответил Артур скучающим тоном, – но магазина больше нет, и кому-то, черт возьми, придется снова искать работу.

Аллен устроился санитаром в ночную смену в доме престарелых «Хомстид» на востоке Ланкастера. Это было современное невысокое кирпичное строение. В просторном фойе со стеклянными стенами постоянно находилось множество пожилых людей в креслах-каталках и в нагрудниках. Работа в основном была грязная, но Марк выполнял ее, не жалуясь: подметал и мыл полы, менял постельное белье и судна.

Артура же крайне интересовали медицинские аспекты. Если он замечал, что какая-нибудь медсестра или сиделка халтурит и вместо работы играет в карты, читает или спит, Артур делал обходы за нее, ухаживал за больными и умирающими. Он выслушивал жалобы, промывал пролежни и вообще всецело отдавался работе, для которой, как ему казалось, был создан.

Однажды, глядя на Марка, который, стоя на коленях, тер пол в палате после того, как оттуда кого-то увезли, Артур покачал головой.

– Вот так всю жизнь и проведешь – за грязной работой. Это же проклятый рабский труд, для которого сгодился бы и зомби.

Марк посмотрел на тряпку, потом на Артура, потом пожал плечами.

– Чтобы руководить своей судьбой, требуется выдающийся ум. А следовать плану может и дурак.

Артур вскинул брови. Он не ждал от Марка такой глубины мыслей. Хотя это лишь ухудшало положение вещей – чтобы человек с искрой разума тратил себя на бестолковую работу.

Снова покачав головой, Артур пошел осматривать своих пациентов. Он знал, что мистер Торвальд при смерти. Артур зашел к старику в палату, сел возле его кровати, что делал еженощно в течение последней недели. Мистер Торвальд рассказывал о своей молодости, когда жил еще на родине, о том, как переехал в Америку и обосновался в Огайо.

– Я уже стар. Я слишком много болтаю, – устало сказал он, часто моргая.

Глаза у старика были влажные, веки набрякшие.

– Нет, сэр, вовсе нет, – заверил его Артур. – Я всегда считал правильным прислушиваться к пожилым людям, у них ведь больше опыта, они мудрее. Ваши знания, если не удастся написать книгу, надо передавать молодежи.

Мистер Торвальд улыбнулся.

– Ты хороший парень.

– Вам очень больно?

– Я не любитель жаловаться. Я прожил хорошую жизнь. А теперь пришла пора умирать.

Артур коснулся его сморщенной руки.

– Вы умираете красиво, – сказал он. – С достоинством. Я был бы горд, будь вы моим отцом.

Старик закашлялся, указал на пустой графин.

Артур пошел набрать воды, а когда вернулся, увидел безжизненные глаза мистера Торвальда. Он немного постоял молча, глядя на умиротворенное лицо старика, потом убрал волосы со лба и закрыл ему глаза.

– Аллен, – прошептал он, – позови сестер. Скажи, что мистер Торвальд умер.

Аллен встал в пятно и нажал на кнопку над кроватью.

– Вот, – прошептал Артур, делая шаг назад, – так правильно.

Аллену на миг показалось, что голос Артура полон эмоций. Но он знал, что этого не может быть. И Артур исчез, прежде чем Аллену удалось его об этом спросить.

В доме престарелых он продержался три недели. Узнав, что Миллигану всего шестнадцать лет, ему сказали, что для работы в ночную смену он слишком мал, и уволили.

Осенью, через несколько недель после начала учебного года, Челмер сказал Билли, что в ближайшее воскресенье надо будет поехать на ферму, помочь косить траву. Челмер завел по двум доскам в грузовик новую желтую сенокосилку тракторного типа.

– Зачем я тебе? – спросил Томми.

– Не задавай идиотских вопросов. Ты едешь. Жрать хочешь – значит, будешь работать. Надо, чтобы перед машиной кто-то листья расчищал. На большее ты все равно не годишься.

Челмер закрепил трактор внутри грузовика, для чего перевел его на задний ход и вставил стопор, чтобы рычаг не сдвинулся сам, а Томми наблюдал.

– Ну давай, черт тебя, клади доски в грузовик.

«Да блин, – подумал Томми, – сам клади». – И вышел из пятна.

Дэнни стоял, не понимая, почему Челмер на него так зло смотрит.

– Идиот, доски убирай.

Дэнни начал борьбу с огромными досками – для четырнадцатилетнего мальчишки они были слишком велики.

– Вот урод неуклюжий, – прокомментировал Челмер. Оттолкнув его, он сам положил доски в кузов. – Давай, садись, пока зад тебе не надрал.

Дэнни забрался на сиденье и уставился строго перед собой. Но все

равно услышал, что Челмер открыл банку пива, и когда до него донесся запах, Дэнни пронзил страх. Когда они приехали на ферму, мальчик был рад, что его сразу же заставили работать.

Челмер косил траву, и Дэнни захлестывал страх, когда трактор подъезжал к нему слишком близко. Трактора его и раньше пугали. И этот новый желтый тоже. Он переключился на Дэвида, потом на Шона, и так несколько раз, пока они все не доделали и Челмер не закричал:

– Давай доставай доски!

Дэнни пошел, спотыкаясь, он все еще опасался трактора. Собрав все силы, он вытащил тяжеленные доски из кузова. Челмер закатил трактор. Убрал доски и открыл еще одно пиво; Дэнни стал ждать, когда он допьет и они поедут.

Томми, который за всем этим наблюдал, вышел в пятно. Этот хренов трактор пугает Дэнни. Надо от него избавиться. И когда Челмер отвернулся, он быстренько забрался в кузов, вытащил штырь и перевел рычаг на нейтраль. Когда Челмер пошел за руль, Томми спрыгнул и выкинул штырь в кусты. Сев на пассажирское сиденье, он уставился перед собой и стал ждать. Он знал, что Челмер резко дернет – и прощай новенький желтый трактор.

Но Челмер тронулся очень осторожно и не останавливаясь доехал до Бремена. Ничего такого не случилось. Томми подумал, что тогда это должно произойти после остановки перед заводом «Дженерал миллс». Но и там Челмер поехал медленно и больше не останавливался уже до Ланкастера. «Ладно, – сказал себе Томми, – значит, на первом же светофоре».

Случилось это в Ланкастере. Загорелся зеленый, Челмер тронулся, колеса завизжали, и Томми понял, что трактора уже нет. Он старался сдерживать эмоции, но у него не получалось, так что он отвернулся к окну, чтобы старый пердун не заметил его ухмылку. Оглянувшись, он увидел, как маленький желтый трактор кувыркается на дороге. Потом и Челмер посмотрел в зеркало заднего вида, разинув рот. Он резко надавил на тормоза, остановил грузовик, выскочил и побежал назад, подбирая разлетевшиеся по улице железяки.

Томми расхохотался.

– Получи, – сказал он. – Больше этот чертов трактор Дэнни с Дэвидом не напугает.

Двойная месть одним ударом. И машину уничтожил, и над Челмером посмеялся.

Оценки в школе у Билли были очень плохие. За все годы учебы он лишь один раз получил пятерку: в третьей четверти десятого класса по биологии. Просто Артур заинтересовался этим предметом, стал внимательно слушать на занятиях и делать домашнюю работу.

Зная, что над его акцентом будут смеяться, отвечать он заставлял Аллена. Учителя поразила внезапная перемена, которая произошла в мальчике, и его блестящий ум. И хотя интереса к биологии Артур не утратил, дома все шло так плохо, что в пятно все время выходили разные люди. К огромному разочарованию учителя, пламя угасло, и в последних четвертях успеваемость опять испортилась. Артур стал заниматься самостоятельно, и итоговой оценкой за год стала двойка.

У Артура прибавилось забот: люди в пятне стали меняться все чаще. Этот период психической неустойчивости он называл «смутным временем».

В один прекрасный день в школе нашли бомбу и всех эвакуировали. Все подозревали Билли Миллигана, но доказательств ни у кого не было. Томми отрицал, что это он сделал бомбу. Хотя она все равно оказалась ненастоящая, но лишь потому, что вместо взрывчатки там была вода. Но Томми не соврал, что сделал ее не он. Он вообще ни за что не стал бы обманывать. Да, он рассказал другому мальчику, как собрать бомбу, даже нарисовал схему, но к ней самой и пальцем не прикоснулся. Он ведь не такой дурак.

Томми очень порадовала вся эта шумиха и мрачное лицо директора. Мистер Мур выглядел как человек, у которого целая куча проблем и который не может справиться со всем, что его беспокоит.

Но одну проблему он решил – выгнал из школы этого смутьяна Миллигана.

В итоге через полтора месяца после того, как Билли исполнилось семнадцать лет, то есть за неделю до того, как Джим должен был уйти служить в ВВС, Томми с Алленом поступили на флот.

Глава одиннадцатая

1

23 марта 1972 года Дороти пошла с Алленом в призывной пункт, и он на пару с Томми подписал договор о том, что добровольно поступает на военную службу. Дороти испытывала двойственные чувства от того, что сын собрался на флот, но понимала, что ему важно выбраться из дома, подальше от Челмера. Потому что после того, как Билли выгнали из школы, ситуация лишь ухудшилась.

Офицер быстро заполнил анкету, задавая вопросы. Отвечала на них в основном Дороти.

– Диагностировались ли у вас психические заболевания, лежали ли вы в психиатрических больницах?

– Нет, – ответил Томми, – у меня – нет.

– Погоди-ка, – вставила Дороти, – ты же три месяца лежал в государственной больнице Коламбуса. Доктор Браун сказал, что это истерический невроз.

Офицер посмотрел на него, ручка повисла в воздухе.

– Ой, ну это отмечать необязательно, – сказал он. – Все мы слегка нервные.

Томми победоносно посмотрел на Дороти.

Получив тест на знания и общее умственное развитие, Томми с Алленом просмотрели его вместе. Поняв, что умения и способности Томми применить будет негде, Аллен решил делать тест сам. Но потом вышел Дэнни, взглянул на бумаги и растерялся.

– Давай, просто впиши что-нибудь в пустые строчки, – прошептал инспектор, увидевший, как тот смущен.

Пожав плечами, Дэнни так и сделал, даже не читая вопросы.

Тест он прошел.

Через неделю Аллен уже уехал в Иллинойс, на Великие озера, в Центр военно-морской подготовки, где его зачислили в 109-ю роту 21-й дивизии.

Поскольку в школе Миллиган числился в гражданском воздушном патруле, его назначили старшиной отряда из 160 новобранцев. За дисциплиной он следил очень строго.

Узнав, что рота, наиболее успешно справляющаяся с шестнадцатью пунктами устава, получит звание почетной, Аллен призвал на помощь

Томми, и они принялись думать, как можно выиграть минуты в утреннем графике.

– Откажемся от душа, – предложил Томми.

– Не по уставу, – ответил Аллен. – Душ обязателен, хотя бы без мыла.

Томми продумал конвейерный способ принимать душ.

На следующее утро Аллен объяснил его всей роте.

– Скручиваете полотенце в рулон и берете в левую руку. В правую – мыло. У нас тут шестнадцать душей, поворот, двенадцать, поворот, и еще шестнадцать. Температура воды везде установлена одинаковая, чтобы не ошпариться и не замерзнуть. Вы идете через них строем, моете левую половину тела. Когда дойдете до угла, перекладываете мыло в другую руку и идете дальше, задом, моете вторую половину тела и голову. Когда дойдете до конца, уже ополоснетесь, и останется только вытереться.

Новобранцы изумленно смотрели на то, как он засек время и продемонстрировал им, что делать, прямо в форме. «Таким образом, каждый успеет принять душ за сорок пять секунд. Вся рота, сто шестьдесят человек, должны успеть помыться и одеться менее чем за десять минут. Я хочу, чтобы утром на плацу мы были первые. Мы получим звание лучшей роты».

На следующее утро рота Миллигана действительно вышла первой. Аллен был доволен, а Томми сказал, что разрабатывает еще несколько способов сэкономить время. Его наградили памятной медалью за безупречную службу.

Но через две недели все покатилося под откос. Позвонив домой, Аллен узнал, что Челмер снова избивает Дороти. Рейджен разозлился. Артуру, естественно, по большому счету было плевать. Но Томми, Дэнни и Аллен всерьез заволновались. Они впали в депрессию, и снова наступили смутные времена.

Шон начал обувать ботинки не на ту ногу, забывал завязывать шнурки. Дэвид стал очень неряшлив. До Филипа дошло, где он находится, но ему оказалось плевать. Рота вскоре поняла, что с их старшиной что-то не так. Один день он блистал, а на следующий сидел без дела и болтал, забросив бумажную работу.

Они также заметили, что он начал ходить во сне. Кто-то сообщил ему об этом, и Томми стал привязывать себя на ночь к кровати. Когда с него сняли обязанности старшины, Томми опечалился, а Дэнни при первой же возможности стал уходить в лазарет.

Артура тем временем заинтересовала гематологическая лаборатория.

Однажды к нему послали инспектора; тот застал Филипа, который

лежал, растянувшись на койке, надев белую бескозырку на ноги, и вертел в руках колоду карт.

– Что тут происходит? – строго спросил капитан Саймонс.

– Встать! – приказал его помощник.

– Да пошли вы, – ответил Филип.

– Я капитан! Как ты смеешь!

– Да мне поср... хоть сам Иисус Христос. Выметайся. Я из-за тебя проиграю сейчас.

Затем пришел главный старшина Ранкин, и Филип сказал ему то же самое.

12 апреля 1972 года, через шестнадцать дней после того, как Томми взяли на флот, Филипа отправили на психологическую экспертизу.

Командир его роты писал в отчете: «Поначалу этот человек был у нас старшиной роты, но он ничего не делал, лишь помыкал остальными. После снятия с должности часто сказывался больным. Ситуация с каждым днем ухудшалась, он находил поводы уходить со всех занятий. Он сильно отстал от своей роты и катится по наклонной плоскости. За ним требуется наблюдение».

С психиатром беседовал Дэвид, вообще не понимая, что происходит. Запросив сведения из Огайо, выяснили, что он лежал в психиатрической больнице, а при заполнении документов наврал. Согласно заключению психиатра, «ему не хватает необходимой для службы на флоте зрелости и устойчивости. Рекомендуем отчислить от службы по причине негодности к дальнейшей подготовке, обусловленной темпераментом».

1 мая, через месяц и один день после зачисления, Уильям Стэнли Миллиган был уволен из ВМС США «на почетных условиях».

Ему выдали зарплату и оплатили билет до Коламбуса. Но по пути с Великих озер до чикагского аэропорта О’Хара Филип выяснил, что два других новобранца отправляются в отпуск домой, в Нью-Йорк. Так что вместо того, чтобы сесть в самолет «Юнайтед эрлайнс», Филип поехал с ними на автобусе. Он хотел посмотреть Нью-Йорк – он знал, что оттуда родом, хотя никогда не видел этого города.

На вокзале в Нью-Йорке Филип попрощался с попутчиками, перекинул рюкзак через плечо и пошел. Взяв на стойке информации

брошюрки и карту, он направился к Таймс-сквер. Филип чувствовал себя как рыба в воде. Улицы казались знакомыми, акцент – естественным, и он понимал, что это его родина.

Два дня Филип исследовал город. Он прокатился на пароме «Статен-Айленд Ферри», посмотрел на статую Свободы. Потом пошел от Бэттери-парка по узким улочкам мимо Уолл-стрит, добрался до Гринвич-Виллиджа. Поужинал в греческом ресторане и переночевал в дешевом отеле. На следующий день Филип отправился на угол Пятой авеню и 34-й улицы и посмотрел на Эмпайр-стейт-билдинг. Вместе с группой экскурсантов он поднялся наверх и изучил город с высоты птичьего полета.

– А Бруклин в какую сторону? – спросил он у экскурсовода.

– Вон там. Видите три моста – Вильямсбургский, Манхэттенский и Бруклинский, – сказала она.

– Вот туда я и отправлюсь потом, – ответил он.

Спустившись на лифте, Филип поймал такси.

– На Бруклинский мост.

– Бруклинский мост?

Филип забросил армейский рюкзак в машину.

– Да, именно так я и сказал.

– Ты хочешь с него спрыгнуть или купить?

– Слушай, пошел ты. Веди, а свои остроты побереги для приезжих.

Таксист высадил его на мосту, и Филип пошел пешком. Дул прохладный ветерок, и Филип чувствовал себя прекрасно, но, дойдя до середины, остановился и посмотрел вниз. Столько воды. Боже, как красиво! Настроение вдруг резко ухудшилось. Он не понимал почему, но на середине этого великолепного моста стало так хреново, что Филип не смог идти дальше. Надев рюкзак, он повернул обратно к Манхэттену.

Депрессия усиливалась. Вот он в Нью-Йорке, а ему совсем не весело. Надо что-то увидеть, что-то найти, но он не знает, что это за место и где. Филип сел в автобус, доехал до конечной, потом пересел на другой, и еще раз. Он смотрел из окна на дома, на людей, но не знал, куда едет и что ищет.

Он вышел у торгового центра и принялся там бродить. Филип нашел фонтан Желаний, бросил пару монеток, а когда взялся за третью, его потянули за рукав. Маленький чернокожий мальчик смотрел на него молящими глазами.

– Черт, – выругался Филип и бросил монетку ему.

Мальчишка улыбнулся и убежал.

Филип взял свой рюкзак. От тоски уже так болело внутри, что он

немного постоял, вздрогнул и вышел из пятна...

У Дэвида от тяжести рюкзака начали подкашиваться ноги, и он его сбросил. Восемилетнему – ну, почти девятилетнему – мальчишке нести такой груз было не под силу. И он потащил его за собой волоком, заглядывая в витрины, пытаясь угадать, где он находится и как сюда попал. Потом он сел на скамейку, осмотрелся и стал наблюдать за играющими детьми. Дэвиду хотелось к ним присоединиться. Но он встал и потащил рюкзак дальше, но все же он был слишком тяжелый, так что мальчик бросил его и пошел налегке.

Он забрел в военный магазин и стал смотреть на армейские приемники и сирены. Взял какой-то большой пластиковый пузырь и нажал на кнопку. Раздался вой, внутри замигала красная лампочка. Дэвид в ужасе уронил пузырь и бросился бежать, столкнулся с остановившимся неподалеку от выхода велосипедом мороженщика, поцарапал локоть, но не остановился.

Поняв, что за ним никто не гонится, Дэвид побрел по улице, думая, как бы попасть домой. Дороти, наверное, беспокоится. Да и есть уже хочется. Вот бы мороженого! Если попадется полицейский, надо спросить, как добраться до дома. Артур всегда говорит, что если потеряешься, попроси бобби^[14] помочь.

Аллен заморгал.

Он купил мороженое и пошел, начав его разворачивать, но вдруг заметил, что на него смотрит маленькая чумазая девчонка.

– Боже мой, – сказал он, отдавая ей мороженое.

Он всегда питал слабость к детям, особенно к тем, у которых были большие голодные глаза.

Аллен вернулся к мороженщику.

– Еще одно.

– Вот это ты голодный.

– Заткнись и обслуживай.

Он шел, ел мороженое и думал, что надо как-то решать вопрос с детьми. Что он за мошенник, если из-за каждого малыша нюни распускает?

Аллен бродил по улицам, глядя на высотные здания, уверенный, что это Чикаго, а потом сел на автобус до центра. Он подумал, что уже поздно и в О'Хара ехать смысла нет. Переночует тут, а утром полетит в Коламбус.

Вдруг он заметил мигающее табло: «5 мая, 20°». 5 мая? Аллен достал бумажник. Примерно 500 баксов выходного пособия. Его уволили 1 мая. И билет из Чикаго до Коламбуса был на 1 мая. Что за хрень? Значит, он, сам не зная, прощатался здесь целых четыре дня. И где рюкзак? В животе, похоже, пусто. Аллен осмотрел свою синюю форму. Уже очень грязная, на

локтях дыры, левая рука поцарапана.

Ладно. Надо раздобыть еды, где-нибудь переночевать, а с утра лететь в Коламбус. Он купил пару гамбургеров, нашел дешевую ночлежку, отдал за номер девять долларов.

Утром Аллен поймал такси и попросил довезти до аэропорта.

– Ла Гуардия?

Аллен покачал головой. Он даже не знал, что в Чикаго есть еще и Ла Гуардия.

– Не, другой, большой.

И всю дорогу до аэропорта он пытался понять, что случилось. Закрыв глаза, Аллен попробовал достучаться до Артура. Безрезультатно. Рейджен? Его тоже рядом не оказалось. Значит, опять смутное время.

В аэропорту он подошел к стойке «Юнайтед эрлайнс» и предъявил билет.

– Когда можно улететь?

Девушка сначала посмотрела на билет, потом на Аллена.

– Это билет из Чикаго в Коламбус. Отсюда вы по нему в Огайо не попадете.

– Вы о чем?

– Чикаго, – повторила она.

– И?

Подошел контролер, тоже посмотрел на билет. Аллен не понимал, в чем проблема.

– Ты вообще в порядке, морячок? – спросил мужчина. – По этому билету в Коламбус из Нью-Йорка лететь нельзя.

Аллен потер небритые щеки.

– Нью-Йорк?

– Да, аэропорт Кеннеди.

– Боже мой!

Аллен вдохнул поглубже и затараторил:

– Понимаете, кто-то, видимо, напутал. Видите ли, меня отчислили от службы, – он достал документы. – А я сел не в тот самолет, ну. Я должен был лететь в Коламбус. Мне, наверное, что-то в кофе подсыпали, я сознание потерял, а когда пришел в себя, вот я тут, в Нью-Йорке. У меня в самолете все вещи остались. Вы должны мне как-то помочь. Это же вина авиакомпании.

– За обмен билета вам придется доплатить, – сказала девушка.

– Ну, позвоните в ВМС на Великих озерах. Они обязаны доставить меня обратно в Коламбус. Отправьте им счет. Военнослужащий, который

едет домой, имеет право на нормальный перелет безо всякой там ерунды. Берите трубку, звоните в ВМС.

Мужчина посмотрел на него.

– Хорошо, подождите, пожалуйста, здесь, а я посмотрю, что мы можем сделать для военнослужащего.

– А где тут туалет? – поинтересовался Аллен.

Девушка объяснила, и Аллен поспешно направился туда.

Как только он зашел и убедился, что там больше никого нет, он схватил рулон туалетной бумаги с полочки и швырнул его.

– Черт! Черт! Черт! – заорал Аллен. – Как мне надоело это дерьмо, я больше не могу!

Успокоившись, он умылся, зачесал назад волосы, надел белую бескозырку, придав себе щегольской вид – ведь ему снова предстояло общаться с представителями авиакомпании.

– Мы все устроили, – сообщила ему девушка. – Я выдам вам другой билет, полетите следующим рейсом, через два часа.

По пути домой, в Коламбус, Аллена глодала досада: он целых пять дней провел в Нью-Йорке и ничего не видел, разве что такси и международный аэропорт Кеннеди. Он совершенно не знал, как попал туда, кто украл время и что за эти пять дней произошло. Аллен думал и о том, узнает ли он об этом хоть когда-нибудь. Уже в автобусе, который шел до Ланкастера, устраиваясь поудобней, чтобы вздремнуть, он пробормотал – в надежде, что Артур или Рейджен услышат: «Кто-то у нас точно облажался».

3

Аллен устроился коммивояжером в «Интерстейт инжиниринг», ходил по домам и торговал пылесосами и прессами для отходов. Поскольку язык у него был подвешен хорошо, продержался почти целый месяц. Он заметил, что его коллега Сэм Гэррисон постоянно приглашал на свидание официанток, секретарш, да и клиенток. Аллен восхищался его проворством.

4 июля 1972 года Гэррисон спросил его об этом:

– А ты чего с девчонками не встречаешься?

– Времени нет, – ответил Аллен. Ему стало неловко, как и всякий раз, когда заходил разговор на эту тему. – Да меня это и не особо интересует.

– Но ты же не педик?

- Нет, конечно.
- Но как в семнадцать лет можно не интересоваться девчонками?
- Слушай, у меня просто другим мысли заняты.
- Я тебя умоляю, ты вообще хоть раз трахался?
- Не хочу об этом разговаривать.

Аллен тоже не знал ничего об истории Филипа с той девчонкой в больнице, понял, что краснеет, и отвернулся.

- Только не говори, что ты девственник.

Аллен промолчал.

– Так, мальчик мой, – продолжал Гэррисон, – надо что-то с этим делать. Предоставь это дело Сэму. Я заеду за тобой сегодня в семь.

Вечером Аллен принял душ, приделся и побрызгался одеколоном брата Билли. Джим в ВВС, ему теперь все равно.

Гэррисон приехал без опоздания. Они поехали в центр, остановились перед «Хот-спот» на Брод-стрит.

- Подожди в машине, я сейчас кое за кем сбегаяю, – сказал Гэррисон.

Аллен был поражен, когда приятель вернулся уже через несколько минут с парой молоденьких женщин скучающего вида.

– Привет, дорогой, – сказала блондинка, наклоняясь к его окну. – Меня зовут Трина, а ее – Долли. А ты симпатичный.

Долли откинула за спину свои черные волосы и села на переднее сиденье с Гэррисоном, а Трина с Алленом расположились сзади.

Потом они поехали за город. Всю дорогу девушки хихикали. Трина не убирала руку с ноги Аллена и поигрывала с молнией на его ширинке.

Добравшись до уединенного местечка, Гэррисон съехал на обочину.

- Билли, у меня в багажнике одеяла. Помоги достать.

Когда Аллен подошел к багажнику, Гэррисон протянул ему два пакетика из фольги.

- Ты же знаешь, что с этим делать?

- Ага, – ответил Аллен. – Но ведь не сразу же два надевать, да?

Гэррисон хлопнул его по руке.

– Вечно ты со своими шутками. Один на Тину, второй на Долли. Я их предупредил, что мы поменяемся. В смысле, оба трахнем обеих.

Аллен посмотрел в багажник и увидел охотничью винтовку. Он тут же поднял взгляд, но Сэм подал ему одеяло, второе взял себе и захлопнул багажник. А потом они с Долли пошли за дерево.

- Ну, приступим к делу, – сказала Тина, расстегивая Аллену ремень.

- Слушай, это необязательно, – ответил он.

- Ну, милый, если тебе не хочется...

Вскоре Сэм позвал Тину, а к Аллену пришла Долли.

– Ну? – спросила она.

– Что ну?

– Сможешь еще раз?

– Я твоей подружке уже сказал, что это необязательно и можем остаться друзьями.

– Ну, милый, ты как хочешь, главное, чтобы Сэм не разозлился. Ты симпатичный парень. А он там занят с Тиной, наверное, и не заметит.

Закончив, Сэм снова подошел к багажнику, достал пару пива из кулера и отдал одно Аллену.

– Ну, понравились тебе девчонки?

– Сэм, я ничего не делал.

– Что значит *ты* ничего не делал? Или это *они* ничего не делали?

– Я сказал им, что не надо. Когда я буду готов, я найду себе жену.

– Черт!

– Да успокойся, все нормально, – сказал Аллен. – Просто супер.

– Супер, блин! – Сэм начал орать на девчонок. – Я сказал вам, что он девственник! Должны были его завести.

Долли подошла к машине и заметила винтовку.

– Дружище, да ты попал.

– Черт! Садитесь в машину, – приказал Гэррисон. – Отвезем вас обратно.

– Я к тебе не сяду.

– Ну и пошла тогда!

Гэррисон грохнул багажником и прыгнул за руль.

– Билли, давай. А эти суки проклятые пусть пешком идут.

– Почему вы не садитесь? – спросил у девушек Аллен. – Вам одним тут оставаться опасно.

– Ничего, доберемся, – ответила Трина. – Но вы за это заплатите.

Гэррисон завел мотор, Аллен сел в машину.

– Давай не будем оставлять их тут одних.

– Черт, да это просто две жалкие шлюхи!

– Они не виноваты. Просто мне не хотелось.

– Ну, по крайней мере, нам это ничего не стоило.

Несколько дней спустя, 8 июля 1972 года, Сэма с Алленом вызвали в полицию Секлвилля, якобы чтобы задать им несколько вопросов. Но когда они пришли, их обоих немедленно арестовали за похищение, изнасилование и угрозу смертоносным оружием.

Выслушав факты в ходе совещания с адвокатами обеих сторон, окружной судья Пикэвея снял обвинение в похищении и наложил залог в две тысячи долларов. Дороти наскребла две сотни, которые позволили взять сына на поруки, и забрала его домой.

Челмер настаивал на том, что Билли все же следует отправить в тюрьму, но Дороти договорилась с сестрой из Майами, чтобы он пожил у нее до октября, когда должно было состояться слушание в окружном суде Пикэвея по делам несовершеннолетних.

Когда мальчиков в доме не осталось, девчонки взялись обрабатывать Дороти. Иными словами, Кэти с Челлой поставили ультиматум: если мать не подаст на развод, то они обе тоже уйдут из дома. И Дороти, наконец, решилась разойтись с Челмером.

Во Флориде в школу ходил Аллен и хорошо справлялся с учебой. Он устроился на работу в магазин, торговавший краской, и поразил его хозяина своими организационными талантами. «Сэмюэль», набожный еврей, знал, что отец Билли был иудеем. Так что его, как и остальное еврейское население Майами, крайне возмутило убийство одиннадцати израильских спортсменов в Олимпийской деревне Мюнхена. Он ходил на пятничные ночные службы и молился за спасение их душ, как и за отца Билли. А еще он просил Бога сделать так, чтобы суд оправдал Аллена.

Когда 20 октября Миллиган вернулся в Пикэвей, его направили на экспертизу комиссии по делам несовершеннолетних штата Огайо. Он содержался в окружной тюрьме Пикэвея с ноября 1972 года по 16 февраля 1973-го – то есть Билли выпустили через два дня после его восемнадцатилетия. Несмотря на это, судья согласился, что судить его надо как несовершеннолетнего. Адвокат Джордж Келнер, которого нашла Дороти, сказал судье, что, по его мнению, какое решение ни вынес бы суд, ни в коем случае нельзя отправлять этого молодого человека домой, в столь пагубную атмосферу.

Судья признал Уильяма С. Миллигана виновным и передал его на попечение комиссии по делам несовершеннолетних на неопределенный срок. 12 марта, в тот самый день, когда Аллена перевели в лагерь в Зейнсвилле штата Огайо, был закончен и бракоразводный процесс Дороти и Челмера Миллигана. Рейджен посмеялся над Сэмюэлем, заявив ему, что бога нет.

Глава двенадцатая

1

Артур решил, что в лагере в Зейнсвилле в пятно надо выпускать младших, поскольку они смогут получить опыт, необходимый каждому ребенку: походы, плавание, верховая езда, жизнь на природе, спорт.

Дин Хьюз, высокий темнокожий молодой человек со стрижкой «площадкой» и бородкой клинышком, который ведал как раз этими вопросами, ему понравился. Он производил впечатление человека отзывчивого и надежного. В общем, казалось, что ничего опасного их здесь не ждет.

Рейджен согласился.

Но Томми бесновался из-за правил. Ему не хотелось стричься, носить казенную форму. Да и тот факт, что он оказался рядом с тридцатью малолетними правонарушителями, ему тоже не нравился.

Чарли Джонс, соцработник, ввел новоприбывших мальчиков в курс дела. Лагерь делился на четыре зоны в зависимости от уровня. Предполагалось, что каждый раз в месяц переходишь из одной зоны в другую. В лагерном здании, построенном буквой Т, к зонам один и два относились спальни левого крыла, а к зонам три и четыре – правого.

Чарли не стал скрывать, что первая зона – это ад. Во всех бедах винят именно вас, стричься заставляют очень коротко. Мальчикам во второй зоне разрешается носить волосы подлиннее. В третьей после работы можно уже одеваться как хочешь, а не в униформу. В четвертой спят не все вместе, а получают собственные комнатухи. Мальчики из четвертой зоны также не обязаны посещать все мероприятия по графику. Многим из них уже начинают доверять и не заставляют даже ходить на танцы в девчачий лагерь в Шиото-виллидж.

Мальчишки засмеялись.

Мистер Джонс также объяснил, что переход из зоны в зону осуществляется на основании фиксированных достижений. У каждого в начале месяца – по сто двадцать очков, а для перехода в следующую зону надо набрать сто тридцать. Это достигается благодаря работе и хорошему поведению. Но из-за непослушания или антисоциального поведения очки можно и потерять. Вычитать очки может либо персонал, либо пользующиеся доверием ребята из четвертой зоны.

Если кто-то скажет тебе «Так!», это означает минус одно очко. «Так, хватит!» – минус два. «Так, хватит, в кровать!» – помимо потери двух очков, надо еще и два часа пролежать в кровати. Если встанешь с кровати и тебе скажут «Так, хватит, в кровать! Так, хватит!» – минус три очка. А «Так, хватит, в кровать! Так, хватит, окружная!» – это уже минус четыре, а слово «окружная» означает, что этому пацану уже светит перспектива остывать в окружной тюрьме.

Томми чуть не блеванул.

Еще Чарли Джонс предупредил, что ребят ждет много работы. И что им лучше не тратить время впустую и вести себя как следует.

– Если кто из вас считает, что слишком хорош или умен для этого места, или попытается бежать, то штат Огайо предложит вам другой вариант. Центральное воспитательное учреждение Огайо. Если вас отправят туда, вам как пить дать сразу захочется обратно к нам. Так, а теперь давайте на склад за постельным бельем и в столовку обедать.

Вечером того же дня Томми сидел на нарах, пытаясь понять, кто его во все это втянул, почему он здесь. Все эти зоны, правила и очки его совершенно не интересовали. Как только представится возможность, он удерет. Поскольку Томми не был в сознании, когда его сюда привезли, где выход, он не знал, но заметил, что ни колючей проволоки, ни стен тут нет, только леса. Значит, сбежать будет нетрудно.

Проходя мимо столовки, он уловил вкусный запах. Нет смысла прыгать из огня да в полымя, пока не узнаешь, что там жарится.

Среди прочих в первой зоне оказался маленький очкарик не старше четырнадцати-пятнадцати лет. Томми заметил его еще на построении, и ему показалось, что этого пацана даже самый легкий ветерок сдует. Когда мальчишка, надрываясь, тащил матрас с постельным бельем, его сбил с ног высокий длинноволосый парень, сложенный как штангист. Малыш тут же вскочил с земли и ударил высокого головой в живот, сбив с ног.

Качок удивленно посмотрел на стоявшего над ним мальчишку с крошечными кулачками.

– Ну ладно, гаденыш маленький, – начал качок. – Так!

– В жопу себе засунь, – ответил мальчишка.

– Так, хватит! – рявкнул старший, встал и отряхнулся.

У маленького в глазах стояли слезы.

– Давай сражайся, ублюдок мускулистый.

– Так, хватит, в кровать!

Еще один парень, костлявый, но повыше и на пару-тройку лет постарше, оттащил малыша.

– Тони, успокойся. Ты и так уже потерял два очка, и теперь тебе два часа лежать в кровати.

Тони действительно успокоился и поднял свой матрас.

– Ну и хрен с ним, Горди, я все равно не голодный.

Обедал Томми молча. Еда оказалась действительно весьма недурной. Но это место в целом уже начало внушать опасения. Если старшие будут на тебя наезжать и вычитать очки, то придется изо всех сил стараться держать себя в руках.

Вернувшись в спальню, он обнаружил, что рядом с ним будет спать тот костлявый парнишка, Горди, и что он принес маленькому часть собственного обеда. Горди и Тони разговаривали.

Томми сел на нары и стал наблюдать. Он знал, что есть в спальне запрещено. Краем глаза он заметил, что к их двери идет Качок.

– Эй, прячьте, – шепнул он, – идет тот здоровый ублюдок.

Тони быстро убрал тарелку под кровать и лег. Качок зашел, проверил, остался доволен тем, что мальчишка в кровати, и ушел.

– Спасибо. Я – Тони Вито. А тебя как зовут?

Томми посмотрел ему в глаза.

– Все зовут меня Билли Миллиган.

– А он – Горди Кейн, – Тони показал на костлявого. – Он тут за торговлю коноплей. А ты?

– Изнасилование, – ответил Томми. – Хотя я этого не делал.

По их улыбка Томми понял, что ему не поверили. Ну и хрен с ним.

– А этот гад кто такой? – поинтересовался он.

– Джордан. С четвертой зоны.

– Он у нас поплатится, – сказал Томми.

Томми был в пятне почти все время, и когда приезжала мама Билли, с ней тоже общался он. Она ему нравилась и вызывала сочувствие. Поэтому он обрадовался, узнав, что она развелась с Челмером.

– Меня он тоже обижал, – сказал Томми.

– Знаю. Тебе, Билли, постоянно доставалось. Но что я могла поделать? Нам всем нужна была крыша над головой. У меня своих трое, да и Челла стала как родная. Но теперь Челмера нет. Так что будь умницей, делай что тебе говорят, и скоро вернешься домой.

Когда она уходила, Томми подумал, что это самая красивая мать, которую он когда-либо видел. Жалко только, что не его. Он стал фантазировать, кто его мама и как она выглядит.

Дин Хьюз заметил, что Миллиган почти все время валяется, читает или просто смотрит перед собой, как в трансе. Однажды он решил поговорить с мальчиком начистоту.

– Раз уж ты сюда попал, – сказал Хьюз, – постарайся взять от этого места как можно больше. Веселись. Найди себе увлечение. Тебе что нравится?

– Рисовать, – ответил Аллен.

На следующей неделе Дин Хьюз за собственный счет купил Миллигану краски, кисти и холсты.

– Хочешь картину? – спросил Аллен, ставя холст на стол. – Что тебе нарисовать?

– Давай старый сарай, – ответил Хьюз. – Окна разбиты. На старом дереве подвешена шина. Старая проселочная дорога. И как будто только что прошел дождь.

Аллен работал весь день и всю ночь. Утром он отдал картину Дину Хьюзу.

– Блин, здорово. Ты своим творчеством мог бы хорошо зарабатывать.

– Я бы с радостью, – ответил Аллен. – Я люблю рисовать.

Хьюз понял, что надо как-то приложить усилия к тому, чтобы выводить Миллигана из транса. Однажды утром, в субботу, он повел его в национальный парк Блю-рок. Хьюз присматривал за ним, а Миллиган рисовал. К ним подходили люди, смотрели, и Хьюз продал несколько картин. На следующий день они снова отправились на прогулку, и к вечеру воскресенья они заработали на картинах четыреста долларов.

«Артур». набросок, карандаш. Аллен.

«Рейджен с Кристин». набросок, карандаш. Аллен.

«Шон». Масло. Аллен.

«Адалана». Масло. Аллен.

«Стерва: портрет Эйприл». Масло, Аллен.

«Кристин». набросок, карандаш. Аллен.

«Тряпичная кукла Кристин». Рисунок, сделанный Рейдженем в окружной тюрьме Франклина (на наброске выше Кристин держит в руках эту же куклу).

Записки, написанные Кристин адвокату Джуди Стивенсон.

«Доктор Дэвид Кол». Масло. Аллен.

«Пейзаж». Масло. Томми.

«Грация Кэтлин». Масло. Картина написана Алленом и Дэнни в тюремной камере Лебанона (изначально подписана Билли, но позднее в правом нижнем углу Аллен с Дэнни добавили свои имена).

Слева направо: Джим, Кэти, Билли. Внизу по центру: Дороти.

Билли в возрасте 10 лет, 1965 год.

Билли в центре судебной экспертизы Дэйтона, 20 февраля 1981 года.

В понедельник утром директор вызвал Хьюза к себе в кабинет и заявил, что поскольку Миллиган находится на попечении государства, то продавать свои картины не имеет права, поэтому надо обзвонить всех покупателей, вернуть им деньги и забрать рисунки.

Хьюз о таких правилах не знал и согласился вернуть деньги.

– А как вы узнали о том, что мы их продали? – спросил он на выходе.

– Люди стали звонить, – объяснил директор. – Хотят купить еще.

Апрель пролетел быстро. Когда потеплело, Кристин стала играть в саду. Дэвид гонялся за бабочками. Рейджен занимался в спортзале. Дэнни после того, как его закапывали в землю, еще боялся выходить на улицу, так что сидел и рисовал натюрморты. Тринадцатилетний Кристофер катался на лошади. Артур почти все свое время проводил в библиотеке, читая законы штата Огайо, и говорил, что на лошадь сядет, только если будут играть в поло. Когда их перевели во вторую зону, все обрадовались.

Миллигана с Горди Кейном отправили работать в прачечную, и Томми с удовольствием возился со старой стиралкой и сушилкой, работавшей на газу. Он очень ждал перевода в третью зону, где по вечерам можно будет одеваться нормально.

Однажды в прачечную принес кучу белья Фрэнк Джордан, тот дерзкий качок.

– Вот это надо постирать немедленно. У меня завтра гости.

– Рад слышать, – ответил Томми, продолжая заниматься своими делами.

– Я говорю, сейчас же стирай, – повторил Джордан.

Томми опять его проигнорировал.

– Слышь, дебил, я доверенный из четвертой зоны. Могу очки вычесть. И в третью не попадешь.

– Мне, – ответил Томми, – плевать, из какой ты зоны, хоть из сумеречной. Я не обязан стирать твое нижнее белье.

– Так!

Томми бросил на него злой взгляд. И почему этот простой воришка имеет право вычитать у него очки?

– Иди ты! – ответил он.

– Так, хватит!

Томми сжал кулаки, но Джордан ушел и доложил старшему, что у Миллигана минус два. Вернувшись в спальню, Томми узнал, что Джордан вычел по два и у Кейна с Вито. Просто за то, что они дружат.

– Надо что-то с этим делать, – сказал Кейн.

– Я постараюсь, – ответил Томми.

– Но что? – спросил Вито.

– Ну, не знаю, что-нибудь придумаю.

Томми лег в кровать и принялся размышлять, и чем больше он думал, тем больше злился. Наконец он встал, вышел из здания, нашел подходящий кусок доски и пошел к четвертой зоне.

Артур объяснил Аллену, что происходит, и посоветовал перехватить сознание, прежде чем Томми успеет натворить дел.

– Томми, не надо, – начал Аллен.

– Да блин, я не позволю этому ср...му громиле вычитать у меня очки, чтобы я из-за него в третью не попал.

– Томми, не время.

– Будет время, когда я этому сукиному сыну башку проломлю.

– Так, Томми, хватит.

– Не произноси этого при мне! – завопил Томми.

– Извини. Но ты неправильно делаешь. Позволь мне самому разобраться.

– Да блин! – Томми бросил доску. – Ты сам задницу себе подтереть не можешь.

– Ты всегда был хамом. Проваливай-ка.

Томми вышел из пятна. Аллен вернулся в бараки второй зоны и сел с Кейном и Вито.

– Я придумал, что делать, – начал он.

– И я придумал, – ответил Кейн. – Взорвем к чертям офис.

– Нет, – сказал Аллен. – Соберем факты и цифры, а завтра ходим к мистеру Джонсу и скажем, что нечестно, чтобы нас судили пацаны не лучше нас. Они такие же преступники.

Кейн с Вито уставились на Аллена, разинув рты. Он говорил так бойко и гладко впервые.

– Найдите мне карандаш с бумагой, – продолжал Аллен, – и давайте как следует все продумаем.

На следующее утро они все втроем отправились к Чарли Джонсу, соцработнику. Аллен выступал оратором.

– Мистер Джонс, вы говорили, что вам мы можем без проблем рассказывать обо всем.

– Верно.

– Так вот, мы хотели пожаловаться на систему, на то, что ребята не лучше нас вычитают у нас очки. Я тут нарисовал схему, если вы на нее посмотрите, поймете, насколько это несправедливо.

Аллен предоставил ему подсчет баллов, вычтенных у них троих Фрэнком Джорданом, с описанием каждого конкретного случая, и по итогам выходило, что он штрафовал их за личные обиды или отказ выполнять за него какую-то работу.

– Билл, мы этой системой давно пользуемся, – ответил Джонс.

– Но это не означает, что она правильная. Предполагается, что вы нас тут готовите к жизни в обществе. Как вы планируете этого достигнуть, если нам демонстрируется несправедливость общества? Неужели справедливо, чтобы судьба ребят вроде Вито всецело зависела от прихоти таких хулиганов, как Фрэнк Джордан?

Джонс задумался, потягивая себя за ухо. Аллен не умолкая говорил о несправедливости системы, а Кейн с Вито молчали, пораженные речистостью своего представителя.

– Ладно, – согласился Джонс. – Обещаю подумать над этим вопросом. Зайдите еще раз в понедельник, и я сообщу вам о своем решении.

В воскресенье вечером Кейн с Вито сидели на нарах Кейна и играли в карты. Томми валялся рядом, пытаясь по рассказу друзей понять, что произошло в кабинете у Джонса.

Кейн вдруг поднял взгляд.

– Смотрите, кого ветром занесло.

К Вито подошел Фрэнк Джордан и плюхнул на карты свои грязные ботинки.

– Почисти-ка к вечеру.

– Да ты и сам справишься, – ответил Вито. – Я твои сраные ботинки мыть не буду.

Фрэнк отвесил ему оплеуху, и тот слетел с нар. Вито заплакал. Когда качок пошел прочь, Томми действовал очень быстро. На середине ряда он похлопал Фрэнка по плечу. Когда тот повернулся, Томми ударил его по носу и пригвоздил к стене.

– Я тебя в тюрьму отправлю, ублюдок! – заорал Фрэнк.

Подбежавший Кейн пнул Фрэнка по ногам, и тот рухнул между

нарами. Томми с Кейном навалились на него и принялись бить.

Рейджен наблюдал за дракой, приглядывал, чтобы с Томми ничего не случилось. Если бы дело приобрело серьезный оборот, он бы вмешался. Уж он-то не стал бы колошматить, не глядя, просто со злости, как Томми. Рейджен продумывал каждый удар, выбирал, какие кости ломать. Но без необходимости лучше не лезть не в свое дело.

На следующее утро Аллен решил, что им следует рассказать мистеру Джонсу о происшествии, пока Фрэнк не предоставил свою, искаженную, версию.

– Посмотрите на синяк Вито, Фрэнк ударил первым, тот его не провоцировал, – сказал Аллен соцработнику. – Он уже не первый раз злоупотребляет своим старшинством над детьми типа Вито, которое обеспечила ему эта система. Как мы уже сказали, давать подобную власть преступникам неправильно, это таит в себе возможную опасность.

В среду мистер Джонс объявил, что отныне очки будет вычитать только персонал лагеря. А все несправедливо вычтенное Фрэнком Джорданом запишут на его счет. Таким образом, Фрэнк снова скатился в первую зону, а Вито, Кейн и Миллиган могли теперь перейти в третью.

3

Привилегии четвертой зоны включали в себя возможность съездить домой. Томми был в предвкушении. Когда пришло время, он собрал рюкзак и стал ждать, когда за ним приедет Дороти. Но чем больше он думал об отъезде, тем больше путалось у него в голове. Ему начало тут нравиться, но он хотел и вернуться на Спринг-стрит, ведь Челмера там больше нет. Только он, Челла и Кэти. В кои-то веки жизнь дома будет нормальная.

Дороти забрала его, и до Ланкастера они ехали практически не разговаривая. К его удивлению, вскоре после приезда в дом зашел какой-то мужчина, которого Томми раньше никогда не видел, – крупный мужчина с мясистым лицом и бочкообразной грудной клеткой. И он курил одну за другой.

– Билли, это Дэл Мур из Секлвилля, хозяин боулинга с баром, где я раньше пела. Он поужинает с нами, – сказала Дороти.

По тому, как эти двое друг на друга смотрели, Томми понял, что между ними что-то есть. Черт! Не прошло и двух месяцев, как выгнали Челмера, а тут ошивается уже новый мужик.

– Я в Зейнсвилль не вернусь, – объявил за ужином Томми.

– Как это? – спросила Дороти.
– Не могу там больше жить.
– Билли, но это неправильно, – вклинился Дэл Мур. – Мама говорит, тебе месяц всего остался.
– Это мне решать.
– Билли! – сказала Дороти.
– Слушай, я теперь друг семьи, – продолжил Дэл. – Ты маму так не расстраивай. Тебе осталось отбыть всего чуть-чуть. Ты уж продержись как-нибудь, иначе будешь иметь дело со мной.
Томми уставился в тарелку и молча доел.
– Че это за чувак? – спросил он позже у Кэти.
– Мамин новый мужчина.
– Бог мой, возомнил, что может мне указывать. Он тут часто бывает?
– У него в городе комната, так что, пожалуй, никто и не скажет, что они живут вместе. Но я-то не слепая.

На побывке в следующие выходные Томми познакомился с сыном Дэла Мура, Стюартом, и тот ему сразу же понравился. Примерно ровесник Билли, он играл в футбол и занимался многоборьем. Но больше всего Томми впечатлило, как Стюарт ездит на мотоцикле. Он выписывал на нем такие кренделя, каких Томми раньше и не видел.

Аллену Стюарт тоже понравился, а Рейджен проникся к нему уважением за спортивные достижения, сноровку и отвагу. Выходные выдались отличные, так что все ждали следующей встречи с новым другом, который совершенно нормально и без вопросов принял их странноватое поведение. Стюарт ни разу не назвал никого из них ни рассеянным, ни брехлом. Томми подумал, что когда-нибудь ему хотелось бы стать как Стюарт.

Томми поделился с ним своими сомнениями насчет того, что сможет жить дома, когда выйдет из лагеря. Ему казалось, что это будет как-то неправильно, ведь теперь тут почти все время ошивается Дэл. И Стюарт сказал, что когда Билли выйдет, они поселятся в одной квартире.

– Ты серьезно? – спросил Томми.
– Я говорил об этом Дэлу. Ему показалось, что идея классная. Он считает, что так мы сможем друг за другом присматривать.

Но за несколько недель до того, как его должны были выпустить из лагеря, Томми сообщили, что Дороти не придет его навестить, как обычно.

5 августа 1973 года Стюарт Мур ехал на мотоцикле по Секлвиллю. Резко завернув за угол, он врезался в лодку, которую везли на прицепе; от

столкновения и мотоцикл, и лодка взорвались. Стюарт погиб мгновенно.

Услышанное потрясло Томми. Его храброго улыбчивого друга, который собирался покорить весь мир, поглотил огонь. Это было для Томми слишком невыносимо. Он не хотел больше тут оставаться. Тогда вышел Дэвид – пережить жуткую боль Стюарта и выплакать слезы Томми...

Глава тринадцатая

1

Через месяц после смерти Стюарта Билли Миллигана выпустили из Зейнсвилля. Несколько дней спустя Аллен читал у себя в комнате, к нему зашел Дэл Мур и предложил поехать с ним на рыбалку. Аллен понимал, что тот старается выслужиться перед Дороти – Кэти сказала, что они, наверное, поженятся.

– Конечно, – ответил Аллен, – я обожаю ловить рыбу.

Дэл подготовил все, что нужно, и на следующий день заехал за Билли после работы.

Томми посмотрел на него с отвращением.

– Рыбалка? Черт, да я не хочу.

Когда Томми вышел из своей комнаты и Дороти потребовала объяснений по поводу его бесцеремонности – сначала пообещал, а потом отказался, – Томми удивленно уставился на них обоих.

– Боже! Да он меня даже *не* звал на эту рыбалку.

Дэл вылетел из дома, обозвав Билли самым наглым проклятым вруном, которого он когда-либо встречал.

– Я больше так не могу, – сказал Аллен Артуру, закрывшись у себя. – Надо валить отсюда. Дэл тут постоянно ошивается, и я чувствую себя незванным гостем.

– Вот и я, – согласился Томми. – Дороти, конечно, была мне как мать, но если она выйдет за Дэла, я тут жить не хочу.

– Ладно, – согласился Артур. – Давайте найдем работу, скопим деньжонок и переедем в отдельную квартиру.

Замысел привел всех в восторг.

11 сентября 1973 года Аллена взяли на ланкастерский завод гальванопластики. Работа была грязная, низкооплачиваемая, не о такой мечтал Артур.

Этой нудятиной занимался Томми. Он управлял клеткой, свисающей на конвейерной цепи, подводил ее к бакам с кислотой и погружал в них по очереди; весь путь был длиной как дорожка в боулинге. Опустить, подождать, поднять, провести, опустить, подождать.

Артур к такому рабскому труду относился с презрением, так что занялся другими делами. Ему надо было подготовить своих к переезду и

самостоятельной жизни.

Во время жизни в Зейнсвилле он наблюдал за поведением людей, которых выпускал в пятно, и уже начал понимать, что главным для выживания в обществе является самоконтроль. Когда нет правил, воцаряется хаос, и это подвергает опасности их всех. Артур заметил, что лагерные правила оказали благотворное влияние. Угроза попасть обратно в первую или вторую зону дисциплинировала непокорных мальчишек. И когда они останутся одни, надо будет организовать что-то подобное.

Он объяснил все Рейджену.

– Кто-то из нас связался с женщинами, пользующимися дурной репутацией, нас обвинили в их изнасиловании и отправили в тюрьму – за преступление, которого мы не совершали. И это ни в коем случае не должно повториться.

– Как ты это заставить не повторяться?

Артур принялся расхаживать из стороны в сторону.

– Как правило, я в состоянии не дать человеку выйти в пятно. И заметил, что ты тоже можешь вытолкнуть кого захочешь после момента переключения, когда мы особенно уязвимы. Так что мы с тобой должны взять на себя управление сознанием. Я решил полностью запретить выход в пятно некоторым нежелательным личностям. А от остальных потребуем соблюдения правил. Мы – как семья. И мы должны быть строги. Одно нарушение, и человек попадет в число нежелательных.

Получив согласие Рейджена, Артур ознакомил с правилами всех остальных.

ПЕРВОЕ. *Ни в коем случае не врать.* Всю жизнь их несправедливо называли патологическими лжецами, поскольку они по незнанию отрицали то, что сделали другие.

ВТОРОЕ. *Вести себя корректно по отношению к женщинам и детям.* Это значит избегать сквернословия, придерживаться надлежащего этикета, например, открывать перед ними двери. Дети должны сидеть за столом ровно, положив на колени салфетки. Женщин и детей защищать необходимо в любой ситуации, и на помощь им должен приходиться каждый. Если кто-то увидит, как мужчина обижает женщину или ребенка, он или она должен немедленно выйти из пятна и дать Рейджену разобраться (в этом нет необходимости, если человеку самому угрожает физическая опасность – в такой ситуации Рейджен выходит в пятно автоматически).

ТРЕТЬЕ. *Воздержание.* Ни один мужчина больше не вправе оказаться в ситуации, которая даст возможность обвинить его в изнасиловании.

ЧЕТВЕРТОЕ. *Все время посвящать самосовершенствованию.* Тратить

время на комиксы и телевизор запрещено всем, вместо этого каждый должен учиться тому, к чему он (а) имеет склонности.

ПЯТОЕ. *Уважать частную собственность всех членов семьи.* В первую очередь это правило действует в отношении продажи картин. Любой может продать картину без подписи или с подписью «Билли» или «Миллиган». Но личные картины, подписанные Томми, Дэнни или Алленом, – частная собственность, и никто не вправе торговать тем, что ему не принадлежит.

Любому, кто нарушит эти правила, навсегда запрещается выходить в пятно, и он будет сослан в тень, к остальными нежелательным.

Рейджен задумался.

– Кто эти... как ты называешь... нежелательные?

– Филипу и Кевину с их явными антиобщественными и преступными наклонностями запрещено выходить в пятно.

– А Томми что? Он тоже иногда ведет не как надо в обществе.

– Да, – согласился Артур, – но его непокорность нам на руку. Некоторые из ребят помладше слишком уж послушные, вплоть до того, что готовы наносить себе вред, если им прикажет чужой человек. Если Томми не будет нарушать другие правила или использовать свои способности в преступных целях, ему разрешается выходить в пятно. Но время от времени я буду напоминать ему о том, что мы за ним наблюдаем.

– А я что? – спросил Рейджен. – Я преступник. Злой и не люблю чужие.

– Нарушать закон запрещается, преступлений быть не должно, – сказал Артур, – даже, что называется, «без жертв». Ни при каких обстоятельствах.

– Ты должен понять, – продолжал Рейджен, – что я любое время могу попадать ситуации, когда надо нарушать для защита или выживание. Для нужда нет закон.

Артур сложил кончики пальцев, несколько секунд подумал о том, что сказал Рейджен. Потом кивнул.

– Для тебя будет сделано исключение. Поскольку ты очень силен, тебе одному я даю право причинять боль другим – но исключительно в целях самозащиты, либо для защиты детей и женщин. Тебе, как защитнику нашей семьи, разрешается совершать преступления без жертв либо преступления, необходимые для нашего выживания.

– Тогда я принять правила, – тихонько ответил Рейджен. – Хотя эта система не совсем будет работать. Бывают смутные времена, в какие люди воруют время. И тогда даже мы – ты, я, Аллен – не знаем, что делается.

– Верно, – согласился Артур, – но надо стараться изо всех сил. Часть задачи как раз и заключается в том, чтобы обеспечивать семье стабильность и избегать смутных времен.

– Трудно будет. Тебе надо убедить остальных. Я даже не вся эта, как ты говоришь, семья знаю. Люди то появятся, то уйдут. Иногда я даже не могу понимать, человек наш или чужой.

– Это естественно. В больнице, да и в лагере, было примерно так же. Кого-то узнаешь по имени, кого-то просто знаешь. Но часто даже люди из внешнего мира хоть и живут рядом, но не общаются. Я поговорю с каждым из наших и расскажу о том, что им надо знать.

Рейджен задумался.

– Я сильный, но ты столько знать, что власть у тебя стала большая.

Артур кивнул.

– Да, поэтому я и в шахматы тебя обыгрываю.

Артур стал всем поодиночке объяснять новые требования. Помимо свода правил поведения, на тех, кто выходил в пятно, возлагались еще и определенные обязанности.

Кристин, так и оставшаяся трехлетней, постоянно ставила всех в неловкое положение. Но поскольку Рейджен настаивал, все согласились с тем, что она – самая первая и до сих пор остается «малышкой» в семье и ее никогда не уберут и не отнесут к нежелательным. Кристин может даже оказаться полезной, если понадобится вывести в пятно человека, который не понимает, что происходит, и не может ничего рассказать. Но и от нее ждали определенной работы над собой – с помощью Артура она должна была научиться читать и писать и постараться преодолеть свою дислексию.

Томми предстояло развивать способности в области электроники и механики. И хотя он мог открывать замки и сейфы, ему разрешалось использовать эти навыки лишь для бегства, а не для взлома. Участвовать или помогать в воровстве запрещалось. В свободное время он должен играть на саксофоне, а также совершенствовать свой талант пейзажиста. Учиться сдерживать свой воинственный настрой, хотя при необходимости можно было применять его в решении конфликтов.

Рейджену предстояло заняться карате, дзюдо, бегом и поддержанием идеальной физической формы в целом. Артур собирался помочь ему обучиться управлять выбросом адреналина, чтобы быть в состоянии собрать всю свою силу в ситуации стресса или опасности. Продолжать изучать оружие и взрывчатые вещества. Часть следующей зарплаты предполагалось потратить на пистолет для учебной стрельбы.

Аллен должен был практиковаться в красноречии и писать портреты. А чтобы снять напряжение – играть на ударной установке. На него рассчитывали как на спикера, который при необходимости будет манипулировать окружающими. Поскольку Аллен, самый общительный, то ему было рекомендовано выходить в люди и общаться.

Адалана должна была продолжить писать стихи и совершенствовать кулинарные навыки, которые понадобятся, когда они переедут из дома.

От Дэнни требовалось заниматься рисованием пейзажей и овладевать аэрографом. Так как он сам – подросток, предполагалось, что он будет заниматься с детьми и помогать за ними ухаживать.

Артур должен был сконцентрироваться на науке, особенно на медицине. Он уже заказал курс по основам клинической гематологии, который должен был прийти по почте. Поскольку он владел логикой и обладал ясностью мышления, он также должен был заняться юриспруденцией.

Всех остальных тоже поставили перед необходимостью использовать каждую минуту своего времени на самосовершенствование и образование. Артур предупредил, что нельзя сидеть сложа руки и тратить время попусту, нельзя давать мозгам бездействовать. Каждый член семьи должен стремиться к достижению собственных целей, стать образованным и культурным человеком. Думать об этом надо, даже когда не находишься в пятне, а уж если завладеешь сознанием – работай с особым усердием.

Младшим Артур строго запретил водить машину. Если кто-то вдруг выйдет в пятно и окажется за рулем, надо пересесть на пассажирское место и подождать, когда появится кто-нибудь из старших.

Все признали, что Артур подошел к делу логически и продумал все очень хорошо.

«Сэмюэль» читал Ветхий Завет, ел исключительно кошерную пищу, а еще увлекался резьбой по песчанику и дереву. 27 сентября, в Рош Ха-Шана, или еврейский Новый год, он вышел в пятно и прочитал молитву в память об отце Билли.

Сэмюэль знал, что Артур строго-настрого запретил продавать чужие картины, но как-то раз ему понадобились деньги, а рядом не оказалось никого из семьи, кто мог бы дать ему совет или вообще объяснить, что творится, и он продал портрет обнаженной, подписанный Алленом. Подобные картины оскорбляли его религиозные чувства, так что он все равно не хотел его видеть. Покупателю он сказал, что рисовал не сам, но знает художника.

Потом Сэмюэль продал пейзаж с сараем, нарисованный Томми, – вокруг этой картины явно витал страх.

Узнав об этом, Артур разгневался. Сэмюэль должен был осознавать, что картины дороги авторам, более того, они личные, и художники вообще не хотели бы, чтобы их видели чужие люди. Он велел Томми отыскать любимое творение самого Сэмюэля – гипсовую Венеру в драпировке и с ангелочками.

– Уничтожь ее, – приказал Артур.

Томми вынес ее во двор и разбил молотком.

– За такое ужасное преступление, продажу чужих картин, Сэмюэль отныне причислен к нежелательным. Следовательно, ему теперь запрещено выходить в пятно.

Сэмюэль начал спорить, давя на то, что он единственный верующий и потому его нельзя лишать выхода в пятно.

– Бога придумали люди, которых страшит неизведанное, – возразил Артур. – Они боготворят фигуры вроде Христа лишь из страха за то, что будет с ними после смерти.

– Именно так, – согласился Сэмюэль. – Но сам подумай, подстраховаться нам не помешает. Если после смерти выяснится, что бог все же *есть*, разве плохо будет иметь среди нас верующего? В таком случае останется шанс, что наша душа попадет в рай.

– Если душа существует, – ответил Артур.

– Ну, к чему рисковать? Если дать мне еще один шанс, неужели велика потеря?

– Я установил правила, – сказал Артур, – и мое решение непоколебимо. Шестого октября у тебя самый главный праздник, Йом-Кипур. Так что разрешаю тебе выйти в этот день всепрощения в пятно, попоститься, но потом все.

Впоследствии в разговоре с Томми Артур признал, что, принимая решение в гневе, сделал ошибку. Поскольку он пока действительно не знает наверняка, что бога нет, не следовало так поспешно причислять единственного верующего к нежелательным.

– Ну, ты можешь передумать и время от времени выпускать Сэмюэля в пятно, – сказал Томми.

– Пока я у власти, этому не бывать. Я признаю, что допустил ошибку, приняв решение на эмоциях. Но раз уж оно принято, менять его не буду.

Мысли насчет рая и ада не давали Томми покоя. Он думал об этом постоянно, в частности, как можно будет сбежать из ада, если они туда попадут.

Несколько дней спустя в центре города Аллен встретил парня, школьного знакомого. Он с трудом припомнил, что его зовут Бэрри Харт. Теперь Бэрри отрастил волосы, как хиппи. Он пригласил Билли к себе – выпить пивка и поболтать.

Квартира у него оказалась большая, но запущенная. Аллен с Хартом разговаривали на кухне, и туда постоянно кто-то заходил. У Аллена сложилось ощущение, что в этом месте торгуют наркотиками. Когда он собрался уходить, Харт сообщил, что в субботу у него вечеринка, соберется много друзей, и его он тоже приглашает.

Аллен согласился. Разве не идеальная возможность выполнить распоряжение Артура насчет общения?

Но когда Аллен пришел, то, что он увидел, ему совершенно не понравилось. Это был явно притон: кто бухал, кто курил травку, кто закидывался таблетками. По его мнению, большинство собравшихся вели себя как идиоты. Аллен решил остаться на чуть-чуть, выпить пива. Но уже через несколько минут ему стало настолько не по себе, что он вышел из пятна.

Артур с отвращением осмотрелся, но решил расслабиться и понаблюдать за этой породой жалких существ. Ему было интересно посмотреть, как разные люди выставляют себя на посмешище после употребления различных веществ: от алкоголя они становились драчливы, от марихуаны – смешливы, после принятия амфетаминов впадали в транс, а от ЛСД у них начинались галлюцинации. Он назвал это лабораторией злоупотребления.

А еще Артур заметил, что пара человек сидит в сторонке, как и он сам. Высокая стройная девушка с длинными темными волосами, пухлыми губами и подернутыми дымкой глазами частенько поглядывала на него. Ему показалось, что вскоре она с ним заговорит. Одна эта мысль была ему неприятна.

Однако первый шаг сделал ее друг.

– Ты часто бываешь у Харта на вечеринках? – поинтересовался молодой человек.

Артур снова выпустил Аллена. Тот ошеломленно посмотрел по сторонам.

– Что-что?

– Моей подруге кажется, что она как-то тебя тут уже видела, – сказал

парень. – Да и у меня такое чувство, что мы знакомы. Тебя как зовут?

– Все зовут меня Билли Миллиган.

– Ты брат Челлы? Ну а я Уолт Стэнли. Знаком с твоей сестрой.

Девушка тоже подошла.

– Марлен, это Билли Миллиган.

Стэнли отошел, а Марлен проболтала с Алленом почти целый час, обсуждая собравшихся. Аллену она показалась человеком интересным и доброжелательным. И он заметил, что заинтересовал девушку. Ее темные кошачьи глаза и на него произвели необычное впечатление, его влекло к ней. Но он знал, что ничего между ними быть не может – из-за правил Артура.

– Эй, Марлен! – крикнул Стэнли из другого угла. – Давай напополам?

Она не ответила.

– Тебя твой парень зовет, – сказал Аллен.

– Он не мой парень, – с улыбкой ответила она.

Аллен уже начал нервничать. Он же только что вышел из лагеря после того, как его безосновательно обвинили в изнасиловании, а теперь эта девушка к нему подкатывает.

– Извини, Марлен, – сказал он, – но мне пора.

Она, похоже, удивилась.

– Может, как-нибудь еще случайно встретимся.

Аллен поспешил уйти.

В следующее воскресенье Аллен решил, что выдался идеальный денек для гольфа. Он забросил клюшки в машину и поехал в Ланкастерский загородный клуб, где арендовал электрокар. Он прошел несколько лунок, но с самого начала игра не особо задалась, и после того, как мяч в третий раз улетел в песок, он настолько разозлился на самого себя, что вышел из пятна.

Глаза открыл Мартин, увидел, что тянется клюшкой к лежащему в песке мячику, и удивился. Он ударил и попал. Не зная, какой это удар по счету, Мартин решил засчитать себе «птичку-3».

Мартину не понравилось, что у следующей метки собралось столько народу, и он вслух высказался в том духе, что некоторые тормоза лишь портят все удовольствие от гольфа для классных игроков вроде него. «Я из Нью-Йорка, – сообщил он мужчине средних лет, стоявшему перед ним с тремя друзьями, – обычно играю в частных клубах, куда эксклюзивнее этого, туда даже не всех пускают».

Увидев, что мужчина забеспокоился, Мартин вышел вперед. «Вы же не против меня пропустить?» Не дожидаясь ответа, он подошел, ударил,

послав мяч в нужном направлении, и помчался к нему на автокаре.

У следующей отметки Мартин поступил точно так же, но потом его мяч угодил в воду. Он подъехал к пруду, вышел и попытался понять, удастся ли его достать. Но, поскольку Мартин его даже не нашел, он отправил второй мячик через пруд и снова запрыгнул в автокар, но больно ударился коленкой.

Вышел Дэвид, чтобы взять боль, не понимая, ни где он, ни что это за маленькая машинка. Когда боль утихла, он принялся баловаться рулем, изображая звук мотора и колотя ногами по педалям. Дэвид случайно снял автокар с тормоза, и он покатился вниз, заехав передними колесами в пруд. Мальчик испугался и ушел, снова появился Мартин, не понимая, что произошло. Он целый час потратил на то, чтобы выехать из грязи, и очень злился, потому что другие в это время играли.

Когда Мартин вытащил автокар на сушу, вышел Артур, который сообщил Рейджену, что отныне и Мартин причислен к нежелательным.

– Это строгое наказание за то, когда машина для гольфа попала пруд.

– Дело не в этом, – ответил Артур. – Мартин – просто бесполезный хвостун. Он начиная с Зейнсвилля думает лишь о том, как бы принарядиться и погонять на больших тачках. Он выделяется. Он совершенно не думает ни о собственном развитии, ни о творчестве. Он пустышка, фальшивка и, что хуже всего, сноб.

Рейджен улыбнулся.

– Уж не знал, что сноб – повод заносить в нежелательные.

– Дорогой друг, – ответил Артур, поняв, на что намекает Рейджен, – права на снобизм нет ни у кого, только что если этот человек крайне умен. Посему у меня такое право есть, а у Мартина – нет.

Артур безупречно прошел последние четыре лунки.

27 октября 1973 года, почти через десять лет после свадьбы с Челмером Миллиганом, Дороти вышла за Дэлмоса А. Мура.

Он постарался стать отцом Билли и девчонкам, но никто из них его не полюбил. А когда Дэл попытался установить свои правила, Артур начал его презирать.

Среди прочего Дороти запретила младшему сыну ездить на мотоцикле. Томми понимал, что это из-за Стюарта, но не считал правильным накладывать ограничения на него из-за того, что случилось с другим человеком.

Однажды он одолжил у приятеля мотоцикл «Ямаха-350» и прокатился на нем мимо дома. Развернувшись и снова поехав по Спринг-стрит, Томми посмотрел вниз и заметил, что выхлопная труба страшно расшаталась.

Если она отвалится...

Рейджен спрыгнул с мотоцикла.

Поднялся, отряхнулся и закатил его во двор, а потом пошел в дом, чтобы смыть кровь со лба.

Когда он вышел из ванной, Дороти начала на него орать.

– Я же тебе запретила ездить на мотоцикле! Ты специально меня изводишь!

Со двора пришел Дэл и тоже закричал:

– Ты это нарочно! Ты же знаешь, как я отношусь к мотоциклам с тех пор, как...

Рейджен покачал головой и вышел из пятна. Он попросил Томми объяснить им насчет выхлопной трубы.

Томми поднял взгляд на разъяренных Дороти с Дэлом.

– *Нарочно*, да? – переспросил Дэл.

– Это безумие, – ответил Томми, осматривая синяки. – Выхлопная труба чуть не отвалилась, и...

– очередное вранье, – сказал Дэл. – Я выходил, смотрел на мотоцикл. Из-за трубы мотоцикл мог перевернуться, только если бы она пополам согнулась. А она не погнута.

– Не смей обзывать меня лжецом! – заорал уже Томми.

– Брехло собачье! – крикнул Дэл.

Томми вылетел из комнаты. Какой смысл рассказывать, что труба не погнута, потому что Рейджен вовремя заметил, что она отваливается, и оттолкнул мотоцикл подальше от себя, чтобы избежать большей опасности? Как ни объясняй, скажут, что врешь.

Злости накопилось столько, что Томми уже не справлялся, так что он ушел...

Дороти поняла, что сын разозлился, и пошла за ним в гараж. Она стала наблюдать за ним через окно, так что он не заметил. Она видела, с какой убийственной яростью на лице он схватил большую доску и разломил пополам, и еще, и еще, выпуская агрессию и злость.

Артур принял решение. Пора переезжать.

Уже через несколько дней Аллен нашел дешевую двухкомнатную квартиру с закутком в белом каркасном доме, Броуд-стрит, 808, чуть к востоку от дома Дороти. Жилье было так себе, зато с холодильником и плитой. Он притащил матрас, пару стульев и стол. Дороти позволила ему купить на ее имя «Понтиак гран-при», платить за который должен он был сам.

Рейджен приобрел карабин 30-го калибра и самозарядный пистолет 25-го калибра.

Поначалу его опьянила полученная после переезда свобода. Можно рисовать когда захочешь, никто не достает.

Артур следил за тем, чтобы аспирин и другие лекарства покупались в баночках, которые не смогут открыть дети. Он даже настоял, чтобы Рейджен и свою бутылку с водкой закрывал крышкой, которую маленьким не снять, и напомнил, что оружие тоже надо запирать на замок.

Между Адаланой и Эйприл началась кухонная война, и хотя Артур предчувствовал, что это приведет к беде, решил ничью сторону не занимать. Ему вообще едва хватало времени на учебу, исследования и планирование будущего, поэтому он старался не обращать внимания на постоянные ссоры между девушками, происходившие на задворках его сознания. Когда его стали слишком доставать, он предложил, чтобы Адалана готовила, а Эйприл занялась шитьем и стиркой, и на этом все.

Вообще стройная темноволосая и кареглазая Эйприл при первой встрече очаровала Артура. Она оказалась более привлекательной, чем простоватая, даже скромная Адалана, и однозначно умнее ее. Почти так же умна, как Томми и Аллен, или, может, даже как сам Артур. И поначалу его заинтриговал ее бостонский акцент. Но, узнав, чем заняты ее мысли, Артур утратил к ней интерес. Оказалось, что Эйприл помешана на идее поймать Челмера, сначала мучать его, а потом убить.

Она планировала все это в уме. Если ей удастся заманить Челмера в квартиру, она привяжет его к стулу и будет по чуть-чуть сжигать его плоть паяльной лампой. Будет кормить его амфетаминами, чтобы не засыпал, и отрезать с помощью этой самой лампы пальцы, один за одним, а поскольку она сразу же будет их прижигать, то обойдется без крови. Она хотела, чтобы он страдал здесь, до того как попадет в ад.

Эйприл взялась обрабатывать и Рейджена.

– Ты должен убить Челмера. Возьми пистолет и застрели, – шептала она ему на ухо.

– Я не убийца.

– Это будет не убийство, а справедливое возмездие за содеянное.

– Я не правосудие. Эти дела решает суд. Я силой только защищать детей и женщин.

– Я женщина.

– Ты звезданутая.

– Тебе достаточно лишь взять винтовку и залечь на холме напротив того дома, где он сейчас живет со своей новой женой. И ты сможешь его

убрать. Никто не узнает, что это ты.

– Карабин не возьмет. Слишком далеко. На прицел у нас деньги нет.

– Рейджен, ты же талантливый, – прошептала она. – У нас есть телескоп. Приспособь его как-нибудь, сделай прицел.

Рейджен погнал ее прочь.

Но Эйприл не сдавалась, напоминая, что делал Челмер, особенно с детьми. Она знала, как Рейджен любит Кристин, и настойчиво взывала к памяти о том, как Челмер измывался над девочкой.

– Хорошо, – согласился он.

Рейджен выдернул два волоска из собственной головы, намочил их и аккуратно прилепил на линзу. Поднявшись на крышу, он попробовал прицелиться, бросив гильзу на небольшое темное пятно на земле. Добившись достаточной точности, Рейджен приклеил волоски намертво, закрепил прицел на карабине и отправился пристреливаться в лес. Вскоре он сможет убить Челмера с холма напротив его нового дома.

На следующее утро, за час до того как Челмер обычно выходил на работу (теперь он был прорабом), Рейджен доехал до его района, поставил машину и незаметно скользнул в лесок напротив дома. Рейджен спрятался за деревом и стал ждать. Он нацелился на дверь, понимая, что Челмер должен выйти и сесть в машину.

– Не надо, – сказал Артур вслух.

– Он должен умереть, – ответил Рейджен.

– Этот поступок не может быть засчитан как необходимый для выживания.

– Это засчитано как защита женщин и детей. Он обижал детей. И для расплаты должен умереть.

Артур понимал, что спорить бесполезно, так что подвел к краю пятна Кристин и показал ей, что делает Рейджен. Она начала плакать, топтать ножками и умолять его не делать ничего плохого.

Рейджен стиснул зубы. Челмер уже показался в дверях. Рейджен вынул обойму. Потом прицелился, наведя на Челмера перекрестие, и тихонько нажал на курок незаряженного карабина. Потом повесил оружие на плечо, сел в машину и поехал в новую квартиру.

«Эйприл сумасшедшая, она представляет собой угрозу для всех нас», – сказал Артур в тот же день и запретил ей выходить в пятно.

Кевин был в квартире один, когда в дверь позвонили. Открыв дверь, он увидел перед собой молодую красавицу.

– Я позвонила Бэрри Харту, – объяснила Марлен, – он сказал, что ты живешь тут один. У меня остались приятные воспоминания после нашего разговора на той вечеринке, так что я решила зайти тебя провести.

Кевин не знал, о чем речь, но пригласил девушку пройти.

– До того как я открыл дверь, – сказал он, – настроение у меня было паршивое.

Марлен провела у него весь вечер, посмотрела картины, они поговорили об общих знакомых. Она была рада, что решилась на первый шаг. Ей казалось, они сблизились.

Когда она собралась уходить, он спросил, зайдет ли она еще. Она ответила: да, если он хочет.

16 ноября 1973 года, когда Миллиган официально вышел из-под опеки комиссии по делам несовершеннолетних, Кевин сидел в баре неподалеку от дома. Он припомнил слова Горди Кейна, сказанные, когда его выпустили из лагеря в Зейнсвилле: «Если понадобится дилер, найди меня».

Именно этим он и решил заняться.

Вечером Кевин выехал в Рейнольдсбург, что к востоку от Коламбуса. Адрес, который дал ему Кейн, привел его к дорожному на вид одноэтажному фермерскому дому на окраине.

Горди Кейн с матерью обрадовались его приезду. Джулия Кейн соблазнительным гортанным голосом сказала, что в любое время он желанный гость в их доме.

Когда Джулия ушла налить себе чаю, Кевин спросил у Горди, не может ли он одолжить ему денег, чтобы закупить партию товара и самому начать торговлю. Типа сейчас он на мели, но потом непременно расплатится.

Кейн отвел его в другой дом неподалеку, где жил его знакомый, и тот продал Кевину травки на триста пятьдесят баксов.

– Это должно уйти больше чем за тысячу, – сказал Кейн. – Тогда и со мной рассчитаешься.

У Кейна дрожали руки, он явно был под кайфом.

– А ты что принимаешь? – поинтересовался Кевин.

– Морфий, когда удастся достать.

Через несколько дней вся трава была распродана друзьям Харта, и Кевин получил семьсот баксов чистой прибыли. Он вернулся к себе, выкурил косячок и позвонил Марлен.

Она пришла и высказала недовольство по поводу того, что Билли торгует коноплей, – об этом ей стало известно от Барри.

– Я знаю, что делаю, – ответил он, поцеловал ее, выключил свет, и они опустились на матрас.

Но, как только их тела соприкоснулись, Адалана силой мысли выгнала Кевина из пятна. Ведь ей было нужно именно это. Объятия, нежность.

Адалана помнила, что Артур наложил целибат. Он сказал всем мужчинам, что одно нарушение этого правила – и они причисляются к нежелательным. Но поскольку Артур был достойным джентльменом из Англии, ему и в голову не пришло заводить разговор о сексе с *ней*. И *она* не подписывалась под этим пуританским запретом, к тому же ее он, скорее всего, и не заподозрит.

Проснувшись на следующее утро, Аллен даже не знал, что произошло. Он нашел в ящике деньги и заволновался, но не мог достучаться ни до Томми, ни до Артура, ни до Рейджена, ни до кого-то другого, кто мог что-то объяснить.

После обеда заходили друзья Бэрри, спрашивали, есть ли у него что, а Аллен даже не понимал, о чем речь. Некоторые вели себя агрессивно, тыкали ему в лицо деньги, и Аллен заподозрил, что кто-то в семье начал торговать наркотой.

Когда он в очередной раз пришел к Харту, кто-то показал ему «Смит-Вессон» 38-го калибра. Сам не понимая, зачем он ему, Аллен предложил за пистолет пятьдесят баксов, и хозяин согласился, даже добавил несколько пуль.

Аллен отнес его в машину и спрятал под сиденье...

Рейджен протянул к пистолету руку. Это он хотел, чтобы Аллен его купил. Впрочем, это, на его взгляд, не лучшее оружие. Он бы предпочел 9 миллиметров. Но все равно пополнить коллекцию будет неплохо.

Аллен решил съехать из этой убогой квартиры. Просматривая раздел аренды в «Ланкастер игл-газет», он увидел знакомый телефонный номер.

Порывшись в своей записной книжке, он нашел его владельца: Джордж Келнер, адвокат, благодаря которому он попал в Зейнсвилль. Аллен попросил Дороти позвонить и спросить, не сдаст ли адвокат квартиру ее сыну. Келнер согласился за восемьдесят долларов в месяц.

Квартира на Рузвельт-авеню, 803 1/2, оказалась чистенькой, с одной спальней, на третьем этаже белого дома, стоящего не прямо у дороги, а чуть в глубине квартала. Аллен переехал через неделю и довольно уютно там обустроился. И решил, что больше никакой наркоторговли. От тех людей лучше держаться подальше.

К его полнейшему удивлению, в один прекрасный день появилась

Марлен, которую он не видел с вечеринки у Бэрри Харта, и стала вести себя как дома. Аллен представления не имел, кто из остальных с ней встречается, но для себя решил, что она не в его вкусе и общаться с ней он не хочет.

Марлен заходила после работы, готовила ему ужин, проводила с ним какое-то время, а потом уходила в дом своих родителей. Марлен практически жила у него, и из-за этого жизнь Аллена стала сложновата.

Когда девушка начинала проявлять чувства, он уходил из пятна. Аллен не знал, да и не хотел знать, кто выходит после него.

Марлен очень нравилась квартира. Периодическая брань и вспышки гнева Билли сначала ее шокировали, но она привыкла к его перепадам настроения – то он был ласковый и нежный, через минуту мог разозлиться и начать яростно метаться по квартире, а потом вдруг принимался шутить, говорил умно и красиво. А иногда совершенно без предупреждения делался неловким и каким-то жалким, словно мальчишка, который даже обуться сам не может. Она понимала, что за Билли, несомненно, нужно присматривать. Это все из-за наркотиков и дурной компании. Если бы только ей удалось донести до него, что друзья Бэрри Харта его просто используют, может, он понял бы, что они ему вовсе не нужны.

Но иногда поступки Билли ее пугали. Например, он боялся, что могут прийти какие-то другие люди, и если они ее тут увидят, будут неприятности. Иногда он называл их «семьей», и она подумала, что он хвастается тем, что он большая шишка в мафии. Когда дошло до того, что Билли разработал систему сигналов, Марлен в этом уже не сомневалась. Когда она к нему приходила, он ставил на окно картину, что, по его словам, должно было говорить «остальным», что она здесь и им лучше не входить.

Когда они занимались любовью, вначале он частенько говорил всякие грубости, а потом непременно становился нежен и ласков. Но все же как любовник Билли ее несколько беспокоил. Несмотря на его силу и мужество, у нее возникало ощущение, что он лишь изображает страсть и даже не кончает. Но Марлен не была в этом уверена. Что она знала наверняка – так это то, что она его любит, и думала, что ему нужно лишь время и понимание.

Однажды Адалана ускользнула из пятна и вместо нее появился Дэвид – испуганный, в слезах.

– Впервые вижу, чтобы мужчина плакал, – прошептала Марлен. – Что случилось?

Дэвид свернулся калачиком, как младенец, а по щекам текли слезы. Моменты его слабости очень трогали, порождая особенную близость. Марлен прижала его к себе.

– Билли, ты должен мне все рассказать. Пока я не пойму, что с тобой творится, я не смогу тебе помочь.

Дэвид не знал, что сказать, и ушел. В объятиях прекрасной женщины оказался Томми. Он от нее отшатнулся.

– Если ты так себя вести собрался, я лучше пойду домой, – сказала девушка, разозлившись, поскольку ей начало казаться, что он над ней смеется.

Она пошла в ванную, а Томми смотрел ей вслед.

– Черт, – прошептал он, в ужасе глядя по сторонам, – Артур меня убьет!

Он вскочил с постели, натянул джинсы и начал ходить из угла в угол, пытаясь понять, что происходит.

– Кто она вообще такая?

На стуле в гостиной он нашел ее сумочку, быстро посмотрел, что в ней. Прочтя на правах имя «Марлен», он спешно сунул их обратно.

– Артур? – прошептал он. – Если ты меня слышишь, знай, что я не имею к этому никакого отношения. Я к ней не прикасался. Поверь мне. Это не я нарушаю правила.

Томми подошел к мольберту, взял кисть и принялся дописывать начатый пейзаж. Артур увидит, что он занят тем, чем должен, – совершенствованием своего мастерства.

– Похоже, картина интересует тебя больше, чем я.

Томми обернулся: Марлен была уже одета и расчесывала волосы. Он молча продолжил рисовать.

– Рисование, все рисование, ни о чем, кроме рисования, не думаешь. Билли, поговори со мной.

Вспомнив другое правило Артура, что с женщинами надо быть вежливым, Томми отложил кисть и сел на стул напротив нее. Она была красива. И хотя к этому моменту уже одета, он все равно вообразил себе ее стройное тело, каждый его изгиб, каждую впадину. Он еще ни разу не имел дела с обнаженной натурой, но хотел бы попробовать ее нарисовать. Хотя и знал, что не сможет. Людей рисует Аллен.

Какое-то время они разговаривали, и Томми был зачарован ее темными глазами, пухлыми, словно надутыми губками, длинной шеей. Он понимал, что, кем бы она ни была, что бы ее сюда ни привело, он от нее без ума.

Никто не понимал, почему Билли Миллиган иногда не являлся на работу и почему стал вдруг таким неловким и глупым. Однажды полез поправить цепь над чаном и упал в кислоту. Пришлось отправить его домой. А в другой раз просто взял и ушел, и 21 декабря 1973 года с завода его уволили. Несколько дней он сидел дома в одиночестве и рисовал. А потом Рейджен собрал оружие и поехал в лес, тренироваться в стрельбе.

К этому времени он накопил уже довольно много оружия. Вдобавок к карабину, самозарядному пистолету 25-го калибра и «Смит-Вессону» 39-го он приобрел 375-й «Магнум», «М-14», «Магнум» 44-го калибра и «М-16». Израильский пулемет ему нравился своей компактностью и тихой работой. А еще он купил обойму «Томсон» 45-го калибра, так, для коллекции.

Когда смута достигла кульминации, Кевин попросил Горди Кейна свести с его дилером. Он был готов всецело посвятить себя торговле наркотиками. Кейн перезвонил через час и дал адрес в Блэклик-вудс, неподалеку от Рейнольдсбурга, тоже к востоку от Коламбуса.

– Я ему про тебя рассказал. Он хочет встретиться с тобой наедине, чтобы посмотреть, что ты собой представляешь. Если понравишься, то дело в шляпе. Его знают как Брайана Фоули.

Кевин поехал на встречу, старательно следуя инструкциям. В этом районе он раньше никогда не бывал и добрался до назначенного места возле кульверта на десять минут раньше. Он припарковался и стал ждать в машине. Где-то через полчаса подъехал «Мерседес», из которого вышли двое мужчин. Один высокий в коричневой кожаной куртке, с лицом в рывтинах. Второй среднего роста, с бородой, в костюме в тонкую полоску. И кто-то еще наблюдал с заднего сиденья. Кевину это не понравилось совершенно. Он сел за руль своей машины, напрягся, попытался разобраться, во что ввязался и что делать – уехать или остаться.

Рябой парень наклонился к его окну. Слева под мышкой под плотно облегающей курткой был замечен бугор.

– Ты Миллиган?

Кевин кивнул.

– Мистер Фоули хочет с тобой переговорить.

Кевин вышел из машины. Повернувшись к «Мерседесу», он увидел, что Фоули стоит навалившись на заднюю дверцу. Он выглядел не старше Миллигана, тоже лет восемнадцати. Светлые волосы доходили до плеч, сливаясь с пиджаком из верблюжьей шерсти и повязанным на шее шарфом

в тон.

Кевин пошел к нему, но его вдруг резко развернули и прижали к его же тачке. Высокий поднес к его голове автоматический пистолет, а бородатый принялся обыскивать. Кевин ушел...

Рейджен схватил бородатого за руку, резко толкнул его на длинного с пистолетом. Потом наскочил на длинного, вырвал оружие и, прикрываясь парнем словно щитом, нацелился в Фоули, наблюдавшим за всем этим из «Мерседеса».

– Лучше не двигаться, – спокойно сказал Рейджен. – Не успеешь шага сделать, как я сделаю три пули промеж глаз.

Фоули поднял руки.

– Ты, – обратился он к бородачу, – достать пистолет куртки двумя пальцами и клади на землю.

– Делай что говорят, – приказал Фоули.

– Давай сейчас же, – сказал Рейджен, увидев, что тот не торопится, – не то мозги асфальт потекут через рукав.

Парень расстегнул куртку, достал пистолет и положил на землю.

– Так, а теперь нога тихонько толкай мне.

Бородач повиновался. Рейджен выпустил длинного, поднял второй пистолет, держа всех троих на прицеле.

– Некрасиво так гость обращаться.

Он вынул обоймы из двух пистолетов, подбросил оба сразу, поймал за стволы и швырнул владельцам. А потом, не боясь оказаться к ним спиной, пошел к Фоули.

– Я бы говорить, тебе нужны телохранители лучше эти двое.

– Уберите оружие, – приказал Фоули, – и пойдите по стойте у машины Миллигана. А мы с ним пока побеседуем.

Он кивком пригласил Рейджена сесть в машину и сам устроился рядом. Нажал на кнопку, открылся бар.

– Что пьешь?

– Водка.

– Я по акценту так и подумал. Значит, ты не ирландец, как можно было предположить по имени.

– Югослав. А имена ничего не значить.

– Ты оружием владеешь или только врукопашную?

– Есть на чем продемонстрировать?

Фоули достал из-под сиденья пистолет 45-го калибра и вручил Рейджену.

– Хорошее, – констатировал он, взвесив его в руке. – Я предпочитаю

девять миллиметров, но и это идет. Выбирай мишень.

Фоули нажал на кнопку, и окно открылось.

– Вон пивная банка, через дорогу, возле...

Он даже договорить не успел, как рука Рейджена взметнулась и раздался выстрел. Банка звякнула. Еще два выстрела – и она вообще улетела.

Фоули улыбнулся.

– Мне бы такой человек, как ты, мистер Миллиган, или как там тебя, пригодился.

– Мне надо деньги, – ответил Рейджен. – Если есть работа, я делаю.

– Ты не против нарушить закон?

Рейджен покачал головой.

– Одно исключение. Я никому не делаю боли, если моя жизнь не в опасности. И не делаю вреда женщинам.

– Справедливый подход. Садись в свою тачку и двигай за нами след в след. Едем ко мне. Там и поговорим о деле.

Рейджен, оттолкнув телохранителей Фоули, подошел к своей машине; оба телохранителя зло на него зыркнули.

– Еще раз себе такое позволишь – убью, – сказал высокий.

Рейджен схватил его, крутанул и прижал к машине, заведя руку за спину так, что чуть не сломал.

– Для это тебе не хватать ума и скорости. Будь осторожный. Я человек очень опасный.

– Мюррей, мать твою, давай иди сюда, – закричал из «Мерседеса» Фоули. – Не трожь Миллигана. Он теперь на меня работает.

Они сели, тронулись с места, и Рейджен поехал за ними, гадая, во что же он ввязывается, да и вообще как тут оказался.

Когда машина подъехала к роскошному поместью неподалеку от Рейнольдсбурга, Рейджен очень удивился. Территорию ограждал забор, а за ним бегали три добермана.

Это был огромный особняк викторианской эпохи: ковры повсюду, обстановка простая и современная, картины и другие *objets d'art*^[15]. Фоули показал Рейджену дом, он явно гордился своими владениями. Потом подвел к бару и налил водки.

– Итак, мистер Миллиган...

– Все зовут меня Билли, – сказал Рейджен. – «Миллиган» не нравится.

– Понимаю. Полагаю, это и ненастоящее имя. Ну ладно, Билли, мне пригодился бы человек вроде тебя – быстрый, умный, сильный, да еще и обалденный стрелок. Мне нужна охрана в дороге.

– Что такое «охрана в дороге»?

– Я занимаюсь перевозками, водителей нужно охранять. Рейджен кивнул, тепло от водки разлилось по груди.

– Я защитник, – сказал он.

– Хорошо. Мне нужен твой номер. За день-два до поездки будешь перебираться сюда. Комнат у нас полно. О том, что за груз, узнаешь, только когда уже выедете. Чтобы снизить вероятность утечки.

– Звучит очень привлекательно, – сказал Рейджен, зевая.

По дороге в Ланкастер он заснул, и Артур повел машину, думая по пути о том, где он был и что делал.

В последующие недели Рейджен ездил охранником при водителе на поставках наркотиков различным дилерам и непосредственным клиентам по Коламбусу и округе. Ему оказалось интересно узнать, что марихуана и кокаин доставляются выдающимся деятелям, имена которых он то и дело встречал в газетах.

Он также участвовал в отправке винтовок «М-1» группе черных активистов в Западной Виргинии, гадая, зачем им они.

Рейджен несколько раз пытался поговорить с Артуром, но тот либо упрямился, не желая иметь с ним ничего общего, либо и вправду наступили тяжелые времена безвластия. Рейджен понимал, что Филип с Кевином воруют время, поскольку иногда находил в квартире начатые амфетамин и барбитураты. А один раз обнаружил на комодке свой пистолет и очень разозлился: ведь из-за чьей-то безответственности могли пострадать дети.

Рейджен решил, что постарается выследить, когда в пятно в следующий раз выйдет кто-то из нежелательных, припрет его к стенке и накажет. Наркотики для организма плохо; а водка и травка в умеренных количествах – нет, потому что это натуральный продукт. Но с тяжелыми наркотиками он дел иметь не хотел. А уже появились подозрения, что Филип или Кевин начали экспериментировать с ЛСД.

Неделю спустя, вернувшись с поставки партии марихуаны продавцу автомобилей в Индиане, Рейджен решил поужинать в Коламбусе. Выйдя из машины, он увидел пожилую пару, раздававшую коммунистические листовки. Вокруг собралось несколько противников, и Рейджен предложил пикетчикам помощь.

– Вы на нашей стороне? – спросила женщина.

– Да, – ответил Рейджен, – я коммунист. Я видел рабский труд фабриках и заводах.

Мужчина вручил ему пачку листовок, посвятив в философию

коммунистической партии и раскритиковав США за поддержку диктатуры. Рейджен принялся разгуливать по Брод-стрит и совать листовки прохожим.

Последнюю он решил оставить себе. Потом Рейджен оглянулся в поисках пожилой пары, но они куда-то делись. Он пошел их искать. Если бы ему удалось узнать, где проводятся встречи, он вступил бы в коммунистическую партию. Рейджен видел, как Томми с Алленом работали на заводе, и понимал, что единственная возможность изменить жизнь угнетенных масс – это революция.

Потом на собственной машине заметил наклейку «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Наверное, старички прилепили. Воодушевившись, Рейджен опустился на колени и в правом нижнем углу увидел название организации из Коламбуса, где были напечатаны эти наклейки. Возможно, там ему скажут, где собираются местные коммунисты.

Рейджен нашел адрес компании в справочнике, оказалось, недалеко. Добравшись до места, он несколько минут просто смотрел из окна машины. Потом подъехал к телефону-автомату, стоявшему чуть впереди, и перерезал кусачками провода. То же он сделал и с другим соседним автоматом. После чего отправился в контору.

Ее владелец, мужчина лет шестидесяти, седой и в очках с толстыми стеклами, отрицал, что у них печатали наклейки для коммунистов.

– Их заказала типография с севера города, – сказал он.

Рейджен ударил кулаком по прилавку.

– Давай адрес.

Мужчина занервничал, замялся.

– А документы у вас какие-нибудь есть?

– Нет!

– А откуда мне знать, что вы не из ФБР?

Рейджен схватил его за рубашку и притянул к себе.

– Старик, мне надо знать, куда ты отправил эти наклейки.

– Зачем?

Рейджен достал пистолет.

– Я ищу своих, но не могу. Давай информацию, или я тебе дыру сделаю.

Старичок испуганно смотрел поверх очков.

– Хорошо, – он взял карандаш и записал адрес.

– Я хочу посмотреть перечень клиентов, для уверенности.

Мужчина показал на лежащий на прилавке журнал.

– Вот он, но... но...

– Знаю, адрес коммунистов тут нет, – и он снова навел на него пистолет. – Открывай сейф.

– Вы хотите меня ограбить?

– Я хочу только правильные факты.

Мужчина открыл сейф, достал листок, положил на прилавок. Рейджен посмотрел на него. Убедившись, что ему дали верный адрес, он оторвал телефонный провод.

– Если хотите звонить раньше, чем я туда приеду, ищите автомат подальше.

Рейджен направился к машине. По его прикидкам, до типографии было километров шесть. Он успеет раньше, чем старик найдет работающий телефон.

Это оказался жилой дом с небольшой вывеской в окне первого этажа «Типография». Войдя, Рейджен увидел, что работа идет прямо в гостиной. Там стоял длинный стол, компактный ручной печатный станок и мимеограф. Рейджен удивился, что плакатов с серпом и молотом не видно. Казалось, что тут просто принимают заказы. Но пол под ногами вибрировал, и он понял, что в подвале работают печатные станки.

В комнату вышел мужчина лет сорока пяти, крупного телосложения, с ухоженной бородкой клинышком.

– Меня зовут Карл Ботторф. Чем могу служить?

– Я хочу работать на революцию.

– Почему?

– Я считаю, что правительство США – это как мафия. Используют труд рабочих народов, а деньги идут диктаторам. А я за равенство.

– Молодой человек, проходите. Поговорим.

Рейджен вошел на кухню, сел за стол.

– Вы откуда? – поинтересовался Ботторф.

– Югославия.

– Я так и *понял*, что вы славянин. Разумеется, мы вас проверим, но пока не вижу причин отказывать вам в вашем желании присоединиться к нашей борьбе.

– Когда-нибудь я хотел бы ехать на Кубу, – сообщил Рейджен. – Я очень восхищаюсь доктором Кастро. Он поднял негодующие рабочие с полей сахарного тростника и сделал революцию. И теперь на Кубе все равны.

Они еще немного поговорили, и Ботторф пригласил Рейджена на собрание местной ячейки, которое должно было состояться в тот же день ближе к вечеру.

– Тут? – спросил Рейджен.

– Нет, неподалеку от Вестервилля. Вы можете поехать за мной в своей машине.

Они прибыли в богатый район. Рейджена это разочаровало, он ожидал увидеть трущобы.

Ботторф представил его каким-то оставшимся неизвестными людям как «югослава». Рейджен сел в заднем ряду и принялся наблюдать за ходом собрания. Но когда выступающие начали бубнить о каких-то абстрактных вещах и бросаться слоганами, внимание его рассеялось. Какое-то время Рейджен держался, а потом заснул, решив, что вздремнет немного, после чего снова будет бодр. Он нашел своих. Рейджен всегда мечтал присоединиться к борцам с капиталистическим гнетом. Голова упала на грудь...

Артур распрямил спину, насторожился, напрягся. Он видел лишь последнюю часть пути Рейджена, ему было интересно наблюдать за тем, как Рейджен преследует другую машину. Теперь же он был поражен тем, что столь умный человек может заинтересоваться таким бредом. Коммунизм, блин! Он уже собрался подняться и сказать этим безмозглым роботам, что Советский Союз – это не более чем монолитная диктатура, где народ не получил никакой реальной власти, в то время как капитализм дал людям всего мира свободу совести и такие возможности, о которых коммунисты даже мечтать не могут. А этот противоречивый югослав грабит банки, пожинает плоды наркоторговли, убеждая себя при этом, что занят освобождением людей.

Артур встал, осмотрел собравшихся лишенным интереса взглядом и монотонно произнес: «Белиберда». Все повернулись и изумленно уставились на выходящего юношу.

Он отыскивал свою машину и какое-то время сидел в ней просто так. Артур не любил водить по правой стороне дороги. Но как он ни старался, никого вызвать не удавалось. «Чертова сумятица!» – выругался он. Потом уселся поудобнее и поехал, выгибая шею, чтобы смотреть посередине. Двигался он, напрягаясь изо всех сил, на скорости всего тридцать километров в час.

Глядя на таблички с названиями улиц, Артур подумал о том, что Санбери-роуд, наверное, находится недалеко от плотины Гувера. Он подъехал к бордюру, остановился и достал карту. Действительно, плотина, на которую он уже давно хотел посмотреть, была рядом.

Артур слышал, что после того, как Инженерный корпус вооруженных сил построил эту плотину, она заросла илом. И его мучал вопрос, является

ли илистая местность с ее обилием форм жизни микроскопических масштабов идеальным местом для размножения комаров. Если окажется, что это действительно так, он предупредит власти о необходимости принять меры. Сейчас главное – взять несколько проб ила и исследовать их дома под микроскопом. Артур понимал, что это не самая важная задача в жизни, но кто-то должен ее выполнить.

Он ехал очень медленно и осторожно, в глубокой задумчивости. В какой-то момент его обогнал грузовик, вытолкнув ехавшую впереди машину на обочину, и даже не остановился. А та машина въехала в ограждение и, перевернувшись, улетела в канаву. Артур немедленно остановился, спокойно вышел и полез вниз. Из перевернувшейся машины выползла женщина.

– Не двигайтесь, – сказал он. – Я вам сейчас помогу.

У нее шла кровь, и он наложил давящую повязку. Женщина начала давиться – Артур понял, что у нее выбиты зубы, она задыхается. Он решил, что трахеотомию делать не будет, а вместо этого поставит дыхательную трубку. Порывшись в карманах, он нашел пластмассовую шариковую ручку. Вынул стержень с помощью зажигалки, которую он держал при себе для раскуривания трубки, расплавил и изогнул корпус. Затем вставил его женщине в гортань и помог ей начать дышать, аккуратно повернув несколько раз голову из стороны в сторону, чтобы удалить кровь изо рта.

Беглый осмотр показал, что у нее сломана челюсть и запястье. На боку – рваная рана, так что Артур предположил еще и перелом ребер. Наверное, при столкновении ударилась о руль.

Когда приехала «Скорая», он быстро рассказал водителю о том, что произошло, и о том, что он сделал. А потом растворился в собравшейся вокруг толпе.

Ехать на плотину он передумал. Было уже довольно поздно, лучше успеть попасть домой до темноты – ехать по непривычной стороне улицы ночью Артуру совсем не хотелось.

Глава четырнадцатая

1

Сложившееся положение вещей бесило Артура все больше и больше. Аллена уволили с последней работы – распределительного пункта «Джей-Си-Пенни», где он заполнял накладные и грузил машины – когда в пятно внезапно вышел Дэвид и въехал на погрузчике в стальной столб. Томми теперь колесил по Ланкастеру и Коламбусу в поисках нового места, но безуспешно. Рейджен все еще регулярно работал на Фоули, сопровождая машины, груженные оружием и наркотиками, слишком много пил и курил травку. Как-то он провел четыре дня в Индианаполисе, выслеживая конфискованную партию оружия, и оказался в Дэйтоне. Кто-то сожрал слишком много барбитуратов, после чего Томми, который пришел в сознание на семидесятом шоссе, стало плохо, затошнило, у него закружилась голова, он отправил в пятно Дэвида, и его арестовали по жалобе владельца мотеля. В больнице Дэвиду промыли желудок, пролечили от передозировки, но хозяин мотеля решил жалобу все же не подписывать, и полицейские его отпустили. Когда Аллен вернулся в Ланкастер, к нему пришла Марлен. Через какое-то время появился кто-то из нежелательных – судя по бруклинскому говору, Филип и принял много «красных капсул». Это опять привело к передозировке, Марлен вызвала неотложку и поехала с ним в больницу. После того как ему снова промыли желудок, она сидела с ним, утешала.

Она сказала, что знает, что он связался с плохими людьми, и она боится, у него начнутся большие проблемы, но даже если это произойдет, она его не бросит. Артуру такая перспектива не нравилась, как и то, что когда Марлен видит кого-то из них беспомощным и ранимым, в ней просыпается материнский инстинкт. Он не мог просто этого выносить.

Марлен стала проводить у них все больше и больше времени, что сильно усложняло жизнь. Артуру приходилось постоянно быть начеку, следить за тем, чтобы она не узнала их тайну. Но количество воруемого времени, о котором он не мог узнать почти ничего, все росло. Он не сомневался, что кто-то в семье торгует наркотиками, – в кармане Артур обнаружил квитанцию, подтверждающую выход под залог, и выяснил, что кого-то арестовали за покупку наркотических препаратов в аптеке по поддельному рецепту. К тому же Артур был уверен и в том, что кто-то спит

с Марлен.

Наконец, он решил уехать из Огайо: пришел момент воспользоваться паспортом, который Рейджен купил по его просьбе, используя свои подпольные связи.

Артур посмотрел на добытые через Фоули документы: один паспорт – на имя Рейджена Вадасковинича, второй – на Артура Смита. Либо краденые, либо подчищенные, либо подделки превосходного качества. Было видно, что эти паспорта пройдут даже пристальный контроль.

Он позвонил в авиакомпанию «Пан Америкэн» и забронировал билет до Лондона в один конец, просмотрел все ящики и книжки в поисках денег, собрал вещи. Он поедет на родину.

Перелет в аэропорт Кеннеди, а потом и через Атлантический океан окончился без происшествий. Когда Артур поставил свои чемоданы перед таможенниками Хитроу, его пропустили без проверки.

Он поселился в «Хоупвел-плейс», небольшом отеле с пабом, думая, что слово «надежда» в названии может стать пророческим. Пообедал в одиночестве в маленьком, но изысканном ресторанчике, а потом взял такси и поехал к Букингемскому дворцу. Смену караула он не застал и решил вернуться в другой раз. Артур с удовольствием расхаживал по улицам и приветствовал прохожих фразами типа «Добрейший день» и «Восхитительного вам вечера». И решил, что завтра надо будет купить котелок и зонт.

Впервые на его памяти люди вокруг разговаривали так же, как и он. Машины ездили по правильной стороне дороги, а «бобби» внушали ощущение надежности.

Артур посетил лондонский Тауэр и Британский музей, а на ужин съел рыбу с жареной картошкой и теплым английским пивом. Возвращаясь в номер, Артур вспомнил свой любимый фильм про Шерлока Холмса и решил завтра же сходить на Бейкер-стрит, 221б. Надо посмотреть, достаточно ли хорошо содержат это место, памятник величайшему детективу. Он чувствовал себя так, будто наконец вернулся домой.

Первое, что услышал Аллен на следующее утро, – громкое тиканье настенных часов. Открыл глаза, осмотрелся по сторонам. Потом вскочил. Он оказался в каком-то старомодном отеле с железной кроватью, обоями с витиеватым орнаментом и потрепанным ковриком на полу. Точно не «Холидэй Инн». Он принялся искать ванную, но ее не оказалось. Аллен натянул штаны и выглянул в коридор.

Блин, где он? Аллен вернулся в номер, оделся полностью и спустился вниз, надеясь сориентироваться. На лестнице ему встретился мужчина с

подносом.

– Господин, не желаете ли легкий завтрак? – спросил он. – Денек сегодня выдался просто изумительный.

Аллен сбежал вниз по лестнице, через холл, на улицу, принялся вертеть головой. Он увидел черные такси с огромными номерными знаками, вывеску «паб» и понял, что машины едут не по той стороне.

– Черт! Что это за хрень? Да что со мной?

Он бегал из стороны в сторону, кричал, одновременно злой и испуганный. На него смотрели люди, но Аллену было плевать. Он ненавидел себя за то, что постоянно просыпается в разных местах, за то, что не хозяин сам себе. Это стало уже совсем невыносимо. Ему хотелось умереть. Он рухнул на колени и принялся колотить кулаками по бордюру, а по щекам катились слезы.

Вскоре поняв, что если подойдет полицейский, то его упекут в психушку, Аллен вскочил и понесся в свой номер. Там он отыскал чемодан с паспортом на имя «Артура Смита», в который был вложен корешок билета до Лондона в один конец. Аллен рухнул на кровать. Что задумал Артур? Псих ненормальный.

Порывшись в карманах, он нашел семьдесят пять баксов. Где взять денег на обратный билет? Он же, наверное, будет стоит триста-четыреста долларов.

– Черт! Проклятье! Дурдом!

Он начал паковать одежду Артура, чтобы выехать из отеля, но потом остановился.

– Хрен с ним. Пусть сам разбирается. – И бросил чемодан с вещами.

Аллен взял только паспорт, вышел из отеля, не заплатив, поймал такси.

– В международный аэропорт.

– Хитроу или Гэтвик?

Аллен отыскал корешок от билета.

– Хитроу.

Всю дорогу он обдумывал, как уладить ситуацию. На семьдесят пять баксов далеко не улетишь, но наверняка возможность добраться до дома есть – если все продумать и хорошо выступить. Расплатившись с таксистом, он побежал к терминалу.

– Господи боже! – закричал Аллен. – Не знаю, что произошло! Я сошел с самолета раньше, чем надо! Меня накачали наркотиками. Все осталось в самолете – билет, багаж! Никто не сказал мне, что выходить рано. Наверное, в еду или кофе что-то подсыпали. Я заснул, потом проснулся, пошел размять ноги. И никто не сказал, что из самолета

выходить нельзя! Теперь у меня ни билетов, ни чеков – ничего!

Охранник попытался его успокоить и повел к паспортному контролю.

– Я по ошибке сошел с самолета! – орал Аллен. – Была остановка. Я летел в Париж. Но вышел раньше времени. И ходил тут, ничего не понимая. Мне что-то подсыпали. Авиакомпания виновата. Все осталось в самолете. У меня всего несколько долларов при себе. Как я теперь попаду в Штаты? Боже мой, у меня же нет денег! Я не могу купить билет до дома! Я не нищий. Сами подумайте, я же не мог просто так в Лондон прилететь без ничего. Вы должны мне помочь вернуться домой.

Девушка с сочувствием выслушала его мольбы и пообещала сделать все возможное. Аллен остался ждать в зале, ходил взад-вперед, курил сигарету за сигаретой и смотрел на нее, а девушка все кому-то перезванивала.

– Есть одна возможность, – сказала она. – Мы поставим вас в очередь на свободное место до Штатов. А когда прилетите, заплатите за билет.

– Разумеется! – ответил Аллен. – Я и не рассчитывал получить его задаром. Дома у меня есть деньги. Мне надо лишь вернуться туда, и я сразу расплачусь.

Он тараторил, не смолкая, рассказывая свою историю любому, кто слушал, и вскоре заметил, что им уже хочется просто поскорее от него избавиться. Именно на это Аллен и рассчитывал. Наконец, его посадили на «Боинг-747» до Штатов.

– Слава богу! – прошептал он, плюхнувшись на сиденье и пристегнув ремень безопасности.

Засыпать Аллен не хотел, не доверяя себе, так что перечитал все имеющиеся в самолете журналы. Когда он прилетел в Коламбус, человек из службы безопасности аэропорта довез его до Ланкастера. Аллен отыскал деньги, полученные за картины, там, куда он их и спрятал, за расшатанной доской в шкафчике со шваброй, – и рассчитался за билет.

– Благодарю вас, – сказал он своему конвоиру. – В «Пан Америкэн» вошли в мое положение. Как только будет время, я напишу письмо президенту компании и воздам хвалу вашей великолепной работе.

Когда Аллен остался один, на него навалилось мрачное настроение. Он попытался вызвать Артура на разговор. Долго не удавалось, но наконец Артур вышел, осмотрелся, но, поняв, что он снова не в Лондоне, отказался разбираться в ситуации.

– Толпа никчемных кретинов, – буркнул он.

И мрачно от всех отвернулся.

В конце сентября Аллена взяли на работу в огромную корпорацию, производящую изделия из стекла, «Энкор Хокинг», где когда-то работала и сестра Билли Кэти. Женщины снимали изделия с конвейера, а он должен был их упаковывать. Но иногда он работал браковщиком. Работа была мучительная, рев огнеструйной и воздуходувной аппаратуры просто оглушал, приходилось брать еще горячую посуду, осматривать на предмет дефектов, а потом ставить на подносы, которые уносили упаковщики. Томми, Аллен, Филип и Кевин часто переключались.

С одобрения Артура Аллен снял двухэтажную квартиру с тремя спальнями на Сомерфорд-сквер, на северо-востоке Ланкастера – Шеридан-драйв, 1270К. Она нравилась всем. Аллену – серый старенький забор, отгораживавший дом от стоянки и шоссе. У Томми появилась отдельная комната для работы с оборудованием, а в другой организовали студию. Рейджену достался большой стенной шкаф, где он хранил все оружие, кроме 9-миллиметрового пистолета – тот лежал на холодильнике, откуда дети все равно не могли достать.

Марлен приходила каждый вечер, закончив работу в универмаге «Хекс». Когда Билли сам был во вторую смену и возвращался около полуночи, она дожидалась его и сидела почти до утра, но потом все же шла домой к родителям.

Марлен стало казаться, что настроение Билли стало меняться еще более непредсказуемо. Иногда он принимался носиться по квартире и швыряться вещами. Иногда словно в трансе смотрел на стену либо же шел к мольберту и яростно писал. Но любовником он всегда был мягким и внимательным.

Томми не говорил ей, что дела у него идут все хуже. Что он прогуливает работу. И теряет время. Казалось, что события чуть не наслаиваются друг на друга; надвигалась очередная полоса сумятицы. Вообще, Артур должен был за все отвечать, но он, похоже, терял власть. Лавочка осталась без присмотра.

Артур обвинил в беспорядке Марлен и стал настаивать, что отношения с ней надо разорвать. У Томми екнуло сердце. Он хотел было возразить, но слишком уж боялся признаться Артуру, что влюблен в эту девушку. Томми понимал, что его поведение и так было на грани, и его могли причислить к нежелательным. Вдруг раздался голос Адаланы:

- Это несправедливо.
- Я всегда справедлив, – возразил Артур.
- Нет, ты не вправе устанавливать такие правила и рвать все узы любви и привязанности, связывающие нас с людьми из внешнего мира. Томми считал, что она права, но помалкивал.
- Марлен тормозит таланты и способности каждого из нас, – ответил Артур. – Она нас обвиняет, тратит наше время на глупые ссоры, мешает расширению кругозора.
- Я все равно считаю, что послать ее будет неправильно, – не сдавалась Адалана. – Она добрая девушка.
- Да ради бога! – вскричал Артур. – Томми с Алленом все еще пашут на этом сраном заводе! Я ожидал, что мы там максимум на несколько месяцев, что это лишь стартовая площадка для поиска приличного со стратегической или технической точки зрения места, в котором найдется применение для наших умений и возможность для развития. Но никто больше работой над собой не занимается.
- Что важнее, расширять кругозор или демонстрировать чувства? Может, даже сам вопрос неверный, потому что у тебя чувств *нет*. Вероятно, если подавить их и жить исключительно логикой, можно стать выдающимся полезным человеком, но ты останешься одинок и будешь никому не нужен.
- Марлен должна уйти, – повторил Артур, решив, что унижительному спору с Адаланой пора положить конец. – Мне все равно, кто это сделает, но отношения надо закончить.

Позднее Марлен описала события вечера, когда состоялся их первый разрыв. Они поссорились. Билли вел себя странно, как будто что-то принял. Он валялся на полу, сильно злясь на нее, девушка даже не представляла за что. При этом он крутил на пальце пистолет, время от времени приставляя к своей голове.

На Марлен он оружие никогда не наводил, и за себя она не боялась, только за самого Билли. Она заметила, что он смотрит на лампу на длинном проводе; потом подскочил, выстрелил в нее, и лампа взорвалась. Заодно он пробил дырку в стене.

Потом Билли положил пистолет на бар, и когда он отвернулся, Марлен схватила его и выбежала из квартиры. Он догнал ее, когда девушка уже села в машину. Когда она отъезжала, он запрыгнул на капот и полным ярости взглядом уставился на нее через лобовое стекло. В руке он держал что-то похожее на отвертку и колотил ей по стеклу. Марлен остановилась,

вышла и отдала пистолет. Билли взял его и молча вернулся домой.

Марлен поехала к себе, решив, что между ними все кончено.

Тем же вечером Аллен пошел в «Грилли» и заказал горячий сэндвич «Герой Стромболи» – итальянская колбаса, сыр проволоне и двойной томатный соус – на вынос. На его глазах продавец завернул сэндвич, от которого шел пар, в фольгу и положил в белый бумажный пакет.

Вернувшись домой, Аллен положил пакет на стол и пошел в спальню, чтобы переодеться. Ему хотелось рисовать. Сбросив туфли, он зашел в гардероб, нагнулся в поисках тапочек. Распрямившись, он ударился головой о полку, скрючился от внезапного удара и ужасно разозлился. Дверца за спиной захлопнулась, Аллен постарался ее открыть, но ее заклинило. Он подскочил, снова ударился головой и выругался...

Рейджен открыл глаза, схватившись за голову и сидя на полу среди кучи обуви. Он встал, ударом ноги выбил дверь и осмотрелся. Он был зол. Весь этот бардак с каждым днем доставал его все больше и больше. Но хотя бы от женщины он избавился.

Он прошелся по квартире, пытаясь разобраться, что к чему. Если бы только достучаться до Артура, может, удалось бы понять, что творится. И уж точно надо выпить. Рейджен вошел в кухню и увидел пакет. Раньше его тут вроде не было. Окинув пакет подозрительным взглядом, он достал бутылку водки. Наливая спиртное в стакан со льдом, Рейджен заметил, что из пакета доносится какой-то странный звук. Рейджен попятился, не сводя с него глаз: пакет начал тихонько крениться набок.

Когда он снова зашевелился, Рейджен осторожно выпустил воздух из легких и продолжил пятиться. Ему вдруг вспомнился случай, когда он оставил перед дверью хозяина трущоб пакет с коброй без клыков – в качестве предупреждения. А вдруг эта змея с зубами? Дойдя до холодильника, Рейджен уперся в него спиной и нащупал пистолет. Он быстро опустил руку, прицелился, выстрелил.

Пакет отлетел и ударился о стену. Рейджен нырнул под бар и осторожно выглянул, продолжая целиться в пакет, уже лежавший на полу. Рейджен очень осторожно подошел к нему и стволом пистолета надорвал его сверху. Увидев кровавое месиво, он отскочил, выстрелил еще раз с криком: «Застреляю еще раз, гад!»

Потом Рейджен несколько раз пнул пакет ногой и, убедившись, что он больше не шевелится, открыл его и ошеломленно уставился на сэндвич с сыром и томатным соусом с большой дыркой посередине.

Рейджен расхохотался. Пакет зашевелился, потому что завернутый в фольгу «Стромболи» был очень горячим. Поняв, что он по глупости

потратил два патрона на сэндвич, Рейджен положил пакет обратно на стол и выпил водку. Потом налил еще стакан и пошел с ним в гостиную, включил телевизор. Показывали новости, и Рейджен подумал, что сможет узнать, какой сегодня день. Но уснул даже раньше, чем закончился выпуск...

Аллен проснулся, не понимая, как выбрался из шкафа. Ощупав голову, он обнаружил лишь небольшую шишку. Ну и ладно, к чертям, все равно можно нарисовать задуманный портрет сестры Билли Кэти. Он пошел в студию, но потом вспомнил, что еще не поел.

Аллен вернулся к бару, налил кока-колы и принялся искать сэндвич. Он был уверен, что оставил его на баре. И вот он увидел его на столе. Но что-то этот долбаный пакет какой-то мятый. Что за фигня? Вместо сэндвича грязь, фольга порвана, все в соусе. Что это за «Стромболи»?

Аллен схватил телефонную трубку, набрал «Грилли», и когда его соединили с менеджером, разнес его в пух и прах.

– Я купил какой-то изуродованный сэндвич. Его как будто в блендере перемололи.

– Прошу нас извинить. Принесите его обратно, и мы дадим вам новый.

– Спасибо, не надо. Просто хотел сообщить, что вы потеряли клиента.

Аллен с грохотом бросил трубку и потопал на кухню жарить яичницу. С «Грилли» он точно никаких дел иметь больше не желает.

Через две недели, воспользовавшись наступившей неразберихой, Томми позвонил Марлен. Сказал, что у него в квартире остались кое-какие ее вещи. И что ей хорошо бы их забрать. Она зашла после работы, и они весь вечер сидели и разговаривали. Она снова начала регулярно появляться.

Все пошло по-прежнему, и Рейджен винил Артура в том, что тот не способен управлять семьей.

Глава пятнадцатая

1

8 декабря уже после обеда дома проснулся Уолтер, которому очень хотелось на охоту, просто не терпелось испытать возбуждение погони. Он любил бродить по лесу один, с ружьем.

Уолтер не очень часто оказывался в пятне и знал, что его зовут, лишь когда требуется его поразительное умение ориентироваться – он развил это мастерство во время охоты в буше в родной Австралии. Последний раз он выходил много лет назад, когда Билли и его брат Джим оказались вна летних сборах добровольческого гражданского воздушного патруля. Благодаря таланту Уолтера Миллигана назначили наводчиком.

Но не охотился Уолтер уже давно.

Поэтому в тот вечер он решил позаимствовать с холодильника пистолет Рейджена. Конечно, ружья пистолет не заменит, но лучше, чем ничего. Уолтер послушал прогноз погоды; узнав, что на улице холодно, решил надеть теплую куртку и перчатки. Фетровую шляпу с широкими полями, какие носят в Австралии, он не нашел и удовольствовался лыжной маской. Собрав еды на обед, Уолтер поехал на юг по 664-му шоссе. Направление он чувствовал инстинктивно. На юге он найдет леса, где сможет поохотиться в свое удовольствие. Свернув с шоссе, он следовал указателям в национальный парк Хокинга, предвкушая разнообразие дичи.

Въехав в лес, Уолтер поставил машину и дальше отправился пешком. Он углублялся все дальше, ноги скользили по сосновым иглам. Дышал он глубоко. Оказаться на дикой природе и пробираться по тихому лесу было здорово.

Уолтер шел почти целый час. Иногда мелькали белки, но никакой другой дичи видно не было. Темнело. Он уже начал нервничать, когда вдруг заметил на еловой ветке жирного черного ворона. Уолтер быстро прицелился и выстрелил. Птица рухнула. У него вдруг закружилась голова, и он ушел с пятна...

– Варвар, – холодно прокомментировал Артур. – Убивать животных – против правил.

– Почему он брал мой пистолет? – недовольно спросил Рейджен.

– Ты оставил его без присмотра, – ответил Артур, – что тоже против правил.

– Неправда. Мы договорились, что один пистолет всегда должен под рукой, только чтобы дети не достали, на случай если приходит незваный человек. А у Волтера не было право его брать.

Артур вздохнул.

– Эх, а он мне нравился. Уверенный, энергичный, ориентируется хорошо. И постоянно читал об Австралии, ведь, в конце концов, это часть Британской империи. Один раз даже предложил мне заняться изучением эволюции кенгуру. Но, боюсь, теперь Уолтер становится нежелательным.

– Жестокое наказание за одна ворона, – ответил Рейджен.

Артур посмотрел на него испепеляющим взглядом.

– Возможно, придет время, когда в целях самозащиты тебе придется убить человека, но умерщвление безмозглого создания я не потерплю.

Артур похоронил ворона и пошел обратно к машине. Аллен, слышавший последнюю часть разговора, вышел в пятно в машине и поехал домой.

– Вот болван, убил тупую ворону и возомнил себя охотником на крупную дичь!

2

За рулем, на ночной дороге в Ланкастер, Аллен чувствовал себя как пьяный. Он попивал пепси из литровой бутылки, но отложил ее, и когда доехал до стоянки у дороги, решил остановиться. Он припарковал машину возле мужского туалета, встряхнул головой и закрыл глаза...

Дэнни поднял взгляд и удивился, что он за рулем. Вспомнив указания Артура, он пересел на пассажирское сиденье и стал ждать, когда появится кто-нибудь, кто сможет повести машину. А потом вдруг до него дошло, что он уже не раз бывал в этом туалете. Дэнни заметил, что рядом стоят еще две машины. В одной из них сидела женщина в шляпе с широкими полями, в другой – мужчина. Они сидели просто так. Может, и они тоже поменялись местами и ждали, когда кто-нибудь отвезет их домой.

Дэнни очень хотелось, чтобы кто-нибудь поскорее пришел. Он устал и захотел писать. Когда он вышел из машины и пошел в туалет, женщина тоже вышла.

Дэнни расположился у детского писсуара, расстегнул ширинку и вздрогнул от декабрьского холода. Потом он услышал шаги и скрип дверных петель. Вошла женщина. Он удивился и повернулся так, чтобы она не видела, как он мочится.

– Привет, милашка, – сказала она. – Ты гей?

Голос у нее был неженский. Оказалось, что это одетый женщиной мужчина – в широкополой шляпе, с накрашенными губами, да и вообще косметики на нем было много, даже черная точка на подбородке. Он был похож на Мэй Уэст^[16] из фильмов.

– Слушай, парень, – сказал мужчина-женщина, – хочешь, пососу.

Дэнни покачал головой и осторожно пошел к выходу, но тут вошел и другой мужчина.

– Ой, да он хорошенький. Устроим вечеринку!

Мужик схватил Билли за ворот и потащил к стене. А одетый женщиной схватился за куртку и принялся нащупывать ширинку. Дэнни испугался, ему стало плохо, и он закрыл глаза...

Рейджен схватил мужика за руку, вывернул ее и швырнул нападавшего о стену. Когда тот падал, Рейджен ударил его в грудь коленом и приемом карате добавил по шее.

Повернувшись, он увидел женщину и остановился. Женщину он бить не мог. Но когда она назвала его ублюдком, Рейджен понял, что это переодетый мужчина. Он схватил его и придавил локтем к стене, поглядывая, не пытается ли подняться первый.

– Давай тоже на пол, – приказал Рейджен, сильно ударив трансвестита в живот.

Тот согнулся и рухнул на пол. Рейджен отобрал у них кошельки с документами, но когда он пошел прочь, трансвестит подскочил и схватил его за ремень.

– Отдай, сволочь!

Рейджен развернулся и ногой двинул ему в промежность, и когда мужик упал, пнул ногой еще и по лицу. Из носа потекла кровь, мужчина принялся ловить ртом воздух сквозь выбитые зубы.

– Не помрешь, – спокойно сказал Рейджен. – Я аккуратно выбираю, что поломать.

Он посмотрел на первого. Хотя его по лицу не били, изо рта текла кровь. По прикидкам Рейджена, от удара в солнечное сплетение в надгортаннике возникло избыточное давление, и лопнули кровеносные сосуды. Жить тоже будет. Рейджен снял с него еще и часы «Сейко».

На улице он увидел две пустые машины и камнем разбил фары. До утра они никуда уже не уедут.

Потом Рейджен поехал домой, вошел, убедился, что все безопасно, и ушел из пятна...

Аллен открыл глаза, думая, стоит ли идти в сортир. Поняв, что он уже

дома, он тряхнул головой. И сс... уже не хочется. Зато на руках синяки. А на правом ботинке что? Он потрогал, посмотрел.

– Боже мой! – закричал он. – Чья это кровь? Какой урод подрался? Я требую ответа. У меня есть право знать, что происходит.

– Рейджену пришлось защищать Дэнни, – сказал Артур.

– Что случилось?

Артур объяснил всем.

– Молодежи надо знать, что стоянки, расположенные вдоль дороги, по ночам – место опасное. Известный факт, что в таких местах после наступления темноты часто собираются гомосексуалисты. Рейджену пришлось спасать Дэнни от опасности, которой его подверг Аллен.

– Блин, господи, да я не виноват. Я не *хотел* уходить из пятна, я не заставлял Дэнни выходить. Кому вообще, черт возьми, в этой неразберихе известно, кто вошел, кто вышел и что они там делают?

– Я должен был пойти, – сказал Филип, – я бы с этими пидорами с удовольствием разобрался.

– Да тебя бы убили, – ответил Аллен.

– Или натворил бы каких-нибудь глупостей, – добавил Артур. – Например, убил бы кого-нибудь из них. И нас бы тогда посадили.

– А...

– К тому же тебе вообще запрещено выходить в пятно, – строго сказал Артур.

– Да знаю, но все равно я бы с радостью.

– Я начинаю подозревать тебя в краже времени, в том, что ты пользуешься возникшей сумятицей и воротишь свои гадкие делишки.

– Кто, я? Ну не!

– Я точно знаю, что ты выходил. Ты наркоман, и ты вредил своему уму и телу.

– Ты меня брехлом называешь?

– Да, это одна из твоих характеристик. Ты дефектный андроид, и я тебя уверяю, что пока это в моих силах, ты больше никогда не выйдешь в мир.

Филип снова ушел во тьму, гадая, что значит «андроид». Но он не собирался спрашивать об этом у Артура, чтобы лишиться этого проклятого англичанишку радости победы. И как только будет возможность, он снова выйдет в пятно. Филип понимал, что после Зейнсвилля власть Артура ослабла. Пока есть травка, «спиды» и ЛСД, он сможет обходить этого напыщенного гада и вырываться в сознание.

На следующей неделе Филип рассказал Уэйну Лафту, одному из своих

покупателей, о происшествии на стоянке.

– Блин, – ответил Лафт, – ты че, не знал, что в таких местах до хрена пидоров?

– Да я нехило удивился, – ответил Филип. – Гребаные пидарасы заманивают в свои сети. Ненавижу.

– Как и я.

– Может, сделаем их? – предложил Филип.

– Это как?

– Ну, мы же знаем, что они по ночам тусуются на темных стоянках. Мы туда подкатим. И подчистим эти гадючки.

– Да, можно и ограбить, – согласился Лафт. – Деньжонок себе на Рождество заработаем и от педрил избавимся. И нормальные чуваки будут в безопасности.

– Ага, – заржал Филип. – Такие, как мы.

Лафт достал карту и отметил подобные стоянки в Фэрфилде и Хокинге.

– Поедем на моей тачке, – сказал Филип. – Она быстро гоняет.

Филип прихватил с собой декоративный меч, который нашел в квартире.

На стоянке возле Рокбриджа в Хокинге оказался одинокий «Фольксваген-жук»: он так же стоял возле мужского туалета, в нем сидели двое. Филип поставил машину на противоположной стороне дороги. Филип проглотил пару таблеток фенметразина, которые дал Лафт. Они полчаса сидели, наблюдали за «жуком». Никто не выходил и не появлялся.

– Это, наверное, они, – сказал Лафт. – Кто еще будет так долго сидеть перед сортиром в два часа ночи?

– Я пойду первый, – вызвался Филип. – С мечом. Если они попрутся за мной, заходи с пушкой.

Филип перешел через дорогу с мечом под курткой, ему было хорошо. Как он и предвкушал, те двое последовали за ним.

Когда они приблизились, у него мурашки по коже побежали. Филип толком не понимал, это из-за самой ситуации или из-за «спидов», но молниеносно извлек меч и схватил мужика, ряженного женщиной. Второй оказался жирным дебилем. Когда сзади подошел Лафт и ткнул пистолетом ему в спину, этот пидор затрясся, как огромный кусок желе.

– Так, педрилы ебанные, – заорал Лафт, – ложитесь на пол.

Филип забрал у жирного кошелек, снял кольцо и часы. Лафт обобрал второго.

Потом Филип велел им садиться в машину.

– Куда? – спросил жирный, уже плача.

– Прогуляемся в лесочке.

Они съехали с шоссе на пустынную проселочную дорогу и выбросили этих двоих там.

– Как два пальца, – сказал Лафт.

– Легче легкого, – согласился Филип. – Идеальное преступление.

– Ну, скока там зелени?

– До фига. Богатенькие. И кредитки тут.

– Блин, чувак, да я брошу работу и займусь этим профессионально.

– На благо народа, – ухмыльнулся Филип.

Вернувшись домой, Филип рассказал о своем идеальном преступлении Кевину. Он знал, что его ждет отходняк, и принял парочку барбитуратов, чтобы все прошло помягче...

3

Томми нарядил елку, повесил гирлянды, положил подарки для Марлен и семьи. Ему уже не терпелось попасть на Спринг-стрит, увидаться с мамой, Дэлом, Кэти и ее парнем Робом.

Когда он приехал, все шло хорошо до тех пор, пока в гостиную не вошли Роб с Кэти и в пятне не оказался Кевин.

– Классная кожаная куртка, – сказал Роб, – да и новенькие «Сейко».

Кевин показал часы.

– Да, они отличные.

– Билли, мне это непонятно, – подключилась Кэти. – В «Энкор Хокинг» ты не так много зарабатывал. Откуда у тебя деньги?

Кевин улыбнулся.

– Идеальные преступления.

Кэти метнула на него взгляд. Ей показалось, что брат опять как-то переменялся, стал насмешливый и бесчувственный.

– Ты о чем?

– Да ограбил пару пидоров, что тусуются на стоянках у дороги. Меня никогда не вычислят. Я ни отпечатков пальцев не оставил – ничего. Да они и не посмеют пожаловаться копам. Я взял деньги, кредитки, – и снова показал часы.

Кэти ушам своим поверить не могла. Билли так никогда не разговаривал.

– Ты шутишь, да?

Он улыбнулся, пожал плечами.

– Может, да, а может, и нет.

Когда к ним присоединились Дэл с Дороти, Кэти вышла и направилась к шкафу. В карманах новой кожаной куртки она ничего не нашла и тогда пошла к машине. И, разумеется, в бардачке оказался бумажник. Там были карточки, права и другие документы какого-то медбрата. Значит, не шутил. Она какое-то время сидела в машине, думая, что делать. Потом положила кошелек к себе в сумку и решила с кем-нибудь эту тему обсудить.

Когда Билли ушел, Кэти показала находку матери с Дэлом.

– Боже милостивый! – воскликнула Дороти. – Невероятно!

Дэл посмотрел на бумажник.

– Почему? Я вот верю. Он же столько всего накопил.

– Надо позвонить Джиму, – сказала Кэти. – Пусть приедет и придумает что-нибудь, наставит Билли на путь праведный. У меня есть сбережения в банке, я куплю ему билет.

Дороти позвонила по междугороднему и стала умолять Джима взять срочный отпуск и прилететь домой.

– У брата проблемы. Он впутался во что-то ужасное, и если не удастся самим справиться, наверное, придется пойти в полицию.

Джим подал заявку на экстренный отпуск и за два дня до Рождества был уже дома. Дэл с Дороти показали ему кошелек и вырезки из газеты «Ланкастер игл газетт», в которых рассказывалось о грабежах на стоянках возле дороги.

– Придумай, что с ним делать, – просил Джима Дэл. – Видит бог, я пытался быть ему как отец. После Зейнсвилля я какое-то время думал, что Билли сможет заменить мне моего мальчика, упокой господь его душу, но он вообще никого не слушает.

Джим осмотрел содержимое чужого бумажника, взял трубку и набрал номер телефона с удостоверения. Он решил, что лучше во всем убедиться самому.

– Вы меня не знаете, – начал он, когда к телефону подошел мужчина, – но у меня есть вещь, которая вам, возможно, нужна. Вот гипотетический вопрос. Если кому-то по вашим документам стало известно, что вы работаете медбратом, что бы вы на это сказали?

После паузы Джим услышал ответ:

– Я бы сказал, что у того, кому это стало известно, мой кошелек.

– О'кей, а могли бы вы описать, как выглядит кошелек и что в нем есть еще?

Мужчина предоставил описание.

– А при каких обстоятельствах вы его потеряли?

– Мы с другом остановились на стоянке между Афинами и Ланкастером. В туалет вошли двое. Один с пистолетом, другой с мечом. Они отобрали у нас бумажники, часы, кольца, завезли нас в лес и бросили там.

– А на какой машине?

– «Понтиак гранд-при», вел его парень с мечом. – Собеседник даже назвал Джиму номер.

– Вы прямо точно запомнили номер?

– Я на днях снова видел эту тачку в центре. Я оказался метрах в ста пятидесяти от чувака с мечом и дошел с ним до машины. До той же самой.

– А почему вы не сдали его в полицию?

– Потому что мне предстоит устраиваться на новую работу, что для меня очень важно, а я гомосексуалист. Если я расскажу все полиции, то придется выдать и себя, и нескольких друзей.

– Ладно, с учетом того что вы не хотите жаловаться и рассказывать правду о себе и друзьях, я позабочусь о том, чтобы вернуть вам бумажник и вещи. И сохраним при этом анонимность. Я вышлю все по почте.

Закончив разговор, Джим глубоко вздохнул, потом посмотрел на мать, Дэла и Кэти.

– Билли действительно в беде, – сказал он и снова поднял трубку.

– А теперь ты кому звонишь? – спросила Кэти.

– Скажу Билли, что хочу завтра зайти к нему и посмотреть, как он живет.

– Я с тобой, – вызвалась сестра.

На следующий вечер, в сочельник, Кэти и Джима встретил босоногий Томми. За его спиной, в углу комнаты, стояла красивая елка, а вокруг нее лежали подарки. На стене висел металлический диск со скрещенными декоративными мечами.

Пока Джим разговаривал с Томми, Кэти пошла наверх. Ей хотелось поискать какие-то свидетельства того, чем занимается брат.

– Слушай, у меня такой вопрос, – начал Джим, когда они остались вдвоем. – Где ты берешь бабло на все это – двухэтажная квартира, подарки, тряпки, такие часы?

– Моя девушка работает, – ответил Томми.

– И что, Марлен за все это платит?

– Ну нет, многое в кредит.

– Знаешь, эти кредитки – опасная штука, если за всем этим не следить. Я надеюсь, ты не слишком глубоко в этом погряз.

Джим только что прошел курс ВВС по ведению переговоров и решил применить новообретенные навыки для того, чтобы помочь брату. Если Билли удастся разговорить, заставить признать, что он поступает плохо, может, удастся и уберечь его от тюрьмы.

– И носить кредитки при себе опасно, – продолжал Джим, – кто-нибудь сопрет, потратит деньги, а ты потом расплачивайся.

– Да там обязательства всего пятьдесят баксов. Дальше проблемы уже у компании. А они могут себе такое позволить.

– Я вот читал в газетах, что по ночам на стоянках как раз воруют карточки. Ведь и с тобой такое может случиться.

Джим заметил, что взгляд Билли как-то изменился, его как подернуло дымкой, брат словно впал в транс. Джиму вспомнился Челмер Миллиган, с ним такое тоже бывало перед припадками ярости.

– Эй, ты в порядке?

На него посмотрел Кевин: он не понимал, что тут делает Джим и давно ли он тут. Кевин бросил взгляд на часы. Без пятнадцати десять.

– Что? – переспросил он.

– Спрашиваю, в порядке ли ты?

– Конечно. Че бы мне быть не в порядке?

– Я тебе говорил, что поосторожнее с кредитками. Эти налеты на стоянках и все дела.

– Да, я читал.

– Говорят, что некоторые жертвы были гомосексуалистами.

– Ага. Заслужили.

– В каком смысле?

– Ну, почему у пидоров должны быть и деньги, и все это барахло?

– Да какая разница. Ведь в тюрьму за такое попадешь.

Кевин пожал плечами.

– Сначала же их надо найти. Доказать.

– Ну вот у тебя, к примеру, такой же меч, про который говорил один из пострадавших.

– Да никто не докажет, что это тот самый меч.

– Возможно, но при ограблении был еще и пистолет.

– Но я-то его в руках не держал. Мне не пришьют.

– Они прижмут второго, и он выведет на напарника.

– Нет, меня все равно не обвинят, – настаивал Кевин, – вообще пидоры за такое предъявлять не будут. Там нет ни отпечатков пальцев – ничего.

Спустилась Кэти. Через несколько минут Билли пошел наверх, в туалет, и она отдала Джиму найденное.

– О господи, – прошептал он, – столько кредиток на разные имена. Как мы его из этого вытащим?

– Джим, ему надо помочь. Это вообще на Билли не похоже.

– Знаю. Может, остается только спрашивать напрямую.

Когда Кевин спустился, Джим показал ему найденные кредитки.

– Билли, вот как раз о чем я говорил. Ты ограбил людей, и у тебя в квартире улики.

Кевин взбесился и начал орать.

– Ты не имел права приходить ко мне домой и рыться в моих вещах!

– Билли, мы пытаемся тебе помочь.

– Это моя собственность, а вы ворвались и обыскали без ордера.

– Я – твой брат, Кэти – сестра. Мы лишь пытаемся...

– Улики, найденные без ордера на арест, в суде не принимаются.

Джим велел Кэти подождать в машине – на случай если дойдет до драки. Когда он снова заговорил, Кевин пошел на кухню.

– Билли, ты по этим картам делаешь покупки. Тебя на этом могут взять.

– Они никогда не узнают, – не сдавался Кевин. – Я покупаю одну-две вещи, после чего выкидываю карточку. Я отбираю карты только у пидоров и тех, кто причиняет вред людям.

– Билли, это все равно преступление.

– Это уж мне решать.

– Но у тебя будут неприятности.

– Я уже сказал: у тебя нет права заваливаться сюда и лезть в мои дела. Я сам себе хозяин. Я достаточно взрослый. Я уже дома не живу. Так что сам решаю, что делать. Ты к тому же вообще уже давно покинул семью.

– Да, но ведь нам не все равно, что с тобой происходит.

– Я тебя не просил сюда приезжать. Так что вали давай сейчас же.

– Билли, я никуда не уйду, пока мы не решим этот вопрос.

Кевин взял куртку.

– Ну и хрен с тобой. Я тогда сам уйду.

Джим, который всегда был сильнее младшего брата, а в ВВС еще и начал заниматься боевыми искусствами, перегородил Кевину выход. Началась борьба, Джим оттолкнул Билли. Он не собирался делать ему больно, но Кевин налетел на елку, она ударилась о стену, потом упала на подарки. Коробки смялись, гирлянда разбилась. Провод выдернулся из розетки, так что стало темно.

Поднявшись, Кевин снова пошел к двери. Он никогда не дрался, и уж с Джимом бороться не намеревался, но ему надо было уйти. Джим схватил брата за рубашку и отшвырнул в сторону бара.

Кевин вышел из пятна...

Ударившись о бар, Рейджен быстро понял, кто на него напал, хотя совершенно не догадывался почему. Но Джим ему никогда и не нравился. Рейджен не простил его за уход из дома, за то, что бросил женщин и Билли наедине с Челмером. Так что теперь, увидев, что Джим перекрыл выход, Рейджен схватил нож и швырнул с такой силой, что тот воткнулся в стену возле головы Джима.

Джим замер. Такую холодную ненависть на лице брата он видел впервые, как и подобную необдуманную жестокость. Джим посмотрел на нож, еще дрожавший в стене всего в нескольких сантиметрах от его головы, и понял, что Билли точно его ненавидит и готов убить. Он отошел от двери, а Рейджен вырвался на улицу и пошел босиком по снегу...

Дэнни очнулся, не понимая, почему он идет по морозу в рваной рубахе, без обуви, без перчаток. Он вернулся домой и очень удивился, что в дверях стоит Джим и смотрит на него как на ненормального.

Войдя, Дэнни увидел поваленную елку и смятые подарки. И перепугался.

– Я ненарочно уронил елку, – сказал Джим, удивившись очередной внезапной перемене в лице брата.

От хладнокровной ярости не осталось и следа, теперь Билли дрожал от страха.

– Ты сломал елку! – зарыдал он.

– Прости.

– Надеюсь, ты сам хорошо отметишь, – плакал Дэнни. – Мне-то ты праздник испортил.

Прибежала бледная Кэти.

– Полицейские!

Через несколько секунд постучали в дверь. Кэти посмотрела на Джима, потом на Билли, рыдавшего, как ребенок.

– Что делать? – спросила она. – Если они...

– Лучше впустить, – сказал Джим и открыл дверь.

За ней оказалось двое полицейских.

– Нас вызвали по поводу нарушения спокойствия, – сказал один из них, заглядывая в гостиную.

– Соседи подали жалобу, – пояснил второй.

– Прошу прощения.

– Рождество, – продолжил первый, – люди собрались всей семьей, с детьми. Что происходит?

– Да просто семейная ссора, – объяснил Джим. – Уже все. Мы даже не осознали, что подняли такой шум.

Полицейский что-то записал в блокноте.

– Ясно, ребята, остывайте. И потише.

Когда они ушли, Джим взял куртку.

– Ну ладно, Билли. Мне, наверное, пора прощаться. Я задержусь в Ланкастере еще всего на пару дней, а потом вернусь на базу.

Когда Джим с Кэти уходили, Билли еще плакал.

Захлопнулась дверь, Томми удивленно осмотрелся. У него кровила рука. Он извлек осколки стекла, промыл раны, гадая, куда делись брат с сестрой и почему в доме такой бардак. Он так старался, наряжал елку, а что теперь? И все подарки сделал своими руками – там не было ни одного покупного. Наверху лежала картина для Джима – морской пейзаж, он точно знал, что брату понравится.

Томми поднял елку, постарался снова придать ей приличный вид, но почти все украшения оказались сломаны. А елка была такая красивая. Теперь он успеет лишь подготовить подарок Марлен до ее прихода. Он сам позвонил ей и пригласил отпраздновать с ним Рождество.

Увидев беспорядок в квартире, Марлен очень удивилась.

– Что случилось?

– Сам не понимаю, – ответил Томми. – И, честно говоря, мне плевать. Я знаю лишь одно: я тебя люблю.

Она поцеловала его и повела в спальню. Марлен знала, что в подобных ситуациях, когда у Билли все путалось в голове, он был особо уязвим и нуждался в ней.

Томми покраснел и закрыл глаза. Следуя за возлюбленной, он думал о том, почему он никак не может удержаться в пятне, чтобы войти вместе с ней в спальню.

На следующее утро Аллен, не зная о том, что произошло накануне, решил даже не пытаться понять, почему в гостиной такой бардак. Он поспрашивал об этом в голове, но никто не ответил. Господи, как он ненавидит эту неразбериху! Аллен постарался спасти подарки, все, что еще годилось, запаковал заново, после чего погрузил все, включая картину, которую Томми нарисовал для Джима, в машину.

Приехав на Спринг-стрит, он быстренько попытался восстановить

события предыдущего вечера. Джим ужасно злился на брошенный нож, а Кэти и мама с Дэлом набросились на него по поводу каких-то ограблений.

– Это ты грабил людей на придорожных стоянках, – кричал Дэл, – и ездил при этом на тачке, зарегистрированной на имя матери.

– Я вообще не знаю, о чем вы говорите, – орал в ответ Аллен.

Недовольно вскинув руки, он потопал по лестнице.

Дэл порылся в карманах его куртки и достал ключ от машины, после чего они всей семьей пошли ее обыскивать. Там нашлись чужие кредитки, права и карта, в которой стоянки по 33-му шоссе были отмечены крестиками.

Обернувшись, они увидели, что Билли стоит в дверях и смотрит на них.

– Это ты сделал! – сказал Дэл, тыча в лицо улики.

– Да зря вы переживаете, – ответил Кевин, – меня не поймают. Это идеальное преступление. Я не оставлял отпечатков пальцев и никаких других улик, а возбуждать дело пидоры не будут.

– Ты идиот! – заорал Дэл. – Джим звонил человеку, у которого ты украл бумажник. Он видел тебя в городе. А ты всю семью втянул в это свое чертово «идеальное преступление».

Билли изменился в лице; хладнокровие сменилось паникой.

Семья решила помочь ему избавиться от улик. Джим возьмет машину в Спокан и продолжит расплачиваться по кредиту. А Билли съедет с Самерфорд-сквер в квартиру поменьше на Мэйвуд-авеню.

Дэнни сидел, слушал, совершенно не понимал, что за фигню они обсуждают, и ждал, когда будут открывать подарки.

Глава шестнадцатая

1

В среду, 8 января, Томми обедал с Марлен в торговом центре «Мемориал плаза». Заметив, что к аптеке «Грэй» подъехал грузовик службы доставки, из которого вышел мужчина и понес в аптеку большую коробку, он пробормотал:

– Наркотики привезли. Фармацевт сегодня будет работать допоздна.

Марлен озадаченно посмотрела на него. Он сам не понимал, почему сказал такое.

А Кевин планировал ограбить аптеку. Встретившись с Уэйном Лафтом и еще одним другом, Роем Бэйли, он посвятил их в свой план. После ограбления они заберут себе львиную долю и денег, и наркоты. Сам он за план получает двадцать процентов.

Тем же вечером, следуя указаниям Кевина, в половине третьего ночи двое парней под дулом пистолета завели вышедшего из аптеки фармацевта обратно и забрали все из сейфа и шкафчика с наркотиками.

Затем, опять же согласно плану, они поехали в лес, покрасили с помощью баллончиков белый «Додж»-универсал в черный цвет и поехали за Кевином. Когда они добрались до дома Бэйли, он рассортировал добычу: риталин, прелюдин, демерол, секонал, кваалюд, делауид и много чего еще.

По его оценкам, на улице это можно будет толкнуть тысяч за тридцать, может, тридцать пять: любопытство на лицах подельников сменилось жадностью. Вскоре они все были под кайфом, и каждый партнер подкатил к Кевину с предложением кинуть третьего. К утру, когда и Бэйли, и Лафт отрубились, Кевин упаковал деньги и таблетки в два чемодана и уехал в Коламбус. Он знал, что ни один не посмеет против него выступить. Они его боялись. Ребята частенько поговаривали, что он совсем двинутый, вспоминали, как он пробил дверь кулаком и как расстрелял из пулемета Томпсона чью-то машину.

Они стукнут в полицию, но к этому Кевин готов. Когда он сбавит наркоту, ему уже ничего сделать не смогут. Фармацевт напарников видел, а его нет. Ему ограбление никак не пришить.

На следующее утро Марлен прочла в газете об ограблении аптеки «Грэй», и ей стало плохо.

Через несколько дней она снова обедала с Томми. Ее удивило, что он

перекрасил «Додж» в черный цвет, да еще и так неряшливо.

– Это ты сделал, да? – шепотом спросила она.

– Что? Покрасил машину? – невинно спросил Томми.

– Ограбил аптеку.

– Да что с тобой? Ты меня преступником считаешь?! Марлен, я ничего об этом не знаю! Клянусь!

Девушке приходилось нелегко. Что-то подсказывало Марлен, что Билли виновен, но он так искренне расстроился из-за этого обвинения. Раз уж он не величайший актер в мире, надо признать, что он говорит правду.

– Боже, я так надеюсь, что ты в этом не замешан, – сказала она.

Когда они расстались, Аллен занервничал. У него тоже возникло ощущение, будто что-то не так. И по пути на работу он решил обратиться за помощью.

– Эй, ребята, – сказал он вслух, – мы в беде.

– Ничего, Аллен, – ответил Артур.

– Ты хочешь выйти?

– Нет, машину я не поведу. На американских дорогах чувствую себя неуверенно. Так что не останавливайся.

– У тебя есть хоть какое-то представление о том, что происходит? – спросил Аллен.

– В этот смутный период я был занят своим исследованием, так что, по сути, ничего не знаю, хотя подозреваю, что кто-то из нежелательных крал время и совершал преступления.

– Я пытался тебе об этом сказать.

– Мне кажется, нам нужна помощь Рейджена, – ответил Артур. – Ты можешь его найти?

– Я пробовал. Блин, егоечно нет, когда надо.

– Давай я попытаюсь. А сам не отвлекайся от дороги.

Артур сконцентрировался, поискал в голове, вглядываясь во тьму за пятном. Он увидел фигуры остальных: кто-то спал у себя в постели, кто-то сидел в сумраке. Нежелательные смотреть на него не хотели, лишив их возможности выхода в пятно, он уже не имел над ними никакого контроля. Наконец, Артур нашел Рейджена – тот играл с Кристин.

– Рейджен, нужна твоя помощь. Кажется, кто-то нарушал закон, возможно, мы теперь в опасности.

– Не моя проблема, – отозвался он. – Я не нарушал.

– В этом я не сомневаюсь, но позволь тебе напомнить, что если кто-то из наших угодит в тюрьму, туда попадут и дети. Представь себе, каково будет Кристин в такой обстановке: такая симпатичная девочка взаперти со

всякими сексуальными маньяками и извращенцами.

– Ладно, – сказал Рейджен, – ты моя слабость знаешь.

– Надо разобраться, что именно происходит.

Артур принялся расспрашивать живущих внутри Билли людей по очереди, и хотя он не сомневался, что кто-то из нежелательных врет, картина начала складываться. Томми рассказал, что Марлен подозревает его в участии в ограблении аптеки, и о том, что за некоторое время до этого события он сам обратил внимание на доставленную туда партию наркотиков.

Уолтер отрицал, что брал оружие Рейджена с тех пор, как ему запретили выходить в пятно после застреленного ворона, но припомнил, что слышал голос с бруклинским акцентом, который говорил о совершении идеального преступления на придорожной стоянке. Наконец Филип признался в этих преступлениях, но уверял, что ничего общего с ограблением аптеки не имеет.

Потом Кевин сказал, что это спланировал он.

– Но меня самого там не было. Я просто все организовал, а потом обобрал тех двоих, и все. Может, они и пожаловались в полицию, но я чист. Мне этого пришить не смогут.

Артур рассказал обо всем Аллену с Рейдженем.

– Так, а теперь думайте оба: нас как-нибудь смогут вычислить, смогут за что-нибудь арестовать?

Они считали, что нет.

Через несколько дней на Билли Миллигана навел один перекупщик, у которого был должок перед детективом из отдела по борьбе с распространением наркотиков. Он сообщил, что Миллиган продал ему ту самую партию медикаментов, которую украли из аптеки. Информацию передали в полицию Ланкастера, которая выдала ордер на арест Билли.

2

Когда в понедельник вечером после работы зашла Марлен, Томми подарил ей обручальное кольцо.

– Марвен, – Томми придумал такую модификацию ее имени, – вот, хочу тебе подарить. Если со мной что случится, знай, что я тебя никогда не разлюблю.

Он надел кольцо ей на палец. Марлен была крайне удивлена; она давно

мечтала об этом, но сейчас на душе стало тяжело. Билли купил кольцо, потому что ожидал, что с ним может что-то случиться? К глазам подступили слезы, но Марлен постаралась не показывать свои чувства. Что бы он ни сделал, что бы ни сделали с ним, она всегда будет рядом.

20 января 1975 года она записала в дневнике: «Мы обручились. Удивлена чуть не до смерти».

На следующий день Дэнни арестовали.

Его затолкали в машину и отвезли в окружную тюрьму Фэрфилда. Зачитали права и начали допрашивать. Мальчик вообще не понимал, о чем идет речь.

Допрос длился несколько часов, у Дэнни со слов детективов даже начала складываться картинка. Уэйна Лафта взяли за езду в нетрезвом состоянии, и он рассказал, что Миллиган с Роем Бейли ограбили аптеку.

Дэнни удивленно смотрел на полицейских. Они хотели, чтобы он добровольно дал показания. Когда ему задавали вопросы, в голове звучал еще и голос Аллена, который говорил ему, что отвечать, слово в слово. По окончании допроса Дэнни попросили подписать протокол. Высунув язык и сильно давя на карандаш, Дэнни медленно вывел свое имя: «Уильям Стэнли Миллиган».

– Можно теперь домой? – спросил он.

– Если внесете залог десять тысяч долларов.

Дэнни покачал головой, все еще плохо понимая, что происходит, и его снова отвели в камеру.

Через несколько часов Марлен внесла через поручителя залог. Томми поехал к Дороти и Дэлу, которые уже связались с Джорджем Келлнером, адвокатом, представлявшим его два года назад в деле об изнасиловании в окружном суде Пикэвея.

Пока они ожидали суда, Артуру стало известно и о других выдвинутых против Миллигана обвинениях. Два человека опознали в нем грабителя, напавшего на них на придорожной стоянке. 27 января 1975 года дорожный патруль дополнительно выдвинул обвинения в ограблениях с отягчающими обстоятельствами на стоянках графств Фэрфилд и Хокинг.

Миллигана снова посадили в окружную тюрьму Фэрфилда, ровно через два года после того дня, когда его отправили в лагерь для несовершеннолетних правонарушителей в Зейнсвилле.

Аллен хотел сам выступать в свою защиту. Артур считал нужным самостоятельно рассмотреть дело, чтобы доказать, что в ночь ограбления аптеки его и близко не было.

- А преступления на стоянках? – спросил Аллен.
- Это сделал Рейджен в целях самозащиты.
- Говорят, что это было не один раз. Просто чистые грабежи.
- Неправда, – настаивал Рейджен, – я не ограблял другие жертвы стоянках.
- Ну, значит, это сделал кто-то другой, – сказал Аллен.
- Они могут доказать? – поинтересовался Рейджен.
- Блин, а я-то откуда знаю? – ответил Аллен. – Я не видел.
- Что делаем? – спросил Рейджен.
- Да тут бардак какой-то, – разозлился Артур. – На адвоката-то можно положиться? Два года назад он нас от лагеря не уберег.
- На этот раз он говорит, что мы можем пойти на сделку и признать меньшее преступление, – ответил Аллен. – Насколько я понимаю, если я признаю вину в ограблении аптеки, то меня ждет шоковый приговор, и, возможно, в тюрьме вообще сидеть не придется.
- Что это «шоковый приговор»?
- Это значит, что тебя сажают неизвестно насколько, а потом внезапно выпускают на поруки, чтобы ты радовался и больше не нарушал закон.
- Ну, если так, – ответил Артур, – предлагаю последовать совету адвоката. Ведь именно за это мы ему платим.
- Хорошо, – согласился Аллен, – значит, решено. Признаем вину в обмен на условное освобождение.

27 марта 1975 года Уильям Стэнли Миллиган признал вину в ограблении и грабеже с отягчающими обстоятельствами. Через два месяца Аллену стало известно, что шоковый приговор вынесли только за ограбления на придорожных стоянках, но не за менее серьезное преступление. За аптеку ему предстояло отбыть срок от двух до двух с половиной лет. Все были потрясены.

9 июня, после сорока пяти дней пребывания в исправительном учреждении города Мансфилд, Аллена с пятьюдесятью девятью другими заключенными, закованными по парам в наручники, посадили в автобус исправительного учреждения штата Огайо, который должен был отвезти их в тюрьму Лебанона.

Он старался не сталкиваться взглядами с вооруженными охранниками, сидевшими в передней части автобуса, отделенной решеткой. Как он

протянет эти два года? Когда автобус подъехал к тюрьме и он увидел забор из колючей проволоки и сторожевые вышки, страх еще больше увеличился. Заключенных строем повели ко входу.

С шипящим звуком открылась первая дверь с дистанционным управлением, потом закрылась – уже за спиной. Аллену вспомнилось шипение Челмера, и в животе от страха словно взорвалась бомба. До второй двери он уже не дошел...

Шипение второй двери услышал Рейджен. Он пригнул голову и поплелся вперед по тюремному корпусу вместе с остальными заключенными. Всё, власть Артура закончилась. Наконец будет править он. В ближайшее время, от двух до пяти лет, ему, и только ему, решать, кто может выходить в пятно. За спиной Рейджена Вадасковинича с грохотом закрылась железная дверь.

Глава семнадцатая

1

Тюрьма в Лебаноне показалась Рейджену лучше исправительной колонии Мэнсфилда. Здание более новое, тут чище и светлее. В первый день он прослушал вводные лекции и правила, описания тюремных обучающих программ и рабочих мест.

Крупный мужик с массивным подбородком и короткой шеей встал и, сложив руки на груди, принялся раскачиваться взад-вперед.

– Так, – начал он. – Я – капитан Лич. Вы че, думаете, что крутые? Ну так теперь вы в моей власти! Вы охреневали на улицах, будете охреневать тут – головы поотрываю. И плевал я на гражданские права, права человека и всякие прочие права. Здесь вы просто мясо. Будете выступать – в порошок сотру...

И это продолжалось минут пятнадцать. Рейджен решил, что мужик пытается поставить их на место силой слова, просто сотрясая воздух.

Но потом он увидел, что и психолог, худенький очкастый блондин, придерживается той же стратегии.

– Отныне вы ничего собой не представляете. Вы теперь просто номера. Никакой другой личности у вас нет. И всем наплевать, кто вы такие и что вы оказались тут. Вы не более чем преступники, осужденные.

И пока блондинчик сыпал оскорблениями, некоторые из недавно заключенных начали негодовать и огрызаться.

– Да ты кто такой говорить такие вещи?

– Че это за дерьмо, чувак?

– Я не номер!

– Мужик, да ты звезданутый!

– Слышь, засунь свою психологию себе в ж..!

Рейджен обратил внимание на то, как заключенные реагируют на оскорбительные заявления, и заподозрил, что психолог нарочно их провоцирует.

– Вот видите? – сказал он, показывая на преступников пальцем. – Посмотрите, что происходит. Вы не пригодны для жизни в обществе, поскольку в напряженных ситуациях не можете себя контролировать. На слова вы реагируете неприкрытой злобой и насилием. Может, теперь вам стало ясно, почему общество предпочло запереть вас в клетке до тех пор,

пока вы не научитесь приспосабливаться к окружающим.

Поняв, что психолог преподавал им урок, ребята уселись и глупо заулыбались друг другу.

Когда новички выходили из лекционного зала, над ними стали глумиться бывалые заключенные.

– Эй, поглядите! Свежее мясо!

– До встречи, сучки.

– А вон та хорошенькая. Она моя.

– Слышь, ты, я ее первый заметил, эта киска моя.

Рейджен понял, что речь идет о нем, и окинул их холодным взглядом.

Вечером в камере он обсудил ситуацию с Артуром.

– Ты здесь главный, – сказал тот. – Но хотел бы отметить, что все эти шуточки и подколы заключенных просто для того, чтобы выпустить пар. Лишь бы хоть немного посмеяться. И хорошо бы тебе научиться различать, кто просто остряк, а кто может быть опасен.

Рейджен кивнул.

– Именно это я и думаю.

– У меня есть еще одно предложение.

Рейджен слушал с полуулыбкой. Удивительно, что теперь Артур выдвигает предложения, а не отдает приказы.

– Я обратил внимание, что только заключенные в зеленых униформах, то есть врачи – помимо охранников, конечно, – ходят по центральному коридору. Так что когда придет пора выбирать работу, я бы посоветовал выпустить Аллена, чтобы он постарался устроиться в больницу.

– Зачем?

– Эта работа сможет обеспечить нам некоторую безопасность, особенно для детей. В тюрьме медперсонал пользуется уважением, поскольку всякий заключенный понимает, что рано или поздно ему может понадобиться скорая медицинская помощь. Я смогу работать, а общаться будет Аллен.

Рейджен признал, что идея хорошая.

На следующий день, когда охранники принялись расспрашивать новичков об их специализации и опыте работы, Аллен сказал, что хотел бы помогать в тюремной больнице.

– Обучение проходил? – спросил капитан Лич.

Аллен ответил так, как научил его Артур:

– Я служил на военно-морской базе на Великих озерах, там была школа фармацевтов. И работал в лазарете.

Это была не вполне ложь. Артур выучил все это самостоятельно. И он

ведь не уверял, что учился на врача.

На следующей неделе доктор Харрис Стейнберг, руководитель медицинской части тюремной больницы, вызвал Миллигана к себе. Шагая по широким коридорам, Аллен обратил внимание на то, что здание тюрьмы похоже на огромного краба с девятью ногами. В центральном крыле находились кабинеты, и через определенные промежутки то в одну, то в другую сторону ответвлялись тюремные корпуса. Пришлось ждать за перегородкой из небьющегося стекла, и Аллен смог понаблюдать за доктором Стейнбергом. Он оказался пожилым, уже седым человеком, румяным и добрым, с мягкой улыбкой. Аллен обратил внимание и на картины на стенах.

Наконец, доктор Стейнберг пригласил его в кабинет.

– Насколько я понимаю, ты работал в лаборатории.

– Я всю жизнь мечтал стать врачом, – ответил Аллен. – И подумал, что в тюрьме народу-то много, вам пригодится человек, умеющий делать анализы крови и мочи.

– Опыт такой есть?

Аллен кивнул.

– Хотя, конечно, это было давно, и, может, я многое забыл, но могу научиться. Я быстро схватываю. И, как я уже сказал, мне бы очень хотелось работать в этой сфере, когда я отсюда выйду. Дома у меня есть книги по медицине, я много занимался сам. Особенно меня интересует гематология, и я буду очень рад, если вы хотя бы дадите мне шанс.

Аллен понял, что его красивые слова не особо впечатлили доктора, так что он стал искать другие способы произвести на него впечатление.

– Картины удивительные, – сказал он, бросив беглый взгляд на стену. – Сам я люблю больше акрил, чем масло, но автор хорошо прорабатывает детали.

Аллен заметил на лице Стейнберга заинтересованность.

– Рисуешь?

– Всю жизнь этим занимался. Я выбрал карьеру врача, но мне с детства все говорят, что у меня талант. Может, когда-нибудь вы позволите мне написать ваш портрет. У вас выразительное лицо.

– Я коллекционер, – сказал Стейнберг, – и сам немного рисую.

– Мне всегда казалось, что рисование и медицина дополняют друг друга.

– Ты что-нибудь продал?

– Да, довольно много. Пейзажи, натюрморты, портреты. Надеюсь, и тут у меня будет возможность рисовать.

Стейнберг крутил в пальцах ручку.

– Ну ладно, Миллиган. Дам тебе шанс в лаборатории. Для начала можешь помыть пол, а потом и в остальном порядок наведешь. Будешь работать со Шторми, дежурным. Он покажет, что к чему.

2

Артур пришел в восторг. Он совершенно не возражал против того, чтобы вставать раньше других заключенных и делать анализы крови. Хотя его приводило в ужас состояние медицинских карт, так что он начал вести собственные записи по четырнадцати диабетикам, которых вскоре начал считать своими пациентами. Большую часть дня Артур работал в лаборатории: смотрел в микроскоп, готовил предметные стекла. Возвращаясь в половине четвертого в камеру, уставший, но довольный, он практически не обращал внимания на своего худощавого и неразговорчивого сокамерника.

Адалана украсила пустынную камеру, разложив на полу и повесив на стены полотенца с узорами. Аллен вскоре взялся за бартерные махинации: менял цветастое полотенце на пачку сигарет, затем раздавал сигареты под проценты – одну за две, – и к концу недели у него было уже две пачки. Размах операций рос. Благодаря передачам матери и Марлен он смог покупать продукты в магазине и не ходить по вечерам в столовку. Он затыкал раковину резиновой заглушкой, которую притащил из лаборатории, заполнял ее горячей водой и разогревал банку с курицей и клецками, суп или тушенку.

Аллен с гордостью носил зеленую униформу, радовался возможности ходить или даже бегать по главному коридору, а не ползать по стеночке, как таракан. Ему нравилось, что его называют «доком», он составил для Марлен список медицинских учебников, которые надо купить. Артур относился к изучению медицины очень серьезно.

Когда Томми узнал, что многих заключенных навещают подруги на том основании, что состоят с ними в гражданском браке, он высказал Рейджену пожелание, чтобы к нему приходила Марлен. Артур поначалу был против, но Рейджен решил по-своему. Жена Миллигана сможет что-нибудь ему приносить.

– Пиши ей, – сказал Рейджен, – чтобы она нести апельсины. Но их вначале надо накачать водкой из шприца. Будет хорошо.

В Лебаноне в пятно впервые вышел Ли. Комик, остряк, приколист, он прекрасно иллюстрировал теорию Артура о том, что смех являлся клапаном для спуска пара, к которому с радостью прибегали все заключенные. Ли начал отпускать такие же шуточки, которые в исполнении сокамерников еще не так давно пугали Дэнни и злили Рейджена. Но он слышал, что отец Билли был эстрадным комиком и конференсье и называл сам себя «полумузыкантом и полоумным», и решил, что Ли может сыграть свою роль в тюрьме.

Впрочем, Ли анекдотами не ограничивался. Например, он стал начинять сигареты Аллена: соскребал с пары спичек серу, потом окунал саму спичку в подсахаренную воду, обваливал в сере и прятал в табак. В пачке постоянно лежала парочка таких, и если у Ли просили сигаретку, он давал именно ее. Когда Аллен был уже в другом конце коридора или выходил из столовой, сигарета вспыхивала, и раздавался яростный вскрик жертвы. Несколько штук взорвалось прямо перед лицом Аллена.

Однажды утром, доделав анализы крови, Артур задумался о случае серповидноклеточной анемии у одного из чернокожих заключенных и ушел из пятна. Вместо него вышел Ли; ему было скучно, и он решил пошалить. Ли открыл банку эфирного масла лука, окунул в него ватную палочку и смазал ободок окуляра микроскопа.

– Эй, Шторми, – сказал Ли, протягивая ему предметное стекло, – доктору Стейнбергу срочно нужно определить уровень лейкоцитов. Посмотри-ка.

Шторми положил стекло под микроскоп и наклонился к нему. Потом внезапно отдернул голову, его глаза налились слезами.

– Что случилось? – невинно спросил Ли. – Все так плохо?

Шторми не сдержался и зарычал, хохоча сквозь слезы.

– Чертов сукин сын! С таким дебилом, как ты, не соскучишься, – заключил он и пошел к раковине промывать глаза.

Вскоре Ли увидел, что вошел заключенный и вручил Шторми пять баксов. Тот взял с заставленной банками полки склянку с маркировкой 11-С, вытащил пробку и протянул ее пришедшему. Тот сделал большой глоток.

– Что это было? – поинтересовался Ли, когда тот парень ушел.

– «Белая молния». Сам сделал. Пять баксов за дозу. Если зайдет клиент, а меня не будет, можешь продать ты, получишь доллар.

Ли ответил, что будет рад услужить.

– Доктор Стейнберг просил навести порядок в аптечке первой помощи, – продолжил Шторми. – Займешься? У меня есть другие дела.

И пока Ли раскладывал все по местам в аптечке, Шторми взял с полки

бутылку 11-С, перелил спирт в мензурку, наполнил бутылку водой и смазал горлышко экстрактом горького паслена.

– Я к доктору Стейнбергу, – сказал он Ли, – присмотри за магазином, ладно?

Десять минут спустя в лабораторию вошел огромный негр.

– Чувак, мне С-11. Я уже заплатил Шторми за два глотка. Он сказал, что ты знаешь, где коктейль.

Ли подал чернокожему бутылку, он поднес ее ко рту, запрокинул. И вдруг начал плевать и задыхаться, глаза полезли на лоб.

– Гребаный белый! Сукин сын! Ты че, надо мной прикалываешься?

Он все морщился, странно чмокая губами и пытаясь стереть эту гадость рукавом.

Схватив бутылку за горлышко, заключенный долбанул ей по столу, бутылка разбилась, а жидкость пролилась на зеленую униформу Ли. Негр принялся размахивать осколком.

– Я тебя порежу, гад белый!

Ли попятился к двери.

– Рейджен, – прошептал он. – Рейджен, ты где?

Ли ужасно перепугался и надеялся, что Рейджен его защитит. Но тот не пришел. Ли вылетел в дверь и понесся по коридору, а недовольный клиент – за ним.

Рейджен хотел было выйти, но Артур его остановил:

– Пусть его проучат.

– Но я не могу, чтобы его зарезали, – ответил Рейджен.

– Если его не обуздать как следует, – возразил Артур, – в будущем нас могут ждать беды пострашнее.

Рейджен согласился и не стал вмешиваться. А Ли бежал по коридору, вопя в ужасе: «Рейджен, ты где?»

Решив, что с Ли хватит и что риск уже слишком велик, Рейджен вытолкнул его из пятна. Когда негр добежал до больничной каталки, Рейджен развернулся и толкнул ее на преследователя. Здоровяк упал на разбитую бутылку и порезал себе руку.

– Конец! – проревел Рейджен.

Негр подскочил, просто трясаясь от ярости. Рейджен схватил его, затолкал в рентгеновский кабинет и ударил о стену.

– Все, – повторил он. – Если не утихаешь, я тебя уничтожу!

Чернокожий опешил от такой внезапной перемены. Вместо перепуганного белого мальчишки перед ним оказался какой-то звезданутый с дикими глазами, разговаривающий с русским акцентом, который зажал

его в углу, лицом к стене, сильно надавив на шею.

– *Теперь остановка*, – прошептал ему на ухо Рейджен. – Надо наладить порядок.

– Да-да, чувак, все хорошо...

Рейджен отпустил противника, тот попятился.

– Все, все, я пошел. Без обид. Все нормально... – и поспешно удалился.

– Это варварский способ решать проблемы, – прокомментировал Артур.

– А ты бы что делал? – спросил Рейджен.

Артур пожал плечами.

– Имей я твою силу – наверное, то же самое.

Рейджен кивнул.

– А Ли? – спросил Артур. – Тебе решать.

– Он нежелательный.

– Да. Какой толк от человека, который всю жизнь лишь прикалывается? Бесполезный андроид.

Ли запретили выходить в пятно. И он, не способный жить без розыгрышей и шутовства, вместо того чтобы прозябать во мраке, исчез совсем.

И после этого долго никто не смеялся.

3

В письмах Томми появились признаки непредсказуемых перепадов настроения. «У меня распухли суставы пальцев», – написал он Марлен и рассказал, как подрался с заключенными, которые крали у него почтовые марки. 6 августа пообещал покончить с собой. Через пять дней попросил прислать акрил, чтобы можно было снова взяться за рисование.

Артур держал четырех пойманных им же мышей. Он изучал их поведение и взялся за объемный отчет о возможности пересадки мышиной кожи для лечения ожогов у человека. Однажды, когда он писал что-то в лаборатории, вошли трое заключенных. Один встал на стреме, а двое подкатили к нему.

– Давай пакет, – начал один из них, – мы знаем, что он у тебя. Отдавай.

Артур покачал головой и вернулся к записям. Двое вошедших обошли стол и схватили Артура...

Рейджен пригнул их к земле, ударил ногой сначала одного, потом

второго. Третий, стоявший на стреме, кинулся на него с ножом, и Рейджен сломал ему запястье. Нападавшие бросились прочь, и кто-то крикнул на ходу:

– Миллиган, ты покойник. Я тебя натяну.

Рейджен поинтересовался у Артура, в курсе ли он.

– Требовали пакет, – сказал Артур. – Судя по их поведению, наверное, наркотики.

Он обыскал лабораторию и аптеку. Наконец на верхней полке, за книгами и бумагами, обнаружил полиэтиленовый пакет с белым порошком.

– Герыч? – спросил Аллен.

– Точно смогу сказать только после проверки, – ответил Артур, положив пакет на весы. – Полкилограмма.

Оказалось, кокаин.

– И что будешь делать?

Артур разорвал пакет и высыпал порошок в унитаз.

– Кто-то жутко расстроится, – сказал Аллен.

Но мысли Артура уже вернулись к докладу на тему пересадки мышины кожи.

Артур слышал о таком состоянии, как «тюремный блюз». Его проходят почти все недавние заключенные. Когда человек теряет независимость и индивидуальность, подпадая под огромное давление, он зачастую сталкивается с депрессией или нервным срывом. У Миллигана в голове началась очередная смута.

Переменились и письма к Марлен. Филип с Кевином, которые раньше рисовали пошлые и порнографические картинки, перестали этим заниматься. Теперь в письмах читался страх безумия. Томми рассказывал о странных галлюцинациях. И о том, что днем и ночью читает книги по медицине. Обещал пойти учиться в медицинский, когда его отпустят на поруки, «даже если на это уйдет пятнадцать лет». Еще дал слово жениться на Марлен, завести дом, заниматься наукой и стать настоящим специалистом. «Доктор и миссис Миллиган – как тебе?»

4 октября из-за проблемы с кокаином Миллигана перевели в блок С, в изолятор. У него забрали книги и портативный телевизор. Рейджен выдрал из стены стальные перекладки, на которых лежали нары, и забаррикадировался, так что впоследствии рабочим пришлось снять дверь, чтобы вывести заключенного.

Началась бессонница, он жаловался на частую рвоту и резкое ухудшение зрения. Время от времени к нему заходил доктор Стейнберг,

выписывал успокоительные в небольших дозах, а также антиспазматические препараты. Хотя Стейнбергу казалось, что проблемы у Миллигана в первую очередь психологические, 13 октября он направил его в Главный медицинский центр Коламбуса на лечение.

Аллен написал в Американский союз гражданских свобод просьбу о помощи, но из этого ничего не вышло. На десятый день пребывания в Коламбусе у Миллигана обнаружилась язва желудка. Его посадили на специальную диету Сиппи и вернули в Лебанон, в изолятор. Стало известно, что под залог его не выпустят раньше апреля 1977 года, то есть через полтора года.

4

Закончились зимние праздники, и 27 января 1976 года Аллен присоединился к остальным заключенным в голодовке. Вот что он написал брату:

*«Дорогой Джим,
я лежу у себя на нарах и думаю о нашем с тобой детстве. Время идет, а моя душа наполняется ненавистью к жизни. Мне очень жаль, что по моей вине разрушилась твоя семья, частью которой я едва ли являлся. Тебя ждет прекрасная жизнь, у тебя большие цели. Не проси ее, как я. Если ты меня за это презираешь, я прошу тебя простить. Ты до сих пор мне дорог, как ветер и солнце. Джим, бог свидетель, я не делал того, в чем меня обвиняют. Господь говорит, что у каждого свое место в жизни и своя судьба. Ну, вот это, наверное, моя! Мне очень жаль, что я так опозорил и тебя, и всех моих близких.*

Билл».

Томми писал Марлен:

*«Милая моя Марвен,
слушай, у нас тут голодовка, начинается серьезный бунт. Я пишу тебе, на случай если заключенные захватят власть, – после этого письма ходить не будут. Все чаще слышатся крики и звон битого стекла. Если я попытаюсь взять с тележки еду, меня убьют...*

Кто-то развел огонь, но уже потушили. Охранники всех растаскивают. Дело это медленное, но, вероятно, заключенные захватят

власть к середине следующей недели. Я же тебе говорил!!! Вон они стоят с дробовиками, но это их все равно не остановит. Марвен, я по тебе скучаю! Хочу умереть. Все хуже и хуже. Возможно, на днях об этом расскажут в вечерних новостях. А пока – только по радио Цинци. Если разыграется бунт, то ты и близко не подходи. Я понимаю, что на улице соберутся тысячи человек, ты к воротам и не проберешься. Марвен, я тебя люблю и скучаю. Сделай одолжение. Ребята из соседних камер просят передать это на местное радио. Чтобы добиться своего, им нужна поддержка общественности. Перешли на “УОК-ФМ”. Все говорят тебе спасибо. Ну, Марв, люблю очень-преочень-преочень, береги себя.

С любовью, Билл.

Если все будет нормально, принеси какао».

Бобби нацарапал свое имя на стальных нарах изолятора, в котором он мог вволю предаваться фантазиям. Он воображал себя актером кино или телевидения, путешествия в дальние страны и героические приключения.

Его бесило, когда его называли «Робертом», и настойчиво повторял: «Я Бобби!»

Бобби со своим комплексом неполноценности и полным отсутствием амбиций напоминал губку, впитывающую чужие мысли и идеи и выдающую их за собственные. Но когда ему предлагали что-нибудь сделать по-настоящему, он говорил: «Не могу». Он не был уверен, что способен осуществить свои планы.

Когда Бобби только услышал о голодовке, он тут же вообразил себя лидером движения, подающим пример остальным заключенным. Подобно великому Ганди^[17] в Индии, он поставит на колени правящих тиранов. Неделю спустя, когда забастовка закончилась, Бобби решил не останавливаться. Он сильно исхудал.

Однажды вечером, когда охранник открыл дверь и внес поднос с ужином, Бобби толкнул поднос, плеснув охраннику в лицо похлебкой.

Артур с Рейдженем пришли к заключению, что, хотя фантазии Бобби помогли им протянуть несколько долгих месяцев в тюрьме, его отказ от еды чрезвычайно ослабил организм. И Рейджен причислил Бобби к нежелательным.

Однажды мать Миллигана пришла на свидание, чтобы отметить с сыном его двадцать первый день рождения. Распровавшись, Томми оглянулся и заметил нечто такое, чего не видел раньше: заключенные и их женщины сидели за квадратными столиками так, что рук не было видно.

Они не разговаривали и смотрели даже не друг на друга, а перед собой с каким-то равнодушием, почти стеклянными глазами.

Когда он сказал об этом Джонси из соседней камеры, тот заржал.

– Чувак, ты че, не в курсе? Да сегодня ж день святого Валентина. Они трахались – руками.

– Не верю.

– Чувак, если у тебя есть телка, готовая ради тебя на все, она приходит в юбке, а не в штанах и без трусов. В следующий раз, когда пойдем на свиданку одновременно, я покажу тебе задницу своей милашки.

На следующей неделе во время визита мамы Билли, направляясь к выходу со своей рыжеволосой красоткой, Джонси подмигнул и поднял юбку подружки, демонстрируя голый зад.

Томми покраснел и отвернулся.

Тем же вечером, когда Томми писал Марлен письмо, почерк резко изменился. Филип дописал: «Если ты меня любишь, в следующий раз приходи в юбке и без трусов».

5

К марту 1976 года у Аллена появилась надежда, что его выпустят на поруки в июне, но когда слушание отложили еще на два месяца, он забеспокоился. Из тюремных сплетен он узнал, что единственный способ добиться условного освобождения – дать на лапу служащему, который отправляет прошения в центральный офис. Аллен опять взялся за махинации: рисовал карандашом или углем наброски, менял их на вещи, которые потом распродал или обменивал. Он снова попросил Марлен принести апельсинов, накачанных самой лучшей водкой. Один – для Рейджена, остальные – на продажу.

21 июня, через восемь месяцев после того, как его перевели в изолятор, он написал Марлен, что перенос слушания о досрочном освобождении – наверняка какая-то психологическая проверка, «либо же я конченный дебил и не понимаю, что за хрень творю, та-да-да-да». Миллигана перевели к «психам» – все в тот же изолятор блока С, десять одиночных камер, предназначенных для заключенных с психическими отклонениями. Вскоре после перевода Дэнни вонзил в себя нож, отказался от лечения, и его снова перевезли в Главный медицинский центр Коламбуса, но довольно быстро вернули в Лабанон.

Пока его держали в блоке С, Аллен то и дело пересылал записки Уордену Долману – это были официальные протесты против его содержания в изоляторе, поскольку прослышал, что это должно быть дело добровольное. Аллен писал, что нарушаются его конституционные права, угрожал подать на всех в суд. Несколько недель спустя Артур предложил ему сменить тактику – замолчать. Ни с кем не разговаривать – ни с охраной, ни с другими заключенными. Артур знал, что это их беспокоит. А дети отказались есть.

В августе, после одиннадцати месяцев нахождения в изоляции, в течение которых его то и дело переводили в крыло для психически больных и обратно, Миллигану сообщили, что отныне он может жить с остальными заключенными, как раньше.

– Можем дать тебе работу с относительно безопасными условиями, – сказал Уорден Долман и показал на его карандашные наброски на стенах камеры. – Я слышан о твоих художественных талантах. Может, хочешь работать в студии мистера Рейнерта?

Аллен радостно закивал.

На следующий день Томми отправился в изостудию. Народу там было много, работа кипела вовсю: кто-то занимался шелкографией, кто-то тиснением, кто-то фотографировал, кто-то работал за печатным станком. Мистер Рейнерт, худенький жилистый мужчина, первые несколько дней, когда Томми просто сидел, не демонстрируя никакого интереса к происходящему, лишь задумчиво на него косился.

– Чем бы ты хотел заниматься? – спросил Рейнерт.

– Рисовать. Я хорошо пишу маслом.

Рейнерт склонил голову набок и посмотрел на Билли.

– У нас никто из заключенных маслом не пишет.

Томми пожал плечами.

– А я пишу.

– Ну ладно, Миллиган. Идем со мной. Думаю, я смогу кое-что для тебя раздобыть.

Томми повезло: незадолго до того в исправительном учреждении Чилликота закрылся художественный проект, так что масло, холсты и подрамники переслали в Лебанон. Рейнерт помог ему поставить мольберт.

Через полчаса Томми принес ему пейзаж. Рейнерт был поражен.

– Миллиган, впервые вижу, чтобы писали так быстро. Да еще и хорошо.

Томми кивнул.

– Мне пришлось научиться делать это быстро, иначе я рискую не

закончить.

И хотя картины маслом не входили в программу работы мастерской, Рейнерт понял, что Миллиган лучше всего чувствует себя с кистью в руке, поэтому с понедельника по пятницу ему разрешалось рисовать сколько захочет. Пейзажами Томми восхищались и заключенные, и охранники, и даже кто-то из администрации. Он наскоро работал на заказ, подписывая картины именем «Миллиган»; что-то рисовал для себя, и ему разрешали передавать эти холсты домой с матерью или Марлен.

В мастерскую стал наведываться доктор Стейнберг, чтобы спросить у Миллигана совета по поводу собственного творчества. Томми объяснил ему, как работать с перспективой, как изображать камни словно под водой. Стейнберг приходил в собственные выходные, забирал Миллигана из камеры, и они рисовали вдвоем. Он знал, что Миллигану страшно не нравится тюремная стряпня, и всегда приносил ему длинные сэндвичи и бублики со сливочным сыром и копченым лососем.

– Жаль, что в камере нельзя рисовать, – однажды пожаловался Томми Рейнерту.

Тот кивнул.

– Когда в камере двое – нельзя. Против правил.

Но это правило вскоре удалось отменить. Через несколько дней в камере Миллигана прошел обыск; нашли марихуану.

– Это не мое, – сказал Томми, испугавшись, что ему не поверят и в наказание отправят в «яму» – пустую «одиночку».

Но надзиратели допросили его сокамерника, тот раскололся и признал, что это он курил, потому что его бросила жена. И в «яму» отправили его, а Миллиган на какое-то время остался в камере один.

Рейнерт переговорил с лейтенантом Морено, ответственным за корпус, и посоветовал тому разрешить Миллигану рисовать, пока к нему никого не подселили. Морено согласился. Таким образом, когда мастерская в половине четвертого закрывалась, Миллиган возвращался к себе и писал там до отбоя. Время полетело быстро, ему стало проще отбывать заключение.

Но потом охранник объявил, что к нему вскоре поделят новенького. Аллен зашел в кабинет Морено.

– Мистер Морено, если ко мне кого-нибудь подсадят, я больше не смогу рисовать.

– Ну, будешь рисовать где-нибудь в другом месте.

– Позвольте мне объяснить.

– Зайди завтра – поговорим.

После обеда Аллен зашел со свежей картиной Томми. Морено изумленно уставился на нее.

– Это твоя? – спросил он. Лейтенант взял ее в руки, внимательно рассмотрел пейзаж в насыщенных зеленых тонах с речкой, убегающей в глубину. – Да, я бы от такого не отказался.

– Я вам нарисую, – ответил Аллен. – Но только в камере мне больше писать не разрешают.

– Так... погоди минуточку. Ты напишешь мне картину?

– Бесплатно.

– Кэйзи, вычеркни новенького из камеры Миллигана. Залепи белой наклейкой и поставь крестик! – крикнул он своему ассистенту, а потом снова повернулся к Аллену. – Не переживай. У тебя еще девять месяцев, а потом слушание? Никого к тебе не поделят.

Аллен жутко обрадовался: они с Томми и Дэнни каждую свободную минуту посвящали рисованию, но ничего не доводили до конца.

– Будьте осторожны, – предупредил их Артур. – Как только Морено выберет себе что-нибудь, он может изменить условия.

Аллен тянул целых две недели, а потом отнес Морено причал с лодочками. Морено был очень доволен.

– Этого точно хватит, чтобы ко мне никого не поделяли? – спросил Аллен.

– Да, я отметил на схеме. Можешь подойти, посмотреть.

Аллен зашел в кабинет и увидел, что под его именем написано: «К Миллигану не поделять». Эта бумажка была заклеена прозрачным скотчем – значит, навсегда.

Производительность у Миллигана была просто бешеная. Он рисовал для охранников, администрации, что-то отдавал маме и Марлен – и для себя, и на продажу. Однажды его даже попросили написать что-нибудь для главного вестибюля, и Томми нарисовал огромную картину, которую предполагалось повесить за стойкой в приемной. По ошибке он подписал ее собственным именем, но Аллен вовремя это обнаружил и исправил на «Миллиган».

Большая часть картин ему не нравилась. Они были лишь на обмен и на продажу. Но в какой-то момент он взялся за работу, которая много для него значила: это была его собственная версия картины, увиденной в альбоме по искусству.

Она называлась «Грация Кэтлин». Аллен, Томми и Дэнни работали по очереди. Изначально это должна была быть изображена аристократка семнадцатого века с мандолиной в руках. Аллен рисовал лицо и руки.

Томми – фон, а Дэнни работал над деталями. Когда дело дошло до мандолины, Дэнни понял, что не знает, как к ней подступиться, поэтому заменил ее на ноты. Они писали по очереди сорок восемь часов без перерыва. Закончив, Миллиган рухнул на нары и заснул.

Стив до Лебанона в пятно практически не выходил. Он прекрасно и рискованно водил машину, в молодости несколько раз оказывался за рулем и хвастался тем, что он лучший водитель на свете. Рейджена разрешил ему выходить в пятно в тюрьме после того, как причислил к нежелательным Ли, потому что Стив тоже умел смешить людей. Как заявлял он сам, никто в мире так классно не пародирует других. Он мог изобразить любого, и заключенные хохотали до колик. Стив потешался над людьми. Он был скандалистом и вечным плутом.

Рейджена сильно злило, когда Стив имитировал его акцент, а Артура он изводил британским акцентом низов.

– Я не так разговариваю, – твердил ему Артур, – не на кокни.

– Он доведет нас до беды, – предупреждал Аллен.

Однажды Стив стоял в коридоре за спиной капитана Лича, сложив на груди руки, покачиваясь на пятках так же, как он. А Лич повернулся и его застукал.

– Ладно, Миллиган, продолжишь свои репетиции в «яме». Может, за десять дней в одиночке научишься уму-разуму.

– Аллен нас предупреждал, – сказал Артур Рейджену. – Стив бесполезен. У него ни амбиций, ни таланта. Он лишь смеется над окружающими, и хотя наблюдатели тоже хохочут над его ужимками, те, кого он высмеивает, становятся нам врагами. Ты, конечно, тут главный, но я хотел бы донести до тебя, что новые враги нам едва ли нужны.

Рейджена согласился, что Стива лучше причислить к нежелательным, и погнал его из пятна. Но Стив отказался выходить и принялся передразнивать Рейджена.

– Ты об чем? – заревел тот. – Ты же не существовать. Все не существовать. Я вас просто выдумать. Кроме меня, тут никто нет. Только я настоящий. А остальные – глюки.

Рейджена ударил его о стену, по лбу потекла кровь. И тогда Стив вышел из пятна.

По настоянию Артура Аллен подал заявку на тюремные курсы, которые вели преподаватели из филиала общественного колледжа Шейкер-вэлли. Он записался на английский, промышленный дизайн, базовый курс

математики и рекламу в сфере промышленности. На творческих курсах у него были только отличные оценки, а по английскому и математике – «очень хорошо». В области графики его оценивали очень высоко – «исключительный», «высокая производительность», «быстро учится», «крайне надежный», «отличное взаимодействие с другими», «высокая мотивация».

5 апреля 1977 года Аллен предстал перед комиссией по условно-досрочному освобождению; ему объявили, что отпустят через три недели.

Когда наконец Аллен получил уведомление о досрочном освобождении, он так радовался, что просто не мог усидеть на месте, а ходил по камере из угла в угол. Наконец он сделал из уведомления бумажный самолетик. За день до запланированного выхода он, проходя мимо кабинета капитана Лича, присвистнул, и когда тот поднял на него взгляд, пустил самолетик и улыбаясь отправился дальше.

Последний день в тюрьме, 25 апреля, казался просто бесконечным. Накануне Аллен не мог уснуть до трех ночи, все расхаживал по камере. Он сказал Артуру, что когда их выпустят, ему хотелось бы получить больше прав в принятии решений в том, кого пускать в пятно, а кого нет.

– Мне ведь приходится общаться с внешним миром и выпутываться из ситуаций, в которые мы попадаем из-за разных людей.

– Рейджену и так будет трудно сложить власть, – ответил Артур, – ведь он два года правил единолично. Вряд ли он захочет наделить ею еще и третьего. Полагаю, Рейджен даже думает о том, как заполнить ее снова.

– Когда мы отсюда выйдем, боссом станешь ты. А мне придется искать работу и приспособливаться к жизни в обществе. Я хочу, чтобы мое мнение имело больший вес.

Артур поджал губы.

– Аллен, не могу сказать, что просьба неразумная. За Рейджена я говорить не в состоянии, но сам готов тебя поддержать.

Охранник принес новый костюм, и Аллен пораился, насколько тот высокого качества и хорошо сидит.

– Это твоя мать прислала, он же твой.

– А, точно, – Аллен сделал вид, будто вспомнил.

Подошел еще один охранник с бумажкой, на которой требовалось поставить подпись. Перед уходом Билли должен был заплатить тридцать центов за пластмассовый стаканчик, которого недосчитались в его камере.

– Стакан забрали, когда переводили меня в изолятор, и так и не вернули, – объяснил Аллен.

– Мне об этом ничего не известно. Надо заплатить.

– Ну, я в эту игру тоже играть умею, – закричал Аллен. – Не буду платить!

Его отвели в кабинет администратора, мистера Данна, который поинтересовался, что за проблемы в последний день.

– Меня заставляют платить за пластмассовый стакан, который сами же и забрали. Я не виноват, что он потерялся.

– Но надо заплатить тридцать центов, – ответил Данн.

– Да ни за что.

– Без этого мы вас не отпустим.

– Тогда я окопаюсь здесь, – сказал Аллен и сел. – За то, чего я не делал, я платить не буду. Из принципа.

Наконец, Данн отпустил Миллигана, и по пути в приемную, где его ждали мать, Марлен и Кэти, Артур спросил:

– Обязательно было это делать?

– Как я уже сказал Данну, это дело принципа.

Проводить Миллигана собрался Боб Рейнерт; пришел и доктор Стейнберг, сунувший ему последний платеж за купленную картину.

Аллену не терпелось выйти за дверь, так что пока мать Билли разговаривала со Стейнбергом, он нервничал.

– Ну же, – наконец обратился к ней Аллен, – идем.

– Билли, подожди минутку, – сказала она, – я разговариваю.

Он стоял и беспокойно смотрел на нее, а Дороти все говорила и говорила.

– Пойдем?

– Подожди минутку.

Он начал ходить из стороны в сторону, бурча себе под нос, а она все не замолкала. Наконец он закричал:

– Мама, я ухожу! Оставайся, если хочешь.

– Ну ладно, доктор Стейнберг, до свидания. Спасибо вам за все то, что вы сделали для моего Билли.

Он направился к двери, и Дороти последовала за ним. Когда стальная дверь со свистом закрылась у них за спиной, Аллен вдруг вспомнил, что когда его вводили, второй двери он не слышал.

Подъехала Кэти на машине, а Аллен все еще сердился. Когда человека выпускают из тюрьмы, думал он, надо поскорее открыть перед ним дверь, и пусть бежит. Нечего стоять и задерживать всех трепом. Хватит того, что пришлось отсидеть там по закону, а когда твоя болтливая мамочка продлевает срок, это уже слишком. В машине он тоже сидел с мрачным

видомм.

– Остановись у банка, пока мы в Лебаноне, – наконец сказал он. – Мне лучше сразу обналичить тюремный чек. Чтобы в Ланкастере не поняли, что я только-только отсидел.

Билли вошел, подписал чек, подал кассиру. Когда ему вручили пятьдесят долларов, он убрал их в кошелек, к деньгам, полученным от доктора Стейнберга. Аллен все еще злился, а к этому времени уже начинал злиться за свою злость еще и на самого себя, ему не хотелось со всем этим разбираться...

Томми осмотрелся, пытаясь понять, какого хрена он делает в банке. Он только пришел или уже выходит? Открыв кошелек, он обнаружил там около двух сотен и сунул его в карман, решив, что все-таки выходит. Глянув в большое окно, он увидел, что в машине его ждет мама, Марлен и Кэти за рулем, и понял, что сегодня за день. Томми посмотрел на календарь в банке.

Он выбежал из двери, делая вид, будто сжимает что-то в руках.

– Быстрее, сматываемся отсюда. Спрячьте меня. Спрячьте, – он стиснул Марлен в объятиях, рассмеялся, и ему стало хорошо.

– Господи, Билли, – сказала она, – ты такой же переменчивый, как и раньше.

Они попытались рассказать ему обо всех событиях, случившихся в Ланкастере за последние два года, но это Томми особо не интересовало. Он лишь предвкушал, как останется с Марлен наедине. После многочисленных встреч в тюрьме ему ужасно этого хотелось.

Но когда они доехали до Ланкастера, Марлен сказала Кэти:

– Высади меня у торгового центра «Плаза». Мне надо на работу.

Томми изумленно уставился на нее.

– На работу?

– Да, я отпросилась, но должна вернуться.

Томми удивился и обиделся. Он-то думал, что Марлен захочет побыть с ним в первый день на свободе. Он промолчал, лишь заморгал, чтобы отогнать слезы, но внутри стало так пусто и больно, что он вышел из пятна...

Оказавшись в своей комнате, Аллен произнес вслух:

– Я всегда знал, что она ему не подходит. Если бы ей было не наср... на Томми, она бы отпросилась на целый день. Мое мнение: больше с ней не общаться.

– Я, – ответил Артур, – придерживался этой точки зрения с самого начала.

Глава восемнадцатая

1

За несколько недель до освобождения брата Кэти вернулась домой в Ланкастер и снова устроилась в «Энкор Хокинг». Мириться с условиями на фабрике ей помогала лишь ее новая подруга Бев Томас. Они вместе работали в отделе контроля качества и упаковки, просматривая посуду, сходящую с конвейера, болтали, стараясь перекричать рев оборудования. Когда Кэти ушла оттуда и поступила в Афинах в колледж от Университета штата Огайо, они продолжили дружить.

Бев была молодая, примерно ровесница Билли, и симпатичная, светло-русая, с зелеными глазами. Она была разведена, и Кэти считала ее независимой, терпимой и прямолинейной. Бев интересовалась психологией и пыталась понять, почему люди злые и как жизнь толкает их на дурные поступки.

Кэти рассказала ей, что в ее семье все – в особенности Билли – подвергались насилию со стороны Челмера. Она пригласила Бев в мамин дом, показала картины брата и рассказала о его преступлениях, из-за которых он угодил в тюрьму. Бев захотела познакомиться с братом подруги.

Вскоре после того, как Билли вышел из тюрьмы, Кэти пригласила его покататься с ними на машине. Дело было к вечеру; Бев подъехала к их дому на Спринг-стрит в белом «Меркьюри Монтего», и Кэти позвала Билли, который как раз возился со своим «Фольксвагеном». Она представила их друг другу, но Билли лишь кивнул и вернулся к своему занятию.

– Эй, Билли, – сказала Кэти, – ты же обещал, что поедешь с нами.

Он посмотрел на Бев, потом на «Фольксваген» и покачал головой.

– О, я бы сказал, что не испытываю достаточной уверенности, чтобы сесть за руль. Пока еще нет.

Кэти рассмеялась.

– Опять он в английском настроении, – сказала она подруге. – Ну давай же.

Он окинул обеих девушек высокомерным взглядом, и Кэти это не понравилось. Она не хотела, чтобы у Бев сложилось ощущение, будто ее брат – пустышка.

– Ну же, – не сдавалась она, – не надо идиотничать, ведь ты обещал поехать. Ты же всего два года не ездил, вспомнишь. Если боишься, давай я

сяду за руль.

– Можно на моей машине, – предложила Бев.

– Я поведу, – согласился он наконец и открыл перед девушками пассажирские дверцы «Фольксвагена».

– Хотя бы воспитания ты в тюрьме не утратил, – сказала Кэти.

Она села сзади, а Бев – вперед. Билли завел мотор, но слишком быстро отпустил сцепление. Машина рванула и выехала не на ту сторону улицы.

– Может, лучше я поведу, – предложила сестра.

Билли молча склонился над рулем, выехал, куда надо, и повел очень медленно. Через несколько минут молчания он подъехал к заправке.

– По моему мнению, необходимо залить топлива, – сказал он работнику.

– С ним все в порядке? – шепотом спросила Бев.

– Все будет хорошо, – ответила Кэти. – На него такое частенько находит. Скоро это прекратится.

В какой-то момент они заметили, что у Билли беззвучно двигаются губы. Потом он осмотрелся, словно ориентируясь на местности. Увидев на заднем сиденье Кэти, он кивнул и улыбнулся.

– Привет, – сказал он. – Сегодня отличный день для прогулки.

– Куда поедем? – спросила Кэти, когда он тронулся и поехал с внезапной уверенностью.

– Я бы хотел посмотреть на Клир-крик, – ответил Билли. – Он мне так часто снился в последние два года, в... в...

– Бев все знает, я ей рассказала.

Он задумчиво посмотрел на Бев.

– Немногие согласились бы отправиться кататься с преступником, которого только что выпустили на поруки.

Кэти заметила, что Бев смотрит ему прямо в глаза.

– Я так людей не сужу. И надеюсь, что меня тоже не будут.

Кэти посмотрела на отражение брата в зеркале заднего вида: брови взмыли вверх, губы сжались. Она поняла, что Бев произвела на него впечатление своим ответом.

Он подъехал к берегу, где часто отдыхал раньше, и уставился на реку так, словно видел впервые. Глядя на пятна пробивающегося сквозь листву солнца на воде, Кэти поняла, почему брату здесь так нравится.

– Надо снова ее нарисовать, – сказал Билли. – Только в этот раз по-другому. Я хочу заново посетить все места, где бывал раньше, и перерисовать.

– Оно же не изменилось, – сказала Бев.

– Зато я изменился.

Они катались по округе еще два часа, а потом Бев пригласила Кэти и Билли зайти вечером к ней в фургон на ужин. Она доехала с ними на Спринг-стрит, чтобы забрать свою машину, и рассказала, как добраться до стоянки трейлеров Моррисона.

Кэти обрадовалась, увидев, что Билли надел новый костюм в тонкую полоску. Нарядившись, подровняв усы и зачесав волосы назад, Билли стал выглядеть привлекательно и благородно. Когда они вошли в дом, Бев познакомила их со своими детьми – пятилетним Брайаном и шестилетней Мишель. Билли немедленно переключил все внимание на малышек, усадил обоих к себе на колени и начал рассказывать всякие смешные истории, делая вид, будто сам ребенок.

Накормив и уложив детей спать, Бев сказала ему:

– Ты здорово с ними поладил. Сразу понравился обоим.

– Я обожаю детишек, а твои особенно восхитительны.

Кэти улыбнулась, радуясь, что Билли опять в замечательном настроении.

– Я пригласила на ужин еще одного человека, – предупредила Бев. – Стива Лава, он тоже живет тут, в фургоне, он женат, но они уже не вместе. Он мой лучший друг. Я решила его и с вами познакомить. Он на пару лет младше Билли, полукровка-череки, очень приятный парень.

Стив Лав подошел довольно скоро, и Кэти поразила его красота – смуглая кожа, густые черные волосы, усы и такие синие глаза, каких ей видеть еще не доводилось. Ростом он оказался выше, чем Билли.

За ужином Кэти поняла, что Билли нравится и Бев, и Стив. Когда Бев спросила его о том, как ему жилось в Лебаноне, он рассказал о докторе Стейнберге и мистере Рейнерте, о том, как рисование помогло ему перенести заключение. После ужина он поведал вкратце и о том, из-за чего туда попал; Кэти показалось, что Билли как будто хвастается. Потом он внезапно подскочил.

– Идемте кататься.

– В такой час? – удивилась Кэти. – Уже за полночь.

– Отличная идея, – согласился Стив.

– Я попрошу соседскую племянку присмотреть за детьми, – сказала Бев. – Она в любое время готова.

– И куда поедем? – спросила Кэти.

– Давайте найдем где-нибудь детскую площадку, – предложил Билли. – Я бы покачался на качелях.

Пришла няня, и они всей толпой залезли в «Фольксваген», Кэти со

Стивом сели назад, а Бев – снова рядом с Билли.

Они поехали на небольшую детскую площадку при школе. Там в два часа ночи они играли в пятнашки и качались на качелях. Кэти очень радовалась, что брат так веселится. Ему было важно найти новых друзей, а не связываться снова с теми, с кем он общался до тюрьмы. Это была одна из задач, возложенных на его семью комиссией по досрочному освобождению.

В четыре утра, после того как они отвезли Бев и Стива обратно, Кэти спросила у брата, понравилось ли ему.

– Они классные, – ответил Билли, – кажется, у меня появились новые друзья.

Она сжала его руку.

– А дети, – продолжил он, – я от них просто без ума.

– Ты когда-нибудь станешь хорошим отцом, Билли.

Он покачал головой.

– Это невозможно чисто физически.

Марлен почувствовала, что в Билли что-то изменилось. Он стал другим человеком, более жестким, и словно отстранился от нее, избегал. Она страдала: ведь пока Билли отбывал срок в Лебаноне, она ни с кем не встречалась, а целиком посвятила себя ему.

Однажды, через неделю после того, как его выпустили, Билли заехал за ней после работы. Казалось, он опять стал собой, мягким, вежливым – таким она его и любила, – и Марлен обрадовалась. Они съездили на Клир-крик, в одно из их любимых мест, после чего вернулись на Спринг-стрит. Дороти с Дэлом не было, и они пошли в комнату Билли. Они впервые остались наедине друг с другом с момента его возвращения – по-настоящему, без ссор, и появилась возможность обняться. Этого уже так давно не было, что Марлен испугалась.

Билли, видимо, уловил этот страх и отстранился от нее.

– В чем дело, Билли?

– Это с *тобой* в чем дело?

– Мне просто страшно.

– Чего?

– Мы не были вместе уже два года.

Он встал с кровати и оделся.

– Меня это совсем не возбуждает, – пробормотал он.

Разрыв произошел внезапно.

Однажды Билли ни с того ни с сего заехал за Марлен в магазин и позвал ее в Афины, провести там с ним ночь. На следующее утро они забрали бы Кэти из колледжа и вернулись в Ланкастер.

Марлен сказала, что ей не хочется никуда ехать.

– Позвоню попозже, – сказал он, – на случай если передумаешь.

Но не позвонил. А через несколько дней она узнала, что с ним поехала Бев Томас.

Марлен страшно разозлилась, позвонила Билли и заявила, что больше так не может.

– Давай просто забудем обо всем, – сказала она. – Будто ничего между нами и не было.

Он согласился.

– Да, что-нибудь может случиться, и тебе будет плохо. Я больше не хочу видеть, как ты страдаешь.

Она понимала, что надо воспользоваться моментом, хотя ей было больно рвать отношения с человеком, которого она прождала больше двух лет.

– Ладно, – ответила Марлен, – покончим с этим.

Дэла Мура больше всего беспокоило, что Билли врет. Он выкидывал всякие глупости, а потом врал, чтобы не отвечать за последствия. Доктор Стейнберг рекомендовал больше не спускать ему это с рук.

– Слушай, он же совсем не тупой. Он даже слишком умен для таких бестолковых поступков, – говорил он Дороти.

А она всегда отвечала одинаково:

– Да это не мой сын. Это другой Билл.

Кроме того, Дэлу казалось, что у Билли нет никаких других умений и склонностей, кроме рисования. А еще пасынок никогда не обращался за советами и не прислушивался к ним.

– Билли скорее чужого человека послушает, чем близкого, который за него переживает, – сетовал он.

Когда Дэл спрашивал о том, кто рассказал ему что-то или дал какой-то совет, Билли всегда говорил: «Да так, один парень». И никогда не называл конкретных имен, не объяснял, кто такие «они» и откуда он их знает.

Злило Дэла и то, что зачастую Билли не удосуживался отвечать на простые вопросы, а вместо этого молча уходил в свою комнату или поворачивался спиной. Все больше сердили и его страхи и фобии. Например, он знал, что пасынок боится оружия, – хотя он в нем вообще не разбирался. Дэлу казалось, что Билли ничего не знает ни о чем.

А одна ситуация осталась за пределами его понимания. Дэл знал, что

он намного сильнее Билли; они часто занимались армрестлингом, так что он однозначно считал, что парнишка ему в этом не ровня. Но однажды Билли его поборо.

– Давай-ка еще раз, – настаивал Дэл, – но в этот раз правой.

Билли снова его обыграл, после чего молча поднялся.

– Да такой силач, как ты, должен бы на работу ходить, – сказал Дэл. – Когда ты этим займешься?

Билли смущенно посмотрел на него и сказал, что *искал*.

– Брехун! – закричал Дэл. – Если бы ты хотел, давно бы нашел.

Спор этот длился целый час. Наконец, Билли собрал свою одежду, почти все остальные вещи и вылетел из дома.

2

К этому времени Бев Томас жила вместе со Стивом Лавом, потому что его выгнали из фургона. Узнав о домашних трудностях Билли, она пригласила и его переехать к ним. Билли обсудил эту возможность с комиссией по досрочному освобождению, и предложение было одобрено.

Бев нравилось жить с двумя мужчинами. Никто бы не поверил, что между ними нет никакого секса, что они просто дружат и всюду бывают вместе, все делают вместе и что так весело ей не было еще никогда в жизни.

Билли отлично ладил с Мишель и Брайаном. Он постоянно то возил их купаться на речку, то покупал мороженое, то водил в зоопарк. Он ухаживал за ними так, словно они были ему родные. А на Бев он производил впечатление тем, что по возвращении домой она заставляла фургон убраным, все было чисто, кроме посуды. Посуду Билли никогда не мыл.

Временами Билли казался настолько женственным, что Бев со Стивом спрашивали себя, не гей ли он. Он часто спал с Бев в одной постели, но ни разу к ней не прикоснулся. Она однажды спросила его об этом, и он ответил, что импотент.

Для Бев это не имело значения. Она к нему привязалась, и ей нравилось проводить время вместе со всеми – например, они втроем ездили на три дня в Бер-Оук-Лодж, поставили там палатку и истратили пятьдесят баксов на всякую вредную еду. А однажды среди ночи отправились гулять по лесу возле Клир-крик, Билли держал в руках фонарик и изображал из себя Джеймса Бонда в поисках марихуановых кладов. Бев забавляло, когда он начинал разговаривать с британским

акцентом, а называл растения на латыни. Все, чем они занимались, было полнейшим безумием, но Бев давно не была так счастлива, как с этими замечательными парнями.

Однажды, вернувшись с работы, она увидела, что Билли выкрасил свой зеленый «Фольксваген» в черный с каким-то безумным серебряным узором.

– Теперь он у меня уникальный, – сказал он.

– Но зачем тебе это надо, Билли? – спросили и Бев, и Стив.

– Ну, копы все равно за мной приглядывают. А так им будет проще.

Хотя на самом деле Аллену просто надоело, что он частенько не мог понять, где припарковался кто-то другой, а благодаря такой броской раскраске машину действительно будет проще найти.

Но когда через несколько дней он познакомился с братом Стива Биллом Лавом и увидел его фургон, то выменял его на свой «Фольксваген». А потом отдал фургон другу Стива за мотоцикл не на ходу. Но Стив, сам владелец мотоцикла, прекрасно в них разбирался и довел байк до ума.

Стив заметил, что иногда Билли гоняет как черт, а иногда вообще боится садиться на мотоцикл. Однажды, когда они катались по сельской местности, им попался крутой склон из глины и камня. Стив объехал и помчался дальше, но вдруг услышал доносившийся сверху рев. Подняв голову, он увидел на вершине обрыва Билли.

– Как ты туда забрался? – закричал Стив.

– Заехал! – проорал в ответ Билли.

– Это нереально!

Через несколько секунд он увидел, что Билли, переменявшись, попытался спуститься, и выглядел при этом так, будто вообще не умеет ездить. Частенько мотоцикл заносило в одну сторону, а его – в другую. Наконец, Стив оставил собственный байк внизу, залез по отвесному склону и помог Билли спуститься.

– Не могу поверить, что ты туда въехал, – снова повторил Стив, оглядываясь, – но другого варианта ведь нет.

Билли выглядел при этом так, словно вообще не знал, о чем говорит Стив.

В другой раз Стив с Билли пошли гулять по лесу. Они лезли в гору два часа, но впереди была еще одна вершина. Стив считал себя парнем более сильным и спортивным, чем Билли, но даже он уже устал.

– Билли, туда нам не залезть. Давай передохнем да назад.

Но когда Стив, обессилев, рухнул и привалился спиной к стволу

дерева, он увидел, что у Билли вдруг открылось второе дыхание, и товарищ понесся на полной скорости по крутому склону в гору. Стив тоже продолжил карабкаться вверх, поскольку не хотел остаться в проигравших. Вскоре он заметил, что Билли уже стоит на вершине, вытянув руки и встряхивая кистями. Он смотрел на открывающийся снизу вид и говорил что-то на непонятном Стиву языке.

Когда Стив тоже добрался до вершины, Билли повернулся и посмотрел на него как на незнакомца, а потом бросился бежать вниз, к пруду.

– Господи, Билли! – закричал Стив. – Откуда у тебя столько энергии?

Но Билли не остановился и продолжал кричать что-то на иностранном языке. Он нырнул в воду прямо в одежде и быстро поплыл.

Наконец Стив до него добрался. Билли сидел на камне на противоположной стороне пруда и тряс головой, словно вытряхивая воду из ушей.

Взглянув на подплывавшего Стива, Билли начал засыпать его обвинениями.

– Ты зачем меня в воду бросил?

Стив ошеломленно уставился на него.

– Ты о чем?

Билли посмотрел на свою мокрую насквозь одежду.

– Ни к чему было меня толкать.

Стив удивленно покачал головой и решил не спорить.

Они вернулись к байкам; Билли опять ехал неуклюже, как новичок. Стив решил, что надо бы за ним присматривать, парень явно ненормальный.

– Знаешь, чего бы мне хотелось? – сказал Билли, когда они оказались на участке дороги между прудом и горой. – Натянуть через дорогу холст между двумя вязами, но высоко, чтобы машины могли проехать. И нарисовать там картину, чтобы казалось, как будто там гора, кусты, а по центру – тоннель.

– Билли, ну и мысли тебе иногда приходят в голову.

– Да, – согласился Билли, – знаю. Но все равно хотелось бы.

Бев заметила, что деньги уходят очень быстро – на еду, а также ремонт мотоциклов и машин (Билли купил старый «Форд Гэлэкси»). Она стала намекать, что Билли со Стивом неплохо бы заняться поиском работы. Они подали резюме на несколько заводов близ Ланкастера, и в последней декаде мая Билли удалось уговорить руководство «Рейкхолд кемикал» взять их обоих.

Это была тяжелая работа. Из стекловолокна, намотанного на катушки, ткалась сетка, которая сматывалась в рулон. Их задача была отрезать полотно, когда рулон достигал достаточного размера и веса около пятидесяти килограммов. Потом они снимали рулон, перекладывали на тележку и начинали новый.

Однажды вечером по пути домой Билли остановился, чтобы подобрать автостопщика, у которого на шее висел фотоаппарат «Инстаматик».

Когда они подъезжали к городу, Билли предложил обменять камеру на три дозы «спидов». На глазах у Стива он извлек из кармана полиэтиленовый пакетик с тремя таблетками.

– Я «спиды» не ем, – ответил автостопщик.

– Их можно продать по восемь баксов каждая, легкие деньги.

Парень быстро посчитал в уме и отдал фотоаппарат в обмен на таблетки. После того как Билли высадил его в Ланкастере, Стив заговорил с другом на эту тему.

– Я не знал, что ты сидишь на химии.

– Не сию.

– А «спиды» откуда?

Билли рассмеялся.

– То был аспирин.

– Боже! – Стив хлопнул себя по коленке. – Ты неподражаем!

– Однажды я продал целый чемодан липовых таблеток, – ответил Билли. – Думаю, пора повторить. Давай марки сделаем.

Он подъехал к аптеке, купил желатин и другие ингредиенты. Добравшись до фургона Бев, Билли расплавил желатин в кастрюльке и раскатал в тоненький блин. Когда желатин высох и затвердел, Билли нарезал его на квадратики по полсантиметра, которые наклеил на пленку.

– Марки пойдут за несколько баксов штука.

– Какой от них должен быть эффект? – спросил Стив.

– Динамика. Галлюцинации. Но самое восхитительное – если тебя поймут на продаже подделки, то в наркоторговле обвинить не смогут. А что сделают бедные идиоты-покупатели? Нажалуются в полицию?

На следующий день Билли поехал в Коламбус. Вернулся с пустым чемоданом. Он продал целую партию аспирина и марок и теперь размахивал пачкой денег. Но Стив заметил на его лице страх.

На следующий день, пока Билли со Стивом занимались мотоциклом Билли, на них закричала соседка, Мэри Слейтер, чтобы прекратили шуметь. Билли швырнул в ее фургон отвертку. Звук получился похожий на выстрел. Мэри Слейтер вызвала полицию, и Билли забрали за

посягательство на ее собственность. Дэлу пришлось внести залог. Несмотря на то что обвинение было снято, офицер, курирующий Билли как досрочно освобожденного, велел ему вернуться домой.

– Я буду скучать, – сказал он, собирая вещи. – И по детям тоже.

– Я все равно думаю, что мы здесь долго не проживем, – сказал Стив. – Я слышал, что менеджер собирается нас всех выселить.

– И что вы будете делать? – спросил Билли.

– Найдем себе что-нибудь в городе, – ответила Бев, – а фургон продадим. Может, тогда ты сможешь снова к нам переехать.

Билли покачал головой.

– Так для вас будет хуже.

– Билли, это неправда, – сказала она. – Ты же знаешь, нас трое.

– Ну, посмотрим. Пока все равно надо домой.

Когда он ушел, дети заплакали.

3

Аллену наскучила работа в «Рекхолд кемикал», особенно после того, как оттуда ушел Стив. Ему надоел бригадир, который постоянно жаловался на то, что один день Миллиган работает нормально, а на следующий вообще ничего сделать не может. Артур тоже опять начал брюзжать, что они снова взялись за бездумный труд явно ниже их достоинства.

В середине июня Билли подал заявление на компенсацию за полученную на рабочем месте травму и ушел.

Дэл заподозрил, что Билли потерял работу, и позвонил, чтобы спросить. Следуя совету доктора Стейнберга, который рекомендовал уличать Билли во лжи, Дэл заговорил с ним прямо.

– Ты потерял работу, да?

– Это вроде как мое дело.

– Пока ты живешь в моем доме и я плачу по счетам – мое. Деньги на деревьях не растут, а ты даже на простейшей работе, черт ее дери, надолго задержаться не можешь. Да еще и врешь. Ты скрыл это от нас. Ты вообще ничего нормально делать не в состоянии.

Они ругались почти целый час. Томми слышал старые оскорбления Челмера теперь из уст Дэла. Он осмотрелся – не защитит ли его мама Билли, но та ни слова не сказала. И он понял, что не может больше с ними жить.

Томми ушел в свою комнату, снова собрал вещи и сложил в машину. А потом сидел и ждал, когда кто-нибудь увезет его из этого ср...го дома.

Наконец пришел Аллен, увидел, как расстроен Томми, и понял, что произошло.

– Ничего, – сказал он, отъезжая. – Пора уже валить из Ланкастера.

Шесть дней они колесили по Огайо, искали работу, а ночевать ехали в лес. Рейджен настаивал на том, что под сиденьем машины в целях самозащиты надо держать пистолет, а еще один – в бардачке.

Однажды Артур посоветовал Аллену попробовать устроиться механиком. Томми легко справится с такой работой: он сможет чинить бытовые приборы, оборудование, отопительные приборы, водопровод. Насколько Артур понимал, им предоставляется бесплатное жилье и коммунальные услуги. Он велел Аллену связаться с бывшим сокамерником из Лебанона, который теперь работал механиком в пригороде Коламбуса под названием Литл-Тертл.

– Может, он знает, не открыта ли где вакансия, – сказал Артур. – Позвони ему. Скажи, что ты в городе и хотел бы заехать.

Аллен поворчал, но выполнил инструкции Артура.

Нед Бергер обрадовался звонку и пригласил его к себе. Он сказал, что в Литл-Тертл сейчас вакансий нет, но он будет рад, если Билли Миллиган погостит у него пару дней. Аллен зашел, и они отпраздновали встречу, травя байки о тюремной жизни.

Наутро третьего дня Бергер принес новости – жилой комплекс «Ченнинвей» ищет помощника разнорабочего для уличных работ.

– Позвони, – сказал Бергер, – но не рассказывай, откуда узнал, что они ищут человека.

Билли произвел впечатление на Джона Уаймера, молодого менеджера по подбору персонала управляющей компании «Келли и Лемон». Из всех, кто откликнулся на его объявление, Билли Миллиган показался самым подходящим по навыкам и ответственным. В ходе первой беседы, которая состоялась 15 августа 1977 года, Миллиган заверил Уаймера, что может выполнять обязанности садовника, плотника, электрика и слесаря.

– Если в приборе есть электроника или двигатель внутреннего сгорания, могу починить, – сказал он. – А чего не знаю, в том разберусь.

Через некоторое время Уаймер просмотрел рекомендательные письма Миллигана и позвонил его последнему работодателю по списку – Дэлу Муру. Мур расхвалил его по полной – прекрасный работник, надежный парень. Ушел с работы, потому что ему не по душе была сфера разделки мяса. Но вот механик из него выйдет отличный.

Уаймеру не удалось связаться с авторами личных рекомендательных писем – доктором Стейнбергом и мистером Рейнертом, – поскольку Миллиган не предоставил их координаты, но менеджер решил этим пренебречь. Поскольку речь шла о работе на улице, достаточно будет и прекрасной рекомендации последнего работодателя. Хотя он попросил секретаршу навести справки в полиции – это делалось в отношении всех новых работников.

Когда Миллиган пришел на второе собеседование, первое впечатление Уаймера подтвердилось. Он нанял его на работу при жилом комплексе Уильямсбург-сквер, который также обслуживался компанией «Келли и Лемон» и располагался неподалеку от Ченнинвея. Уаймер сказал, что начинать можно прямо сейчас.

Когда Миллиган ушел, Уаймер отдал секретарю его заявление о приеме и заполненную анкету. Он не обратил внимания, что Миллиган на обоих документах поставил число и год – «15–77» и «18–77», – а месяц, август, не указал.

Джон Уаймер принял его на работу, но начальником Билли была Шэрон Рот, молодая белокожая женщина с длинными черными волосами.

Новый работник показался ей симпатичным умным парнем. Она представила его остальным девушкам из отдела аренды и ввела в курс дела. Миллигану предстояло ежедневно с утра заходить в офис в Уильямсбург-сквере и брать наряд, заполненный ею, Кэрол или Кэти. А по завершении работы – подписывать его и сдавать Шэрон.

Первую неделю Миллиган отработал хорошо: вешал ставни, ремонтировал заборы и тротуары, ухаживал за газоном. Все считали его энергичным и амбициозным. Ночевал он в Уильямсбург-сквере у Неда Адкинса, другого молодого разнорабочего.

Однажды утром, когда пошла вторая неделя, Миллиган зашел в офис к Джону Уаймеру и осведомился насчет квартиры. Уаймер подумал, вспомнил, что опыт работы у Миллигана надежный, что он может выполнять обязанности электрика, слесаря, а также ремонтировать бытовую технику, и решил перевести его на внутренние работы с круглосуточным вызовом. На случай ночных и срочных вызовов он должен будет проживать на территории жилого комплекса. На такой должности полагается квартира без арендной платы.

– Возьми у Шэрон или Кэрол комплект ключей, которые подходят ко всем замкам, – сказал ему менеджер.

Квартира оказалась великолепная: гостиная с камином, спальня, столовый уголок и кухня с видом на патио. Один из стенных шкафов Томми занял электронным оборудованием и повесил на дверцу замок, чтобы туда не влезли дети. Аллен устроил в столовом уголке, окна которого выходили на задний двор, студию. Адалана следила за порядком и готовила. Рейджен бегал по району, чтобы поддерживать форму. Домашняя и рабочая жизнь были хорошо налажены.

Артур все одобрял, радуясь, что они наконец устроились. Теперь он сможет вернуться к учебникам по медицине и исследованиям.

По чьему-то недосмотру полицию о Билли Миллигане так и не запросили.

4

Через две недели после переезда в Ченнинвей Рейджен бегал по находившемуся неподалеку бедному району и заметил двух босых чернокожих детей, игравших на тротуаре. И вышедшего из дома хорошо одетого белого мужчину, который направлялся к белому кадиллаку. Рейджен решил, что это наверняка сутенер.

Он стремительно подошел и прижал мужчину к машине.

– Ты чего? Ненормальный?

Рейджен достал из штанов пистолет.

– Давай кошелек.

Мужчина повиновался. Рейджен извлек содержимое бумажника и швырнул его обратно.

– Теперь уезжай.

Когда машина отъехала, Рейджен дал детям больше двухсот долларов.

– Вот. Пусть вам купят обувь и еду для вся семья.

Детишки взяли деньги и убежали, а он заулыбался.

Артур позднее сказал, что Рейджен повел себя неправильно.

– Ты не можешь расхаживать по Коламбусу и играть в Робин Гуда, грабить богатых и отдавать деньги бедным детям.

– Но это приятно.

– Ты же прекрасно знаешь, что по условиям досрочного освобождения оружие при себе иметь нельзя.

Рейджен пожал плечами.

– Да тут не много лучше, чем в тюрьме.

– Глупость. Здесь мы на свободе.

– И что делать этой свободой?

Артур начал подозревать, что Аллен был прав. Рейджен готов был жить где угодно – даже в тюрьме, – лишь бы контролировать пятно.

Чем дольше Рейджен наблюдал за жизнью в районе рабочего класса в восточной части Коламбуса, тем больше его злило, с каким трудом люди выживают в тени офисных зданий из стекла и стали, принадлежащих богатым корпорациям.

Однажды он проходил мимо разваливающегося дома с просевшим крыльцом и заметил очаровательную светловолосую и голубоглазую малышку, сидевшую в корзине для белья. Ее слабенькие ножки были выгнуты под неестественным углом. На крыльцо вышла старушка, и Рейджен обратился к ней с вопросом:

– Почему ребенок нет фиксаторов на ногах? Или кресло-каталка?

Женщина недоуменно уставилась на него.

– Мистер, да вы представляете, сколько это стоит? Я уже два года выпрашиваю пособие, но все равно никак не могу купить Нэнси эти вещи.

Рейджен задумался и пошел своей дорогой.

Вечером он приказал Артуру поискать склад медицинских товаров, где есть все нужное оборудование. Хотя Артуру не понравилось, что его отвлекают от чтения, да и требовательный тон Рейджена, он решил выполнить его просьбу и сделал несколько телефонных звонков дистрибьюторам медицинской техники. Оказалось, что нужный размер имелся в одной компании в Кентукки. Артур назвал Рейджену номера моделей, адрес склада и спросил, зачем ему это.

Но Рейджен не удосужился ответить.

Тем же вечером он взял инструменты и нейлоновую веревку, сел в машину и поехал в Луисвилль. Отыскав склад, Рейджен принялся ждать, когда все разойдутся. Пробраться туда будет несложно даже без помощи Томми. Привязав к телу инструменты, он перелез через проволоочный забор, забежал за угол, чтобы его не было видно с улицы, и принялся изучать кирпичную кладку в районе водосточной трубы.

В одной телепередаче он видел, как домушники взбираются на крыши с помощью специальных кошек. Рейджен относился к ним с презрением. Он достал из сумки стальной рожок для обуви и вынул из левой кроссовки шнурок. Потом привязал рожок так, что его изогнутый край оказался снизу прямо у края пятки, – и получился вполне годный крючок. Забравшись на крышу, он проделал дыру в световом люке, открыл его и, привязав к скобе веревку, соскользнул вниз. При этом ему вспоминалось, как они еще давно лазили по горам с Джимом.

Даже с номерами моделей, предоставленными Артуром, на поиски ушел почти целый час, но, наконец, Рейджен нашел пару фиксаторов на четырехлетнего ребенка и маленькую складную коляску. Открыв окно, он аккуратно выложил все это на землю, вылез сам и поехал обратно в Коламбус.

К утру он подъехал к дому Нэнси и постучал в дверь.

– Я кое-что принес малышке, – сказал Рейджен старушке, когда она выглянула в окно.

Он притащил из машины инвалидную коляску, разложил ее, показал, как она работает. А потом объяснил девочке, как надевать фиксаторы на ноги.

– Учиться будешь долго, – сказал он, – но ходить очень важно.

Старушка расплакалась.

– Я же никогда не смогу за это расплатиться.

– И не надо. Это подарок от богатой компании ребенку, который нуждается.

– Может, накормить вас завтраком?

– Я б кофе выпил.

– Как вас зовут? – спросила Нэнси, когда бабушка ушла на кухню.

– Зови меня дядя Рейджен, – ответил он.

Девочка обняла его. Старушка принесла кофе и пирог – такого вкусного Рейджен еще ни разу не пробовал, так что съел его весь.

А ночью Рейджен слышал незнакомые голоса – один с бруклинским акцентом, другой как у обычного хама. Они говорили что-то насчет дележа денег после ограбления банка. Он встал с кровати, достал пистолет и открыл все двери в квартире, включая шкафы. Рейджен пробовал прикладывать ухо к стенам, но говорили все же прямо здесь, в их квартире. Потом он резко развернулся.

– Не двигаться! Убью обоих!

Голоса смолкли.

После этого Рейджен понял, что говорят в голове.

– Ты, блин, кто такой меня затыкать?

– Если не выйдешь, буду стрелять.

– Куда?

– Ты где?

– Да ты не веришь.

– В смысле?

– Да я не вижу, где я. Представления не имею.

– А чего разговариваешь?

– Я с Кевином разбирался.

– Кто Кевин?

– Ну, я на него орал.

Рейджен на секунду задумался.

– Опиши, что видишь вокруг.

– Вижу желтую лампу. Красный стул возле двери. Ящик работает.

– Какой он? Что идет?

– Снаружи белый. Большой. Экран цветной. Идет «Все в семье».

Рейджен тоже видел свой телевизор и понимал, что эти незнакомцы прямо здесь, в комнате, но невидимые. Он снова обыскал квартиру.

– Я везде ищу. Ты где?

– Да я с тобой, – ответил Филип.

– В каком смысле?

– Я тут все время, давно.

Рейджен покачал головой.

– Ладно. Смолкни.

Он сел в кресло-качалку и качался в нем всю ночь, пытаясь понять и удивляясь тому, что есть еще люди, которых он не знал.

На следующий день Артур рассказал ему о Кевине и Филипе.

– Я думаю, что это *твой* разум их породил, – сказал он.

– В каком смысле?

– Сначала я объясню тебе логику, – сказал Артур. – Ты – хранитель ненависти, и тебе известна твоя разрушительная сила. И хотя она может получить выражение в насилии, управлять ею нельзя. Например, если хочешь сохранить силу, которой сопровождается ненависть, но избавиться от злобы, то все равно останется ненависть с какими-нибудь плохими признаками. Наш разум попытался контролировать твою агрессивную природу, чтобы проявления гнева были выборочными и управляемыми. Когда мы избавились от твоей ярости, сделав тебя сильным, но не злым, злая часть откололась, и появились Филип с Кевином.

– Они такие же, как я?

– Они преступники. Покуда они пользуются твоим оружием, они в любой момент готовы ради достижения собственных целей запугивать людей. Но лишь с помощью оружия. На нем базируется их ощущение силы. Им кажется, что оно ставит их на один уровень с тобой. Эти ребята очень мстительные, я точно знаю, что они совершают имущественные преступления. После Зейнсвилля я отнес их к нежелательным за те преступления, необходимости в которых не было. Но ты и сам знаешь, что у нас творится в смутные времена... Рейджен, в тебе есть добрая сторона,

но есть и злая. Полностью очистить ненависть невозможно. Такова цена, которую мы платим за свою силу и агрессивность.

– Смутного времени бы не было, – ответил Рейджен, – если бы ты нормально следил за пятном. В тюрьме шло лучше.

– Такое случалось и там, при твоей власти, хотя зачастую ты узнавал об этом уже потом. Филип, Кевин и некоторые другие нежелательные воровали в тюрьме время. Но сейчас важнее всего сделать так, чтобы они не пытались связаться со своими друзьями-преступниками из Коламбуса или Ланкастера. Потому что они готовы нарушить условия досрочного освобождения.

– Я согласный.

– Надо завести новых друзей, начать новую жизнь. Работа в Ченнинвее дает нам прекрасную возможность для этого. Мы должны вписаться в социум, – Артур осмотрелся. – Для начала надо как следует навести порядок в квартире.

В сентябре он купил мебель. Счет составил 1562 доллара 21 цент, и первый взнос предстояло сделать в следующем месяце.

Поначалу вроде бы все шло хорошо, если не считать проблем Аллена с Шэрон Рот. Она почему-то внушала ему опасение. Шэрон была очень похожа на Марлен, такая же деловая всезнайка. Аллену казалось, он ей не нравится.

К середине сентября смута достигла своего апогея, перепуталось все. Аллен шел в офис, брал ордер, ехал на место и ждал, когда выйдет Томми и выполнит работу. Но Томми все чаще так и не появлялся. Никто не мог его дозваться, и никто, кроме него, не мог сделать требуемое. Аллен понимал, что сам он ни за что не разберется ни в водопроводе, ни в отоплении. Да и вообще боялся взлететь в воздух, если сунется в какой-нибудь электроприбор.

Он всегда ждал Томми до последнего. Если тот не появлялся, Аллен ставил в ордере отметку «выполнено» либо писал, что хозяева поменяли замок, из-за чего он не мог попасть в квартиру. Но некоторые жильцы перезванивали раза по три-четыре и жаловались, что ничего не сделано. Однажды после четырех звонков Шэрон решила съездить в квартиру вместе с Билли и посмотреть, в чем проблема.

– Боже мой, Билл, – сказала она, глядя на посудомоечную машину, которая не набирала воду. – Это даже я могу починить. Ты же мастер. Должен уметь ремонтировать бытовую технику.

– Я починил. Отремонтировал слив.

– Но проблема же явно не в этом.

Он отвез Шэрон обратно в офис, зная, что она на него злится. И подозревал, что Шэрон его уволит.

Аллен сказал Томми, что надо найти какой-нибудь рычаг воздействия, чтобы Джон Уаймер и Шэрон Рот его не уволили.

Первое, что пришло ему в голову, – сделать «синюю коробочку»^[18] для машины Уаймера и прослушивать его телефон.

– Это просто, – сказал Аллен Уаймеру, – у вас в машине будет рабочий телефон, а телефонная компания об этом даже не узнает.

– Но разве это не противозаконно? – спросил Уаймер.

– Вовсе нет. Ведь радиоволны ничего не стоят.

– И ты правда можешь ее смастерить?

– Я могу доказать это только одним способом. Вы должны согласиться и оплатить материалы, а я сделаю.

Уаймер задал еще несколько прицельных вопросов, удивляясь, что Миллиган так разбирается в электронике.

– Ладно, я сначала подумаю, – сказал Уаймер. – Но звучит действительно заманчиво.

Через несколько дней, когда Томми закупал материалы для собственной «синей коробочки», он заметил в магазине жучок, который активируется непосредственно звонком телефона. Достаточно будет позвонить в офис, сделать вид, что не туда попал, и повесить трубку, и с того момента пойдет запись. Он запишет разговоры из офиса Рот или Уаймера, узнает, делают ли они что-нибудь противозаконное, и если да, сможет их шантажировать, если его захотят уволить.

Жучки оказались среди прочих покупок компании «Келли и Лемон».

Тем же вечером он пробрался в кабинет Рот и поставил записывающее устройство в ее телефон. То же самое он сделал и в офисе Уаймера. Затем в пятно вышел Аллен и принялся рыться в шкафах с документами в поисках какой-нибудь полезной информации. Его внимание привлекла одна папка – список «ценных инвесторов», как их называли в главном офисе – акционеров Ченнинвея и Уильямсбург-сквера. Вообще, этот список хранился в секрете. Это были люди, которые наняли компанию «Келли и Лемон» для обслуживания жилых комплексов. Аллен переписал его себе.

Благодаря жучкам и лежавшему в кармане списку Аллен обрел уверенность, что работа ему обеспечена при любом раскладе.

Гарри Коудер познакомился с Билли Миллиганом, когда тот пришел к

ним домой менять фильтры.

– Вам не помешало бы поставить новый водонагреватель, – сказал Миллиган. – Могу раздобыть.

– И сколько это будет стоить? – спросил Коудер.

– Ни цента. Компания даже не заметит.

Коудер посмотрел на Миллигана, не понимая, как он может предлагать такое полицейскому, который еще и подрабатывает охранником в Ченнинвее.

– Я подумаю, – ответил Коудер.

– Дайте знать в любой момент. Я с радостью поменяю вам его задаром.

Коудер решил, что за Миллиганом надо приглядывать. Число грабежей в домах Ченнинвея и Уильямсбург-сквер за последнее время резко возросло. И все говорило о том, что делал это человек, владеющий ключом от всех квартир.

Джону Уаймеру позвонил разнорабочий, которого наняли примерно одновременно с Билли. Он сказал, что считает нужным рассказать ему кое-что о Миллигане. Уаймер попросил его зайти в офис.

– Мне неловко говорить, – сказал парень, – но, по-моему, он долбанутый.

– В каком смысле?

– Он следит за девушками из офиса.

– «Следит» в смысле «подсматривает» или...

– Нет, поставил жучки.

– Да ладно...

– Серьезно.

Парень посмотрел по сторонам.

– Миллиган мне сам сказал. А потом повторил мой разговор с Кэрл и Шэрон почти слово в слово. А нас тогда было только трое, речь шла о том, что почти все старшеклассники принимают наркотики. И всякое такое. Еще он говорил, что когда девушки остаются наедине, они ругаются похуже, чем мужики в раздевалке.

Уаймер задумался и принялся постукивать пальцами по столу.

– И зачем это Билли?

– Он сказал, что собирает на Шэрон с Кэрл компромат и что если его уволят, то и им достанется. Если он пойдет ко дну, то утянет за собой всех – включая «Келли и Лемон».

– Глупость. Как такое возможно?

– Билли рассказывал, что предложил вам бесплатную «синюю

коробочку».

– Точно, но я отказался.

– А он планировал поставить туда жучок, чтобы собрать сведения и против вас.

Когда он ушел, Уаймер позвонил Шэрон.

– Думаю, ты была права насчет Миллигана, – сказал он. – Лучше от него избавиться.

В тот же день Шэрон вызвала Билли к себе в кабинет и сообщила, что он уволен.

– Если я уйду, уйдете и вы, – сказал он. – Не думаю, что вы тут долго проработаете.

Вечером в ее дверь позвонили, Шэрон открыла дверь и удивленно уставилась на Миллигана, который явился в синем деловом костюме с жилетом, словно какой-то начальник.

– Я зашел сообщить, что завтра в час дня вас ждут в кабинете окружного прокурора, – сказал он. – Я навещу и Джона Уаймера. Если вы не можете добраться самостоятельно, я пришлю за вами машину, – после чего развернулся и ушел.

Шэрон подозревала, что это какой-то бред, но испугалась. Она не поняла, о чем говорил Билли и зачем ее хочет видеть окружной прокурор. Как это связано с Миллиганом? Кто он такой и чего добивается? Наверняка она знала одно: он точно не обычный разнорабочий.

Сразу же после этого, в половине шестого, Томми направился к закрытому офису, пробрался в него и достал жучок из телефона. Уходя, решил оставить записку Кэрол. Он знал, что на основании информации, которую он предоставит Уаймеру, ее тоже уволят. На столе, который делили девушки, он нашел календарь, перевернул страницу, открыв понедельник, 26 сентября 1977 года, и под датой печатными буквами написал:

«НОВЫЙ ДЕНЬ!
Наслаждайся им,
Пока МОЖЕШЬ!»

После этого снова перелистнул на пятницу.

Когда Джон Уаймер ушел домой, Томми пробрался и в его кабинет и тоже убрал жучок. На выходе он столкнулся с Терри Терноком, районным инспектором компании «Келли и Лемон».

– Миллиган, ты что тут делаешь? Я думал, тебя уволили.

– Я заходил поговорить с Джоном Уаймером. Я собираюсь обнародовать кое-какие сведения о вашей компании. И хотел дать Джону шанс все исправить, прежде чем поставлю в известность инвесторов и власти.

– Ты о чем?

– Ну, раз уж вы начальник Джона, думаю, вы должны узнать первым.

Джон Уаймер пришел домой и собрался отдыхать, но ему позвонил Терри Тернок и попросил немедленно вернуться в офис.

– Творится что-то странное. Я тут с Миллиганом, думаю, тебе стоит приехать и выслушать его.

Когда Уаймер вернулся, Тернок сказал, что Миллиган ушел к себе, но обещал вернуться через несколько минут.

– Что он сказал? – поинтересовался Уаймер.

– Выдвигает обвинения. Пусть лучше сам расскажет.

– Он странноватый, – ответил Уаймер и открыл ящик стола. – Я запишу этот разговор на пленку.

Он вставил чистую кассету в маленький магнитофон и оставил ящик приоткрытым. Когда в дверь вошел Миллиган, Уаймер изумленно уставился на него. До этого он видел Билли лишь в спецовке. Теперь же, в костюме-тройке и с галстуком, он выглядел очень солидно.

Миллиган сел и подцепил большими пальцами жилетку.

– Вы должны узнать кое-что о происходящем в вашей компании.

– Например? – спросил Тернок.

– Много правонарушений. Я хочу дать вам возможность решить все прежде, чем я пойду к окружному прокурору.

– Билл, ты о чем? – спросил Уаймер.

За последующие полчаса Аллен рассказал о том, как ведется бухгалтерия, как обманывают инвесторов. В квартирах, которые значатся пустыми, проживают друзья определенных сотрудников, которые кладут арендную плату себе в карман. Помимо этого, он якобы может доказать, что «Келли и Лемон» незаконно подключены к электросети и обманывают электроэнергетическую компанию.

Он заверил, что не считает Уаймера участником этих махинаций и хищений, но все остальные тут определенно замешаны, в особенности контролер из офиса, занимающегося вопросами аренды, которая и сдает квартиры своим друзьям.

– Джон, я готов дать вам время провести расследования по данным обвинениям и наказать виновных. Но если вы не сможете или не захотите

этого сделать, то мне придется передать сведения в «Коламбус диспэч».

Уаймер обеспокоился: ведь всегда есть вероятность, что нечестные работники творят что-нибудь такое, из-за чего может разразиться скандал. По намекам Миллигана он понял, что за этим стоит Шэрон Рот.

Уаймер подался вперед.

– Билл, а ты кто такой?

– Я просто заинтересованная сторона.

– Частный детектив? – предположил Тернок.

– Я пока не вижу причин полностью раскрывать свои карты. Скажем так, я представляю интересы одного из ключевых инвесторов.

– Я знал, что ты не простой работяга, – ответил Уаймер. – Ты всегда мне казался чересчур умным для этого, что ли. Значит, ты работаешь на инвесторов. Можешь сказать, на кого именно?

Миллиган поджал губы, склонил голову.

– Вообще-то, я не говорил, что работаю на инвесторов.

– Если нет, – сказал Тернок, – значит, тебя, наверное, подослали конкуренты, чтобы подорвать репутацию «Келли и Лемон».

– Да? – спросил Миллиган, сложив пальцы. – Почему вы так считаете?

– Так ты скажешь, на кого работаешь? – спросил Уаймер.

– Я могу лишь посоветовать вызвать Шэрон Рот и расспросить ее о том, что я сказал.

– Билл, я, разумеется, начну следствие по твоим обвинениям, и я очень рад, что я первый, кому ты об этом сообщил. Заверяю тебя, что если в «Келли и Лемон» найдутся обманщики, мы с ними разберемся.

Миллиган вытянул левую руку, демонстрируя Уаймеру и Тернеру микрофончик, приклеенный к рукаву липкой лентой.

– Должен отметить, что наш разговор записывается. Это лишь принимающее устройство, а другой человек, в другом месте, ведет запись.

– Рад за тебя, – ответил Уаймер, со смехом показывая на свой приоткрытый ящик, – а то я тоже записываю.

Миллиган тоже рассмеялся.

– Хорошо, Джон, у тебя три дня, начиная с понедельника, чтобы во всем разобраться и уволить виновных. Иначе я предам все это огласке.

Вскоре после того, как ушел Миллиган, Уаймер заехал к Шэрон Рот домой и рассказал, в чем ее обвиняют. Она клялась, что все это ложь и что никто в ее офисе не ворует.

Шэрон заподозрила, что Миллиган ее прослушивает, пошла в воскресенье в офис и попробовала найти жучок. Но не смогла. Либо он его уже убрал, либо его не было изначально. Увидев календарь, она

машинально перелистнула его на следующий день. И увидела записку печатными буквами:

«НОВЫЙ ДЕНЬ!
Наслаждайся им,
Пока МОЖЕШЬ!»

«Боже! – ужаснулась она. – Он хочет убить меня за то, что я его уволила».

Перепугавшись, Шэрон позвонила Терри Терноку и показала ему записку. Сравнив ее с образцами почерка Миллигана, они удостоверились, что это был он.

В понедельник, в половине третьего дня, Миллиган позвонил Шэрон и сказал, что в четверг в половине второго она должна быть у окружного прокурора Франклина. Если она проигнорирует данное сообщение, то он придет за ней с полицией. Миллиган отметил, что выглядеть это будет не очень красиво.

Тем же вечером к нему зашел Гарри Коудер и потребовал, чтобы отстал от девушек из конторы.

– Что значит «отстать»? Я ничего такого не делал.

– Билл, послушай, если бы их действительно вызывали к прокурору, пришла бы повестка.

– А ты к этому какое отношение имеешь? – спросил Миллиган.

– Они знают, что я работаю в полиции. Попросили выяснить.

– Гарри, они испугались?

– Нет, Билл. Не испугались. Просто не хотят, чтобы ты их доставал.

Аллен решил пока оставить это дело; но рано или поздно он добьется того, чтобы Шэрон Рот уволили. Квартира пока все равно его, надо заняться поиском новой работы.

Он искал целых две недели, но ничего приличного не попадалось. Ему было нечем заняться, не с кем поговорить. Он терял время, депрессия нарастала.

13 октября 1977 года он получил от Джона Уаймера ордер на выселение и начал метаться по квартире. Куда он пойдет? Что делать?

Расхаживая туда-сюда, он вдруг заметил, что Рейджен оставил свой 9-миллиметровый «Смит-Вессон» прямо на виду, на камине. Почему? Что за хрень с ним творится? Кроме того, в шкафу лежит и 25-миллиметровый итальянский пистолет – этого вполне хватит, чтобы отправить его обратно в

тюрягу за нарушение условий досрочного освобождения.

Аллен остановился и сделал глубокий вдох. Может, Рейджен, сам того не осознавая, хотел вернуться в тюрьму, туда, где опасно. Чтобы получить власть над пятном!

– Артур, я больше не могу, – сказал Аллен вслух. – Это уже слишком. Он закрыл глаза и вышел...

Рейджен резко вскинул голову, быстро осмотрелся, желая убедиться, что он один. На столе он увидел квитанции и понял, что положение дел тяжелое, коль скоро они не зарабатывают.

– Так, – сказал он вслух. – Идет зима, детям нужна одежда и еда. Я буду грабить.

Еще ночью в пятницу, 14 октября, Рейджен положил «Смит-Вессон» в подмышечную кобуру, надел коричневый свитер с высоким воротником, белые кеды, коричневую спортивную куртку, джинсы, ветровку. Потом он принял три капсулы бифетамина-20, выпил водки, вышел из дома еще до рассвета и побежал в сторону кампуса Университета штата Огайо.

Глава девятнадцатая

1

Рейджен пробежал по Коламбусу около восемнадцати километров и к половине восьмого утра пятницы добрался до университетской стоянки Ист-Бельмонт. Плана у него не было; он просто собирался найти кого-нибудь, кого можно ограбить. Сидя на тротуаре между медицинским колледжем и стоянкой, он увидел молодую женщину в золотистой «Тойоте». Когда она вышла из машины, он оценил темно-бордовый брючный костюм и замшевую куртку. Рейджен решил поискать кого-нибудь другого; женщину грабить он не собирался.

Но за ним присматривала Адалана, знавшая, зачем Рейджен приехал. Она понимала и то, что после пробежки через весь город он устал, к тому же он пил и принимал амфетамины. И она прогнала его с пятна силой мысли...

Когда Адалана приблизилась к женщине, которая наклонилась к пассажирскому сиденью, чтобы взять книги и бумаги, то достала из кобуры пистолет и прижала дуло к ее руке.

Незнакомка, даже не обернувшись, рассмеялась.

– Ребята, хватит придуриваться.

– Сядьте, пожалуйста, в машину, – сказала Адалана. – И поедem кататься.

Развернувшись, Кэрри Драйер увидела, что это не кто-то из ее друзей, а совершенно незнакомый человек. Рука в перчатке держала пистолет, и она поняла, что парень не шутит. Он жестом велел ей садиться на пассажирское сиденье, и она перелезла через рычаг переключения передач. Парень взял ключи и занял водительское место. Ему не сразу удалось снять машину с ручного тормоза, но наконец они выехали со стоянки.

Кэрри Драйер внимательно его рассмотрела: каштановые с рыжиной волосы, ровные аккуратные усы, родинка на правой щеке. Симпатичный, хорошо сложенный, килограммов восемьдесят, примерно метр восемьдесят роста.

– Куда мы едем? – спросила она.

– Покатаемcя, – мягко ответил он. – Я в Коламбусе не особо ориентируюсь.

– Слушай, я не понимаю, чего ты от меня хочешь, но у меня сегодня экзамен по оптометрии.

Он остановился на стоянке возле фабрики. Кэрри заметила, что у похитителя прыгают глаза, как при нистагме. Не забыть рассказать об этом полицейским.

Он порылся в ее сумочке, достал права и другие документы. После чего стал разговаривать очень грубо.

– Если настучишь копам, я доберусь до твоих родственников, – он достал наручники и приковал ее за правую руку к дверце машины. – Ты там про экзамен говорила, – пробормотал он, – так что если хочешь пока подготовиться, я не против.

Они поехали на север от кампуса. Через какое-то время он остановился на железнодорожном переезде. Медленно подъезжал поезд. Он выскочил из машины и пошел к багажнику. Кэрри испугалась, что похититель бросит ее здесь, перед поездом, и подумала, что этот парень, возможно, вообще псих.

Кевин, вышедший в пятно вместо Адаланы, услышал удар колес по рельсам и пошел проверить, в порядке ли шины. Если бы они спустили, он бы сбежал, но все оказалось в порядке, так что он поехал дальше.

– Снимай штаны, – сказал Кевин.

– Что?

– Штаны, блин, снимай! – заорал он.

Женщина повиновалась, испугавшись такой внезапной смене настроения. Она понимала, что он говорит это для того, чтобы она не сбежала. И правильно. Даже если бы она не была прикована наручниками к двери, голая она куда бы не ушла.

По пути она старалась смотреть в учебник, чтобы не расстраивать похитителя. Но заметила, что сначала он поехал по Кинг-авеню на запад, а потом – на север по Олентэнджи-ривер-роуд. Похититель вез ее за город, время от времени разговаривая сам с собой. «Только сегодня утром сбежал... избил его бейсбольной битой...»

Когда они миновали кукурузное поле, оказалось, что дорогу перегородили. Он обогнул препятствие по лесу, а потом проехал мимо автомобильного кладбища в поле.

Кэрри вспомнила, что между сиденьем и рычагом переключения передач у нее лежат острые ножницы, и подумала о том, чтобы пырнуть похитителя. Но когда она на них посмотрела, он предупредил:

– Без фокусов, – и достал финский нож.

Потом остановился, отцепил наручники от двери, но с руки женщины

снимать не стал и разложил ее замшевую куртку на грязной земле.

– Снимай трусы и ложись, – прошептал он.

Кэрри Драйер опять обратила внимание на прыгающие глаза...

Адалана легла рядом с женщиной, глядя вверх, на деревья. Она не могла понять, почему Филип с Кевином то и дело вытесняют ее из пятна. Во время поездки они вешивались уже дважды, так что ей снова приходилось выгонять их. Ну и бардак!

– Представляешь ли ты, что такое одиночество? – спросила она женщину рядом. – Когда тебя давно никто не обнимал? Когда не знаешь любви?

Кэрри не ответила, и Адалана обняла ее так, как обнимала Марлен.

Но эта женщина оказалась очень маленькой, и что-то еще, помимо этого, с ней было не так. Сколько Адалана ни пыталась в нее войти, у Кэрри начинались спазмы, и она ее выталкивала – словно отвергала. Это было и странно, и страшно. Адалана впала в замешательство и вышла из пятна...

Кэрри в слезах объяснила похитителю, что у нее такая физиологическая проблема и что она ходит к гинекологу. Эти спазмы возникали всякий раз, когда она пыталась с кем-нибудь переспать. Кэрри снова увидела проявление нистагма, а потом парень внезапно рассердился.

– Дьявол, из всех девок Коламбуса я выбрал такую, с которой ничего не сделаешь, – рявкнул он.

Он позволил ей надеть штаны и велел сесть в машину. Кэрри заметила, что похититель снова изменился, подал ей бумажное полотенце.

– Вот, высморкайся, – мягко сказал он.

Адалана занервничала. Вспомнив, ради чего Рейджен все это затеял, она поняла, что у него возникнут подозрения, если они вернуться с пустыми руками.

Кэрри заметила, что насильник искренне заволновался. Пытаясь понять, что с ним, она чуть не начала его жалеть.

– Мне нужны деньги, – сказал он. – Иначе кто-то сильно разозлится.

– У меня при себе ничего нет, – ответила она и снова заплакала.

– Ну, не расстраивайся так, – он протянул ей еще одно полотенце. – Если сделаешь, что я скажу, я не причиню вреда.

– Со мной делай что хочешь, только не трогай родственников. Забери все деньги, но их оставь в покое.

Остановив машину, он снова начал рыться в ее сумочке и нашел чековую книжку. На счету у нее было четыреста шестьдесят долларов.

– Сколько тебе надо на неделю? – спросил он.

– Пятьдесят-шестьдесят, – ответила женщина сквозь слезы.

– Хорошо, тебе оставим шестьдесят, а мне выпиши чек на четыреста.

Кэрри удивилась и обрадовалась, хотя и знала, что денег на учебники и колледж не останется.

– Мы ограбим банк, – внезапно сказал он. – Ты пойдешь со мной.

– Не пойду! – энергично возразила она. – Можешь делать со мной все, что хочешь, но помощи в ограблении не жди.

– Мы пойдем в банк и обналичим чек, – сказал он, а потом как будто задумался. – Нет, ты в слезах, они поймут, что что-то не так. Ты не в том состоянии, чтобы заходить в банк. Все испортишь.

– А по-моему, со мной все в порядке, – ответила Кэрри, все еще плача. – Для человека, которого постоянно держат на мушке, я неплохо держусь.

Он лишь хмыкнул.

На Вест-Броуд-стрит, 770 нашлось отделение Национального банка Огайо с окошком для автомобилистов. Под дулом припрятанного пистолета Кэрри достала документы. Перевернув страницу чековой книжки, чтобы поставить подпись, она подумала написать там «Помогите», но похититель как будто прочитал ее мысли.

– Не пытайся ничего приписывать.

Он подал кассирше чек, и та его обналичила.

– Можешь сообщить в полицию, что тебя ограбили, и арестовать платеж по чеку, – сказал он, когда они отъехали. – Скажи, что тебя вынудили. Таким образом пострадает банк.

В центре, на перекрестке Броуд-стрит и Хай-стрит, они застряли в пробке.

– Пересаживайся за руль, – приказал он. – Если пойдешь в полицию, внешность мою не описывай. Увижу что-нибудь в газетах, сам не приду, но кто-нибудь непременно позаботится о твоих родственниках или тебе самой.

Потом открыл дверцу и быстро пошел прочь, немедленно растворившись в толпе.

Рейджен посмотрел по сторонам, думая, что он должен быть на университетской стоянке, но вместо этого оказалось, что он идет мимо универмага «Лазарус» и уже день. Куда делось время? Сунув руку в карман, он обнаружил там рулончик денег. Ну, значит, сделал что хотел. Ограбил и забыл.

Он сел на автобус до Рейнольдсбурга.

Вернувшись домой, он положил деньги и карточку «Мастер чардж» на полку в шкафу и уснул.

Через полчаса проснулся бодрый Артур, не понимая, почему он в такое время еще не встал. Он принял душ и, меняя белье, заметил на полке деньги. Интересно, откуда это? Кто-то что-то провернул. Ну ладно, раз уж они есть, можно купить продуктов и заплатить по счетам. Самое главное – за машину.

Артур отодвинул ордер на выселение. Теперь, когда ребят уволили, Джон Уаймер требует плату за квартиру. Но это может подождать. Он придумал, как разобраться с господами из «Келли и Лемон». Пусть продолжают слать свои ордера. А когда его вызовут в суд, Аллен скажет, что эти люди вынудили его уйти с прошлой работы и переехать в их комплекс, где разнорабочему полагается квартира, но как только он купил в кредит мебель, его уволили и попытались выставить на улицу.

Он понимал, что судья даст ему на переезд три месяца. И даже после последнего ордера на выселение у него будет три дня. Этого времени должно хватить, чтобы Аллен нашел новую работу, скопил немного денег и подобрал новое жилье.

Той же ночью Адалана сбрила усы. Ей никогда не нравилась эта гадость на лице.

Томми пообещал сестре Билли провести с ней субботу, последний день ярмарки в Ланкастере. Дороти с Дэлом собирались торговать там с лотка, им тоже могла потребоваться помощь. Увидев на комодке деньги, которых было не так много, он прибрал их к рукам и попросил Аллена отвезти его в Ланкастер. Он прекрасно провел день на ярмарке с Кэти: они катались на каруселях, играли в разные игры, ели хот-доги и пили рутбир, вспоминали прошлое и Джима, у которого теперь своя рок-группа на западе Канады, и Челлу, которая тоже пошла в ВВС. Кэти одобрила, что Билли сбрил усы.

Когда они вернулись к лотку, Дороти стояла у гриля, Томми подкрался сзади и приковал ее наручниками к трубе.

– Если уж ты собралась весь день гнуть спину у плиты, – сказал он, – то я прикую тебя к ней, как рабыню.

Она рассмеялась.

Он оставался с Кэти на ярмарке до самого ее закрытия, после чего Аллен поехал в Ченнинвей.

В воскресенье Артур спокойно читал учебники по медицине, а в понедельник с утра Аллен снова отправился искать работу. Он всю неделю звонил и заполнял анкеты, но люди нигде не требовались.

В пятницу вечером Рейджен подскочил с кровати, думая, что заснул совсем недавно. Он пошел к комоду. Деньги, которые он украл, не помня как исчезли. Рейджен побежал к шкафу, достал самозарядный пистолет 25-го калибра и обыскал квартиру, открывая двери с пинка, он искал грабителей, вломившихся, пока он спал. Но квартира была пуста. Он постарался вызвать Артура. Не дождавшись ответа, со злости разбил копилку, взял двенадцать долларов и пошел за водкой. Вернулся, выпил, выкурил косяк. Все еще переживая из-за денег, Рейджен понял, что, как бы он их там в прошлый раз ни добыл, надо повторить.

Он принял амфетамины, нацепил кобуру с пистолетом, надел спортивную куртку и ветровку и снова побежал в западную часть Коламбуса. До университетской стоянки Уайсмэен он добрался примерно в половине восьмого утра. Вдалеке виднелась подкова футбольного стадиона «Бакайс». Сзади, напротив стоянки, он заметил современное здание из стекла и бетона с вывеской «Апхем-холл».

Из дверей вышла невысокая пухлая медсестра со смуглой кожей, высокими скулами и длинными темными волосами, сверху заплетенными в косы, а на шее завязанными в хвост. Когда она подошла к белому «Датсуну», у Рейджена возникло чувство, будто он ее знает. Кто-то – наверное, Аллен – видел ее на студенческих тусовках в «Касле».

Рейджен отвернулся, и Адалана снова вытеснила его из пятна...

Одиннадцатичасовая смена в психиатрической клинике при университете Донну Вест совершенно вымотала. Донна обещала своему жениху, что позвонит ему из больницы и они позавтракают вместе, но ночь выдалась ужасно трудная, она задержалась, так что ей очень хотелось домой. И решила позвонить Сидни оттуда. На пути к стоянке с ней поздоровалась подруга, помахала рукой. Машину Донна всегда старалась ставить в первом ряду, лицом к «Апхем-холлу».

– Эй, подождите минуточку! – крикнул кто-то.

Она увидела, что с другого конца стоянки ей машет молодой парень в джинсах и ветровке. «Симпатичный», – подумала Донна, похож на актера, имя которого ей не удалось вспомнить. В солнцезащитных очках. Она подождала, парень подошел и спросил, как добраться до главной стоянки.

– Слушайте, это непросто объяснить, но я буду там проезжать. Садитесь, подвезу.

Незнакомец расположился на пассажирском сиденье. Когда Донна выезжала, он достал из-под куртки пистолет.

– Не останавливайся, – сказал он. – Поможешь мне. – И через несколько секунд добавил: – Будешь слушаться – ничего плохого не сделаю, но, поверь, я могу и убить.

«Вот, – подумала Донна. – Пришла моя смерть. – Кровь прилила к лицу, кровеносные сосуды сузились, начало подташнивать. – Боже, почему же я не позвонила Сидни перед выходом? Ну, он хотя бы ждет звонка. Может, обратится в полицию».

Похититель достал сумочку с заднего сиденья, извлек оттуда кошелек, посмотрел права.

– Так, Донна, едем на семьдесят первое шоссе.

Он взял десять долларов из кошелька. Ей показалось, что он делает это очень демонстративно – сворачивает банкноты, убирает в карман куртки. Потом достал из ее пачки сигарету и поднес к ее губам.

– Спорить готов, тебе хочется сигаретку, – сказал он и прикурил от автомобильной зажигалки.

Донна заметила у него на руке какое-то пятно, под ногтями тоже была грязь, но не масло и не смазка, а что-то другое. Он также демонстративно стер отпечатки пальцев с зажигалки. Она испугалась – это означало, что он наверняка профессионал, уже судимый. Он заметил ее испуг.

– Я – член одной группировки. Некоторые из нас – политические активисты.

Донна подумала, что похититель намекает на «Уэзерменов», хотя этого слова он не произносил. И, судя по тому что ее заставили ехать по семьдесят первому шоссе на север, он хочет бежать в сторону Кливленда. Она решила, что имеет дело с «городским партизаном».

Но, к ее удивлению, в районе Дэлавера он велел ей свернуть с шоссе и ехать по проселочной дороге. Она заметила, что он расслабился, как будто знал эту местность. Когда они остались на дороге одни, он приказал остановить машину.

Увидев, что вокруг пустынно, Донна решила, что никаких политических целей ее похититель не преследует и что он ее изнасилуется или застрелит или и то и другое. Когда он откинулся на спинку сиденья, она поняла, что ее ждет нечто совершенно ужасное.

– Хочу посидеть минуточку, собраться с мыслями, – сказал он.

Донна сидела, положив на руль руки, глядя прямо перед собой и думая о Сидни, о своей жизни и о том, что сейчас будет. По ее щекам потекли слезы.

– Что такое? – спросил он. – Боишься, что я тебя изнасилую?

Ее задели сами слова и саркастический тон, она посмотрела на своего похитителя.

– Да, – ответила она, – боюсь.

– Ну и дура тупая. Тебе бы надо за жизнь свою бояться, а ты за задницу беспокоишься.

Это ее шокировало, отрезвило, и Донна тут же перестала плакать.

– Боже правый, ты совершенно прав. Я боюсь за свою жизнь.

Его глаза из-за очков она почти не видела, но голос смягчился.

– Распусти волосы.

Она так и сидела, вцепившись в руль.

– *Распусти волосы, говорю.*

Донна сняла заколку. Он распустил ей волосы, глядя их и приговаривая, какие они красивые.

Потом он опять изменился, начал орать и грубить.

– Ну ты, блин, и тупая! Как только во все это впуталась!

– Я впуталась?

– Ты посмотри на свое платье. На волосы. Ты же должна была понимать, что завлечешь кого-нибудь типа меня. И че ты делала на стоянке в полвосьмого утра? Дура хренова.

Донна понимала, что в чем-то он прав. Она *виновата* в том, что предложила его подвезти. И во всем, что произойдет потом. Но тут она осеклась, поняв, что похититель нарочно ее стыдит. Она слышала, что насильники так иногда делают, и знала, что вестись на это не следует. Но все же когда ты совсем беспомощна и до смерти напугана, мужику, который сидит рядом с огромным пистолетом в руке, несложно заставить тебя винить во всем себя.

Донна решила отдаться судьбе. В голове проскочила такая мысль: изнасилование – не худшее, что может со мной случиться.

– Кстати, – продолжил он, внезапно прервав ее мысли, – меня зовут Фил.

Донна смотрела строго вперед, не поворачиваясь к нему.

Он заорал:

– *Меня Фил зовут, говорю!*

Она покачала головой.

– Да мне как-то все равно, как тебя зовут. Возможно, лучше и не знать.

Он велел ей выйти из машины. Потом обыскал карманы.

– Ты медсестра, наверняка «спидов» можешь добыть.

Она не ответила.

– Давай на заднее сиденье, – приказал он.

Садясь, Донна быстро заговорила, надеясь, что сможет его отвлечь:

– А тебе нравится искусство? Вот мне – очень. Я работаю еще и в гончарной мастерской. С глиной.

Она все говорила, как в истерике, но он как будто и не слышал.

Он заставил Донну снять белые колготки, и она почти обрадовалась, что он не велел раздеться полностью – так было бы унижительнее.

– Заболеваний у меня нет, – уведомил он, расстегивая ширинку.

Это заявление поразило Донну. Она чуть не закричала: «Но у меня есть. Куча страшных заболеваний». Но ей к этому времени уже начало казаться, что парень психически нездоров, так что она побоялась его провоцировать. Мысль о болезнях стояла на последнем месте. Донне просто хотелось, чтобы все это поскорее прекратилось.

Ее удивило и порадовало то, как быстро он кончил.

– Ты восхитительна. Ты меня заводишь. – Он вышел из машины, осмотрелся и велел ей возвращаться за руль. – Это у меня первый раз. Я теперь не просто партизан. Я насильник.

Вскоре Донна попросила:

– Можно мне выйти из машины? Мне надо в туалет.

Он кивнул.

– Но я не могу, когда на меня смотрят. Ты не мог бы отойти, чтобы я тебя не видела?

Парень выполнил ее просьбу, а когда она вернулась, переменился. Он был расслаблен, шутил. Но потом снова стал другим, начал приказывать, как и до изнасилования, сыпал угрозами и ругательствами.

– Давай в машину, – рявкнул он. – На трассу и на север. Надо обналичить чек, мне деньги нужны.

Донна старалась соображать как можно быстрее, надеясь поскорее вернуться на знакомую территорию.

– Слушай, если тебе нужны деньги, поедem в Коламбус. В субботу все равно вне города чек не обналичишь.

Она подождала ответа, думая, что если похититель будет настаивать на том, чтобы они ехали на север по семьдесят первому шоссе, это будет означать, что ему все же надо в Кливленд. И тут она решила, что тогда она врежется во что-нибудь и убьет их обоих. Донне было противно от того, что он с ней сделал, и она не хотела, чтобы он воспользовался еще и ее деньгами.

– Ладно, – согласился он, – давай на юг по семьдесят первому.

Донна надеялась, что он не заметит испытанного ею облегчения, и

продолжила гнуть свое:

– А может, по двадцать третьему? Там много банков, можем успеть, они ведь закроются на обед.

Он опять принял ее предложение, и хотя Донне все еще казалось, что ее жизнь в опасности, она надеялась, что, если продолжать разговаривать, удастся сбить похитителя с толку и выйти из переделки живой.

– Ты замужем? – вдруг спросил он.

Она кивнула, решив дать ему понять, что ее ждут, что кто-то ее хватится.

– За врачом.

– И как он?

– Он пока интерн.

– Я не об этом.

– А о чем?

– Ну, каков он?

Донна уже собиралась описать Сидни, но вдруг поняла, что он имел в виду секс.

– Ты куда лучше, – сказала она, решив, что если его похвалить, он будет с ней добрее. – Знаешь, у моего мужа, наверное, какая-то проблема. У него это очень надолго затягивается. Здорово, что ты такой быстрый.

Она заметила, что он очень воодушевился, и перестала сомневаться, что имеет дело с шизофреником, у которого нарушен контакт с реальностью. Если продолжать его радовать, возможно, удастся спастись.

Похититель снова порылся в ее сумке, достал кредитку, больничное удостоверение и чековую книжку.

– Мне придется взять двести долларов, – сказал он. – Одному человеку очень нужны деньги. Выпиши чек, едем в твой банк в Вестервилле. Зайдем вместе, но ничего такого не выкидывай, потому что я буду стоять у тебя за спиной с пистолетом. И если что, выстрелю.

Заходя в банк, Донна вся тряслась. Ее крайне удивило, что никто из служащих, мимо которых она проходила, ничего не заметил, а она отчаянно пыталась привлечь к себе внимание мимикой и глазами. Донна сняла с карты дважды по пятьдесят долларов, а потом банкомат сообщил, что лимит кредита исчерпан.

Когда они поехали дальше, он разорвал квитанции на мелкие кусочки и выбросил в окно. В зеркале заднего вида Донна заметила, что прямо за ними едет полицейская машина, и у нее перехватило дыхание. «Боже! – подумала она, вскинув к виску кулак. – Нас сейчас остановят за то, что мы мусорим на дороге!»

Похититель заметил ее волнение, обернулся и тоже увидел полицейских.

– Вот черт! Но пусть только эти гребаные свиньи подойдут, всех перестреляю. Плохо, конечно, что у тебя на глазах, но ничего не попишешь. Прикончу их, и если что, ты – следующая.

Донна скрестила в уме пальцы, надеясь, что полицейские не заметили, как он выбрасывал бумажки: она не сомневалась, что этот человек и вправду будет стрелять.

Их не тронули, и Донна откинулась на спинку сиденья, все еще дрожа.

– Ищем другой банк, – сказал он.

Они заходили в несколько разных банков, потом в магазины «Крогер» и «Биг Бэр», но безуспешно. Донна обратила внимание на то, что прежде, чем войти, он был очень нервным и агрессивным, а там становился веселым, как будто это какая-то игра. В «Крогере», что в торговом центре «Рейнтри», он ее даже приобнял, как будто муж.

– Нам очень нужны деньги, – сказал он служащему. – Мы собрались съездить за город.

Наконец Донне удалось снять сто долларов через автомат, принимающий чеки.

– Интересно, – сказал он, – у них все компьютеры взаимосвязаны?

Она отметила, что похититель, похоже, много знает о работе банков и банкоматов.

– Для моей группировки эта информация просто необходима. Мы делимся знаниями. Каждый вносит свой вклад.

Донна снова подумала, что речь идет об «Уэзерменах» или какой-то другой радикальной организации, и решила отвлечь его разговорами о политике и текущей ситуации. Он начал листать газету «Тайм», валявшуюся на полу машины, и она спросила, что он думает по поводу договора о Панамском канале. По его смущению она поняла, что этот парень представления не имеет о событии, которое на тот момент было во всех газетах и новостях. Значит, он не политический активист, за которого себя выдавал. Донна сделала вывод, что он вообще мало знает о том, что творится в мире.

– В полицию потом не ходи, – внезапно сказал он. – Я или кто еще будем за тобой приглядывать. Я сам, возможно, буду уже в Алжире, но кто-нибудь другой проследит. Так мы работаем. Заботимся друг о друге. И мое братство до тебя доберется.

Донна все еще считала нужным отвлекать его разговорами, но тему политики решила больше не трогать.

– А в бога ты веришь? – спросила она, подумав, что об этом любой может говорить часами.

– Ну а *ты* сама как думаешь, есть бог? – заорал он, нацелившись ей прямо в лицо. – Как, помогает он тебе сейчас?

– Нет, – задыхаясь, выдавила она. – Да, ты прав. Сейчас он мне не помогает.

Парень внезапно успокоился и уставился в окно.

– Знаешь, я в религии окончательно запутался. Вообще не поверишь, но я иудей.

– Ха, – сказала Донна, не подумав, – прикольно, на еврея ты совсем не похож.

– Мой отец – еврей.

Он продолжал болтать, настроение как будто улучшилось, но под конец добавил:

– Вся религия – бред.

Донна промолчала. Эта тема тоже явно не подходила для разговора.

– Знаешь, – мягко проговорил он, – Донна, а ты мне всерьез нравишься. Жаль, что мы познакомились при таких обстоятельствах.

Она решила, что похититель ее все же не убьет, и начала думать о том, как потом помочь полиции его отыскать.

– Хорошо бы еще встретиться, – предложила она. – Позвони мне... напиши письмо... открытку пришли. Если не хочешь свое выдавать имя, подпиши ее «П» – «партизан».

– А муж как же?

«Вот у его и поймала, – подумала Донна. – Удачная манипуляция – он на крючке!».

– За него не беспокойся, с ним я решу вопрос. Пиши. Звони. Я с удовольствием еще пообщаюсь.

Парень отметил, что у нее почти кончился бензин, и предложил заехать на заправку.

– Да нет, хватит. – Она надеялась, что бензин все же закончится и похитителю придется выйти из машины.

– Мы далеко от того места, где встретились утром?

– Нет.

– Может, подбросишь меня туда?

Донна кивнула, думая, что вернуться в начальную точку будет очень кстати. Он попросил ее остановиться у стоматологического колледжа и настойчиво предлагал пять баксов на бензин. Она не взяла, так что парень сунул их под солнцезащитный козырек и посмотрел на нее с нежностью.

– Жаль, что мы познакомились при таких обстоятельствах, – повторил он шепотом. – Я тебя очень люблю.

Крепко обняв ее, он выбежал из машины.

В час дня в субботу Рейджен вернулся в квартиру, снова не помня ничего о том, как прошло ограбление. Деньги он спрятал под подушку, а на столик рядом положил пистолет.

– Эти деньги оставаться при мне, – сказал он и заснул.

Через некоторое время Аллен проснулся, нашел под подушкой двести долларов и удивился. Увидев пистолет Рейджена, догадался, откуда они взялись.

– Ладно, – сказал он, – можно тогда поразвлечься.

Он принял душ, сбрил трехдневную щетину, оделся и пошел ужинать.

3

Рейджен проснулся во вторник вечером, думая, что проспал всего несколько часов. Быстро сунув руку под подушку, он понял, что деньги опять исчезли. Исчезли. А он так и не заплатил по счетам, ничего себе не купил. Он опять обратился с вопросом вовнутрь себя, и в этот раз Аллен с Томми вышли на связь.

– Ну да, – сказал Аллен, – я увидел деньги. Я ж не знал, что их нельзя тратить.

– Я купил себе краски, – добавил Томми. – Они были необходимы.

– Дураки! – закричал Рейджен. – Я украл, только чтобы платить счета. Купить продукты. Платить за машину.

– А Артур где? – поинтересовался Аллен. – Он должен был предупредить.

– Не могу его найти. Где-то науку изучает, вместо чтобы пятно контролировать. Мне приходится добывать деньги, чтобы платить счета.

– И что будешь делать теперь? – спросил Томми.

– Еще раз пойду. Последний. И никто деньги трогать не должен.

– Хорошо, – согласился Аллен. – Как я ненавижу эти беспорядки.

Еще ночью 26 октября Рейджен надел кожаную куртку и в третий раз побежал через Коламбус в сторону университета. Надо было раздобыть денег. Ограбить кого-нибудь. Хоть кого. Примерно в половине восьмого он остановился на перекрестке вместе с полицейской машиной. Он сжал руку

на ручке пистолета. Возможно, у копов есть деньги. Он направился в их сторону, но загорелся зеленый, и они уехали.

На Ист-Вудраф-авеню Рейджен заметил симпатичную блондинку в синем «Корвете», подъезжавшем к кирпичному жилому дому. На стене оказалась вывеска «Джеминай». Он обошел дом и настиг блондинку на стоянке, уверенный, что она его не заметила. Раньше ему бы и в голову не пришло грабить женщину, но сейчас положение дел отчаянное. И это все ради детей.

– Садись в машину.

Женщина развернулась, удивилась.

– Что?

– У меня пистолет. Мне надо, чтобы ты меня везла в одно место.

Испуганная женщина повиновалась. Рейджен сел на пассажирское кресло и достал два пистолета. И тут его снова выгнала Адалана...

Она уже начала беспокоиться: вдруг Артур поймет, что она ворует время. Адалана решила, что если Рейджена поймают, то пусть его во всем и винят. Он вышел на улицу с пистолетами и с намерением кого-нибудь ограбить, так что любой поверит, что это все время был он. Даже если он сам ничего не помнит, можно списать это на водку и наркотики.

Девушка восхищалась Рейдженем, его агрессивностью и тем, насколько он нежен с Кристин. Ей самой хотелось бы обладать такими качествами. С женщиной из «Корвета» Адалана разговаривала так, будто она и есть Рейджен.

– Останови вон у того офиса, – велела она. – За ним должен быть припаркован лимузин.

Увидев автомобиль, Адалана достала пистолет и прицелилась.

– Когда-нибудь я убью хозяина этой машины. Будь он здесь сейчас, уже был бы мертв. Он торгует кокаином, и я знаю, что он убил таким образом маленькую девочку. Он постоянно дает детям наркотики. За это и убью.

Адалана нащупала что-то в кармане куртки. Это оказались наручники Томми, и она выложила их на пол машины.

– Тебя как зовут? – поинтересовалась Адалана.

– Полли Ньютон.

– Полли, у тебя бензин почти на нуле. Поехали вон на ту заправку.

Адалана заплатила за двадцать литров и приказала Полли ехать на север по семьдесят первому шоссе. Они добрались до Ворзингтона, и там Адалана решила остановиться в знакомом ей кафе-мороженом и выпить

колы.

Потом по правую руку она заметила реку, над которой проходили однополосные мосты. А еще – что Полли внимательно разглядывает ее лицо, может, чтобы потом дать описание полиции. Адалана говорила как бы от имени Рейджена, выдумывала всякие истории. Таким образом она запутает Артура и прочих, собьет со следа. Никто не догадается, что это она выходила в пятно.

– Я убил троих, но на войне убивал еще больше. Я из террористов, «уэзермен», меня только вчера ночью высадили в Коламбусе. По заданию. Надо было убрать одного чувака, который собирался давать показания в суде против наших. С заданием я справился, скажу я тебе.

Полли Ньютон молча слушала и кивала.

– А еще я бываю другим человеком, – хвастала Адалана. – Переодеваюсь, и вот я бизнесмен, езжу на «Мазерати».

Когда они доехали до пустынной проселочной дороги, Адалана направила Полли мимо глубокого рва в поле, заросшем высокой травой. Там был небольшой пруд. Адалана вышла из машины вместе с ней, посмотрела на воду, на местность, вернулась и села на капот.

– Я хочу подождать минут двадцать, а потом ты меня отвезешь куда надо.

Полли стало полегче.

Но тут Адалана добавила:

– И хочу заняться с тобой сексом.

Полли заплакала.

– Я тебя не обижу. Я не из тех, кто бьет женщин или разбрасывается ими. Мне даже слышать о таком неприятно. Когда тебя собрались насиловать, не ори и не пинайся, насильник из-за этого психанет и будет жестоким. Лучше уж спокойно лечь и сказать: «Ну, давай». Тогда он не сделает больно. Вообще, слезы у меня слабое место, – сказала Адалана. – Но выбора у тебя нет. Я все равно это сделаю.

Она достала из машины два банных полотенца и разложила их на земле, как и куртку жертвы.

– Ложись, руки клади на землю, смотри в небо и постарайся расслабиться.

Полли повиновалась. Адалана легла рядом, расстегнула ей блузку и лифчик, поцеловала.

– Что забеременеешь, не переживай, – сказала она, – у меня хорей Хантингтона, и мне сделали вазэктомию. Вот, посмотри.

Адалана спустила спортивные штаны и показала шрам в нижней части

живота, прямо над пенисом. Хотя он был не от вазэктомии, а от удаления грыжи.

Когда Адалана легла на Полли, та закричала:

– Пожалуйста, не насилуй!

И это слово, «насилуй», глубоко застряло у Адаланы в голове. Она вспомнила, что было с Дэвидом, Дэнни и Билли. Боже, изнасилование – это так ужасно!

Адалана остановилась, перекатилась на спину и стала смотреть на небо полными слез глазами.

– Билл, – сказала она вслух, – ну что с тобой? Соберись.

Она встала, отнесла полотенца в машину. Потом взяла пистолет побольше, бросила в пруд пивную бутылку, но поначалу оружие просто отказывалось стрелять. Она снова попробовала, два раза промахнулась. Да, она не такая меткая, как Рейджен.

– Пора, – сказала Адалана.

Когда они отъезжали, она опустила стекло и дважды выстрелила в столб, после чего принялась рыться в сумочке пленницы.

– Мне надо добыть кое-кому денег, – сказала она. – Сотни две. – Она показала карточку. – Поедем в «Крогер», снимем.

Полли удалось снять сто пятьдесят долларов, и они отправились в Государственный сберегательный банк на Норт-Хай-стрит, где чеки обналичивать отказались. Наконец после еще нескольких бесплодных попыток в банковских окошках для тех, кто за рулем, Адалана сказала, что лучше попробовать воспользоваться карточкой «Юнион Компани», принадлежавшей отцу Полли, и на ее основании попробовать обналичить чек.

В отделении в торговом центре «Грейсленд» им выдали по чеку пятьдесят долларов.

– Можно снять еще, – предложила Адалана, – оставишь деньги себе.

У Адаланы внезапно сменилось настроение, она вырвала из чековой книжки листок, чтобы написать для Полли стихотворение, но закончив, передумала.

– Не отдам, потому что полиция тогда сможет сверить почерк.

Она разорвала чек и выдрала страницу из записной книжки Полли.

– Это я оставлю себе, – предупредила Адалана. – Если настучишь на меня в полицию и дашь верное описание внешности, я перешлю эту страницу «уэзерменам», они приедут и убьют твою семью.

И тут Адалана заметила слева от них полицейскую машину. Она перепугалась и сбежала...

Филип очнулся, глядя в окно. Повернувшись, он увидел незнакомую блондинку за рулем.

– Эге, че я тут делаю? – спросил он вслух. – Куда ты попал, Фил?

– Это ты, Билл?

– Не, я Фил, – он посмотрел по сторонам. – Че за херня творится-то? Черт, я же только что был...

Потом вышел Томми и тоже не понял, что он тут делает. Может, у кого-то свидание. Он посмотрел на часы. Почти полдень.

– Есть хочешь? – спросил он.

Женщина кивнула.

– Там вон «Вендис». Давай возьмем гамбургеров с картошкой.

Она сделала заказ, Томми расплатился. Когда они ели, она рассказывала что-то о себе, но он почти не слушал. Это же не его девушка. Надо подождать, когда выйдет тот, кто хотел с ней встретиться.

– Тебя куда-нибудь отвезти? – спросила она.

Он удивился.

– До кампуса сойдет.

Кто бы ни пригласил ее на свидание, Томми чувствовал, будто его кинули. Когда они сели в машину, он закрыл глаза...

Аллен поспешно бросил взгляд на молодую женщину за рулем, а в кармане нащупал пистолет и деньги. Боже, нет...

– Слушай, – сказал он, – прости за все. Мне правда очень стыдно. Я же не сделал тебе больно? Пожалуйста, не выдавай меня полиции, ладно?

Она уставилась на него. Аллен решил, что надо бы придумать какое-нибудь путаное объяснение.

– Копам скажи, что я Карлос-Шакал из Венесуэлы^[19].

– А кто такой Карлос-Шакал?

– Он умер, но в полиции об этом еще не знают. Так что скажи, что это был Карлос, и тебе поверят.

Он выскочил из машины и быстро ушел...

Вернувшись домой, Рейджен пересчитал деньги и сделал заявление.

– Никто не трогает деньги. Я грабил их, чтобы платить счета.

– Минуточку, – сказал Артур. – В тот раз я нашел деньги на комодке и счета уже оплатил.

– Чего? А мне чего не сказал? Зачем я хожу и граблю?

– Я думал, что ты поймешь, когда не увидишь денег.

– И чего? А деньги с второго ограбления? Их тоже не стало, но ими счета не платили.

– Это тебе парни объяснили.

Рейджену казалось, что его выставили дураком, так что он начал в ярости метаться по квартире. Он требовал ответа на вопрос, кто крал у него время.

Артур вызвал на беседу Томми, Кевина и Филипа, но все трое кражу отрицали. Филип описал девушку из машины.

– Она выглядела как черлидер.

– Ты вообще не должен был выходить в пятно, – сказал Артур.

– Черт, да я и не хотел. Я просто оказался в тачке с этой телкой как дурак. Как только я понял, что делается, я сразу свалил.

Томми рассказал, что купил этой девушке гамбургер, поскольку подумал, что кто-то пригласил ее на свидание.

– ...но это длилось всего минут двадцать. И деньги были уже в кармане.

– Все несколько дней сидят дома, – приказал Артур. – Надо разобраться, что происходит. Никто не выходит, пока не поймем, кто воровал у Рейджена время.

– Вообще-то завтра у Дороти с Дэлом годовщина, – возразил Томми. – Кэти звонила мне, напоминала. Мы договорились встретиться с ней в Ланкастере, и она поможет мне выбрать подарок.

Артур кивнул.

– Ладно, позвони и договорись о встрече, но слишком много денег с собой не бери. Только самое необходимое. И возвращайся как можно скорее.

На следующий день Томми пошел с Кэти в магазин, и они выбрали в подарок красивое постельное покрывало из синели. Кэти отметила, что почти ровно четырнадцать лет назад их мать стала миссис Миллиган.

После ужина у Дороти с Дэлом и приятного спокойного общения с Кэти Томми сел в машину и стал ждать, когда появится Аллен и отвезет его домой.

Доехав, Аллен тут же плюхнулся на кровать...

И проснулся Дэвид. Ему было очень плохо, но он не понимал почему. Вокруг творилось что-то нехорошее, но он не знал что. Он походил по квартире, попытался вызвать Артура, Аллена или Рейджена, но никто не пришел. Все злились друг на друга. Потом он заметил под диваном пакетики с пулями Рейджена, а под красным стулом – пистолет и понял, что дела хуже некуда, – ведь раньше Рейджен всегда закрывал оружие на замок.

Артур всегда говорил: «Если возникнут проблемы или кто-то будет делать что-нибудь плохое, а ты помощи от нас не сможешь допроситься,

тогда вызывай “бобби”». Дэвид понимал, что «бобби» – это Артур так называет полицейских, поскольку именно номер полиции он написал на бумажке, которую положил возле телефона. Мальчик поднял трубку и набрал его. Ему ответил мужчина.

– Тут кто-то что-то плохое делает. Что-то происходит. Все неправильно.

– Где вы находитесь?

– Олд-Ливинстон, жилой комплекс Ченнинвей. Что-то ужасно неладное. Но никому не говорите, что я вам звонил.

И Дэнни повесил трубку. Потом посмотрел в окно: там был такой туман, что стало жутковато.

Через некоторое время он вышел из пятна. Вместо него появился Дэнни и стал рисовать, хотя было уже довольно поздно. Потом он сел в гостиной смотреть телевизор.

Стук в дверь его удивил. В глазок Дэнни увидел человека с коробкой пиццы из «Домино». Он открыл.

– Я пиццу не заказывал.

Дэнни попытался помочь мужчине, искавшему Билли, но тот вдруг резко прижал его к стене и приставил к голове пистолет. Потом вошли вооруженные полицейские, а с ними милая женщина, которая сказала, что у него есть право хранить молчание, и именно так он и поступил. Двое мужчин посадили его в машину и медленно, из-за тумана, повезли в полицейский участок.

Дэнни не знал, ни за что его арестовали, ни что происходит; он сидел в камере, пока не вышел Дэвид – посмотреть на бегающих кругами тараканов. Скоро придет Артур, Рейджен или Аллен и вызволит его отсюда. Дэвид знал, что он не был плохим мальчиком. Он не сделал совершенно ничего дурного.

За пределами безумия

Глава двадцатая

(1)

В январе – феврале 1979 года писатель часто посещал Билли в Центре психического здоровья Афин. Учитель рассказывал о прошлом, о том, что видели, думали и слышали все личности с самого начала, и все – за исключением глухого Шона – слушали и узнавали о себе.

Учитель, который теперь откликался на имя «Билли», стремительно обретал уверенность в себе. Хотя Билли все еще время от времени переключался, когда не разговаривал с писателем, он считал, что чем дольше он сможет находиться в слиянии, без враждебности и страха, которые и приводили к неразберихе, тем скорее научится управлять собой и сможет начать новую жизнь. Когда он излечится, можно будет жить с продажи картин.

Билли читал, в том числе литературу по медицине, занимался в спортзале, бегал вокруг клиники и рисовал. Он сделал набросок Артура, нарисовал Дэнни, Шона, Адалану и Эйприл. В книжном магазине при университете он приобрел молекулярные модели и начал самостоятельно заниматься химией, физикой и биологией. Еще он купил любительский передатчик и по ночам вел из своей комнаты трансляции, рассказывая другим радиолюбителям о насилии над детьми.

Прочитав в местной газете, что афинская организация, помогающая женщинам, которые подвергались насилию в семье, «Дом моей сестры», находится под угрозой закрытия из-за финансовых трудностей, Билли пожертвовал им сто долларов. Но, узнав, от кого эти деньги, «Дом моей сестры» от них отказался.

10 января, когда после перевода в Афины прошло чуть более месяца, Билли зарегистрировал «Фонд защиты детей от насилия», открыл счет в банке и положил на него тысячу долларов. Это была часть пятизначной суммы, полученной им от одной жительницы Коламбуса, которая собиралась открыть галерею и приехала в Афинский центр психического здоровья, чтобы приобрести портрет девушки с нотами в руке – «Грацию Кэтлин».

После этого Билли заказал печать автомобильных наклеек с черным лозунгом на желтом фоне:

ОБНИМИ СВОЕГО РЕБЕНКА СЕГОДНЯ
«ЭТО НЕ БОЛЬНО»
ПРОШУ, ПЕРЕСТАНЬТЕ ИЗДЕВАТЬСЯ НАД ДЕТЬМИ
БИЛЛИ

Билли много общался с девушками – пациентками центра. Сестры и санитары видели, что молоденькие женщины с ним заигрывают, конкурируют за его внимание. Сестра Пэт Перри заметила, что Мэри, бывшая студентка с факультета антропологии, выходит из депрессии, когда Билли находится рядом и разговаривает с ней. Он восхищался умом Мэри, часто обращался к ней за советом, а она – к нему. В январе девушку выписали, и она обещала навещать его. Билли по ней скучал.

Когда разговаривать приходилось с кем-то, кроме Мэри, доктора Кола или писателя, Учителю становилось скучно либо его раздражала ограниченность собеседника, и он опускался к уровню Дэнни, Дэвида или Билли до слияния. Так ему было проще общаться с другими пациентами. Сотрудники центра, знавшие Миллигана довольно близко, замечали, что когда он становился Дэнни или Дэвидом, у него проявлялась особая эмпатия к другим пациентам, и он чувствовал, когда им было грустно, плохо или страшно. Когда какая-нибудь девушка из открытого отделения впадала в панику или истерику и убегала, Билли зачастую мог подсказать, где ее искать.

– Мои части Дэвид и Дэнни – эмпаты, – объяснил Учитель писателю. – Они чувствуют источник боли. И если человек, которому плохо, уходит, Дэвид с Дэнни как будто видят маячок, указывающий, где они, и могут указать верное направление.

Однажды вечером после ужина Дэвид сидел в гостиной, и вдруг перед его внутренним взором предстало видение, будто одна из пациенток несется к перилам лестницы – а там по центру проем, и лететь три этажа. Рейджен, всегда считавший, что у Дэвида больное воображение, вдруг понял, что тот, возможно, видит происходящее на самом деле. Выйдя в пятно, он ринулся в коридор и побежал вверх по лестнице. Дверь хлопнула у него за спиной.

Кэтрин Джиллот, лаборантка, сидевшая в кабинете у выхода, подскочила и бросилась за ним. Выбежав в коридор, она увидела, как Миллиган схватил девушку, которая была уже по ту сторону перил. Он перетащил ее обратно. Когда Джиллот вернула пациентку в палату, Рейджен вышел из пятна...

У Дэвида болели руки.

Помимо терапии общего характера, рассчитанной на усиление контроля над сознанием, которая началась, как только Билли поступил в этот центр, доктор Кол применял гипнотерапию и обучил пациента техникам аутосуггестии, чтобы он сам мог снимать напряжение. Благодаря еженедельной групповой работе в компании двух других пациентов с диссоциативным расстройством личности Билли понял, как его заболевание воспринимается окружающими, и таким образом смог лучше осознать его природу. Переключался он все реже и реже, и для доктора Кола это служило показателем улучшения состояния пациента.

Когда Билли-Учителю начали мешать существовавшие запреты, доктор Кол стал систематически расширять его привилегии и давать ему больше свободы. В первую очередь он разрешил Билли выходить из клиники с сопровождающим, затем – совершать короткие прогулки одному, под расписку, как другие пациенты, но лишь по больничной территории. Билли использовал эту возможность для того, чтобы проверить уровень загрязнения воды в различных точках на реке Хокинг. Весной 1979 года он планировал начать занятия в Университете Огайо, изучать физику, биологию и искусство. Он также стал вести график своего настроения.

В середине января Билли выпросил у доктора Кола еще одно право, которым пользовались множество других пациентов, – выходить в город. Ему хотелось постричься, сходить в банк, к адвокату, купить принадлежности для рисования и книги.

Поначалу Билли разрешили выходить с территории клиники исключительно в сопровождении двоих сотрудников. Поскольку все пошло гладко, доктор Кол вскоре сократил число сопровождающих до одного. Вроде бы проблем не возникло. Иногда Билли махали рукой студенты, узнававшие его по газетным статьям и телепередачам. И его это радовало: может, не все возненавидели его за то, что он сделал? Может, не все общество настроено против него.

Наконец Билли попросил перейти к следующему этапу терапии, упирая на то, что он делал заметные успехи, в том числе научился доверять окружающим. И теперь доктору следовало продемонстрировать доверие уже к нему. Другие пациенты, часть из которых страдала более серьезными заболеваниями, чем он, имели право ходить в город сами. Билли хотел, чтобы это разрешили и ему.

Кол тоже считал, что Миллиган готов.

Чтобы избежать возможных недоразумений, он связался со старшим офицером полиции Сью Фостер и правоохранительными органами. Им

поставили следующие условия: каждый раз, когда Миллиган будет уходить и возвращаться в клинику, сотрудники центра должны ставить в известность полицию Афин и комиссию, ведающую условно-досрочным освобождением по Ланкастеру. Билли согласился подчиниться этим правилам.

– Билли, нам надо все продумать, – сказал ему Кол. – Предусмотреть, с чем ты можешь столкнуться, оказавшись на улице один.

– В каком смысле?

– Давай представим, что может случиться и как ты отреагируешь. Например, ты идешь по Корт-стриту, и тебя замечает молоденькая женщина. Она узнает тебя, подходит и без какого-либо предупреждения что есть силы бьет тебя по лицу.

Билли поднес ладонь к щеке.

– Я просто посторонюсь, пройду мимо.

– Хорошо. А если к тебе подойдет мужчина и начнет тебя оскорблять, назовет насильником, а потом еще ударит, да так, что ты свалишься? Как ты себя поведешь?

– Доктор Кол, – сказал Билли, – уж лучше валяться на земле, чем снова в тюрьму. Так что мне останется лишь лежать и надеяться, что он уйдет и оставит меня в покое.

Кол улыбнулся.

– Может, ты действительно что-то понял. Думаю, придется дать тебе шанс это доказать.

Когда Миллиган впервые вышел в город один, он был опьянен свободой и напуган. Он даже улицу переходил аккуратно, строго на переходах, чтобы его не задержали за нарушение правил уличного движения. Он замечал всех прохожих и молился, чтобы его никто не узнал и не побил. Но если бы кто-то это и сделал, он бы не ответил. Билли собирался вести себя именно так, как пообещал доктору Колу.

Купив принадлежностей для рисования, он отправился в парикмахерскую «Усы вашего папы». Норма Дишонг уже предупредила менеджера и всех работников, что к ним придет стричься Билли Миллиган. Ему сказали: «Привет, Билли», «Билли, как дела?», «Билли, хорошо выглядишь».

Бобби, молодая парикмахерша, которая делала ему стрижку и укладку, говорила с ним по-доброму и отказалась брать деньги. Она добавила, что он может заходить в любое время, без записи, и она снова его бесплатно пострижет.

Когда Миллиган вновь вышел на улицу, его узнали какие-то студенты,

улыбнулись и помахали руками. Вернулся в больницу он крайне довольный. Ничего такого ужасного, к чему его готовил доктор Кол, не произошло. Все будет хорошо.

19 февраля Дороти пришла навестить сына одна. Билли записал их разговор на пленку. Ему хотелось побольше узнать о собственном детстве и разобраться, почему его отец, Джонни Моррисон, покончил с собой.

– Я на отца не наговаривала, – сказала Дороти. – Ты иногда что-то о нем спрашивал, и я отвечала честно, да и ты мог составить о нем собственное представление. Я не жаловалась на плохое. Зачем мне было расстраивать вас, детей? Вы сами все видели, это же был ваш отец.

– Расскажи еще раз о том, – попросил Билли, – когда во Флориде ты отдала ему все свои деньги, чтобы он мог отправиться в турне, и когда в доме ничего не осталось, кроме банки тунца и пачки макарон. Он тогда вернулся с деньгами?

– Нет. Он поехал по «Еврейским Альпам». Я не в курсе, что там было. А вернулся с...

– По «Еврейским Альпам»? Это какое-то шоу?

– Это такое место, отели в еврейском районе Катскильских гор^[20]. Он уехал туда по делу... шоу-бизнесом заниматься. И как раз тогда пришло письмо от его агента: «Джонни, не думал, что ты это сделаешь». А я так и не знаю, что там случилось. Вернулся он оттуда еще мрачнее, чем раньше, и потом это уже не прекращалось.

– А ты читала его прощальное письмо? Гэри Швайкарт сказал, что там перечислены имена...

– Там был список некоторых людей, кому Джонни задолжал денег. Но без «акул», их он не назвал. Но я знаю, что были и они, ведь я с ним ездила... и все время в разные места... я сидела в машине, а он выходил и расплачивался с ними... Ему надо было отдавать игорные долги. Я поначалу думала, что и я должна за него расплачиваться, но я не хотела. Не я же брала эти чертовы деньги. Я, конечно, помогала Джонни по мере сил, но ведь не могла же я обирать вас, детей!

– Ну, – усмехнулся Билли, – у нас же оставался тунец с макаронами.

– Я снова вышла на работу, – продолжала Дороти. – Так что у нас стало появляться и кое-что еще. Я покупала продукты, работала, содержала дом. И перестала давать деньги Джонни. Бывало, что я попрошу его заплатить аренду, а он внесет только половину.

– А вторую половину проигрывал?

– Либо проигрывал, либо расплачивался с «акулами». Я не знаю. Когда

я спрашивала, честного ответа не получала. В один прекрасный день кредитная компания собралась забрать у нас мебель. «Валяйте», – сказала я. Но парень не смог, потому что я расплакалась. К тому же я ждала Кэти.

– Не очень хорошо Джонни с тобой поступил.

– Ладно, – сказала Дороти, – хватит об этом.

После двух с половиной месяцев терапии в афинском Центре психического здоровья Билли стал терять все меньше и меньше времени и принялся настаивать на том, чтобы доктор Кол сделал следующий обещанный шаг – разрешил ему уйти в отпуск. Других пациентов, у многих из которых улучшения были не такими явными, отпускали на выходные домой к родственникам. Доктор Кол тоже считал, что, судя по поведению Билли, уровню осознания происходящего и длительному периоду стабильности, пациент к этому готов. Так что Билли позволили несколько раз отправиться на выходные к Кэти, тогда проживавшей в Логане, в двадцати пяти километрах от Афин. И Билли ужасно радовался.

В один из таких визитов Билли настоял, чтобы Кэти показала ему копию предсмертного письма Джонни Моррисона, которую, как он знал, ей предоставили в адвокатской конторе. Раньше Кэти этого делать не хотела, боялась расстроить, но когда брат завел речь о том, как страдала Дороти и каким паршивым отцом был Джонни Моррисон, Кэти разозлилась, поскольку всю жизнь чтит память Джонни. И Билли пора узнать правду.

– Вот, – сказала она, швырнув пухлый конверт на кофейный столик.

И оставила его одного.

В конверте лежали адресованное Гэри Швайкарту письмо от судмедэксперта графства Дейд во Флориде и несколько других документов: четыре отдельных листа с инструкциями четырем различным лицам, письмо мистеру Хербу Рау, репортеру «Майами ньюс», занимавшее восемь страниц, а также письмо на двух страницах, которое полицейские нашли разорванным, но склеили. Похоже было на то, что это второе письмо Хербу Рау, незаконченное.

Инструкции касались выплат огромных долгов, самый маленький из которых был на двадцать семь тысяч долларов, а самый большой – на сто восемьдесят. Письмо «Луизе» заканчивалось так: «И последняя шутка. Мальчик: “Мама, а что значит оборотень?” Мать: “Закрой рот и расчеши волосы на лице”».

Письмо «Мисс Дороти Винсент» начиналось с указаний по выплате долгов из страховки, а кончалось так: «Мое последнее желание – кремация. Я бы крайне не хотел, чтобы ты сплясала на моей могиле».

Текст письма, адресованного мистеру Хербу Рау, работавшему в «Майами ньюс», на копии оказался местами неразборчивым, далее такие места отмечены звездочками.

«В “Майами-ньюс”
мистеру Хербу Рау

Уважаемый,

писать все это непросто. Может, вам мой поступок покажется трусливым, но моя жизнь уже разрушена, у меня нет больше ничего. Мне остается лишь надеяться, что моей небольшой страховки хватит, чтобы хотя бы на какое-то время защитить моих троих детей: Джеймса, Уильяма и Кэти Джо. Если можно, проследите, чтобы деньги не попали в руки их матери Дороти Винсент. Она спуталась с какими-то людьми, которые отдыхают там, где она работает, в “Пляс Пигаль” на Майами-Бич, и они с радостью все с ней разделят! Сутенеры, ростовщики и так далее. Именно ради них она разрушила нашу семью, которую я, поверьте мне, пытался удержать изо всех сил.

Ситуация сложилась довольно страшная: она хочет использовать детей, которых я люблю всем сердцем, а также тот факт, что они рождены вне законного брака, «для привлечения внимания», которое, как она считает, поможет ей продвинуть карьеру! Более того: еще до рождения нашего первого малыша я несколько раз пытался уговорить ее выйти за меня замуж (это после ее обвинений, что я сделал ей ребенка в день нашей первой встречи), но Дороти каждый раз находила все новые причины, чтобы избежать бракосочетания (все это и нижеследующее подтверждается письменными показаниями под присягой, данными моему адвокату М. Г. Розенхаусу, Майами). Своим родственникам я представил ее как свою жену и планировал после рождения ребенка переехать в какой-нибудь маленький городок, жениться на Дороти и законно признать ребенка. Я уже к этому времени так полюбил этого маленького мальчишку

***.

Но она снова находила все новые и новые отговорки: «Кто-нибудь, кто нас знает, может прочесть о нашем браке в газетах» и т. д. Через некоторое время появился и второй мальчик, и первые две недели было неясно, выживет ли он, но господь нас не оставил, так что теперь он жив и здоров – я увидел в этом знак, и снова попросил Дороти выйти за меня. У нее же к этому времени появились новые предлоги, да и вести она себя стала странно – постоянно пила, пропадала из клуба, и когда она

находилась в таком состоянии, детям с ней было опасно. И била детей она часто не просто ладонью, а с силой, и мне пришлось угрожать, что я ее саму избью, если она не прекратит. Поверьте, моя жизнь превратилась в ад. Это стало сказываться и на работе – дела быстро пошли под откос... я понимал, что если это не прекратится, я ее рано или поздно убью... Я хотел ***, но Дороти умоляла меня набраться терпения. Детей мы отправили в прекрасный детский сад в Тампе во Флориде, а сами снова отправились в турне, и при мне она прилично отработала в ночных клубах и театрах. И мы уже ждали девочку.

Мы вернулись в Майами, и после рождения третьего ребенка она наняла детям няню и поклялась, что больше не будет путаться с клиентами. Я позволил ей снова выступать в «Пляс Пигаль» – и Дороти немедленно взялась за старое, стала пить и бить, постоянно болела, а потом ее положили в больницу, потому что у нее оказался гепатит. Она чуть не погибла... несколько недель она находилась под постоянным наблюдением врачей, а когда вернулась, сказала, что доктор (Санфайр из северного Майами-Бич) рекомендовал ей вернуться на работу, чтобы расслабиться и не переживать из-за денег, да и что коктейль время от времени ей не повредит! До этого мы ни разу не расходились, и я, разумеется, не знал, что за людей она окучивает – сутенеров, лесбиянок, ростовщиков и т. д. Для нее это стало символом «модной» жизни. Когда я вернулся домой и увидел, что за одежду она покупает – мужские рубашки... строгие костюмы... короткие лосины такого типа, которые у женщин подобного рода как сигнал... я просто вышел из себя. И с тех пор начался ад...

Дороти пила не переставая и снова попала в больницу – ей должны были вырезать геморрой, а поскольку ее печень к тому времени уже не поддавалась восстановлению, оперировать они не могли... она пролежала в больнице несколько недель... я каждую ночь проезжал по двести сорок километров, чтобы попасть к ней днем в приемные часы, покрасил дом и т. д. А она даже уже тогда планировала разрушить семью, чтобы отдаться новой жизни. Дороти сделали операцию, и когда она выходила из наркоза, она приняла меня за кого-то другого. И от ее признаний мне стало дурно: это была полнейшая неизвестная мне ранее деграция... я попытался остановить ее, говорил, что это я (она тогда еще лежала в палате), но до нее опять не дошло, и она принялась хвастаться, как она «имела» меня все эти годы – я этого ей потом никогда не припоминал из-за детей, и я умолял ***.

Ну вот, когда она стала выздоравливать, я снова заговорил о

женитьбе, а она сказала, что разговаривала со священником, который сказал ей: «Тебе не надо об этом беспокоиться». Что они «дети божьи» – мне это убедительным не кажется, но, как я сказал уже выше, она хотела «привлечь внимание». Дошло до того, что Дороти потребовала развода в судебном порядке, чтобы все это попало в газеты, и без предупреждения наложила на меня «обязательство соблюдать общественный порядок», чтобы я не мог отметить с детьми Рождество... а в Новый год моей малышке исполнялось два года, но Дороти отказалась меня пустить с ней пообщаться, а потом позвонила по телефону и сообщила, как замечательно они там веселятся...

Мистер Рау, можете поговорить со знаменитостями М-Б, они подтвердят вам мою искренность и верность этой женщине, но я больше не могу... вы же понимаете, что здешние ночные клубы – это женский мир, и ее стараниями я два раза терял работу... сами можете представить, как она этого добилась, и продолжала бахвалиться, что если я буду бороться за детей, она может устроить так, чтобы меня выгнали из Майами... Дороти бывало исчезала на день, на три... и я больше не могу так, понимая, что за жизнь ждет этих детей... я уже один раз попробовал, но не вышло, но в этот раз, надеюсь, у меня все получится. Мне пришлось бы терпеть ее ради детей, но уж лучше я расплачусь за свой грех перед Всевышним, чем пройти через это. Моя последняя просьба: обратитесь с этим заявлением в различные агентства, чтобы они защитили моих детей.

И да простит меня господь.

Джонни Моррисон».

Предсмертное письмо отца поразило Билли до глубины души. Он перечитывал его снова и снова, пытаясь отнестись к написанному скептически, но чем больше читал, тем больше хотел знать правду. Позднее Билли рассказал писателю о своих попытках все выяснить.

Прежде чем уехать от Кэти из Логана, Билли позвонил в Ассоциацию баров Флориды, чтобы попытаться найти адвоката Джонни Моррисона, но выяснил, что тот уже умер. Он также обратился в архив, но не обнаружил записей о том, что Джонни Моррисон или Джонни Соранен когда-либо был женат.

Миллиган все звонил и звонил, пока не отыскал бывшего владельца ночного клуба, в котором работал Джонни. К тому времени он уже вышел на пенсию, но держал судно в городке Ки-Бискен и поставлял в клуб морепродукты. По его словам, он всегда знал, что дети Джонни когда-

нибудь появятся и будут задавать вопросы. В свое время он действительно уволил мать Билли из ночного клуба из-за клиентуры, которую она собирала. Джонни пытался удержать ее от подобных связей, но это было невозможно. Старик добавил, что никогда больше не видел, чтобы женщина так помышляла мужчиной.

По словам Билли, он разыскал и кое-кого еще – человека, который работал в отеле «Миджет» и помнил его отца. Он рассказал, телефонные звонки в то Рождество сильно расстраивали Джонни. И это, похоже, соответствовало тому месту из письма, где говорилось, что Дороти звонила ему и изводила по телефону.

Вернувшись в больницу, Билли снова начал терять время. В понедельник утром он позвонил писателю и попросил отложить встречу.

Писатель пришел в среду и тут же понял, что Учителя нет и что перед ним просто Билли. Они какое-то время поговорили, и гость, надеясь вновь вызвать интерес Учителя, попросил Билли рассказать об устройстве радиотелефона, над которым он работал. Пока он с трудом подбирал слова, медленно и едва заметно его голос креп, речь становилась более отчетливой, а разговор – более научным. Учитель вернулся.

– Из-за чего ты расстроен? – поинтересовался писатель.

– Я устал. Не спал.

Писатель показал на книгу, которая пришла из Школы радио и электроники Коуди.

– А кто работает над этим оборудованием?

– Тут почти весь день был Томми. Доктор Кол с ним беседовал.

– А сейчас ты кто?

– Учитель. Но очень несчастный.

– Почему ты ушел? Почему появился Томми?

– Из-за мамы. Из-за ее нынешнего мужа. И из-за ее прошлого. Для меня сейчас многое утратило важность. Я сильно напряжен. Вчера я принял валиум и проспал весь день. А прошлой ночью, наоборот, не мог уснуть до шести утра. Я хотел сбежать... еще расстроился из-за совета по условно-досрочному освобождению. Они хотят вернуть меня в Лебанон. И иногда мне хочется сдаться и покончить со всем этим, пусть забирают. Надо что-то придумать, чтобы они от меня отстали.

– Билли, но снова распадаться на части – это не ответ.

– Знаю. Я боролся, пытался достигнуть большего. Я старался делать все то, что умеют мои личности, и это очень утомительно. Вот я нарисую картину, только отложу ее в сторону и вытру краску с рук, берусь за книгу, потом поворачиваюсь лицом к столу, записываю, читаю еще несколько

часов. Потом работаю над этим радиотелефоном.

– Ты слишком уж многого от себя требуешь. Не обязательно делать все и сразу.

– Но мне очень хочется. Я столько лет потерял, надо все компенсировать, а времени мало. Поэтому кажется, что надо делать все быстрее.

Он встал, повернулся к окну.

– И вот что еще: рано или поздно придется поговорить с матерью. А я не знаю, что ей сказать. Но вести себя как раньше я уже не могу. Теперь все изменилось. Решение по условно-досрочному освобождению, надвигающееся слушание о моей вменяемости, а теперь я еще и отцовское предсмертное письмо... мне очень трудно оставаться в слиянии. Все это меня разрывает.

28 февраля Билли вызвал своего адвоката и сообщил, что не желает видеть мать на повторном слушании по вопросу его заключения под стражу, которое должно было состояться на следующее утро.

Глава двадцать первая

1

В результате повторного слушания, которое прошло 1 марта 1979 года, Билли Миллигана оставили в Афинском центре психического здоровья еще на полгода. Все, кто с ним работал, осознавали масштаб нависшей над ним угрозы. И он сам понимал, что как только он вылечится и выпишется из больницы, власти Фэрфилда арестуют его за нарушение условий досрочного освобождения и заставят отсидеть в тюрьме оставшиеся три года из пяти положенных за ограбление аптеки. Помимо этого, его могут обвинить и в нарушении условий досрочного освобождения и добавить еще от шести до двадцати пяти лет за грабежи на стоянках.

Л. Алан Голдсберри и Стив Томпсон, афинские адвокаты, работавшие с Билли, подали прошения в окружной суд Фэрфилда об аннулировании сделанных им признаний. Они ссылались на то, что в 1975 году его личность уже была множественной, и хотя никто об этом не знал, подсудимый был невменяем и не мог выступать в собственную защиту, следовательно, имело место «ноторное правосудие».

Голдсберри с Томпсоном надеялись, что если ланкастерский судья аннулирует его признание вины, то после выздоровления Билли будет свободен.

И Билли жил этой надеждой.

Примерно в то же время он получил приятное известие: его сестра Кэти и ее давнишний возлюбленный Роб Баумгардт решили осенью пожениться. Роб Билли нравился, и он начал готовиться к свадьбе.

Когда Билли гулял по территории клиники, наблюдая за пробуждением весны, ему стало казаться, что худшие времена в его жизни миновали. Ему становилось лучше. Приехав на выходные к Кэти, Билли начал рисовать панно у нее на стене.

Дороти Мур отрицала все обвинения, содержащиеся в предсмертном письме, и дала согласие на его публикацию. По ее словам, Джонни Моррисон перед смертью повредился рассудком. У него был роман со стриптизершей, и когда он писал это письмо, возможно, спутал ее с той женщиной.

Билли помирился с матерью.

В пятницу 30 марта во второй половине дня, вернувшись в отделение, Билли заметил, что другие на него странно смотрят, перешептываются, да и вообще уловил атмосферу напряженности.

– Ты седнешнюю газету видал? – спросила одна из пациенток, протягивая ее Билли. – Ты опять в новостях.

Первым делом он прочел жирный заголовок, напечатанный в самом верху на первой же странице «Коламбус диспэч» от 30 марта:

«ВРАЧИ РАЗРЕШАЮТ НАСИЛЬНИКУ ПОКИДАТЬ БОЛЬНИЦУ – ДЖОН СУИТЦЕР

Как стало известно корреспондентам “Коламбус диспэч”, Уильяма Миллигана, насильника с множественной личностью, направленного в декабре прошлого года на лечение в Афинский центр психического здоровья, ежедневно выпускают в город одного... Дэвид Кол, терапевт Миллигана, заявил корреспонденту, что Миллигану разрешено выходить из Центра и гулять по Афинам, а на выходные он уезжает к родственникам...»

Далее цитировали Теда Джонса, начальника полиции Афин, которому часто приходится выслушивать общественные опасения и которого «тревожит тот факт, что пациент психиатрической клиники свободно разгуливает по кампусу». Репортер также привел слова судьи Флауэрс, который признал Билли невиновным, но все же выступал «против того, чтобы Миллиган имел право выходить на улицу по собственному желанию». А в конце статьи Билли был назван «мужчиной, нагнавшим ужаса на жительниц кампуса Университета Огайо в конце 1977 года».

«Коламбус диспэч» и дальше почти каждый день упорно публиковала новые статьи, выражающие озабоченность тем, что Миллигану разрешается «разгуливать по городу». 5 апреля вышла передовица под названием «Нам нужен законопроект, который защитит общественность».

Испуганные читатели и взволнованные родители афинских студенток принялись звонить руководителю университета Чарльзу Пингу, а тот потребовал у клиники объяснений.

Двое представителей законодательных органов, Клэр «Шумная» Болл – младшая из Афин и Майк Стинциано из Коламбуса, подвергли критике решение клиники и доктора Кола, а также настаивали на пересмотре оснований, на которых Миллигана вообще направили в Афины. Кроме того, они потребовали внести основания в закон, позволяющий признавать человека «невиновным по причине невменяемости».

У Билли нашлись враги и среди персонала клиники, которых крайне

зливо, что он продает свои картины, и они рассказывали журналистам из «Коламбус диспэч», «Коламбус ситизен джорнал» и «Дэйтон дейли ньюс», что у него есть огромные деньги. То, что Миллиган потратил часть средств, полученных с продажи «Грации Кэтлин», на приобретение компактной «Мазды», которую он купил, чтобы перевозить картины, тоже попало в заголовки.

Стициано и Болл настаивали на проведении следственного слушания в афинской клинике. Все возраставшие нападки и критика, разжигаемая чуть не ежедневными статьями и заголовками на первых страницах газет, вынудили доктора Кола и заведующую Сью Фостер просить Миллигана отказаться от отпусков и выходов в город в одиночку до тех пор, пока не стихнет шумиха.

Билли оказался к этому не готов. С тех пор как ему поставили диагноз и начали лечение, он соблюдал правила клиники, держал слово и ни в чем не нарушал закон. А теперь его лишают привилегий.

Учитель расстроился и ушел из пятна.

Когда Майк Руп в одиннадцать часов вышел на работу, Миллиган, сжавшись, сидел в кресле с коричневой обивкой и потирал руки, будто ему страшно. Майк стал оценивать, стоит ли подходить. Его предупреждали, что Миллиган боится мужчин, он также знал, что представляет собой Рейджен, и видел обучающие видеолекции доктора Кола о пациентах с множественной личностью. До сих пор Руп держался в стороне, предоставляя Билли самому себе. В отличие от многих других работников клиники, считавших, что Миллиган симулирует, Майк Руп верил в его диагноз. Он читал историю болезни и записи медсестер и не считал, что парень, даже не закончивший школу, смог обмануть такое множество профессионалов.

Обычно состояние Миллигана казалось Рупу стабильным, а остальное его не особенно интересовало. Но всю последнюю неделю после заголовков в «Диспэч» пациент все больше и больше погружался в депрессию. Рупа самого расстраивали эти паршивые публикации, да и в целом тот факт, что на Миллигана накинута политика.

Руп вышел из-за стола и сел на стул рядом с перепуганной мальчишкой. Он совершенно не представлял, какой реакции ждать от Миллигана, поэтому постарался говорить с ним как можно осторожнее.

– Ты как себя чувствуешь? – начал Руп. – Я могу тебе чем-то помочь?

Миллиган посмотрел на него испуганно.

– Видно, что ты чем-то расстроен. Может, ты хочешь с кем-нибудь поговорить, если да, то я готов выслушать.

– Мне страшно.
– Это я понял. Расскажешь подробнее?
– Это из-за маленьких. Они не знают, что происходит. И им тоже страшно.

– А тебя как зовут? – спросил Руп.

– Дэнни.

– Ты меня помнишь?

Дэнни покачал головой.

– Меня зовут Майк Руп. Я ночной дежурный лаборант в этой психиатрической клинике. И я готов тебе помочь, если нужно.

Дэнни огляделся по сторонам, не переставая тереть запястья. Потом замер, прислушался к внутреннему голосу и кивнул.

– Артур говорит, что вам можно доверять.

– Я слышал об Артуре, – ответил Руп. – Передай ему, что мне приятно это слышать. И, разумеется, я ничего плохого тебе не сделаю.

И Дэнни рассказал, что, как ему кажется, Рейджен ужасно злится из-за того, что устроили газетчики, да и всего остального, и хочет покончить с собой, чтобы положить этому конец. А это напугало младших. Когда у пациента задергались веки, взгляд стал стеклянным, а глаза забегали, Руп понял, что у Миллигана сейчас сменится личность. Появился совсем маленький мальчик, съежился и заплакал так, будто ему больно.

Миллиган продолжал переключаться, и они все говорили и говорили, до двух часов ночи, после чего Руп отвел Дэнни в его комнату.

После этого случая Руп отметил, что испытывает симпатию к некоторым личностям Миллигана. Отбой в мужском отделении соблюдался очень строго (одиннадцать тридцать в рабочие дни и два часа ночи по выходным), но Руп знал, что Миллиган спит очень мало, так что по ночам они много беседовали. Его радовало, что Дэнни и разъединенный Билли ждали встречи с ним, и он начал понимать, почему с Билли было так много сложностей. У Рупа сложилось мнение, что Билли кажется, будто его снова наказывают за преступления, совершенные кем-то другим.

В четверг 5 апреля, в половине четвертого дня, Дэнни оказался на улице, на территории клиники. Он стал оглядываться по сторонам, пытаясь понять, где он и что здесь делает. За спиной у него оказался викторианский особняк из красного кирпича с белыми колоннами, а впереди – река и город. Шагая по траве, он вдруг осознал, что до встречи с Розали Дрейк, которая помогла ему в больнице Хардинга, он не мог гулять по улице вот так просто – без страха.

Потом он вдруг увидел белые цветочки. Сорвав несколько, Дэнни

заметил, что на возвышенности они больше, и направился вверх, вышел за ворота, а потом оказался у небольшого кладбища. Имен на плитах не было, только цифры, и он удивился. Вспомнив, как его самого в девять лет закопали заживо, Дэнни сильно задрожал и начал пятиться. На его могиле не было бы не то что имени, но и даже цифры.

Увидев, что самые большие цветы растут на вершине холма, он полез еще выше, пока не добрался до обрыва. Дэнни подошел к самому краю, вцепился в дерево и принялся смотреть на проходящую под ним дорогу, на реку и дома.

Вдруг на изгибе дороги завизжали шины и засверкали огни. Когда Дэнни смотрел вниз, у него кружилась голова. Очень сильно кружилась. Его уже потянуло вперед, как вдруг за спиной раздался голос. Голос сказал: «Билли, успокойся».

Он обернулся. Почему тут собралось столько людей? Почему ни Артур, ни Рейджен его не спасают? Нога заскользила, и вниз с обрыва полетели камушки. Какой-то мужчина протянул ему руку. Дэнни схватил ее, и незнакомец вытащил его туда, где ему ничего не угрожало. Потом этот хороший человек отвел его в то большое здание со столбами.

– Билли, ты собирался прыгнуть? – спросил кто-то.

Подняв взгляд, он увидел незнакомую женщину. А Артур ему запретил разговаривать с незнакомцами. Но Дэнни понял, что в отделении все очень волнуются, что все на него смотрят и разговаривают о нем, так что он решил лечь поспать, чтобы в пятне оказался кто-нибудь другой...

Вечером Аллен шел по отделению, гадая, что произошло. Его электронные часы показывали без пятнадцати одиннадцать. Он давно не выходил, поскольку ему, как и остальным, было достаточно рассказов Учителя об их жизни и учиться. Складывалось ощущение, будто каждому досталось всего по несколько кусочков огромного пазла сознания, а Учитель, рассказывая их историю писателю, сложил его в четкую картинку, и все увидели свою жизнь более полно. Хотя пробелы все же оставались, поскольку Учитель рассказал *не все*, он делился лишь теми воспоминаниями, которые отвечали на заданные писателем вопросы.

Но теперь Учителя снова не стало, и связь между ним и писателем, да и между ним и остальными, оказалась прервана. Аллен чувствовал себя смущенным и одиноким.

– Билли, что случилось? – поинтересовалась одна пациентка.

Он посмотрел на нее.

– Что-то на ногах едва держусь. Наверное, слишком много таблеток

выпил, – ответил он. – Пожалуй, лягу пораньше.

Через несколько минут проснулся Дэнни и увидел, как в его комнату ворвались несколько человек, которые вытащили его из постели.

– Что я наделал? – с мольбой спросил он.

Кто-то поднял баночку от лекарства, и Дэнни увидел, что несколько таблеток просыпалось на пол.

– Я не брал, – заверил Дэнни.

– Тебе надо в больницу, – услышал он, а кто-то заорал, требуя привезти Миллигану каталку.

Дэнни ушел, появился Дэвид...

Увидев, что к нему приближается Майк Руп, вышел Рейджен, поскольку подумал, что тот хочет сделать Дэнни что-нибудь плохое. Руп попытался поднять Миллигана на ноги, но Рейджен схватил его, и они оба рухнули на кровать.

– Шею тебе переломаю! – зарычал Рейджен.

– Нет, – ответил Руп.

Держа друг друга за руки, они скатились на пол.

– Отпусти! Кости поломаю!

– Тогда, блин, точно не отпущу.

– Если непустишь, тебе будет плохо.

– Не отпущу, пока угрозы свои идиотские не прекратишь.

Борьба продолжилась, потому что ни один не мог одержать верх. Наконец, Руп снова заговорил:

– Я тебя отпущу, если ты отпустишь меня и пообещаешь ничего мне не ломать.

Поняв, что положение патовое, Рейджен согласился.

– Я тебя отпущу, если ты меня отпустишь и отойдешь.

– Расходимся одновременно, – ответил Руп, – и успокаиваемся.

Они посмотрели друг другу в глаза, а потом выпустили друг друга и разошлись.

В дверном проеме уже появился доктор Кол. Он велел другим санитарам подвозить каталку.

– Это мне не надо, – сказал Рейджен. – Передозировку никто не пил.

– Все равно надо поехать в больницу и убедиться в этом, – ответил доктор Кол. – Мы точно не знаем, принимал ли Билли таблетки во время отъездов или прятал. Кто-то сказал, что выпил слишком много таблеток. Так что надо проверить.

Кол продолжал говорить с Рейдженем до тех пор, пока тот не ушел. Появился Дэнни с дрожащими коленками, вскоре у него закатились глаза,

Руп подхватил его и уложил на каталку.

Потом они вышли на улицу и стали ждать машину «Скорой помощи». «Скорая» повезла Миллигана в мемориальную больницу О'Бленесс, и Руп всю дорогу сидел с ним рядом.

В реанимации у него сложилось ощущение, что врач не особо рад, что к ним привезли Билли Миллигана. Руп приложил все усилия, чтобы объяснить доктору, как следует обращаться с Миллиганом и какие меры предосторожности принимать: «Если он заговорит со славянским акцентом, то от него лучше отойти, и пусть с ним общается медсестра обязательно женского пола».

Не обращая на него внимания, врач смотрел на закатившего глаза Дэвида. Руп уже понял, что вместо него сейчас выйдет Дэнни.

– Прикидывается, – констатировал доктор.

– Он переключается и...

– Миллиган, слушай, я промою тебе желудок. Введу тебе через нос трубки и промою.

– Нет, – застонал Дэнни, – не надо трубок... не надо шланга.

Руп догадался, что Дэнни себе вообразил, поскольку мальчик рассказывал, как ему в задний проход засовывали шланг.

– Хочешь ты или нет, но надо, – ответил врач.

Руп заметил переключение.

Рейджен резко сел и быстро оценил ситуацию.

– Слушай, – начал он, – я не позволяю какой-то жалкий доктор на мне делать учебную практику.

Врач сделал шаг назад, внезапно побледнев, развернулся и вышел из кабинета.

– Да пошел он к черту, пусть сдохнет, мне-то что.

Через несколько минут Руп услышал, как реаниматолог звонит доктору Колу и объясняет ситуацию. Затем врач вернулся, уже не такой неприятный и говорливый, и попросил одну из медсестер принести двойную дозу таволги, чтобы Миллигана вырвало. Рейджен ушел, и в пятно снова вышел Дэнни.

Его стошнило, и доктор сделал анализ. Следов лекарств обнаружено не было.

Руп с Дэнни вернулись на машине «Скорой помощи» обратно. К тому времени было уже два часа ночи, Дэнни ничего не понимал и сидел тихо. Ему хотелось лишь одного – спать.

На следующий день команда терапевтов сообщила Билли, что его решили перевести в мужское отделение номер пять закрытого типа. Он не

мог понять почему, ведь он ничего не знал ни о предполагаемой передозировке, ни о поездке в больницу с Майком Рупом. На него через дверь смотрели какие-то незнакомые санитары, так что Рейджен вскочил на кровать, разбил о стену стакан и протянул руку с осколком. «Не приближайтесь!» – предупредил он.

Норма Дишонг побежала к телефону звать на помощь. Через несколько секунд в динамиках зазвучали слова: «Код зеленый».

Появившийся в дверях доктор Кол увидел напряжение на лице Рейджена, услышал его полный злобы голос:

- Давно я не ломал костей. Идите, доктор Кол. Вы первый.
- Рейджен, зачем тебе это?
- Вы предали Билли. Все здесь его предали.
- Это не так. Ты же понимаешь, что все эти проблемы – из-за статей в «Диспэч».
- Я не иду пятое отделение.
- Рейджен, надо. От меня уже ничего не зависит. Это теперь вопрос безопасности.

Кол печально покачал головой и вышел.

Три охранника, держа перед собой матрас, бросились на Рейджена и прижали его к стене. Еще трое уложили его на кровать лицом вниз и схватили за руки и ноги. Артур остановил Рейджена. Сестра Пэт Перри слышала, как Дэнни кричал: «Не насиуйте!»

Артур увидел сестру со шприцем.

- Торазин его остановит.
- Не надо торазина! – закричал Артур, но было уже слишком поздно.

Он слышал, что доктор Уилбур говорила о вреде нейролептиков для пациентов с множественной личностью, поскольку они провоцируют еще большее расщепление. Он постарался замедлить ток крови, чтобы препарат не попал в мозг. Артур заметил, что шесть рук взяли его и потащили из комнаты, потом спустили в лифте на третий этаж, где находилось пятое отделение. Видел смотревшие на него любопытные лица. Кто-то показал ему язык. Кто-то разговаривал со стеной. Кто-то мочился на пол. Ужасно пахло рвотой и фекалиями.

Его бросили в небольшую комнатку, в которой не было ничего, кроме матраса в полиэтилене, и заперли дверь. Услышав хлопок, Рейджен подскочил, чтобы ее вышибить, но Артур остановил его. В пятно вышел Сэмюэль, упал на колени и завыл: «Ой вей! Боже, за что ты меня оставил?» Филип выругался и рухнул на пол; Дэвид принял на себя боль. Кристин, лежа на матрасе, рыдала; Адалана поняла, что ее мокрое лицо лежит в луже

слез. Кристофер сел и начал играть с ботинками. Томми захотел посмотреть, удастся ли отпереть дверь, но Артур выдернул его из пятна. Аллен принялся звать адвоката. Эйприл, переполняемая жаждой мести, воображала, как все здание будет гореть. Кевин ругался. Стив над ним издевался. Ли хохотал. Бобби думал, что мог бы улететь через окно. Джейсон закатил истерику. Марк, Уолтер, Мартин и Тимоти метались по запертой комнатухе, словно безумные. Шон жужжал. Нежелательные личности уже не поддавались контролю Артура.

Молодые санитары пятого отделения наблюдали в окошко за тем, как Миллиган кидается на стены, крутится волчком, бубнит что-то разными голосами и с разными акцентами, смеется, плачет, падает на пол и снова встает. Они все сошлись во мнении, что перед ними буйнопомешанный.

На следующий день пришел доктор Кол и сделал Миллигану укол амитала, успокоительного, которое приводит в сознание. Билли почувствовал, что происходит частичное слияние, но чего-то не хватало: без Артура и Рейджена, которые остались в стороне, как тогда, перед судом, он был разъединенным Билли, пустым, перепуганным и растерянным.

– Доктор Кол, пустите меня обратно в ПИТ, – взмолился он.

– Билли, сотрудники, которые работают в том отделении, теперь тебя боятся.

– Я никого не обижу.

– Рейджен был на грани. Угрожал куском битого стекла. Говорил, что порежет охранников. А мне собирался все кости переломать. Работники клиники грозятся начать забастовку, если мы вернем тебя в открытое отделение. И даже высказываются за то, чтобы тебя отправили отсюда.

– И куда?

– В Лайму.

Одно это слово Миллигана пугало. В тюрьме он слышал об этом месте. И помнил, как Швайкарт со Стивенсон боролись за то, чтобы он не попал в этот ад.

– Доктор Кол, не отправляйте меня туда! Я буду хорошо себя вести. Сделаю все, что скажут.

Кол задумчиво кивнул.

– Посмотрю, что в моих силах.

Кто-то из Афинского центра психического здоровья продолжал тайком общаться с прессой, и газеты по-прежнему пестрели заголовками о Миллигане. 7 апреля «Коламбус диспэч» заявил, что «Миллиган имитировал передозировку и угодил к больным, которых содержат под охраной».

Теперь нападки «Коламбус диспэч» были направлены не только на Миллигана, но и на Афинский центр психического здоровья вообще и доктора Кола в частности. Психиатру звонили по телефону с оскорблениями и угрозами. Кто-то из звонивших прокричал: «Как ты можешь защищать этого насильника, наркоман ты поганый, тупица, я тебя убью!» После этого доктор Кол начал пристально смотреть по сторонам, прежде чем сесть в машину, а на прикроватной тумбочке стал держать заряженный револьвер.

На следующей неделе в «Коламбус диспэч» опубликовали протест Стинциано против попытки Центра психического здоровья под руководством заведующей Сью Фостер определить Миллигана в другую клинику.

«СТИНЦИАНО ПРОТИВ ПЕРЕВОДА МИЛЛИГАНА ИЗ АФИН»

Член палаты представителей штата Майк Стинциано, округ Коламбус, скептически отнесся к стремлению представителей Центра психического здоровья города Афины замалчивать вероятность того факта, что Уильяма С. Миллигана могут перевести в другое учреждение.

Представитель демократической партии Коламбуса убежден в том, что только благодаря газетным публикациям в начале прошлой недели власти штата не смогли скрытно перевести двадцатичетырехлетнего психически больного насильника и грабителя.

“Я, честно говоря, уверен, что если бы факты не были обнародованы, его (Миллигана) перевели бы в другой штат или в (государственную больницу) Лаймы”, – сказал Стинциано.

Как заявила на прошедшей в среду пресс-конференции миссис Фостер: “Ход лечения Билли Миллигана был нарушен публикациями в прессе и его реакцией на них”.

Заведующая сослалась на многочисленные статьи, последовавшие за рассказом “Коламбус диспэч” о том, что Миллигана выпускают из афинской клиники без присмотра.

Заявление миссис Фостер вызвало протест Стинциано: “Безответственно винить прессу в обнародовании фактов”.

Стинциано и Болл потребовали, чтобы Центр психического здоровья Афин вызвал стороннего специалиста для оценки лечения Миллигана. В Афины согласилась приехать доктор Корнелия Уилбур, и, судя по ее отчету, она осталась довольна курсом терапии доктора Кола. Уилбур объяснила, что подобные регрессы часто случаются в ходе работы с множественными личностями.

28 апреля 1979 года в «Коламбус диспэч» появилась новая статья:

«ПСИХИАТР СИБИЛ ОДОБРЯЕТ РЕШЕНИЕ ТЕРАПЕВТА МИЛЛИГАНА ВЫПУСКАТЬ ЕГО БЕЗ ПРИСМОТРА

Мелисса Уиднер

Департамент психического здоровья штата Огайо попросил известного психиатра... высказать свое мнение по поводу пациента Уильяма Миллигана, и никаких глобальных изменений в курсе его лечения она не порекомендовала.

В пятницу доктор Корнелия Уилбур направила в департамент психического здоровья отчет, в котором одобрила терапию Миллигана, до недавнего времени включавшую право покидать Центр психического здоровья города Афины, пациентом которого он является... По словам доктора Уилбур, после 13 месяцев терапии в государственных и частных психиатрических клиниках этот человек уже не представляет опасности для общества. Она рекомендовала продолжить курс лечения, начатый в Афинах.

По мнению данного специалиста, разрешение покидать клинику без сопровождения было вполне взвешенным, а вот появление в газетах статей на эту тему привело к отрицательным последствиям...»

Следующая статья вышла 3 мая 1979 года в «Коламбус ситизен джорнэл»:

«ОБЪЕКТИВНОСТЬ ТЕРАПЕВТА МИЛЛИГАНА ПОСТАВЛЕНА ПОД СОМНЕНИЕ

Член палаты представителей Майк Стинциано, округ Коламбус, усомнился в объективности психиатра, разработавшего курс лечения Уильяма Миллигана... В письме к Майерс Куртц [sic], исполняющему обязанности руководителя департамента психического здоровья и дел по задержкам психического развития штата Огайо, он высказал мнение, что доктор Корнелия Уилбур не вправе оценивать терапию Миллигана, “поскольку именно благодаря ей Уильяма Миллигана поместили в Афины”.

По словам Стинциано, выбирать доктора Уилбур сторонним экспертом по делу Миллигана “так же бессмысленно, как спрашивать Мисс Лилиан [21] о том, чем Джимми Картер занимается в Белом доме”».

11 мая местный филиал национальной организации, защищающей права женщин, отправил доктору Колу письмо на трех страницах, копии которого были разосланы Майерсу Курцу, Майку Стинциано, Филу Донахью [22], Дайне Шор [23], Джонни Карсону, доктору Корнелии Уилбур и в «Коламбус диспэч». Начиналось оно так:

«Доктор Кол,
курс лечения, назначенный Вами Уильяму Миллигану и включающий в себя, по опубликованным в газетах данным, уходы в отпуск без надзора, свободное использование автомобиля, содействие в финансовых сделках, в том числе в продаже прав на книги и фильмы, демонстрирует преднамеренное и явное пренебрежение безопасностью женщин близлежащих регионов. Подобное не должно допускаться ни при каких обстоятельствах...»

Далее в письме говорилось, что в ходе терапии Миллигану не только не объясняли, что насилие, в том числе половое, – это ужасный поступок, но и, наоборот, поощряли «его заслуживающие порицания поступки». Доктора Кола обвиняли в том, что с его подачи Миллиган пришел к выводу, что «хотя и подсознательный, но реальный посыл нашей культуры таков, что насилие против женщин – дело приемлемое, эротизированный продукт массового производства...»

Автор письма настаивала, что доктор Кол «женоненавистник и его неспособность оценить клиническое состояние пациента абсолютно предсказуема. Его заявление, что личность, насилующая женщин – лесбиянка, – это очевидная уловка, нацеленная на то, чтобы оправдать патриархальную культуру... Эта надуманная лесбиянка – удобный, но ошибочный ход, стереотипный козел отпущения, на которого можно переложить вину за мстительно-насильственное или агрессивное проявление сексуальности Миллигана. И, как всегда, с мужчины снимают ответственность за его поступки, а женщину делают жертвой».

Следуя рекомендации доктора Уилбур, Билли решили оставить в Афинах.

Работников отделения ПИТ беспокоило то, что писали о Билли в газетах, а также то, как он на это реагировал, и они потребовали изменить план его лечения, угрожая в противном случае начать забастовку. Некоторым казалось, что доктор Кол проводит с Билли слишком много времени, так что от него потребовали передать ответственность штатной команде, а самому строго ограничить общение с пациентом медицинскими и терапевтическими рамками. Кол неохотно согласился, но лишь для того, чтобы Билли не отправили в Лайму.

Соцработник Донна Хаднел составила и заставила Билли подписать контракт, по которому он обещал придерживаться ряда ограничений; прежде всего ему запрещалось «угрожать кому-либо из сотрудников клиники отказом от общения, ухудшением обращения или отношения». В наказание за первое же нарушение данного пункта ему пообещали ограничить визиты писателя.

Миллигану также запретили держать в комнате стеклянные или острые предметы. Никаких привилегий общего характера без предварительного согласования с утренней командой терапевтов. Никаких входящих телефонных звонков. Самому Миллигану можно звонить лишь раз в неделю адвокату и дважды в неделю – матери либо сестре. Ему также запретили «давать советы какого-либо толка – медицинского, общественного, юридического, экономического или психологического – любому другому пациенту ПИТ». Запретили снимать со счета более восьми долларов семидесяти пяти центов в неделю и иметь при себе большую сумму в какой-либо момент времени. Принадлежности для рисования теперь будут выдавать на ограниченный промежуток времени, и рисовать он сможет только под присмотром. Готовые картины раз в неделю будут забирать. И только если Миллиган будет повиноваться данным правилам в течение двух недель, ему постепенно вернут былые привилегии.

Он согласился на их условия.

Разъединенный Билли придерживался правил, но ему казалось, что клинику превратили в тюрьму. И у него снова возникло ощущение, что его наказывают за то, чего он не делал. Артур с Рейдженем так и не появлялись, и он почти все время смотрел телевизор с другими пациентами.

Через две недели Миллигану вернули первую из его привилегий – а именно визиты писателя.

С того времени, как начались нападки «Диспэч», Учитель не выходил. А Билли испытывал неловкость из-за того, что он не может чего-то вспомнить и рассказать подробностей о том, что случилось с ним в

прошлом. Во избежание путаницы они с писателем договорились, что разъединенный Билли в разговорах с ним будет представляться как «Билли-Р».

– Все наладится, – пообещал писателю Билли-Р. – Извините, что пока ничем больше не могу вам помочь. Но когда мои Артур с Рейдженем вернутся, все будет хорошо.

3

Писатель снова пришел в следующую пятницу, 22 мая, и его опять встретил разъединенный Билли. Он говорил сбивчиво, отвлеченно смотрел в сторону и был в целом подавлен, что опечалило писателя.

– Спрашиваю для проформы: с кем я разговариваю?

– Это я, Билли-Р. Все еще разъединенный. Мне очень жаль, но Артур с Рейдженем так и не вернулись.

– Билли, ты не обязан извиняться.

– От меня толку не будет.

– Ничего страшного. Можем поговорить.

Билли кивнул, но он все равно казался апатичным и опустошенным.

Через некоторое время писатель сказал, что он может попросить разрешения выйти с Билли погулять. Они отыскали Норму Дишонг, и та согласилась с условием, что они не должны покидать территорию клиники.

День был солнечный, в какой-то момент писатель предложил Билли пройти тем путем, каким Дэнни в тот день добрался до обрыва.

Билли плохо представлял себе, как шел Дэнни, знал лишь направление и попытался восстановить события того дня, но не получилось. Воспоминания были слишком расплывчатыми.

– Есть одно место, куда я люблю ходить, когда хочется побыть одному, – сказал он. – Пойдемте туда.

По пути писатель спросил:

– Когда ты находишься в состоянии лишь частичного слияния, что происходит с остальными людьми, как это выглядит в твоей голове?

– Мне кажется, что оно меняется, – ответил Билли. – То, что называют «сознанием». Как будто нас с некоторыми другими людьми пронзает общее сознание. По-моему, это происходит постепенно. И мне кажется, что не у каждого человека с любым другим оно может возникнуть, но это пока только начало. Время от времени один вдруг как будто знает, что творится с другим, а как и почему – не представляю.

Например, на прошлой неделе у нас на верхнем этаже состоялся спор с доктором Колом, еще одним психиатром и этим адвокатом. С ними ругался Аллен. Вдруг он встал и сказал: «Да пошли вы все к черту. До встречи в Лайме». И ушел. А я в это время сидел в фойе на стуле и вдруг услышал, что он сказал, слово в слово.

Я закричал: «Что? Эй, погоди-ка! Что значит «в Лайме»? И я сижу на краешке стула, трясусь от страха из-за того, что услышал чужой разговор, который произошел несколько секунд назад, как будто в мгновенном повторе. Из кабинета вышел второй психиатр, остановился, и я обратился к нему: «Послушайте, вы должны мне помочь».

Он спрашивает: «В каком смысле?», а я затрясся и рассказал о том, что услышал в голове. И поинтересовался у него, правда ли это: «Я только что согласился, чтобы меня отправили в Лайму?» Он сказал, что да. И я тогда закричал: «Не слушайте меня, не слушайте!»

– И это началось только недавно?

Билли задумчиво посмотрел на писателя.

– Думаю, это первый признак появления общего сознания без полного слияния.

– Это очень важно.

– Но страшно. Я плакал и кричал. Все, кто там был, уставились на меня. А я не знал, что только что сказал, и не мог понять, почему все на меня смотрят. Но потом эти слова звучали в голове снова и снова.

– Ты сейчас еще разъединенный Билли?

– Да, я Билли-Р.

– И именно ты слышишь этот мгновенный повтор?

Он кивнул.

– Потому что я первичен, я ядро, я и генерирую общее сознание.

– И каково это?

– Это означает, что я выздоравливаю, но и очень пугает. Иногда я думаю: а хочу ли я выздоравливать? Стоит ли оно всего этого страха и дряни, которую приходится терпеть? Или лучше опять похоронить себя в глубине собственного мозга и забыть обо всем?

– Каков же твой ответ?

– Не знаю.

Когда они дошли до небольшого кладбища возле школы Бикона для умственно отсталых, Билли заговорил тише:

– Я иногда прихожу сюда и пытаюсь разобраться в том, что творится. Это самое печальное место на свете.

Писатель посмотрел на маленькие надгробия – многие уже упали и

заросли травой.

– Интересно, почему здесь только цифры? – спросил он.

– Если на всем белом свете у тебя нет ни единого родственника или друга, – сказал Билли, – если всем на тебя плевать и ты умираешь в этом месте, то все записи в архивах о тебе уничтожают. Но список захороненных существует – на случай если кто объявится. Почти все, кто здесь лежит, умерли во время лихорадки... пятидесятого года, кажется. Хотя вон там есть и 1909 год, и еще более ранние.

Билли начал бродить между могилами.

– Я приходил сюда и сидел на берегу возле тех сосен, когда хотел побыть один. На этом кладбище, когда знаешь, что это за место, очень тоскливо, но в то же время как-то умиротворяюще. Посмотрите, как нависло над ним вон то мертвое дерево. В нем столько грации и достоинства.

Писатель кивнул, перебивать ему не хотелось.

– Кладбище сначала устраивали по кругу. Видите большую спираль? А когда случилась та крупная эпидемия, места стало не хватать, и поэтому пришлось хоронить рядами.

– Это кладбище до сих пор используется?

– Да, когда умирает кто-то, у кого нет близких. Это очень больно. Вот представьте, если бы вы пришли искать потерянного давно родственника и выяснили, что он или она – номер сорок один? А там, на берегу, свалены еще горы плит. Очень угнетает. Никакого уважения к мертвым. А правильные могилы – они не государственные. Их поставили люди, отыскавшие своих родных. Написали на них имена. Люди вообще любят смотреть на прошлое, пытаясь понять, откуда они произошли. И когда они узнают, что их предков или родственников положили тут с каким-то номером вместо нормального надгробия, они начинают беситься. И говорят: «Это же член моей семьи, надо же его как-то уважать». И неважно, что человек был белой вороной, больным и так далее. Жалко, что правильных надгробий мало. Я тут много гулял, когда мог... – Билли смолк, хихикнул и продолжил: – Когда мог «разгуливать без надзора».

Писатель понял, что это цитата из «Диспэч».

– Рад, что ты можешь над этим смеяться. Надеюсь, ты не позволишь им еще раз тебя этим зацепить.

– Меня это больше не беспокоит. Это уже в прошлом. Я понимаю, что нападки на этом не закончатся, но это больше уже не будет как гром среди ясного неба и легче будет справляться.

Пока они разговаривали, писатель вдруг уловил в Билли едва заметную

перемену. У него ускорилась походка, речь стала более четкой. А потом он еще и подшутил над газетными заголовками.

– Позволь тебя кое о чем спросить, – начал писатель. – Если бы ты изначально не представился как Билли-Р, ты мог бы меня одурачить, ведь сейчас ты говоришь как Учитель...

Билли улыбнулся, у него загорелись глаза.

– Ну, может, спросите?

– Ты кто?

– Я Учитель.

– Вот сукин сын. Любишь ты меня удивить.

Он улыбнулся.

– Так бывает. Когда я расслаблюсь, это случается. Но требуется внутренний покой. Это я тут понял... в разговоре с вами, когда смог все снова увидеть, пережить и вспомнить.

– А почему ты ждал, когда я спрошу? Почему сразу не сказал: «Привет, я Учитель»?

Миллиган пожал плечами.

– Ну, мы же не только что встретились. С вами разговаривал разъединенный Билли. Потом внезапно к беседе присоединился Рейджен, а потом и Артур, поскольку им было что сказать. Так что мне неловко было бы говорить вдруг «О, привет, как дела?», ведь мы уже какое-то время общались.

Они пошли дальше, и Учитель продолжил:

– Артур с Рейдженем действительно очень хотят помочь Билли объяснить вам, что с нами произошло во время последней сумятицы.

– Давай, – согласился писатель, – рассказывай.

– Дэнни совершенно не собирался прыгать с обрыва. Он увидел, что наверху цветы крупнее, и пошел за ними.

Учитель шагал вперед, показывая писателю путь, который привел Дэнни к тому дереву. Писатель посмотрел вниз. Да, если бы Дэнни спрыгнул, самоубийство бы удалось.

– И Рейджен не собирался делать охранникам ничего плохого, – объяснял Учитель. – Он хотел порезать себя. Потому что Билли предали. – Он вытянул руку, чтобы показать, как стекло было направлено на собственное горло, в то время как другие восприняли это за угрозу. – Рейджен задумал перерезать себе глотку, чтобы покончить со всем этим.

– А зачем ты грозил переломать кости доктору Колу?

– На самом деле Рейджен собирался сказать: «Иди сюда, доктор Кол, посмотришь, как я буду ломать кости». Я этого малыша обидеть не

собирался.

– Билли, оставайся в слиянии, – сказал писатель. – Учитель всем очень нужен. Нам надо работать. История твоей жизни очень важна.

Билли кивнул.

– Да, сейчас я именно этого и хочу. Чтобы все узнали.

Лечение шло своим чередом, но давление на администрацию клиники извне не прекращалось. Двухнедельный контракт, подписанный Билли с персоналом, продлили, потихоньку восстанавливая привилегии. «Колабмус диспэч» продолжал публиковать агрессивные статьи против Миллигана.

Власти штата отреагировали на публикации в газетах и начали торопить слушания. Узнав, что о Миллигане пишут книгу, они внесли на рассмотрение законопроект № 557, который запрещал бы правонарушителям, включая признанных невиновными на основании невменяемости, получать какие-либо деньги за публикацию своих биографий и за раскрытие совершенных ими преступлений. Слушание по этому законопроекту в юридическом комитете штата должно было состояться через два месяца.

4

В июне состояние Билли продолжало оставаться стабильным, несмотря на постоянные нападки в газетах и вызываемые ими изменения в жизненном укладе и лечении. Миллигану разрешили возобновить занятия спортом на территории клиники (но не выходить в город одному). Продолжались и терапевтические сессии с доктором Колом. Пациент начал снова рисовать. Но и писатель, и доктор Кол отмечали, что в Билли произошла заметная перемена. Воспоминания стали менее точными. К тому же он начал манипулировать, как Аллен, и плохо относиться к людям, как Томми, Кевин и Филип.

Учитель рассказал писателю, что однажды, когда он работал с радиооборудованием Томми, услышал, как сам сказал вслух: «Так, а что это я делаю? Радиовещание без лицензии запрещено законом». И, не переключаясь на Томми, добавил: «Да какая, к черту, разница?»

Его самого такой новый взгляд на мир шокировал и пугал. Он уже начал верить, что все эти личности – Учитель согласился, что этот термин лучше, чем «люди» – часть его самого. И вдруг, впервые и без переключения, он *почувствовал себя* как они. Значит, вот оно – настоящее

слияние. Он стал общим знаменателем всех двадцати четырех личностей, и это сделало его не Робинот Гудом и не Суперменом, а совершенно обычным злым, нервным, умным и талантливым манипулятором.

Как и предполагал ранее доктор Джордж Хардинг, Билли Миллиган в состоянии слияния представлял собой меньше, чем сумма его составных частей.

К тому времени Норме Дишонг уже не хотелось работать с Билли. Она устала от давления. Но и никто другой не стремился его взять. Наконец на это согласилась напарница Дишонг Ванда Пенкейк, новенькая в команде отделения ИТ, хотя в целом она проработала в клинике уже десять лет.

Ванда Пенкейк, молодая невысокая и коренастая женщина с квадратным лицом, разведенная, боялась пациента. Позднее она призналась: «Впервые услышав о том, что его помещают к нам, я подумала: ну, отлично. Из-за всего, что писали в газетах, я перепугалась до смерти. Ну, он же насильник. И агрессивный».

Она вспоминает, как в декабре увидела Миллигана впервые, когда его только приняли в ПИТ. Он рисовал в комнате для отдыха. Ванда пришла с ним поговорить; она заметила, что ее просто трясет от страха, дрожал даже локон упавших на лоб волос.

Пенкейк была из тех, кто не верил в расстройство множественной личности. Но через несколько месяцев пребывания Билли в клинике страх Ванды исчез. Миллиган специально сказал ей то же, что говорил всем женщинам отделения: не стоит бояться того, что он может переключиться на Рейджена, поскольку тот ни за что не обидит женщину или ребенка.

К этому времени они уже хорошо ладили. Ванда время от времени заходила к Билли в комнату, проверить, как у него дела, и они подолгу разговаривали. Она поняла, что испытывает к нему симпатию и начинает верить в то, что он страдает от расщепления личности. И наряду с сестрой Пэт Перри защищала Миллигана от тех, кто продолжал относиться к нему враждебно.

Ванда Пенкейк впервые увидела Дэнни, когда он лежал на диване и пытался отковырять коричневые пуговицы с обитой вином спинки. Она спросила, зачем он это делает.

– Просто хочу их оторвать, – сказал он мальчишеским голосом.

– Перестань. Ты вообще кто такой?

Он рассмеялся и принялся дергать еще сильнее.

– Дэнни.

– Так вот, Дэнни, если ты не прекратишь, я дам тебе по рукам.

Посмотрев на нее, он напоследок еще подергал пуговицы, но когда

Ванда подошла, перестал.

Во время их следующей встречи Дэнни выбрасывал в мусорное ведро одежду и еще какие-то свои вещи.

– Что ты делаешь?

– Выбрасываю.

– Почему?

– А это не мое. Мне это не нужно.

– Не надо этого делать, Дэнни. Отнеси вещи обратно в свою комнату.

Он ушел, оставив все в ведре, так что Ванде пришлось сделать это самой.

После этого она еще несколько раз заставляла Билли за тем, как он выбрасывал одежду и сигареты. Бывало, что кто-нибудь приносил то, что он выкидывал в окно. А потом Билли всегда интересовался, кто брал его вещи.

Однажды Ванда привела свою полуторагодовалую племянницу Мисти в комнату отдыха, когда Билли там рисовал. Он наклонился к ней, улыбнулся, а малышка отшатнулась и заплакала. Билли с грустью посмотрел на нее.

– Ну, ты чего, ты же еще мала, чтобы читать газеты?

Ванда посмотрела на пейзаж, над которым он работал.

– Билли, очень красиво, – похвалила она. – Мне бы твою картину. Денег у меня немного, но если ты нарисуешь мне маленького оленя, я с радостью за него заплачу.

– Хорошо, но сначала я хотел бы написать портрет Мисти.

И он взялся за дело, радуясь, что Ванде нравится его работа. Да и разговаривать с этой приземленной женщиной было проще, чем с большинством остальных. Миллиган знал, что она разведена, что своих детей у нее нет и что живет она в фургончике неподалеку от своих родственников в небольшом аппалачском городке, в котором и родилась. Ванда была простой грубоватой молодой женщиной с пытливым взглядом, а когда она улыбалась, на щеках у нее появлялись ямочки.

Однажды Билли бегал вокруг больницы и как раз думал о ней, и тут Ванда подъехала на новеньком полноприводном пикапе.

– Когда-нибудь ты должна дать мне на нем прокатиться, – сказал он, продолжая бежать на месте, пока она выходила из машины.

– Ни за что, Билли.

Тут он заметил антенну от любительского радиопередатчика и номер, наклеенный на заднее стекло.

– Я и не знал, что ты радиолобитель.

– Да, – сказала Ванда, закрыла машину и направилась к клинике.
– И под каким позывным ты в эфире? – спросил он, заходя вместе с ней в здание.

– «Убийца оленей».

– Нестандартный выбор для женщины. Почему именно это?

– Потому что люблю охотиться на оленей.

Миллиган застыл и уставился на соцработника.

– Что с тобой?

– Ты охотишься на оленей? Убиваешь животных?

Ванда посмотрела прямо на него.

– Первого убила в двенадцать лет, и с тех пор ежегодно бываю на охоте. В прошлом сезоне мне не очень-то везло, но я жду не дождусь следующей осени. Я убиваю их ради мяса. И считаю это правильным. Так что даже и не начинай.

Они вместе поднялись на лифте. Потом Билли пошел в свою комнату и разорвал эскизы ее оленя.

1 июля 1979 года «Коламбус диспэч» опубликовал статью Роберта Рута, заголовок которой был обведен ярким красным прямоугольником.

«ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ НАСИЛЬНИКА МИЛЛИГАНА МОГУТ ВЫПУСТИТЬ НА СВОБОДУ»

В статье говорилось о том, что через три-четыре месяца Билли могут признать вменяемым и что Верховный суд США может трактовать закон в пользу Миллигана и выпустить его на свободу. Заканчивалась статья так:

«Он [Майк Стинциано] предположил, что жизнь Миллигана может оказаться в опасности, если какой-нибудь житель Коламбуса увидит его на улицах города».

Прочитав это, доктор Кол сказал: «Боюсь, эта статья может натолкнуть кого-нибудь именно на такие мысли».

Через неделю за Билли приехал жених Кэти Роб Баумгардт и его брат Бойс, чтобы забрать Миллигана на выходные под свою ответственность. На них были армейские спецовки, в которых они снялись в массовой фильме «Брубэйкер»^[24]. Когда они спустились по лестнице, Билли заметил, как изумленно смотрят на него охранники из своего закутка. Он постарался сдержать улыбку, чтобы не портить впечатление, будто его уводит военный эскорт.

Билли рассказал писателю о том, что стал замечать в себе пугающие перемены. Не переключаясь на Томми, он открывал запертые двери без ключа. Ездил на новом мотоцикле, не становясь Рейдженем, но гонял именно как он, вверх по крутым склонам. И ощущал пульсацию адреналина, как Рейджен, хорошо чувствуя собственное тело, слаженную работу всех мышц в этом новом для него деле, ведь сам Билли раньше не ездил на мотоцикле.

Он также заметил, что ему стали неприятны люди, другие пациенты его раздражали, персонал клиники тоже нервировал. А еще Билли охватывало странное желание взять двухметровую металлическую палку с крюком на конце и пойти к распределителю. Он знал, где находится трансформатор. Если опустить рычаг, наступит тьма.

Билли говорил себе, что это плохо. Если на улицах погаснут фонари, кто-нибудь может разбиться. Но откуда вообще такое желание? А потом он вспомнил одну ссору между матерью и Челмером, когда Томми стало совсем невыносимо и он уехал на велике вниз по Спринг-стриту. Добравшись до распределителя, он забрался туда и вырубил свет. Томми знал, что в темноте люди становятся спокойнее. И им придется прекратить ругань. Тогда без электричества остались три улицы – Хьюберт-авеню, Меттоф-драйв и Спринг-стрит. Когда он вернулся, было темно, ссора завершилась, и Дороти с Челмером в темноте пили кофе при свечах.

И поэтому Билли захотелось сделать это снова. Кэти рассказывала ему, что Дороти страшно ругается с Дэлом. Билли с улыбкой посмотрел на трансформатор. Это лишь приступ социопатического дежавю.

Он подозревал, что его проблемы не ограничиваются тем, что лежит на поверхности, поскольку у него практически не проявлялся интерес к сексу. Хотя возможности предоставлялись. Дважды, когда все думали, что он уехал к сестре, Билли снимал номер в афинском мотеле с какой-нибудь из женщин, проявлявших к нему интерес, но оба раза, заметив у дороги наблюдавшую за ним полицейскую машину, он отказывался от этого. Все равно Билли чувствовал себя виноватым ребенком.

Он умножил попытки познать себя, изучая стадии развития населявших его людей, и понял, что их влияние становится более умеренным. На выходных он купил ударную установку, предварительно опробовав ее в магазине и изумившись своему мастерству. Аллен раньше играл, но теперь это мог делать Учитель и даже разъединенный Билли. Еще он играл на тенор-саксофоне и на фортепиано, но для эмоциональной разрядки барабаны подходили лучше любого другого инструмента.

Установка его трогала.

Когда в Коламбусе прослышали о том, что Миллиган снова выпускают без надзора, нападки на доктора Кола возобновились. Комитету по нравственности штата Огайо приказали начать расследование с перспективой выдвинуть против Кола обвинения за ненадлежащее исполнение служебных обязанностей. Предполагалось, что Миллиган получает особые привилегии, потому что Кол втайне пишет о нем книгу. Поскольку по закону перед началом подобного расследования должна быть подана жалоба, это сделал один из юристов комитета.

Получив удар уже с другой стороны и осознав, что под угрозой находится не только план лечения пациента, но еще и его медицинская карьера и репутация, 17 июля 1979 года доктор Кол дал письменные показания под присягой:

«События последних месяцев, связанные с лечением Билли Миллигана, повлекли за собой события и проблемы, выходящие за границы разумного и, как я считаю, за пределы логики, здравого смысла и даже закона...

Большую часть возникших споров, если не все, вызвал избранный мной метод лечения данного пациента. Мое решение одобрили все профессионалы, имеющие познания в данной сфере...

Я считаю, что меня бранят и критикуют из совсем уж низменных побуждений, самым незначительным из которых являются попытки прославить одного представителя законодательной власти, а также публикация сомнительных газетных статей...»

Впоследствии, после затянувшихся на несколько месяцев сложных и дорогостоящих юридических ходов, включавших вызовы в суд, письменные показания под присягой и встречные иски, доктора Кола единогласно признали невиновным в каких-либо правонарушениях. Но в течение этого периода он тратил все больше и больше времени и сил на то, чтобы защитить себя, свою репутацию и свою семью. Кол понимал, чего от него все хотят; он мог бы посадить Билли под замок, чтобы все это прекратилось, но отказался поддаваться эмоциональному шантажу законодателей и газетчиков, поскольку осознавал, что для лечения Билли важно, чтобы к нему относились точно так же, как и к любому другому пациенту.

В пятницу 3 июля Билли разрешили привезти часть картин в Национальный банк Афин, который дал согласие выставить их в течение августа у себя в фойе. Билли был счастлив, готовил новые работы, ставил холсты, рисовал, обрамлял. Он также уделял время и подготовке к свадьбе Кэти, назначенной на 28 сентября. Часть денег, полученных с картин, он потратил на аренду зала для празднования и заказал себе смокинг. Этого дня он ждал с нетерпением.

Прознав о выставке, из Коламбуса приехали газетчики и телерепортеры. Получив одобрение адвоката, Миллиган дал интервью для вечерних новостей Джен Райан с канала «Дабл-ю-ти-ви-эн-ти-ви» и Кевин Бургер с «Дабл-ю-би-эн-эс-ти-ви».

Джен Райан он рассказал о своих картинах и о том, что, по его мнению, лечение в Афинском центре психического здоровья идет ему на пользу. На вопрос, какую часть картин создают другие личности, Билли ответил: «Можно сказать, что мы работаем все вместе. Все они – часть меня, и мне надо научиться с этим жить. Их талант – это мой талант. Но я теперь взял на себя ответственность за свои поступки и хочу нести ее и далее».

Миллиган сообщил, что доходы с продажи картин пойдут на оплату лечения, услуг адвоката и на борьбу с детским насилием.

Билли также поделился ощущением, что его личности объединяются в единое целое и что теперь он уже может задумываться о намеченной работе – акциях, направленных на предотвращение насилия над детьми: «Я бы хотел, чтобы за приемными семьями вели надлежащий контроль для уверенности, что ребенку там хорошо и безопасно. Эмоциональные потребности детей тоже нужно учитывать, не только физические».

Джен Райан, которая уже беседовала с Миллиганом в декабре предыдущего года, когда снимала о нем получасовой документальный фильм, отметила, что больше всего он переменился в своем отношении к обществу. Несмотря на такое трудное детство, Билли начал смотреть в будущее с надеждой.

«Я начал чуть больше верить в нашу систему правосудия. Мне уже не кажется, что весь мир против меня».

Кевин Бургер в шестичасовых новостях отметила, что курс терапии, который Миллиган проходит в Центре психического здоровья Афин, вызывает оживленную полемику и резкую критику, но Билли при этом начал ощущать себя членом общества.

«Сейчас жители Афин вызывают у меня более приятные чувства, – сказал он. – Люди узнали меня лучше и не так враждебно настроены. И

уже не боятся меня как тогда, когда меня сюда только перевели. К тому же этот страх еще подстегивался... другими средствами...»

Миллиган отметил, что очень тщательно подбирал картины, которые предстояло выставить на общественное обозрение. Что-то на выставку не попало, поскольку он боялся, что кто-то попробует анализировать его через работы. Билли признался, что очень беспокоится, как оценят его творчество. «Я надеюсь, что люди пойдут на выставку не в поиске острых ощущений, а потому, что их интересует искусство».

Миллиган добавил, что ему хотелось бы пойти учиться, чтобы усовершенствовать свое мастерство, но он боится, что из-за его репутации в колледж его не возьмут. Может, когда-нибудь ситуация изменится. Он готов подождать.

«Главное, что я теперь смотрю в глаза реальности», – сказал он репортеру.

По ощущениям Билли персонал клиники благоприятно отреагировал на вечерние выпуски новостей, в которых, помимо интервью, показали, как он развешивает картины. Уже почти все относились к нему доброжелательно; лишь некоторые открыто критиковали. Миллигану даже стало известно о том, что некоторые из тех, кто раньше относился к нему враждебно, стали положительно оценивать результаты его терапии. Билли удивляло, что ему рассказывали о том, что говорилось на собраниях и записывалось в его карте.

И он понимал, что после палаты номер пять прошел большой путь.

В субботу, 4 августа, Миллиган направлялся к двери отделения ПИТ, как вдруг зазвучала аварийная сигнализация лифта. Между четвертым и пятым этажами застряла девушка с задержкой умственного развития. Увидев, как искрит, гудит и шипит внешний распределительный щит, Билли понял, что, вероятнее всего, произошло короткое замыкание. В коридоре уже собралось и несколько других пациентов, а застрявшая девушка стала кричать и колотить по дверям. Билли позвал на помощь, и когда подошел один рабочий, они вместе открыли внешние двери лифта.

На шум вышли Кэтрин Джиллот и Пэт Перри. На их глазах Билли полез в шахту лифта, протиснувшись через потолочный люк. Спрыгнув на пол рядом с девушкой, он заговорил с ней, стараясь успокоить. Пока ждали лифтера, Билли занялся ремонтом изнутри.

– Ты какое-нибудь стихотворение знаешь? – спросил он девушку.

– Я знаю Библию.

– Почитай мне какие-нибудь псалмы, – попросил Билли.

И они около часа обсуждали Священное Писание.

Когда лифт наконец запустили, они вышли на четвертом этаже.

– Я хочу газировки, – сказала девушка, посмотрев на Билли.

В следующую субботу Билли встал рано. Его радовали мысли о выставке, но расстраивала статья в «Диспэч», в которой, как всегда, все написали по-своему: что он – «насильник с расщеплением личности» и что у него их *десять*. Миллигану приходилось привыкать к смешанным чувствам, которые были для него внове, – трудные, но необходимые для достижения психической стабильности.

Утром он решил пробежаться до кафе при университете и купить пачку сигарет. Хотя понимал, что идея не лучшая. Раньше сигареты курил только Аллен. Но казалось, что это необходимо. Когда вылезется, избавится и от этой вредной привычки.

Выйдя из клиники и спустившись по лестнице, Билли заметил напротив входа машину, в которой сидели двое мужчин. Он подумал, что это чьи-нибудь родственники. Но когда перешел через дорогу, машина проехала мимо него. И, завернув за угол, он снова ее увидел.

Миллиган пересек свежескошенный газон, вышел к пешеходному мосту над речкой, протекавшей по границе больничной территории, и уже в четвертый раз заметил ту же машину: она выехала на Дейри-лейн, которая вела от ручья к кафе, и после моста Билли предстояло идти именно по этой улице.

Когда он остановился на мосту, окно в машине опустилось, и появилась рука с пистолетом. Кто-то выкрикнул его имя.

Билли замер.

И распался на части.

Рейджен развернулся и прыгнул в речку, так что пуля в него не попала. Вторая тоже. И третья. Рейджен подобрал со дна палку, выбрался на берег и ударил по заднему стеклу. Оно разбилось вдребезги, и машина уехала.

А Рейджен еще долго стоял, его просто трясло от ярости. Учитель на мосту замер, повел себя как человек слабый и нерешительный. Если бы Рейджен не выскочил в пятно и не предпринял решительных действий, все были бы мертвы.

Рейджен медленно побрел обратно в клинику, обсуждая по пути с Алленом и Артуром план действий. Надо сказать доктору Колу. В клинике они – легкая мишень. В любой момент их могут найти и убить.

Аллен рассказал об этом доктору Колу и высказал мнение, что теперь ему как никогда важна возможность уезжать из больницы, чтобы подыскать

себе безопасное место на время слушания по вопросу аннулирования сделанного им признания вины. А после этого Билли сможет уехать из Огайо в Кентукки, чтобы продолжить лечение у Корнелии Уилбур.

– Очень важно, – сказал Артур Аллену, – чтобы об этом нападении никто не узнал. Если газеты будут молчать, это обескуражит стрелявших. Они испугаются, что Билли сам что-нибудь замышляет.

– А писателю скажем? – спросил Аллен.

– Не должен знать никто, кроме доктор Кол, – настаивал Рейджен.

– У Учителя встреча с ним в час. Он появится?

– Я не знаю, – ответил Артур, – Учителя не видно. Наверное, ему стыдно, что он так растерялся там, на мосту.

– И что я скажу писателю?

– Ты хорошо язык болтаешь, – ответил Рейджен, – притворись сам, что Учитель.

– Он догадается.

– А ты представься Учителем, – добавил Артур. – Он тебе поверит.

– Что, *соврать*?

– Он ведь расстроится, если узнает, что Учитель распался и исчез. Они сдружились. И мы не можем поставить под угрозу книгу. Все должно идти точно так же, как до этого покушения.

Аллен покачал головой.

– Вот уж не ждал, что вы велите мне врать.

– Когда это делается в благих целях, – ответил Артур, – чтобы человек не страдал, то это, по сути, и не ложь.

В ходе встречи писателю стало не по себе от манер и поведения Билли. Он казался слишком высокомерным, много требовал и пытался манипулировать. Билли сказал, что его всегда учили надеяться на лучшее, но готовиться к худшему. Но теперь положение изменилось. Он не сомневается, что его отправят обратно в тюрьму.

Писателю показалось, что перед ним не Учитель, но он сомневался. Потом пришел Алан Голдсберри, адвокат Билли, и у писателя сложилось ощущение, что это Аллен объясняет, почему решил составить завещание, по которому все должно достаться его сестре. «В школе ко мне постоянно цеплялся один хулиган. Однажды он собирался меня побить, но этого не случилось. А потом я узнал, что Кэти отдала ему свои последние деньги, лишь бы он меня не лупил. Я этого никогда не забуду».

Уехав на выходные к Кэти, Дэнни с Томми продолжили рисовать

панно, а Аллен тем временем беспокоился о предстоящем слушании в Ланкастере. Он знал, что если победа будет за ним, то доктор Кол отправит его в Кентукки, а доктор Уилбур ему поможет. А если судья Джексон вынесет решение против него? Если ему суждено провести остаток жизни в психушках и тюрьмах? Он и так уже получает счета за лечение по расценкам больше сотни долларов в день. Они хотят отобрать у него все деньги. Хотят его разорить.

Уснуть в субботу он не мог. Часа в три ночи Рейджен пошел на улицу и тихо выкатил из дома мотоцикл. На долину напал туман, и ему хотелось кататься до самого утра. Он поехал в сторону дамбы Логана.

Он очень любил туманные ночи и часто бродил в самый густой туман как по чаще леса, так и по озеру, наблюдая за тем, как даже совсем близкие предметы исчезают из вида. А три часа – это вообще самое лучшее время.

Подъехав к верхнему краю дамбы, настолько узкому, что там едва умещалось колесо мотоцикла, Рейджен выключил переднюю фару; иначе ее отражение в тумане ослепило бы его. При выключенном свете он видел светлую полосу дамбы и черноту с обеих сторон. Рейджен держал колесо строго по центру. Это будет опасно, но он испытывал в этом потребность. В том, чтобы снова выйти победителем. Время от времени ему хотелось сделать что-нибудь рискованное, хотя не обязательно противозаконное, ощутить прилив адреналина. Почувствовать себя победителем.

По этому узкому выступу дамбы он еще никогда не ездил. И не знал, насколько он длинный. А впереди ничего не видно. Но Рейджен понимал, что ехать придется на достаточно высокой скорости, чтобы не завалиться набок. Ему было страшно, но попробовать, черт возьми, надо.

Оттолкнувшись ногой, Рейджен начал путь по этой узкой полоске, придерживаясь ее центра. Успешно добравшись до противоположного берега, он развернулся и поехал обратно. А потом закричал, заплакал, и по щекам потекли слезы, замерзавшие от дувшего в лицо ветра.

Вернулся он очень уставший, и ему снилось, что тогда, на мосту, его застрелили из-за того, что Учитель замер и подвел их всех.

Глава двадцать вторая

1

В понедельник 17 сентября, в день, когда должно было состояться слушание, писатель заметил Билли в коридоре отделения ПИТ и по понимающей улыбке, ясному взгляду и кивку догадался, что это Учитель. Они крепко пожали друг другу руки.

– Давно не виделись, – приветствовал писатель. – Рад встрече.

– Тут просто все так завертелось.

– Давай побеседуем наедине, пока нет Голдсберри с Томпсоном.

Они вошли в небольшой конференц-зал, и Учитель рассказал писателю о покушении, о том, что личности опять разъединились, что Аллен берет в аренду новую спортивную машину и что как только судья аннулирует его признание, он помчится в Лексингтон на лечение к доктору Уилбур.

– А кто выдавал себя за тебя во время наших встреч в прошлом месяце?

– Аллен. Извините. Артур считал, что вы расстроитесь, если узнаете, что снова произошло расщепление. Хотя обычно его не заботит, кто что чувствует. Остается лишь предполагать, что он был в шоке после стрельбы.

Они беседовали до тех пор, пока не приехали Голдсберри с Томпсоном, а потом все вместе поехали в окружной суд Фэрфилда в Ланкастере.

Голдсберри с Томпсоном предъявили судье письменные показания, данные под присягой докторами Джорджем Хардингом, Корнелией Уилбур, Стеллой Кэролин и Дэйвидом Колом, а также психологом Дороти Тернер, «с достаточной медицинской уверенностью» сходящихся в том, что Билли Миллиган во время совершения нападений на стоянках и ограбления аптеки Грэя, совершенных в период с декабря 1974 по январь 1975 года, являлся психически нездоровым человеком, страдающим от расщепления личности. Все они считали, что на тот момент он не был в своем уме, чтобы совместно с адвокатом Джорджем Келлнером должным образом защищать собственные интересы.

Мистер Льюс, окружной прокурор Фэрфилда, вызвал лишь доктора Гарольда Т. Брауна, который с места для свидетеля подтвердил, что лечил Билли, когда тому было пятнадцать лет, и направил в государственную

больницу Коламбуса на три месяца. И что теперь, в свете последних известий, он бы поменял свой диагноз с истерического невроза с пассивно-агрессивными свойствами на диссоциативное расстройство личности с возможной множественной личностью. Но, помимо этого, доктор Браун сообщил суду, что по требованию окружного прокурора беседовал с Билли в Афинах, и во время этой встречи ему показалось, что Миллиган знал о совершенных им преступлениях, так что, по мнению Брауна, он может и не быть множественной личностью, поскольку для них характерно не знать о том, что делали их альтер-эго.

Выходя из зала суда, Голдсберри с Томпсоном были настроены оптимистично, а Билли ликовал. Он не сомневался, что судья Джексон поставит показания четверых досточтимых психиатров и психолога выше мнения доктора Брауна.

Судья объявил репортерам, что примет решение в течение двух недель.

18 сентября, глядя на то, каким возбужденным вернулся Билли из Ланкастера, и понимая, что тот боится очередного покушения, доктор Кол разрешил Миллигану уехать. Считая, что ни в больнице, ни в доме сестры он не будет в безопасности, Билли решил снять номер в гостинице «Хокинг-Вэлли Мотор Лодж» в расположенном неподалеку городке Нельсонвилл. Он собирался взять мольберт, холсты и краски и поработать в уединении.

Он въехал в гостиницу во вторник под чужим именем и постарался успокоиться, но напряжение было слишком сильно. Когда Билли рисовал, ему постоянно слышался какой-то шум. Обыскав номер и коридор, он подумал, что шум – у него в голове, что это его собственные голоса. Билли постарался их не слушать, а сконцентрироваться на кисти, но они продолжали разговаривать. И это не были Рейджен с Артуром; их акценты он бы сразу узнал. Значит, нежелательные. Что происходит? Он не мог ни работать, ни спать, а вернуться к Кэти или в Афины боялся.

В среду Миллиган позвонил Майку Рупу и попросил приехать. Увидев, как Билли нервничает, Руп связался с доктором Колом.

– У тебя все равно ночное дежурство, – сказал Кол. – Останься с ним на ночь сегодня, а завтра привози сюда.

С Майком Рупом Билли стало спокойнее. Они сходили в бар выпить, и Билли поведал ему о своих надеждах на то, что он будет лечиться у психиатра Сибил.

– Я на пару недель лягу в больницу, пока доктор Уилбур не сочтет, что я могу снять квартиру и жить один. Мне кажется, я справлюсь, потому что

даже сейчас, когда у меня проблемы, я остаюсь функционален. А потом я начну лечение, придерживаясь ее рекомендаций.

Руп выслушал планы Билли на будущее и на новую жизнь, которая начнется, если судья Джексон примет решение в его пользу.

Разговор длился всю ночь, заснули они только к утру, а в четверг, после позднего завтрака, поехали обратно в клинику.

Билли сидел в больничном вестибюле и думал о том, что уже ничего не может делать как следует. Он чувствовал себя дураком, потому что утратил все полученные от остальных таланты: ум Артура, силу Рейджена, убедительность Аллена, инженерные знания Томми. Ему казалось, что он тупеет и тупеет, а давление все растет и растет. Стресс и страх подтачивали его силы. А шум усилился, цвета стали невыносимо насыщенными. Ему хотелось уйти в свою комнату, хлопнуть дверью и вопить, вопить, вопить...

На следующий день Ванда Пенкейк заканчивала обед в столовой, как вдруг ее приятель подскочил со стула и бросился к окну. Ванда тоже развернулась и стала вглядываться в дождь, пытаясь понять, на что он так смотрит.

– Там кто-то был, – он показал пальцем. – Какой-то парень в коричневом плаще побежал в сторону моста на Ричленд-авеню и скрылся под ним.

– Где?

Ванда встала на цыпочки, вытянулась, насколько позволяло ее невысокое коренастое тело, но увидела лишь струи дождя на стекле и машину, стоящую возле моста. Из машины вышел водитель, посмотрел через ограду, потом вернулся, потом – снова к мосту и все смотрел вниз, как будто там кто-то или что-то есть.

У нее возникло странное неприятное ощущение.

– Пойду проверю, где Билли.

Она пошла по отделению, спрашивая у персонала и других пациентов, но никто Билли не видел. Она зашла в его комнату. Плаща в шкафу не оказалось.

К медсестрам подошла заведующая отделением Шарлотта Джонсон и сообщила, что один из работников клиники, уехавший в город, тоже видел Миллигана на Ричленд-авеню. Услышав такие новости, вышел из своего кабинета и доктор Кол.

Поднялся шум. Охрану решили не посылать, зная, как Билли не нравятся люди в форме.

– Я пойду, – сказала Ванда, схватив куртку.

Охранник Клайд Барнхарт отвез ее к мосту. Она спустилась к воде и стала искать беглеца под мостом среди труб. Потом пошла по берегу, глядя по сторонам. Но безрезультатно. Вернувшись к мосту, она заметила водителя все той же машины и удивилась.

– Вы видели молодого человека в коричневом плаще? – спросила Ванда.

Он указал на «Конво», новый университетский крытый стадион, построенный неподалеку.

Охранник довез Ванду до этого современного кирпично-стеклянного здания, похожего на торт с куполом.

– Вон он, – сказал Барнхарт, показывая на третий бетонный ярус, окружавший арену.

– Ждите здесь, – велела она, – я лучше сама с ним поговорю.

– Но в здание за ним не заходите, не оставайтесь с ним наедине, – предупредил Барнхарт.

Она побежала по пандусу, а Миллиган пытался открыть дверь за дверью, чтобы попасть внутрь.

– Билли, – закричала Ванда, сбегая с пандуса на бетонный выступ. – Подожди!

Он не откликнулся.

Она стала перебирать другие имена.

– Дэнни! Аллен! Томми!

Но он шел быстро, не обращая на нее внимания и продолжая дергать двери за ручки. Наконец ему попалась незапертая, и он скрылся внутри. Ванда в «Конво» еще не бывала. Несмотря на страх – ведь она не знала, чего ждать от Билли и зачем он вообще сюда пришел, – Ванда вбежала за ним и остановилась возле крутой лестницы, по которой он начал подниматься.

– Билли, спускайся.

– Иди к черту. Я не Билли.

Ванда впервые видела его со жвачкой, челюсти работали быстро и энергично.

– А кто ты? – спросила она.

– Стив.

– Что ты собрался делать?

– А на что, блин, это похоже? Наверх лезу.

– Зачем?

– Спрыгну.

– Стив, спустись, давай все обсудим.

Но, как она ни пыталась его убедить, спускаться Стив отказался. Все было бесполезно. Ванда поняла, что он твердо решил покончить с собой. И заметила, как он изменился: стал наглее, голос выше, речь быстрее, а в выражении лица и тоне голоса сквозила мужская агрессия.

– Я пошел в сортир, – сказал он и скрылся за дверью.

Ванда бросилась к выходу, выбежала за бетонные кольца, чтобы посмотреть, тут ли еще Клайд. Но он уехал. Когда она вернулась в здание, Стив вышел из туалета и нырнул в другую дверь. Она хотела пойти за ним, но он закрылся изнутри.

Увидев на стене телефон, Ванда набрала номер больницы и попросила соединить ее с доктором Колом.

– Не знаю, что делать, – сказала она. – Это Стив, и он угрожает покончить с собой.

– Успокой его, – ответил Кол. – Скажи, что все наладится. Что все будет не так плохо, как он воображает. Что он поедет в Кентукки на лечение к Уилбур. И скажи, чтобы возвращался.

Повесив трубку, она вернулась к двери и начала стучать и кричать.

– Стив! Открой дверь! Доктор Кол говорит, что ты едешь в Кентукки!

Через несколько секунд какой-то студент открыл ей дверь. Ванда увидела за ней узкий заворачивающий коридор. Она бросилась по нему, заглядывая в комнаты и залы, чувствуя себя как на карусели в кошмарном сне. Его все нет. И она все ищет. Все бежит.

Заметив еще двоих студентов, которые о чем-то беседовали, Ванда закричала на бегу:

– Тут парень не проходил? Метр восемьдесят. В коричневом плаще. Промокший.

Один из студентов указал вперед.

– Он туда пошел...

Она побежала дальше, время от времени заглядывая и в двери, которые вели наружу, на случай если он вышел. Наконец она действительно увидела его на улице.

– Стив! – закричала Ванда. – Подожди меня! Нам надо поговорить!

– Мне не о чем с тобой разговаривать.

Подбежав, Ванда втиснулась между Билли и бетонной балюстрадой, чтобы не дать ему спрыгнуть.

– Доктор Кол зовет тебя обратно.

– Да шел бы этот жирный ублюдок куда подальше!

– Он говорит, что все не так плохо, как тебе кажется.

– Ага, блин.

Стив начал ходить и стороны в сторону, яростно работая челюстями.

– Он говорит, что ты поедешь в Кентукки и доктор Уилбур тебе поможет.

– Я этим мозгоправам не верю. Несут какую-то херню про множественную личность. Это бред. Они сами спятили.

Миллиган снял свой мокрый плащ, налепил его на большое окно и занес кулак для удара. Ванда кинулась к нему, схватила за руку и повисла на ней, чтобы не дать ему осуществить задуманное. Она понимала, что ему нужен кусок стекла, чтобы перерезать себе вены, хотя стекло было очень толстым и не разбилось бы. Скорее всего, он просто сломал бы себе кисть. Но Ванда все равно держала его за руку, а он пытался ее стряхнуть.

В ходе борьбы она продолжала попытки уговорить его вернуться в клинику, но он не слушал. Промокнув и замерзнув, Ванда наконец сказала:

– Я устала. Предоставлю тебе выбор: либо ты сейчас же идешь со мной, либо, ей-богу, я дам тебе по яйцам.

– Не дашь.

– Дам, – настаивала Ванда, не выпуская его руку. – Считаю до трех. Если не пойдешь в клинику, то я тебя ударю.

– Ну а я женщин не бью, – ответил он.

– Раз... два... – Ванда занесла ногу для удара.

Он скрестил ноги.

– Ударишь, да?

– Да.

– Ну и ладно, а я пойду, – сказал он. – Наверх.

– Нет, не пойдешь. Я тебя не отпускаю.

Стив наконец вырвался и побежал по бетонной балюстраде. До земли было три пролета. Когда он добрался до самого края, Ванда кинулась на него, одной рукой обхватила шею, другой взялась за ремень и потащила прямо по бетону, так, что на нем от этой борьбы порвалась рубашка.

Потом Ванда заметила, что в нем как будто что-то щелкнуло. Миллиган ослаб и рухнул на пол, взгляд стал стеклянным, и она поняла, что это уже кто-то другой. Он заплакал и затрясся. «Испугался», – подумала она. Ванда уже поняла, кто это.

Она обняла его и сказала, что не надо переживать.

– Дэнни, все будет хорошо.

– Меня выпорют, – ныл он, – ботинки грязные, шнурки развязаны, штаны мокрые, волосы тоже. Одежда грязная, я выгляжу неряхой.

– Хочешь, пойдем погуляем?

– Да, – согласился он.

Ванда подняла плащ, надела на него и повела к выходу. Наверное, Билли не раз видел это круглое здание сверху. Вернулся охранник. Его машина стояла на парковке с открытыми дверями, но в ней никого не было.

– Сядем в нее? Чтобы не мокнуть под дождем.

Дэнни попятился.

– Все нормально, это машина охранников. Клайда Барнхарта. Вы с ним хорошо ладите. Он тебе даже нравится, да?

Дэнни кивнул и полез на заднее сиденье, но, увидев проволочную сетку, которая ассоциировалась у него с клеткой, он вылез и задрожал.

– Хорошо, – сказала Ванда, – можем оба сесть спереди, дождемся Клайда, и он нас отвезет.

Дэнни тихонько сел рядом с ней и удивленно уставился на свои мокрые штаны и грязные ботинки.

Ванда не стала закрывать двери, но включила фары, чтобы дать Клайду знать, что они пришли. Вскоре он появился возле актового зала, а вместе с ним шла Норма Дишонг.

– Я ездил за ней в клинику, – объяснил Клайд, – и мы приехали искать вас с Биллом.

– Это Дэнни, – ответила Ванда. – У него уже все нормально.

Во вторник 25 сентября сестра Пэт Перри наблюдала за тем, как Билли разговаривал с Гасом Холстоном в комнате отдыха. Холстона поместили в клинику за несколько недель до этого; оказалось, что они с Билли знакомы еще с Лебанона. Подошли Лори с Маршей и начали флиртовать с мужчинами. Лори вообще никогда даже не пыталась скрыть свой интерес к Билли, но теперь делала вид, будто увлеклась Холстоном, чтобы заставить Билли ревновать. Сестра Перри, чьей подопечной являлась Лори, знала, что она без ума от Билли с тех самых пор, как он попал в Афины. Она была хорошенькая, не слишком умная и всюду его преследовала, писала записки и рассказывала персоналу клиники, чем они с Билли вскоре будут заниматься. Даже распустила слухи, что они когда-нибудь поженятся.

Билли же никогда не обращал на нее особого внимания. Самым серьезным его жестом было то, что он за несколько дней до того дал Лори с Маршей пятьдесят долларов, когда они пожаловались, что совсем на мели. А они взамен взяли стикеры с надписью «Обними своего ребенка» и пошли в центр их раздавать.

У Айлин Макклеллан, которая работала после обеда и чьим подопечным являлся Билли, в тот день был выходной, так что за ним присматривала ее напарница, Кэтрин Джиллот. Вскоре после того как добрая старушка Джиллот вышла на дежурство, Билли попросил ее сходить

с ним на прогулку.

– Я одна не могу принимать такое решение, – сказала она, – надо посоветоваться с доктором Колом.

Билли остался ждать в телевизионном зале, а Кэтрин пошла к доктору Колу, и тот решил поговорить с Миллиганом. После нескольких вопросов о его настроении они оба согласились, что Билли может сходить погулять с Гасом.

Через полчаса они вернулись, а потом снова вышли. Когда Билли снова пришел в клинику примерно в шесть вечера, Джиллот принимала нового пациента и была занята, но услышала, как он сказал: «Там девушка кричала».

Она поняла, что это не Билли, поскольку узнала голос Дэвида.

– Что-что?

– Ей будет плохо.

Кэтрин пошла за ним по коридору.

– О чем это ты?

– Там была девушка. На улице я слышал, как она кричала.

– Какая девушка?

– Я не знаю, их было двое. Одна из них велела Гасу отвести меня обратно, потому что я мешаю.

Джиллот принялась, пытаюсь понять, пил ли он, но запаха не обнаружила.

Через несколько минут ее вызвали снизу по коммутатору. Спустившись, Джиллот увидела, как охранники вводят Маршу. А вот от нее пахло алкоголем, и Кэтрин отвела девушку наверх, в ее палату.

– А Лори где? – поинтересовалась она.

– Не знаю.

– Где вы были?

– Не знаю.

– Вы пили, да?

Марша опустила голову. Ее отправили в женское отделение номер один – с максимально строгим режимом.

А Билли тем временем переключился с Дэвида на Дэнни. Увидев Маршу одну, без Лори, он, казалось, разволновался, резко сорвался с места и вылетел из клиники – искать Лори. Джиллот, пыхтя, побежала за ним. Она нагнала его у старого здания школы Бекона, а офицер охраны Гленн тем временем уже привел Лори обратно. Гленн сообщил Кэтрин, что девушку рвало и она лежала на траве в собственной блевотине.

– Могла и захлебнуться, – сказал он.

Джиллот стало ясно, что Дэнни беспокоится из-за девушек. Она услышала, как в коридоре кто-то шепнул «изнасиловали», но, по ее мнению, ни один из мужчин не выходил так надолго, чтобы успеть сделать что-нибудь с Лори или Маршей. Она в это просто не верила. Когда она уходила вечером домой, обстановка казалась ей спокойной – обеих девушек перевели в отделение номер один, а Миллиган и Холстен разошлись по своим комнатам и легли спать.

На следующее утро в семь утра на дежурство заступила Пэт Перри, и к тому времени слухи расползлись уже не только по всему отделению, но и по клинике. Двух девушек нашли пьяными на холме, без сознания. У Лори была порвана одежда. Кто-то говорил, будто она жаловалась, что ее изнасиловали; другие уверяли, что ничего подобного не слышали. Билли с Гасом Холстоном в то же время выходили на прогулку, так что подозрения пали на них. Но почти все работники отделения ПИТ сходились во мнении, что изнасилования быть не могло.

Для проведения расследования вызвали дорожный патруль, и по их настоянию отделение временно закрыли, чтобы допросить можно было всех содержащихся в ней мужчин. Доктор Кол поговорил с некоторыми коллегами; Билл с Холстоном к этому времени еще не проснулись. Кто скажет Билли о том, что против него с Холстоном выдвигают такие обвинения? Пэт Перри поняла, что доктор Кол сам этого делать не хочет. Остальные тоже отказались. Перри не было в клинике в тот день, когда Рейджен психанул и угрожал куском битого стекла, но те, кто это видел, побоялись, что когда Билли обо всем узнает, вспышка агрессии может повториться.

Доктор Кол решил запереть дверь, прежде чем начинать разговор хоть с кем-то из них двоих. Первым встал Холстон, и Кол рассказал о том, в чем его обвиняют. А потом пошел к Билли и повторил то же ему.

Поначалу оба мужчины, казалось, изумились и обиделись, что про них так подумали, но через некоторое время начали нервничать и стали выглядеть испуганными. Высказывали опасения, что за ними приедут из Лаймы или ФБР или что их отправят в Лебанон.

Персоналу пришлось целый день их успокаивать. Хотя все и сами злились. Но не верили. Ванда Пенкейк и Пэт Перри заверяли Холстона с Билли, что никто за ними не приедет. Но ни одна из них не видела Билли. Это все время был кто-то другой. Ванда, например, не сомневалась, что разговаривает со Стивом.

Пэт Перри в тот день дала Билли большую дозу амитала, чтобы он не

вышел из-под контроля; в какой-то момент Миллиган даже задремал, казалось, он успокоился. Но к двум часам дня оба подозреваемых снова разволновались. Билли переключался со Стива на Дэвида, ныл и плакал, а потом снова становился грубым, и они с Холстоном начинали ходить из стороны в сторону, дергаясь, когда кто-то к ним подходил. Каждый раз, когда раздавался телефонный звонок, Билли подскакивал и говорил: «Это за мной».

Билли с Холстоном ушли в конец коридора, к запертой двери на пожарную лестницу. Они придвинули туда столы со стульями, построив баррикады, а потом сняли ремни и обернули ими кулаки.

– Пусть никто из мужчин к нам не подходит, – заявил Стив, – иначе мы выбьем дверь.

И с видом укротителя львов поднял левой рукой стул.

Работники клиники поняли, что ситуация вышла из-под контроля. И объявили «код зеленый».

Пэт Перри слышала его по громкоговорителю. Она ожидала, что, как обычно, выдержат паузу, а потом человек восемь-десять охранников и санитаров из других палат пойдут на помощь.

«Боже!» – вырвалось у нее, когда дверь распахнулась. За ней стояла целая толпа мужчин – охранники, санитары, помощники, надзиратели, мужчины из медицинского отделения, психологи, которые раньше сюда вообще не заходили, мужчины из отделения гериатрии, никогда не откликавшиеся на зеленый код. Их собралось не меньше тридцати. Ей показалось, что они пришли ловить дикого зверя. Как будто все только и ждали сигнала.

Пэт с Вандой стояли неподалеку от Билли с Холстоном, которые и не пытались их тронуть или сделать что-то плохое. Но по мере того, как волна медработников подступала, эта парочка принялась размахивать стульями и грозить кулаками.

– Я в Лайму не пойду! – кричал Стив. – Все шло прекрасно, а меня опять обвинили в том, чего я не делал! Так что теперь у меня нет шансов. Лишили меня всех надежд!

– Билли, послушай меня, – сказал Кол. – Так вопрос не решить. Тебе надо успокоиться.

– Если подойдете, мы выбьем дверь и уедем на машине.

– Билли, ты делаешь ошибку. Эта стратегия тебе не поможет. Против тебя выдвинули обвинения, и дело может кончиться плохо. Но ты так себя вести не должен. Мы не станем этого терпеть.

Но Билли отказывался слушать.

Его попытался убедить Дейв Малависта, старший психолог:

– Билли, ну правда. Разве мы раньше хоть раз допустили, чтобы с тобой что-нибудь случилось? Мы столько в тебя вложили, неужели ты думаешь, что мы позволим им тебя у нас из-за этого забрать? Мы хотим тебе помочь, а не навредить. Никто из персонала в это не верит. Мы заполняли таблицы вашего отсутствия. Таблицы девушек – тоже. Все время прописано. Расследование покажет, что вы не виноваты.

Билли поставил стул и вышел из угла. Он успокоился, и собравшиеся мужчины покинули отделение. Но вскоре Миллиган снова заныл и заплакал. Холстон был все еще настроен враждебно и разглагольствовал о том, что его заберут, и это расстраивало Билли еще больше.

– Нельзя рисковать, – сказал Холстон. – Против меня уже выдвигали несправедливые обвинения. Ты погоди, они подкрадутся тихонько. Нас заметут, только и видели.

Пэт никогда еще не видела коллег в таком напряжении. Они предчувствовали, что что-то будет.

Вышла на работу трехчасовая смена, молодых женщин сменили пожилые Айлин Макклеллан и Кэтрин Джиллот. Миссис Джиллот удивилась, узнав, что ведется расследование изнасилования. Предупрежденная утренней сменой, она старалась успокаивать молодых людей. Но через время они снова принялись нервно осматриваться и вести себя неадекватно, заговорили о том, что их допросят и увезут в тюрьму, угрожали, что вырвут телефоны из розеток, если кто-нибудь попытается вызвать охрану, и что вышибут пожарную дверь, если за ними придут.

– Я бы не хотел, чтобы все так кончилось, – сказал Билли, – но я предпочту умереть, чем допустить подобное.

Джиллот разговаривала с Билли, и вдруг он попросил дать ему амитал. Она согласилась. Миллиган пошел за лекарством к стойке медсестер, а Джиллот занялась другим пациентом.

А потом услышала, как разбили заднюю дверь. Гас Холстон и Билли Миллиган побежали вниз по пожарной лестнице. Дежурная медсестра уже второй раз за день объявила «код зеленый».

Вскоре Кэтрин Джиллот позвонил кто-то из сестер и попросил спуститься на третий этаж. Потому что у них Билли, и он ее зовет. Там она увидела, как четверо мужчин прижали его к полу неподалеку от лифта.

– Кэтрин, – взмолился он, – помогите мне. Не давайте меня в обиду. Если они меня свяжут, вернется Челмер.

– Дэнни, нет. Челмер сюда не придет. А тебе надо будет посидеть в

комнате одному. Ты вышел из больницы. Выбил дверь и сбежал, так что теперь придется потерпеть.

Он зарыдал.

– Вы можете попросить их меня поднять?

– Отпустите его, – сказала Кэтрин мужчинам.

Офицеры заколебались, не зная, чего ожидать.

– Все будет нормально, – заверила Джиллот. – Он пойдет со мной. Да, Дэнни?

– Да.

Она отвела его в пятое отделение, в изолятор, и стала ждать, когда он сдаст ей личные вещи. Миллиган отказался расставаться с наконечником стрелы, который висел у него на шее.

– Лучше достать все из карманов. Давай кошелек, я уберу, – она обратила внимание на то, что у пациента при себе большая сумма денег.

– Кэтрин, выходи, не то я тебя там вместе с ним запру, – крикнул санитар, которому не терпелось закрыть изолятор.

Она понимала, что этого мальчика боятся.

Вскоре после того, как миссис Джиллот вернулась в ПИТ, ей позвонила сестра и сказала, что с запертым в изоляторе Миллиганом что-то творится. Он закрыл смотровое окошко матрасом, так что теперь ничего не видно, а открыть дверь и посмотреть они боятся. Ее попросили снова спуститься.

Джиллот взяла с собой санитаря, которого Билли знал, и заговорила с ним через дверь изолятора.

– Это я, Кэтрин. Пришла проверить, как ты. Не бойся.

Они вошли. Билли хрипел так, будто задышался. Наконечника на шее больше не было, а на полу валялась порванная цепочка.

Доктор Сэмми Майклс распорядилась перевести Билли в комнату с кроватью, но когда к нему подошли, он начал драться. Справиться с ним смогли только несколько человек.

Когда Миллигана перевели, Миссис Джиллот осталась с ним. Она дала ему выпить несколько стаканов воды, и через несколько минут он выплюнул наконечник. Сестра сделала Билли укол, а Джиллот с ним разговаривала, заверяя, что вернется, и рекомендовала отдохнуть. После этого вернулась в свое отделение, думая о том, как же он перепугался.

На следующее утро Ванда, Пэт Перри и Майк Руп, заступив на дежурство, узнали, что Билли и Холстона перевели в отделение номер пять. Рупу, который теперь работал в утренней смене, хотелось навестить Билли, но работники пятого отделения попросили, чтобы из ПИТ к нему никто не

приходил. Потому что теперь они с ним работают.

Когда позвонила сестра Билли, ей сказали, что из-за возникших проблем его перевели в отделение режима максимальной безопасности и что он не сможет прийти на ее свадьбу, которая должна была состояться на следующий день.

Информация просочилась в газеты, и 3 октября 1979 года в «Коламбус ситизен Джорнэл» появилась следующая статья:

«СТИНЦИАНО ВЫВОДИТ ВСЕХ НА ЧИСТУЮ ВОДУ: МИЛЛИГАН СПОНСИРОВАЛ ПОПОЙКУ

Автор: Эрик Розенман

Уильям С. Миллиган, насильник, якобы страдающий расстройством множественной личности, с тремя другими пациентами клиники распивали на территории Центра психического здоровья города Афины ром с колой. По словам представителя законодательной власти, это произошло на прошлой неделе в среду.

Как заявил член палаты представителей Майк Стинциано из Коламбуса, дорожный патруль штата Огайо ведет тайное расследование, по данным которого Миллиган дал двум пациенткам денег на покупку алкоголя, после чего они вместе с еще одним мужчиной устроили “вечеринку”...

По его мнению, это свидетельствует о том, что “в центре действия пациентов практически никак не контролируются”.

“Насколько я понимаю, факт изнасилования не доказан, – сказал Стинциано в среду. – Но в отчете говорится, что Миллиган давал девушкам деньги на алкоголь, они вышли с территории клиники, купили ром и пронесли его на территорию...”

В прошлую пятницу начальник патрульного следственного подразделения лейтенант Ричард Уилкокс сказал, что результаты экспертизы, которые подтверждают факт опьянения и изнасилования, пока не готовы, и в любом случае они не будут обнародованы до тех пор, пока не закончится расследование.

Стинциано сказал, что не сомневается в надежности своих информационных источников».

В этот же день писателя пустили в отделение номер пять. Миллиган его не узнавал, пока тот не напомнил ему, кто он такой.

– А, да, – сказал он, едва осознавая происходящее. – Вы беседовали с

Билли.

– А ты кто? – спросил писатель.

– Не знаю.

– Как тебя зовут?

– Сомневаюсь, что у меня есть имя.

Они немного поговорили, хотя Миллиган вообще не знал, что с ним произошло. Возникали долгие паузы – писатель ждал, когда появится кто-нибудь другой, кто сможет ответить на его вопросы. Через какое-то время безымянный снова заговорил:

– Ему больше не дают рисовать. Есть две картины, но тут их кто-нибудь уничтожит. Возьмите, если они нужны для книги.

Миллиган вышел из конференц-зала, а потом вернулся с двумя холстами. Один – незаконченный и неподписанный мрачный ночной пейзаж с черными силуэтами деревьев на фоне темно-синего неба, черный сарай и петляющая дорожка. Другой пейзаж был выполнен в насыщенных цветах и подписан «Томми».

– Ты Томми? – спросил писатель.

– Я не знаю, кто я такой.

3

На следующее утро Алана Голдсберри вызвали в окружной суд общей юрисдикции Афин, к судье Роджеру Джонсу. Помощник главного прокурора штата Дэвид Белинки подал от имени штата Огайо письменное предложение о переводе Миллигана в государственную больницу города Лайма для невменяемых преступников. А Гаса Холстона решили отправить обратно в Лебанон.

Голдсберри попросил судью Джонса дать ему время на обсуждение данного вопроса с клиентом. «Я считаю, что Миллиган был вправе знать о подаче этого прошения, а согласно второму параграфу статьи 5122.20 он как минимум должен быть уведомлен о том, что имеет право просить провести слушание немедленно. Поскольку это не было сделано, хочу от имени своего доверителя просить дать ему право на проведение слушания в его присутствии. На мой взгляд, текущее судебное разбирательство лишило моего клиента такой возможности».

Судья отказал, а Белинки вызвал всего одного свидетеля, Рассела Креминса, начальника охраны Афинского центра психического здоровья.

– Мистер Креминс, известны ли вам случаи физического нападения со

стороны мистера Миллигана на кого-либо из работников клиники, которые произошли в ходе последних событий?

– Да. Со слов... одного человека, М. Уилсона, санитаря клиники, а также офицера, который дежурил в ту ночь, Клайда Барнхарта. Это произошло 26 сентября 1979 года... Для меня целая проблема – держать мистера Миллигана взаперти в изоляторе, где он сейчас находится.

– То есть вы, как охранник и начальник охраны, испытываете серьезные сомнения в том, что... в клинике есть достаточные условия для удержания мистера Миллигана, в случае если он захочет ее покинуть?

– Да, я совершенно не уверен, что если он захочет выйти, его смогут удержать в клинике.

– О том, что произошло в тот вечер, когда Миллиган пытался сбежать из клиники, вы знаете по собственному опыту? – спросил Белинки.

– Да. Мистер Миллиган с еще одним пациентом, мистером Гасом Холстоном, выбили дверь в нашем отделении ПИТ. Там принимают новых пациентов, и они проживали именно в нем. С помощью стула сбили замок с двери, которая выходит на пожарную лестницу, по ней они и бросились бежать... решили уйти в самоволку... Потом эти двое, Миллиган с Холстоном, вырвались на стоянку, где стояла машина Миллигана, которую он приобрел, когда был в легальном отпуске. Они открыли двери, попытались сесть...

По его словам, Миллигану помешали сесть в машину, и тогда они с Холстоном побежали на холм. Троим мужчинам удалось взять над Миллиганом верх и отвести обратно, в отделение номер пять.

Выслушав показания начальника охраны Креминса, судья Джонс согласился с предложением главного прокурора штата отправить Миллигана в Лайму.

4 октября 1979 года в два часа дня на Билли надели наручники, связали ремнем и, не дав попрощаться ни с кем, кроме доктора Кола, увезли за триста километров в Лайму, в государственную больницу для невменяемых преступников.

Глава двадцать третья

1

«Коламбус диспэч», 5 октября 1979 года:

«ЧИНОВНИКИ ВЫСОКОГО РАНГА УСКОРИЛИ ПЕРЕВОД МИЛЛИГАНА

Автор: Роберт Рут

По данным из надежных источников, непосредственное вмешательство высокопоставленных руководителей, ответственных за психическое здоровье населения, поспособствовало переводу Уильяма С. Миллигана, насильника с множественной личностью, в государственную больницу Лаймы, где он будет находиться в условиях максимально строгой изоляции.

Сообщается, что ордер на перевод был выдан после того, как в среду руководители штаб-квартиры департамента психического здоровья и дел по задержкам психического развития штата Огайо несколько раз звонили в Центр психического здоровья в Афинах, где Миллиган содержался предыдущие десять месяцев.

Как минимум один из таких звонков делал сам начальник департамента психического здоровья Тимоти Моритц... Два члена палаты представителей, демократ Майк Стинциано, Коламбус, а также республиканец Клэр Болл-младшая, Афины, неоднократно жаловались на, по их словам, слишком деликатный подход в лечении этого насильника.

В четверг и Стинциано и Болл остались довольны принятым решением о переводе Миллигана в больницу Лаймы, хотя Болл сделала оговорку: «Непонятно только, почему это так затянулось».

Стинциано пообещал и впредь вести пристальное наблюдение за Миллиганом, чтобы быть уверенным, что его не выпустят из строгой изоляции, прежде чем он перестанет представлять угрозу обществу».

На следующий день после перевода Миллигана судья С. Фаррел Джексон в суде общей юрисдикции Ланкастера вынес решение относительно просьбы Миллигана аннулировать его признание вины в ограблении аптеки Грэя:

«Суд склонился к мнению, что обязанность доказывания

невменяемости Уильяма С. Миллигана 27 марта 1975 года лежала на подсудимом, то есть Уильяме С. Миллигане... После тщательного анализа всех представленных доказательств суд не увидел перевеса доказательств в пользу того, что 27 марта 1975 года Уильям Стэнли Миллиган был невменяем, не мог защищать собственные интересы или был не в состоянии осознать, что признает выдвинутые против него обвинения перед судом. Следовательно, не выявив явной несправедливости, суд отказывается аннулировать сделанные подсудимым признания».

Голдсберри подал апелляцию в Четвертый окружной апелляционный суд штата Огайо, ссылаясь на то, что судья Джексон неправильно оценил значимость показаний – поставив мнения четырех выдающихся психиатров и психологов ниже единственного мнения доктора Брауна.

Помимо этого он подал письменное заявление в окружной суд Аллена Лаймы, штат Огайо, о том, что его клиенту не дали возможности своевременно проконсультироваться с адвокатом и что его перевели в заведение более строгого режима не по протоколу.

2

Неделю спустя в окружном суде Аллена, где третейскому судье предстояло выслушать прошение Голдсберри о возвращении Миллигана в Афины, писатель впервые увидел Билли в наручниках. Это был застенчиво улыбающийся Учитель.

Оставшись наедине с Голдсберри и писателем, Учитель поведал о своем лечении в больнице Лаймы за прошедшую неделю. Доктор Линднер, заведующий клиническим отделением, поставил ему диагноз «псевдопсихопатическая шизофрения» и прописал стелазин, психотропный препарат, близкий торазину, от которого расщепление значительно ухудшается.

Они беседовали, пока судебный исполнитель не сообщил, что слушание начинается. Голдсберри с Билли попросили судью разрешить писателю сесть с ними за один стол, напротив помощника главного прокурора штата Дэвида Белинки и свидетеля обвинения, представлявшего штат Огайо, доктора Льюиса Линднера – тщедушного мужчины с вытянутой головой, в очках с металлической оправой и бородкой клинышком. Линднер смотрел на Миллигана с нескрываемой насмешкой.

Адвокаты переговаривались с судьей еще несколько минут, пока тот не

принял решение – исключительно на основании закона, не выслушивая показаний, – что поскольку судья Джонс счел, что Миллигана лучше поместить в государственную больницу Лаймы, а также поскольку в конце ноября Билли будет иметь право на пересмотр дела, который будет проводиться каждые девяносто дней, то исход данного слушания не носит определяющего характера. Через шесть недель суд решит, признает ли он до сих пор Миллигана психически больным и оставлять ли его в Лайме.

Учитель обратился к суду:

– Я понимаю, что мне придется подождать, прежде чем моя терапия продолжится. На протяжении последних двух лет мои врачи говорили мне: «Ты должен желать принять помощь от тех людей, которые могут тебе помочь. Надо уметь полностью доверять лечащему врачу, психиатру, всей команде». Так что мне хочется, чтобы суд помог ускорить дело и я мог бы возобновить лечение в надлежащем порядке.

– Мистер Миллиган, – ответил третейский судья, – позвольте мне кое-что вам на это сказать. Мне кажется, что вы исходите из ложной посылки, а именно будто вы не можете лечиться в государственной больнице Лаймы.

– Понимаете, – сказал Билли, глядя прямо на доктора Линднера, – надо хотеть лечиться. Принять помощь можно только тогда, когда хочешь, чтобы этот человек тебе помог. Надо ему доверять. А я этих врачей не знаю. То, что они уже успели мне сказать, не вызвало у меня доверия. Эти врачи заявили мне, что не верят в мое заболевание, и мне страшно, что меня вернут туда, где меня не будут лечить. Точнее, будут, но от другого психического расстройства. Эти люди ясно дали мне понять, что вообще не верят в расстройство множественной личности.

– Это медицинский вопрос, – возразил судья. – Сегодня на эту тему мы дискутировать не будем. Впрочем, ваш адвокат может поднять этот вопрос на обзорном слушании, и тогда суд рассмотрит вопрос, подходит ли больница Лаймы для вашего лечения.

После слушания Голдсберри с писателем приезжали к Билли в Лайму. Им пришлось пройти через металлоискатели, их портфели досмотрели, после чего санитар провел их через две двери с решетками в зал для встречи с посетителями. Вскоре охранник привел и самого Билли. Он так и остался Учителем. В течение двухчасовой встречи он поведал писателю о событиях, случившихся в Афинах, после которых началось расследование предполагаемого изнасилования, описал свой перевод в Лайму.

– Однажды вечером эти две девушки сидели в коридоре и говорили о том, что у них нет ни работы, ни денег. Мне стало их жаль. Дурачок я,

наверное. Но я сказал им, что если они пойдут раздавать мои наклейки, я заплачу им. Они раздали половину. И я заплатил.

Через четыре дня в обеденное время они исчезли. Решили надраться. Пошли в винный магазин и купили там бутылку рома.

Я не мог самостоятельно покидать клинику, только в сопровождении кого-нибудь из персонала или другого пациента, имеющего право выходить на прогулку под расписку. Если он согласится взять меня с собой. В итоге я пошел на улицу с Гасом Холстоном. Кэтрин записала время выхода. По ее словам, нас не было всего минут девять-десять. Мы просто обошли вокруг клиники. На улице мне стало не по себе. Я тогда был в разрозненном состоянии.

– И кто выходил? – уточнил писатель.

– Дэнни. Холстон осторожничал, он не знал, чего от меня ждать. Не понимал, что со мной. И пока мы шли вокруг больницы, слышали, как девушки зовут Гаса, ну и меня тоже, то есть Билли. Когда они к нам приблизились, я понял, что они сильно пьяны. У одной была, ну, я так подумал, бутылка пепси. Но не такая темная, как обычно, значит, скорее всего, разбавленная. И мы почувствовали, что от них разит спиртным.

Потом Учитель рассказал, что одна из девушек, поняв, что это не Билли, а Дэнни, наклонилась к Гасу и прошептала: «Уведи этого зануду и возвращайся к нам».

Гас ответил, что не может, но, прежде чем они с Дэнни успели отойти, кого-то из девушек вырвало прямо на майку Гаса, и Дэнни на штанину тоже попало.

Он отскочил, его самого затошнило, и он закрыл лицо руками. А Гас начал кричать на девушек, ругаться. Потом они с Дэнни развернулись и пошли к клинике. Девчонки последовали за ними, держась на небольшом расстоянии, хихикали и обзывались, а потом свернули на кирпичную дорожку, что ведет к кладбищу.

«Вот и все», – сказал Учитель. За Холстона он отвечать не может, но сам он не притронулся ни к одной из девушек.

По его словам, восемь дней жизни в Лайме оказались настоящим кошмаром.

– Я запишу кое-что из того, что тут со мной было, и отправлю вам.

Когда встреча подошла к концу, Учитель прошел через металлоискатель – его проверяли на предмет контрабанды, на случай если посетители ему что-нибудь принесли. Потом повернулся и помахал писателю рукой.

– Увидимся в конце ноября, на следующем пересмотре. Но я еще

напишу до этого.

Писатель попытался договориться о встрече с доктором Линднером, но по телефону психиатр был очень недружелюбен:

- По моему мнению, вся эта огласка не пойдет на пользу его лечению.
- Это не мы устраиваем огласку, – ответил писатель.
- И разговаривать больше об этом не хочу. – Линднер повесил трубку.

Писатель хотел присоединиться к групповой экскурсии по больнице Лаймы, которая проводилась как раз за день до ноябрьского слушания, и отдел по связям с общественностью поначалу дал на это разрешение. Но накануне ему позвонили и сообщили, что визит отклонен доктором Линднером и руководителем клиники Хаббардом; вдобавок ко всему охране велели вообще никогда не пускать писателя на территорию больницы.

Когда писатель поинтересовался причинами такого решения, ассистент главного прокурора штата Дэвид Белинки сказал, что руководство больницы подозревает его в том, что он пронес Миллигану в больницу наркотики. Позднее причина изменилась: «нежелательно с терапевтической точки зрения».

3

30 ноября было холодно; выпал первый снег. Окружной суд Аллена в Лайме располагался в старом здании, и хотя третий зал заседаний оказался довольно большим и мог вместить человек пятьдесят, большая часть стульев пустовала. Пересмотр по делу Миллигана закрыли для публики и прессы, но снаружи телекамеры стояли.

Скованный наручниками Учитель сидел между своими адвокатами. В качестве наблюдателей на суде разрешили присутствовать лишь Дороти, Дэлу Муру и писателю. Помимо них на суде был Джеймс О'Грэди, помощник окружного прокурора Франклина, Уильям Ян Ханс, представитель ведомства по условно-досрочному освобождению совершеннолетних преступников штата Огайо, а также Энн Хенкинер, поверенный наблюдатель из Центра психического здоровья Юго-западного объединения Коламбуса.

Судья Дэвид Р. Кинворси, чисто выбритый симпатичный молодой человек с точеными чертами лица, изучил историю слушаний начиная с 4 декабря 1978 года, когда Миллигана признали невиновным по причине

невменяемости, и все последующие до дня суда почти через год. Кинворси объявил, что слушание проводится в соответствии с положениями текущего свода законов Огайо, статья 5122, пункт 15.

Помощник главного прокурор штата Белинки попросил разделить свидетелей, чтобы они не слышали друг друга, и эту просьбу одобрили. Прошение адвоката Стива Томпсона вернуть Билли Миллигана в Афины по причине того, что в ходе его перевода в Лайму был нарушен протокол, отклонили.

Когда предварительные ходатайства закончились, началось само слушание.

Первым свидетелем со стороны обвинения выступил шестидесятипятилетний доктор Фредерик Милки, невысокий толстый психиатр в мешковатых брюках и таком же мешковатом свитере, с зализанными темными волосами. Он встал со своего места рядом с Белинки (после чего он исполнял роль технического консультанта обвинения) и вразвалочку пошел к кафедре для дачи показаний.

Доктор Милки заявил под присягой, что до этого видел Миллигана дважды: первая короткая встреча состоялась 24 октября 1979 года, когда пациента перевели в Лайму под его попечительство, а второй раз – 30 октября, в целях пересмотра плана его лечения. И этим утром Милки позволили полчаса понаблюдать за Миллиганом перед слушанием, посмотреть, изменился ли он с их прошлой встречи месячной давности. Ссылаясь на медицинскую карту, доктор Милки сказал, что он диагностировал у Миллигана расстройство личности и что это антисоциально настроенный человек, страдающий от психоневротических тревог с депрессивными и диссоциативными характеристиками.

Дэвид Белинки с мальчишеским лицом и вьющимися волосами спросил у собственного свидетеля:

– Сегодня он точно в таком же состоянии, как и тогда?

– Да, – подтвердил Милки. – Он психически болен.

– Какие симптомы он демонстрирует?

– Неприемлемое поведение, – ответил Милки, глядя прямо на Миллигана. – Это преступник, которого обвиняют в изнасилованиях и грабежах. Он находится в конфликте с окружением, более того, этот человек не извлекает уроков из наказания.

Милки заявил, что рассматривал диагноз множественной личности, но не увидел никаких его признаков. Отвечая на вопросы Белинки, Милки сказал, что, по его мнению, у Миллигана высока склонность к самоубийству, но он также представляет угрозу и для других.

– Улучшений у этого пациента не наблюдается, – сказал Милки. – Он наглый и упрямый. Большой эгоист. Свое окружение он не принимает.

На вопрос о том, в чем заключались его методы лечения, Милки ответил:

– В искусном игнорировании.

Милки сообщил также, что назначил Миллигану пять миллиграммов стелазина. Отрицательной реакции на препарат он не наблюдал, но, поскольку положительной динамики тоже не было, от этого нейролептика он отказался. Доктор высказал суду мнение, что Миллиган нуждается в максимально строгих условиях содержания, а в Огайо такие условия можно обеспечить только в Лайме.

В ходе перекрестного допроса, который вел Стив Томпсон, молодой и долговязый партнер Голдсберри, Милки сообщил, что отклонил диагноз множественной личности потому, что не наблюдал характерных симптомов. И что он сам не согласен с описанием заболевания, которое приводится во втором издании «Руководства по диагностике и статистике психических расстройств». «Я исключил расстройство множественной личности точно так же, как исключил сифилис, когда увидел его анализ крови. Потому что его там не было».

– Какие симптомы вы наблюдали? – спросил Томпсон.

– Гнев, панику. Миллигану все не нравилось. Он злился и действовал импульсивно.

Томпсон нахмурился.

– То есть если человек разозлится или впадет в депрессию, он, по-вашему, психически болен?

– Да.

– Разве не у каждого периодически возникает злость или депрессия?

Милки осмотрел собравшихся в зале суда и пожал плечами.

– Все психически больны.

Томпсон пристально посмотрел на свидетеля и что-то записал.

– Билли вам доверяет?

– Нет.

– Пойдет ли лечение лучше, если он будет доверять врачу?

– Да.

– Ваша честь, к этому свидетелю у меня больше нет вопросов.

До перерыва на обед Алан Голдсберри представил письменные показания доктора Кола, данные им тремя днями ранее. Голдсберри хотел, чтобы их занесли в протокол, прежде чем он вызовет своих свидетелей –

доктора Джорджа Хардинга-младшего, доктора Стэllu Кэролин и психолога Дороти Тернер.

В ходе дачи письменных показаний под присягой Стив Томпсон расспросил доктора Кола о надлежащей терапии для больных с множественной личностью, в том числе задал и такой вопрос: «Доктор, каковы, по вашему мнению, главные требования для лечения пациента, которому поставили диагноз «расстройство множественной личности»?»

Доктор Кол, консультируясь со своими записями, включая письмо, отправленное им же адвокату Голдсберри 19 ноября, дал пространный ответ:

«Терапия любого пациента с расстройством множественной личности должна проводиться исключительно специалистом в области психического здоровья, желательно, чтобы это был психиатр, соответствующий следующим критериям.

Первое: он (а) должен принимать на веру данное заболевание. За лечение не следует браться человеку, который “не верит” в подобное явление.

Второе: в случае если у лечащего психиатра нет опыта в данной сфере, но он все равно хочет работать с данным пациентом, ему следует проходить супервизию или хотя бы консультироваться по ходу дела с коллегой, имеющим соответствующую квалификацию и опыт.

Третье: он должен владеть техниками гипноза, поскольку это может потребоваться в качестве вспомогательной терапии. Это не строго необходимо, но крайне желательно.

Четвертое: он должен обладать практически бесконечным терпением, терпимостью и последовательностью. Лечение в подобных случаях требует постоянного погружения в отдачи этот длительный, трудоемкий и непростой процесс.

На данный момент у терапевтов, имеющих опыт лечения множественных личностей, приняты следующие общие принципы.

Первое: необходимо определить и признать все личности пациента.

Второе: терапевт должен выявить причины появления данных личностей.

Третье: чтобы произошли какие-то перемены, врач должен быть готов вести терапию со всеми этими личностями.

Четвертое: терапевт должен попытаться выявить все возможные положительные стороны и попытаться привести все личности к определенному компромиссу; в особенности это касается тех, кто представляет собой угрозу для самого пациента или окружающих.

Пятое: пациент должен полностью осознать природу и степень своих проблем, надо помогать ему изменить ход мышления в позитивную сторону. Другими словами, пациент должен понимать, в чем заключается его лечение, а не быть лишь пассивным объектом терапии.

Шестое: следует избегать нейролептиков, поскольку уже хорошо известно, что они могут вызывать дальнейшее расщепление и другие нежелательные побочные эффекты, препятствующие лечению.

Вот лишь основы, которые надо учитывать в работе с подобными случаями. Разумеется, это не полная инструкция по лечению пациентов с таким диагнозом».

Далее эти пункты рассматривались доктором Колом подробнее.

Ответ на уточняющий вопрос Белинки в ходе перекрестного допроса, являются ли перечисленные условия лечения оптимальными для множественной личности, был довольно резким: «Нет, сэр, я не говорил, что это требования для оптимального лечения. Я бы даже сказал, что это самый необходимый *минимум*. Господин советник, по моему мнению, вышеперечисленное следует рассматривать как основы для лечения пациентов с множественной личностью. В противном случае человека лучше оставить в покое».

Когда Миллигана привезли из больницы после обеда, на нем была другая рубашка. Писатель заподозрил, что это уже не Учитель.

Голдсберри с Томпсоном вызвали для дачи показаний доктора Джорджа Хардинга-младшего. Вкратце поведав о том, какое отношение он имеет к делу Миллигана, доктор Хардинг сказал, что до сих пор считает, что лечить Билли надо именно в Афинах.

– Доктор Хардинг, – спросил Белинки в ходе перекрестного допроса, – разве расстройство множественной личности не крайне редкое явление?

– Да, это так.

– Разве не во всех нас уживаются различные личности?

– Разница в амнезии, – ответил доктор Хардинг.

– А как вы ее докажете? Разве амнезию нельзя симулировать?

– Мы были очень внимательны, – сказал Хардинг. – Мы проводили исследования. Изначально и сами были настроены скептически. Но его амнезия подтвердилась. Миллиган не прикидывался.

– Доктор Хардинг, – спросил Голдсберри после перекрестного допроса. – Когда вы ставили этому пациенту диагноз, вы изучали другие случаи данного заболевания, проводили расследования по пациентам, лечившимся в других клиниках?

– Да. Мы собрали все доступные материалы.

– Считаете ли вы, что психиатру *необходимо* изучать предыдущие инциденты заболевания и интересоваться мнением лечащих врачей тех пациентов в ходе постановки диагноза?

– Да, я считаю, что это обязательно.

Когда Хардингу показали письмо доктора Кола с его критериями для лечения пациентов с множественной личностью, он сообщил суду, что, по его мнению, список отличный, в то же время согласился, что это лишь минимальные требования.

Вслед за Хардингом на место для свидетелей вышла психолог Дороти Тернер. Она рассказала под присягой, что до суда встречалась с Билли практически ежедневно и проводила тесты на оценку интеллекта некоторых его личностей.

– И каковы были результаты? – спросил Голдсберри.

– У двоих коэффициент был 68 и 70. У одного получилась средняя цифра. Одна личность явно всех превосходила – коэффициент составил 130 баллов.

– Возможно ли, – поинтересовался Белинки, – симулировать подобную разницу?

– Это сделать никак нельзя, – Тернер явно злилась. – Я не сомневаюсь в том, что такой разрыв симулировать невозможно.

Согласно показаниям доктора Стэллы Кэролин, она независимо от других поставила такой же диагноз, что и Дороти Тернер, доктор Корнелия Уилбур и доктор Джордж Хардинг. Кэролин видела Миллигана в апреле, июне и июле этого года, и ей казалось, что он до сих пор находится в расщепленном состоянии.

– А что, если этим его проблемы не ограничиваются? – спросил Белинки.

– В первую очередь надо работать с множественной личностью, – ответила Кэролин. – Возможно, у него есть и другие психические отклонения, более того, у разных личностей могут быть различные заболевания, но в первую очередь надо решать именно эту всеобъемлющую задачу.

– Вы считаете, что его лечение в Афинах было надлежащим?

– Да.

Голдсберри продемонстрировал ей письмо Кола. Кивнув, она согласилась, что это минимальные требования.

После дачи показаний Хардингу, Кэролин и Тернер разрешили остаться в зале суда в качестве наблюдателей.

В пятнадцать минут четвертого Билли Миллигану впервые представилась возможность дать показания в собственную защиту.

Из-за наручников ему оказалось непросто положить левую руку на Библию и в то же время поднять правую. Пытаясь сделать это, он сильно изогнулся, но при этом продолжал улыбаться. Потом поклялся говорить правду и ничего, кроме правды, сел и поднял взгляд на судью.

– Мистер Миллиган, – начал судья Кинворзи, – должен вам сказать, что, несмотря на полученное вами право принять участие в данном судебном разбирательстве, мы не вынуждаем вас давать показания. Вы вправе хранить молчание.

Билли кивнул.

Алан Голдсберри начал предварительный допрос в своей обычной манере, мягко, но прицельно.

– Билли, ты помнишь, как выступал в этом же зале суда 12 октября?

– Да, помню.

– Хочу попросить тебя рассказать о лечении в государственной больнице Лаймы. Она включает лечение гипнозом?

– Нет.

– А групповую терапию?

– Нет.

– Музыкальную терапию?

Билли посмотрел на судью.

– Группу пациентов завели в зал с пианино и сказали посидеть. Терапевта не было. Мы просто провели там несколько часов.

– Ты хоть сколько-нибудь доверяешь доктору Милки? – продолжил Голдсберри.

– Нет. Он прописал мне стелазин. Мне от него стало хуже.

– Как бы ты характеризовал свое лечение?

– Когда меня только приняли, поместили в двадцать второе отделение. Психолог был со мной очень груб. Я уснул.

– Билли, когда ты впервые узнал о том, что ты – множественная личность?

– В больнице Хардинга. Тогда я просто поверил в это, а убедился наверняка, когда мне в Афинском центре психического здоровья показали видеозаписи.

– Билли, как ты думаешь, почему произошло расщепление?

– Из-за того что со мной делал отчим. Я хотел перестать быть собой. Не хотел больше быть Билли Миллиганом.

– Ты не мог бы на примере рассказать, что с тобой происходит в то время, когда личность расщеплена?

– Ну вот пример. Однажды стоял в своей квартире перед зеркалом и брился. У меня тогда были проблемы. Я только переехал в Коламбус и переживал из-за того, что ушел из дома со скандалом. Итак, я стоял, брился, и вдруг как будто погас свет. И стало очень спокойно. Потом я открыл глаза – и оказался в самолете. Я жутко перепугался. Я даже не знал, куда лечу, только когда самолет сел, понял, что я в Сан-Диего.

В зале стояла тишина. Судья слушал внимательно. Девушка, которая записывала слушание на пленку, смотрела на Миллигана с открытым ртом и распахнутыми от изумления глазами.

Дэвид Белинки начал перекрестный допрос.

– Билли, почему вы доверяете доктору Колу, а врачам из Лаймы – нет?

– К доктору Колу я проникся странным доверием с нашей первой встречи. В тот день, когда меня перевозили, руки сковали так, что ими было не пошевелить, – Миллиган поднял руки, демонстрируя, что сейчас наручники висят довольно свободно. – А доктор Кол наорал за это на полицейского, заставил снять. В общем, я сразу понял, что он за меня.

– Не лучше ли было бы, если бы вы содействовали терапии и в Лайме? – спросил Белинки.

– Сам себя я лечить не могу. Лечение в палате А похоже на купание овец – завели в воду все стадо, вывели. В Афинах у меня случался регресс, приходилось учиться исправлять положение. Там знают, как с этим работать, там не наказывают, а лечат. Вот это терапия.

В заключительной речи Белинки настаивал на том, что задача обвинения – доказать лишь то, что ответчик психически болен и подлежит госпитализации. Доказывать правильность диагноза необходимости нет. Касательно *текущей* ситуации показания давали только доктор Кол и доктор Милки, и доктор Кол подчеркнул, что Билли Миллиган все еще психически нездоров. А доктор Милки подчеркнул, что в государственной больнице города Лайма – наименее строгий режим, необходимый для лечения данного пациента.

– Я настоятельно прошу оставить его в Лайме, – закончил Белинки.

Стив Томпсон в своей заключительной речи отметил, что в защиту его клиента выступает поразительное число светил психиатрии, и все они считают верным диагноз расстройство множественной личности.

– После этого остается лишь один вопрос: как лечить этого человека? – сказал Томпсон. – Учитывая психическое состояние Билли Миллигана, все они считают наиболее подходящим для его лечения

Афинский центр. Все эксперты, выступившие свидетелями, сходятся в том, что терапия потребуется длительная. 4 октября моего клиента перевели в больницу Лаймы, где его осмотрел врач, который, по его словам, даже не ознакомился с анамнезом пациента и полученным им лечением, зато заключил, что Билли Миллиган представляет угрозу себе и окружающим. А как он пришел к подобному выводу? На основании судимости, ваша честь. На основании уже устаревших улик, фигурировавших в слушаниях по его делу. Доктор Милки утверждает, что Миллиган демонстрирует антисоциальное поведение. Доктор Милки считает, что состояние Миллигана не улучшилось. Ваша честь, очевидно, что доктор Милки не является специалистом в лечении пациентов с множественной личностью. А опытные эксперты на стороне Билли Миллигана. Такова позиция ответчика.

Судья Кинворси объявил, что берет дело на рассмотрение и вынесет свой вердикт в течение не более десяти дней. А до тех пор Миллиган должен оставаться в Лайме.

10 декабря 1979 года суд вынес следующий приговор:

«1. Ответчик психически болен, и его заболевание сопровождается значительными нарушениями мышления, настроения, восприятия, ориентировки и памяти, которые оказывают чрезмерно сильное воздействие на его оценку окружающей действительности и поведение.

2. Поставленный ответчику диагноз – расстройство множественной личности.

3. Ответчик психически болен и подлежит госпитализации согласно распоряжению суда, поскольку из-за своей болезни представляет собой значительную угрозу собственной жизни, что подтверждается угрозами самоубийства, а также значительную угрозу окружающим, что подтверждается недавними вспышками агрессии и насильственными действиями; госпитализация пойдет ему на пользу, поскольку он нуждается в лечении, что подтверждается его поведением, представляющим серьезную и неизбежную угрозу нарушения основных прав окружающих и самого ответчика.

4. Ввиду своего психического заболевания ответчик представляет опасность для самого себя и окружающих, следовательно, он должен быть помещен в учреждение, обеспечивающее максимальную безопасность.

5. Поскольку ответчику поставлен диагноз «расстройство множественной личности», терапия должна быть соответствующей.

Следовательно, суд постановляет поместить ответчика в государственную больницу города Лайма, штат Огайо, где должно быть

проведено лечение согласно поставленному диагнозу «расстройство множественной личности». Заверенные печатью копии данного приговора надлежит передать в государственную клинику города Лайма, штат Огайо.

Судья Дэвид Р. Кинворси.

Окружной суд общей юрисдикции Аллена,
Отделение суда по делам о наследстве».

4

18 декабря Билли позвонил писателю из мужского отделения больницы. Его сильно избил работник клиники. Юрист из Лаймы, назначенный судом попечитель, сделал полароидные снимки следов на спине, оставшихся от ударов шнуром от удлинителя. Все лицо Билли было в синяках, два ребра оказались сломаны.

Администрация больницы в пресс-релизе для прессы заявила, что после «размолвки с работником» у Миллигана обнаружены телесные повреждения, которые он, очевидно, нанес себе сам.

На следующий день, после визита адвоката Стива Томпсона, администрация больницы дезавуировала предыдущее заявление, подтвердив, что «после этого Миллигану были нанесены серьезные физические повреждения». Для проведения расследования вызвали как ФБР, так и дорожный патруль штата Огайо, чтобы по возможности передать дело в суд присяжных.

Томпсон ужасно разозлился из-за того, что рассказал ему сам Билли и его попечитель, и сделал заявление, которое вышло в свет только по радио. «У любого заключенного все равно сохраняются гражданские права, – сказал он репортеру. – А по закону штата Огайо пациенты клиник имеют свои права, описанные в недавних поправках в законе о психическом здоровье, – гражданские права пациентов. По закону Соединенных Штатов они также имеют и федеральные гражданские права. Эти права можно защищать в суде. Но пока рано говорить, что из этого выйдет».

На «Третьем ежемесячном пересмотре плана лечения», сделанном 2 января 1980 года, государственная больница Лаймы вынесла следующее решение:

«План лечения пациента является обоснованным и соответствует его состоянию.

Диагноз пациента:

1) психопатическая шизофрения (Руководство по диагностике и статистике психических расстройств-II, 295.5) с приступами диссоциации;

2) ИСКЛ. Антисоциальная личность, подтип враждебный (Руководство по диагностике и статистике психических расстройств-II, 301.7);

3) алкогольная зависимость (Руководство по диагностике и статистике психических расстройств-II, 303-2) в анамнезе;

4) наркотическая зависимость, стимуляторы (304.6) в анамнезе.

Несколько недель назад пациент был направлен в отделение интенсивной терапии, поскольку продемонстрировал неадекватное и насильственное поведение, направленное на работника клиники... По нашему мнению, на состояние пациента сильно повлияли посвященные ему негативные газетные публикации, и в целом он страдает “звездной болезнью”... Помимо этого, мистер Миллиган демонстрирует явные признаки истинного психопата, и с ним так же тяжело иметь дело, как с любым другим психопатом... Пациент также проявляет многие симптомы, характерные для истерической личности. Хотя это заболевание чаще наблюдается у женщин, известно достаточное число случаев истерической психопатии и у мужчин. Исключать это заболевание нельзя.

(подпись) Льюис А. Линднер, доктор медицины,
штатный психиатр, 04.01.1980.

(подпись) Дж. Уильям Макинтош, доктор философии,
психолог, 04.01.1980.

(подпись) Джон Доран, магистр искусств,
помощник психолога, 07.01.1980».

Разозлившись на то, что руководство больницы Лаймы не реагируют на постановление суда лечить Миллигана от расстройства множественной личности, Алан Голдсберри и Стив Томпсон подали жалобу за невыполнение распоряжений суда как на государственную больницу города Лайма, так и на департамент психического здоровья штата Огайо. Они настаивали на том, чтобы руководитель департамента перевел Миллигана в лечебное заведение с менее строгим режимом.

Когда распавшегося Билли Миллигана заперли в отделении усиленного режима больницы Лаймы, он раздобыл через одного из

санитаров карандаш и начал первое письмо, обещанное писателю:

«Вдруг в дверях отделения номер двадцать два появился санитар и начал орать, угрожая пациентам.

“Так, вы, тупые ублюдки, сейчас этот сраный холл будут убирать! Валите! ЖИВО! – Он сделал паузу, набрал воздуха в легкие, перекатил окурок сигары на другую сторону рта и, окинув нас холодным взглядом, пробурчал: – Когда стекло уберут, вас, уродов, выпустят обратно, а пока катитесь к чертям по своим комнатам”.

Кучка пациентов повставала со своих жестких стульев и, как зомби, поплелась по коридору; захлопали тяжелые железные двери. Пациенты с ничего не выражающими лицами и повязанными на груди в качестве слюнявчиков полотенцами тащились еще медленнее, и санитары бесцеремонно подгоняли их ударами толстых кожаных ремней, лишив несчастных последнего достоинства. Поскольку торазин, проликсион, халдон, да и все остальные психотропные препараты позволяют держать пациентов в абсолютном повиновении, их пичкают этими таблетками, словно конфетами. Это абсолютно негуманно, но я все время забываю – за людей нас здесь не держат. *Бах!*

Я вошел в комнатку два с половиной на три метра, от приступа клаустрофобии у меня напряглось и затвердело все тело, но я потянул дверь. *Бах.* Сидеть все время на кровати тяжело, но я все же устроился на обитом полиэтиленом матрасе. Поскольку деть себя было совершенно некуда, я направил все свое воображение на противоположную стену с растрескавшейся краской. Я развлекался тем, что выискивал на ней всякие очертания, придумывая, что это такое. Сегодня на старой облупленной стене возникали только лица, старые, страшные, демонические лица. Это было жутковато, но я не стал сопротивляться. Она надо мной смеялась. Я ее ненавижу. Чертова стена! Она пытается подползти все ближе и ближе и хохочет все громче. Стекающий со лба пот щипал глаза, но я все равно старался их не закрывать. Надо за ней приглядывать, иначе она с громким хохотом подползет ко мне и раздавит, уничтожив. Так что я буду лежать без движения и следить за этой чертовой ржущей во весь голос стеной. Четыреста десять неменяемых преступников тенями ходят по бесконечным коридорам этой богом забытой дыры. Меня злит, что государству хватило наглости назвать это место больницей. Государственная больница города Лайма. *Бах!*

В палате номер двадцать два наступила тишина, было слышно лишь, как сметают осколки. Кто-то разбил окно в зале, где мы сидим у окна на жестких грубых деревянных стульях. Сидишь, можешь курить. Но

разговаривать нельзя, обе ступни должны стоять на полу, иначе жди больших неприятностей. Кто разбил окно? Теперь санитары вообще будут как бешеные, потому что им помешали играть в карты и кому-то придется сидеть с нами в зале, когда нас выпустят из наших конурок.

...Я пребывал в трансоподобном ступоре и ничего не слышал. Тело занемело и казалось пустым. Чертова хохочущая стена смолкла. Стена была стеной, а облупившаяся краска – облупившейся краской. Ладони стали холодными и липкими, в пустом теле звучало эхо бьющегося сердца. Меня начала душить сопровождавшая ожидание тревога, я ждал, когда можно будет выйти из этой клетушки, но лежал на кровати неподвижно, уставившись на стихшую и недвижимую стену. Я, ничтожный зомби в ничтожной клетке в ничтожном аду. Через пересохшие губы пыталась перелиться слюна, верный признак того, что психотроп пытается взять контроль над моим разумом, душой и телом. Бороться ли с этим? Или признать его победу? Поддаться третьему миру, чтобы избежать печальной реальности, лежащей за этой стальной дверью? Стоит ли вообще жить в этом мусорном баке для отходов общества, у которых голова работает не так, как у всех? Чего я могу достигнуть и дать человечеству в этой бетонно-металлической клетке с чертовой ржущей и движущейся стеной? Сдаться? Эти и другие мысли неслись в голове, как будто пластинку на тридцать три оборота запустили на семьдесят восемь, становясь все настойчивее и настойчивее. Вдруг мое тело пронзил ужасающий электрический разряд, от которого расправились плечи, я выпрямил спину. Реальность, словно мощная пощечина, прервала мое оцепенение, так что занемевшие суставы захрустели. Что-то ползло по позвоночнику. Глюк? Прислушавшись к своим ощущениям, которых у меня оставалось уже не так много, я понял, что нет, не мерещится. Что-то действительно ползло по моему позвоночнику. А слепой страх к вещам беспощаден. Три пуговицы оторвалось. Я швырнул рубашку на пол и принялся ощупывать спину. Потом снова посмотрел на рубашку и увидел его, черного таракана сантиметра три длиной, который отбивал чечетку у меня на пояснице. Мерзкое насекомое было неопасно, но повергло меня в шок. Этот спиногрыз принял решение за меня. Я вернулся на эту сторону реальности, но еще помнил о своем внутреннем диалоге. Я отпустил маленького гаденыша. И втайне радовался, что почувствовал его присутствие, своей умственной и психической победе. Все же я не безумен. Я еще могу побороться. Я не проиграл, хотя и не победил. Я разбил окно, сам не знаю зачем».

Кроме того, писателю пришло письмо и от еще одного пациента Лаймы, датированное 30 января:

«Уважаемый,

перейду сразу к делу. В течение суток после того, как к Биллу приходил адвокат, его перевели из пятого отделения интенсивной терапии в девятое. В девятом режим строже.

Решение о переводе принял «состав команды» на ежедневной встрече. Билла это удивило и шокировало, но он держался молодцом...

Сейчас мы с Биллом общаемся только в рекреации. Так я узнал, что давят на него по полной. Он сказал, что ему запретили все визиты, звонить и писать до тех пор, пока он не уволит своих адвокатов. Ему также приказали прекратить работу над книгой, а санитары над ним издеваются. (Меня тоже обвиняли, что я помогаю Биллу работать над книгой, и я понимаю, что они не хотят, чтобы она вышла.)

Мне сказали, что Билл до самого конца останется в отделении усиленного режима...

(имя не называется)

12 марта писатель получил письмо на сербохорватском языке, судя по почтовым маркам, из Лаймы. Почерк оказался незнакомым.

«Subata Mart Osmi 1980

Kako ste? Kazma nadamo. Zaluta Vreme. Ne lečenje Billy je spavanje. On je U redu ne brinite. I dem na pega. Učinicu sve lta mogu za gañ možete računati na mene “Nuħda ne poznaє zakona”».

Nemojete se *Ragen*

8 марта 1980, суббота

Как у вас дела? Надеюсь отлично. Я терял время. Билли во сне не лечат. У него дела хорошо. Не волнуйтесь. Я буду управлять. Сделаю для него все, что смогу. Можете меня рассчитывать. “Нужда не знает закона”».

Рейджен.

Эпилог

В последующие месяцы я переписывался с Билли и поддерживал с ним связь по телефону. Он продолжал надеяться, что апелляции в суд помогут ему вернуться из Лаймы в Афины и продолжить лечение у доктора Кола.

14 апреля 1980 года, во время второго пересмотра дела, судья Кинворси отклонил обвинения в невыполнении распоряжений суда, выдвинутые адвокатом Билли против руководителя клиники Рональда Хаббарда и заведующего медицинской частью Льюиса Линднера, поскольку те не лечили Билли от расстройства множественной личности. Судья решил, что Билли должен остаться в Лайме.

Почти весь 1979 год рассматривались изменения в существовавших в штате Огайо законах в отношении лиц, признанных невиновными в совершенных преступлениях на основании невменяемости. Окружной прокурор будет вправе потребовать проводить слушание в рамках того закона, который действовал на момент совершения преступления, прежде чем такое лицо получит разрешение на перевод в место с менее строгим режимом (согласно требованиям закона). Пациент будет иметь право на пересмотр дела каждые 180, а не 90 дней, и эти пересмотры станут открытыми, в том числе для прессы и телевидения. Вскоре многие начнут называть эти поправки «законом Коламбус Диспэч», или «законом Миллигана».

Берни Явич, который ранее выступал обвинителем по делу Миллигана, рассказал мне позднее, что он входил в подкомиссию Ассоциации окружных прокуроров штата Огайо, составлявшую новый законопроект. Он сказал: «По моим ощущениям, группа вынуждена была собраться в ответ на гневные протесты по делу Миллигана...»

Новый законопроект № 297, принятый сенатом, вступил в силу 20 мая 1980 года. Судья Флауэрс сказал мне, что своим появлением новый закон обязан Билли.

1 июля 1980 года я получил письмо, проштемпелеванное в Лайме, а на обратной стороне конверта печатными буквами было написано слово «СРОЧНО». Открыв его, я увидел три страницы, исписанные арабской вязью. Вот фрагменты этого письма:

«Иногда я не знаю, кто я или что я. А иногда не узнаю даже

окружающих меня людей. В голове эхом звучат голоса, но их речь вообще не имеет никакого смысла. Иногда как из темноты появляются лица, но мне очень страшно, потому что разум мой полностью разделен.

Моя (внутренняя) семья, по сути, со мной не общается, давно уже... события последних недель были не особо хорошими. Но я совершенно ни при чем. Мне противно все, происходящее вокруг меня, но я не могу это остановить, не могу изменить...»

Письмо было подписано «Билли Миллиган». Через несколько дней пришло еще одно, в котором объяснялось, кто написал первое.

«Я еще раз прошу прощения за то, что писал не на английском. Мне правда неловко, что я все делаю не так. Артур знает, что вы арабским не владеете, но все равно шлет вам эти тупые письма.

Хотя Артур никогда не пытался произвести на кого-либо впечатление, так что, наверное, у него в голове спуталось, и он забыл об этом. Артур научил арабскому Сэмюэля, но он никогда не пишет писем. Артур говорит, что хвастаться плохо. Вот бы он поговорил со мной. Происходят плохие вещи, а я не пойму почему.

Артур знает еще и суахили. Он много книг прочел в Лебаноне (тюрем) об основах арабского. Он хотел изучать пирамиды и египетскую культуру. Надо было выучить язык, чтобы понять, что написано на стенах. Однажды я спросил у Артура, почему его так занимает эта груда треугольных камней. Он сказал, что его интересует не содержимое гробницы, просто это может пролить свет на то, как она тут вообще оказалась. Он еще рассказывал что-то о том, что пирамиды не подчиняются законам физики, поэтому он хотел знать ответы. Артур даже делал маленькие картонные пирамидки, но Дэвид их крушил.

[подпись] Билли-Р».

По словам Билли, в то время санитары довольно часто избивали пациентов, но, помимо Рейджена, из всех личностей только Кевин пытался их остановить. В знак признательности Артур вычеркнул его из списка нежелательных.

28 марта 1980 года Билли написал мне:

«Произошло что-то очень плохое, но я не в курсе что. Я знал, что пройдет какое-то время и непременно наступит полное расщепление, и Билли уснет навсегда. Артур сказал, что Билли едва вкусил осознанной жизни, но, к сожалению, этот вкус оказался горек. Тут он день ото дня утрачивал силы. Он не понимал, почему руководство больницы так его

ненавидит и так завидует. Даже остальных пациентов провоцировали обижать его, вызывая Рейджена на драку, но Билли мог его удержать... Хотя теперь уже нет. Врачи о нас очень плохо отзываются, и, обиднее всего то, что они правы.

Мы... я урод, недоделка, ошибка природы. Все мы ненавидим эту больницу, но именно здесь нам и место. Нас не очень хорошо приняли, да?

Рейджен положит всему конец. Он просто обязан. Он сказал, что если молчать, то никому не нанесешь вреда – ни снаружи, ни изнутри. Никто нас ни в чем не обвинит. Рейджен лишил нас слуха. Мы переведем наше внимание вовнутрь, обеспечив полную блокировку.

Мы отключимся от внешнего мира и будем спокойно жить в собственном.

Мы знаем, что мир без боли – это мир без чувств... но мир без чувств – это мир без боли.

Кевин».

В октябре госдепартамент психического здоровья сообщил, что вскоре больница Лаймы перестанет быть больницей для невменяемых преступников, а станет тюрьмой, которая будет подчиняться ведомству исправительных учреждений.

И опять заголовки газет запестрели вопросами, куда переведут Миллигана. Вероятность, что его вернут в Афины или в другое учреждение с минимальными ограничениями, привела к тому, что прокурор Джим О'Грэйди потребовал, чтобы согласно новому закону Билли отправили в Коламбус на пересмотр вопроса о его невменяемости. Судья Флауэрс согласился провести это слушание.

Изначально заседание суда назначили на 31 октября 1980 года, но по всеобщему согласию перенесли на 7 ноября, *после* выборов. Такая отсрочка была желательна для того, чтобы политики и пресса не пытались использовать слушание по делу Миллигана в своих целях.

Но департамент психического здоровья использовал его в собственных интересах. Он сообщил прокурору О'Грэйди, что Миллигана решили отправить в новый Центр судебной медицины в Дэйтоне, открывшийся в апреле. Это было новое учреждение максимально строгого типа, окруженное двойным забором с рядами колючей проволоки и спиралями колючей ленты, а система безопасности там была жестче, чем в большинстве тюрем. Прокуратура отозвала свой запрос на проведение слушания.

19 ноября 1980 года Билли Миллигана перевели в Центр судебной медицины в Дэйтоне. Увидев, в каком отчаянии Билли-Р, Артур с Рейдженом испугались, что он может снова попытаться покончить с собой, и опять его усыпили.

Когда у Миллигана не было посетителей, он читал, писал или делал наброски. Писать красками ему не разрешали. К нему приходила Мэри, молодая амбулаторная пациентка, с которой он познакомился в первые месяцы лечения в Афинах. Она переехала в Дэйтон, чтобы навещать его ежедневно. Билли вел себя хорошо и с нетерпением ждал пересмотра, который должен был состояться теперь через 180 дней после предыдущего. Он надеялся, что судья Флауэрс решит, что его больше не надо содержать в максимально строгом режиме, и вернет его в Афины. Он знал, что доктор Кол может ему помочь, снова объединить личности и вернуть Учителя. А пока Билли-Р спит, все примерно так, как до встречи с Корнелией Уилбур.

Я видел, что Билли становится хуже. Несколько раз во время наших встреч он говорил, что не знает, кто он такой. При частичном слиянии он становился человеком без имени. Еще я узнал, что Рейджен утратил способность разговаривать по-английски. Внутренние люди перестали общаться друг с другом. Я предложил Билли вести дневник, чтобы человек, который выходит в пятно, мог оставлять другим записки. Какое-то время это работало, но потом интерес угас, и записки появлялись реже и реже.

3 апреля 1981 года состоялся пересмотр. Свидетелями выступили четыре психиатра и два других специалиста в области психического здоровья, и только доктор Льюис Линднер из Лаймы, который к этому времени не видел Миллигана уже пять месяцев, высказал мнение, что его надо содержать в условиях максимально строгого режима.

Обвинение предъявило в качестве улики письмо, в котором Миллиган, по всей видимости, описывал свое мнение по поводу плана одного из пациентов Лаймы убить доктора Линднера. «У тебя совершенно неверная тактика... Ты думал о том, что за тебя вообще не многие врачи возьмутся, зная, что ты готов их избить, если они скажут что-то не так? Но вообще, если ты считаешь, что Линднер довел тебя до безнадёжного состояния и готов провести остаток жизни за решеткой, то я тебя благословляю».

Затем для дачи показаний вызвали Миллигана, и когда его под присягой попросили представиться, он назвался Томми. Томми объяснил, что письмо писал Аллен, и вообще-то он пытался отговорить пациента от убийства. «Убивать людей только за то, что они выступили против тебя в суде, неверно. Сегодня доктор Линднер выступил против меня, но я точно

не буду в него за это стрелять».

Судья Флауэрс взял паузу для принятия решения. Газетные страницы опять запестрели статьями с протестами против перевода в Афины.

Ожидая дня, когда решится его судьба, Аллен почти весь день работал над рисунком для обложки книги. Он хотел послать редактору несколько набросков на выбор, но, проснувшись однажды утром, он увидел, что, пока он спал, кто-то из детей исчеркал все эскизы оранжевыми каракулями. Аллен яростно проработал все утро того дня, когда работу надо было сдать, и вовремя закончил в масле ту версию, которую хотел.

21 апреля 1981 года Четвертый окружной апелляционный суд штата Огайо вынес решение по поводу перевода Билли в Лайму. Они сочли, что перевод из более свободной среды в учреждение с максимально строгим режимом в штате Огайо, а именно в государственную больницу города Лайма, «не уведомив самого ответчика и его родственников, не позволив пациенту присутствовать на разбирательстве, посовещаться с адвокатом, вызвать своих свидетелей и даже не информировав о его праве на проведение полноценного слушания... это грубейшее нарушение... необходимо аннулировать решение о переводе и вернуть пациента туда, где он находился до этого неправомерного перевода».

И хотя апелляционный суд счел перевод судебной ошибкой, он не признал, что она нанесла Миллигану вред, поскольку в окружном суде Аллена прошло слушание, «в ходе которого, как мы полагаем, на основании достаточных и веских доказательств было установлено, что апеллент в связи со своим психическим заболеванием представляет угрозу для себя и окружающих».

То есть апелляционный суд не согласился с решением судьи Джонса, но отказался вернуть Билли в Афины. Голдсберри с Томпсоном подали апелляцию в Верховный суд Огайо.

20 мая 1981 года, через шесть с половиной недель после слушания, судья Флауэрс объявил свой вердикт. В судебных записях представлено два объяснения. Первое: «Принимая решение, Суд придал большое значение Вещественному доказательству № 1 (письму) и его интерпретации, предоставленной свидетелем доктором Льюисом Линднером. Суд счел это вполне убедительным свидетельством того, что у Уильяма С. Миллигана отсутствует общепринятая сдерживающая сила морали, к тому же он демонстрирует знакомство с криминальной субкультурой и неуважение к человеческой жизни». Во-вторых, из письменных показаний, сделанных под присягой доктором Колом, судья сделал вывод, что «он не готов принять наложенные судом ограничения», из-за чего условия содержания в

Центре психического здоровья города Афины для данного пациента сочтены «недостаточными».

Никак не ссылаясь на показания остальных психологов и психиатров, свидетельствовавших о том, что Миллиган *не* опасен, судья Флауэрс распорядился продолжить лечение в Дэйтоне, назвав его «местом с наименее строгими условиями содержания, которые соответствуют целям лечения ответчика и могут обеспечить безопасность обществу». Далее судья Флауэрс предоставил Миллигану *право* на лечение у психолога из Дэйтона (которая заблаговременно информировала судью о том, что не имеет опыта лечения пациентов с множественной личностью) «за собственный (Миллигана) счет». Это решение было вынесено через три с половиной года с того момента, как Билли Миллиган был арестован и предстал перед судьей Флауэрсом впервые, и через два года пять месяцев после того, как судья Флауэрс признал его невиновным по причине невменяемости.

Алан Голдсберри немедленно подал апелляцию с кратким письменным изложением дела в Десятый окружной апелляционный центр Франклина, штат Огайо, заявив, что билль Сената № 297 («закон Миллигана») лишает человека равной защиты со стороны закона и справедливого отправления правосудия, а следовательно, противоречит конституции. Кроме того, адвокат настаивал на том, что закон применили к Миллигану «задним числом», что стало нарушением конституции штата Огайо, не допускающей законы с обратной силой.

Билли как будто и не обиделся ни на то, что апелляционный суд вынес решение не в его пользу, ни на вердикт судьи Флауэрса. У меня сложилось ощущение, что он от всего этого уже устал.

Мы с ним все еще довольно часто беседуем по телефону, а время от времени я навещаю его в Дэйтоне. Иногда ко мне выходит Томми, иногда Аллен, иногда Кевин. А бывает и человек без имени.

Однажды на мою просьбу представиться он ответил так:

– Я не знаю, кто я такой. Чувствую себя пустым.

Я попросил рассказать об этом подробнее.

– Когда я не сплю и не в пятне, мне кажется, что я лежу лицом на бесконечном куске стекла и смотрю сквозь него вниз. Там, на самом дальнем плане, – как будто космос со звездами, а потом возникает круг, луч света. Кажется, что он выходит из моих глаз, потому что он всегда прямо передо мной. Вокруг в гробах лежат некоторые из моих людей. Но без крышек, потому что они еще не умерли. Они спят, ожидая чего-то. Есть и

пустые гробы, потому что не все пришли. Дэвид и другие дети хотят пожить, а старшие уже перестали надеяться.

– Что это за место такое? – спросил я.

– Дэвид придумал ему название, ведь это он его создал. Это «место умирания».

Послесловие

После того как вышло в свет первое издание книги, я стал получать письма со всей страны: читатели спрашивали, что случилось с Билли Миллиганом после того, как судья Флауэрс отклонил его прошение о переводе в Афины.

Расскажу об этом вкратце.

В своих записях, которые делал для меня Аллен, он называл государственную больницу Лайма «палатой ужасов». А центр в Дэйтоне – «тюрьмой, ультрачистой, как чашка Петри». Заведующий центром в Дэйтоне Аллен Вогель относился к потребностям Миллигана с сочувствием, но нападки со стороны охранников все учащались. И хотя Вогель разрешил Миллигану писать маслом, и Томми с Алленом заказали принадлежности для рисования, служба охраны аннулировала это разрешение на основании того, что в красках содержится олифа, а она может быть опасна. Так что краски отобрали.

Аллен все больше впадал в депрессию; он настоял, чтобы Мэри, его подруга и постоянная посетительница, вернулась в аспирантуру и жила собственной жизнью. «Я же не могу держать ее с собой в тюрьме», – сказал он.

Через несколько недель после того, как Мэри уехала из Дэйтона, в жизни Миллигана появилась еще одна женщина. Танда жила в Дэйтоне и регулярно навещала своего брата, который содержался в этом же центре. В комнате для посетителей она заметила Миллигана. Брат их познакомил. И вскоре она начала делать для Билли то же, чем раньше занималась Мэри: печатать тексты, приносить еду, покупать одежду.

22 июля 1981 года Танда позвонила мне и сказала, что беспокоится за Билли. Он перестал менять одежду, бриться и даже есть и отказался от всякого общения с внешним миром. Ей казалось, что он потерял интерес к жизни.

Я пришел к нему в больницу, и Томми сообщил мне, что Артур утратил надежду на лечение и выздоровление и решил совершить самоубийство.

Я заметил, что суициду должна быть какая-то альтернатива – например, перевод из Дэйтона. Мне стало известно, что доктора Джудит Бокс, психиатра, которая выступала в защиту Миллигана на прошлом слушании, недавно назначили директором терапевтического отделения

только что открывшегося Центрального регионального центра судебной медицины Огайо в Коламбусе.

Поначалу Томми отказался даже думать о переводе из одного учреждения строгого режима в другое. Новый центр являлся частью Центральной психиатрической больницы Огайо, где Миллиган провел три месяца в возрасте пятнадцати лет. Если не в Афины к доктору Колу, то уж лучше умереть, настаивал Томми. Я напомнил, что у доктора Бокс есть опыт лечения множественных личностей и она уже продемонстрировала интерес к Билли, так что, возможно, она тоже сможет ему помочь. Наконец Томми согласился.

Департамент психического здоровья, прокурор и судья согласились, что поскольку речь идет о внутреннем переводе из одного учреждения максимально строгого режима в другое, то не требуется даже слушания в суде. Но шестерни крутились очень медленно.

Однажды, еще до перевода, мне позвонил по телефону другой пациент Центра и сказал, что Миллиган, испугавшись, что сделает что-нибудь плохое, из-за чего перевод в Коламбус может сорваться, сам попросил, чтобы его заперли. Четверо охранников завели его в изолятор, скрутили ремнями руки и ноги, после чего накнулись и избили.

Во время нашей следующей встречи с Алленом, которая состоялась 27 августа, его левая рука вся распухла и посинела, и он пошевелить не мог кистью. Левая нога была перевязана. 22 сентября 1981 года его перевезли в Центральный региональный центр судебной медицины Огайо – в инвалидном кресле.

Вскоре после перевода департамент психического здоровья подал на Билли Миллигана в суд, требуя уплатить пятьдесят тысяч долларов за его вынужденную госпитализацию и лечение в Афинах, Лайме и Дэйтоне. Адвокаты Миллигана подали встречный иск, требуя компенсации за роспись стен в Лайме, за физическое насилие и преступную врачебную небрежность. Встречный иск отклонили. Иск обвинения еще не рассмотрен.

Танда, которой хотелось быть поближе к Билли, нашла в Коламбусе работу и поселилась у его сестры Кэти. Она сказала, что любит его и хочет навещать его почаще.

Доктор Бокс начала терапию с интенсивных методов слияния личностей, которые ранее успешно использовались в Афинах. Она работала с Дэвидом, Рейдженем, Артуром, Алленом и Кевином, и наконец ей удалось достучаться до Учителя. Каждый раз, когда приходил я, Аллен или Томми говорили, что я с ним едва разминулся. Наконец я велел им передать

ему записку с просьбой позвонить мне, как появится. Звонок раздался примерно через неделю. «Здравствуйте, до меня дошли слухи, что вы хотели со мной поговорить».

Это был наш первый разговор с Учителем с того момента, как мы с ним вместе просматривали рукопись книги в Лайме. В этот раз мы говорили долго, и он помог мне заполнить пустые места, рассказав о таких вещах, о которых другие не знали.

Однажды Учитель позвонил и сообщил: «Мне просто необходимо с кем-то этим поделиться. Я влюблен в Танду, а она – в меня. Мы хотим пожениться». Свадьбу назначили на 15 декабря, чтобы на нее могла попасть доктор Бокс, которая после этого собиралась уехать на месяц на родину в Австралию.

В рамках лечения доктор Бокс перевела Миллигана в новую палату с тремя другими пациентами, которым она поставила предварительный диагноз «множественная личность». Поскольку им требуется особое лечение и внимание, ей показалось, что их будет лучше объединить. Это произошло за две недели до выборов, и политики Коламбуса взялись критиковать ее решение, к чему доктор Бокс оказалась не готова.

17 октября 1981 года в «Коламбус Диспэч» опубликовали обвинения представителя республиканской партии Дона Джилмора, которые заключались в том, что Билли Миллиган в больнице Коламбуса получает лечение на особых условиях, в том числе «ему разрешили выбирать, кто будет жить с ним в одной палате». И хотя администрация больницы отрицала какие-либо «особые условия», Джилмор не унимался.

18 ноября в «Коламбус ситизен джорнэл» напечатали следующее:

«ДЖИЛМОР ТРЕБУЕТ НАЧАТЬ НОВОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ПО ДЕЛУ МИЛЛИГАНА

Несмотря на все заверения, что Уильям Миллиган в Центральной психиатрической больнице Огайо не пользуется никакими уникальными привилегиями, представитель партии настаивает на проведении очередного расследования на предмет...

Джилмора среди прочего заинтересовал инцидент, произошедший несколько недель назад, когда Миллиган... якобы попросил сэндвич с болонской колбасой в 2.30 ночи. Он сказал, что в таком случае сэндвичи должны готовить всем пациентам, содержащимся в одной палате с Миллиганом...»

Танда несколько недель пыталась отыскать священника, пастора или

судью, который согласится сочетать их браком. Наконец на это решился молодой священник методистской церкви, руководитель нового городского временного «открытого приюта». Гэри Уитт надеялся, что об этом никто не узнает, поскольку шумиха в СМИ могла помешать его работе в приюте. Но репортеры из «Коламбус Диспэч» его все же отыскиали. «Следуя своей личной философии, – сказал им молодой священник, – я всегда защищаю обездоленных. Я согласился провести церемонию, потому что все остальные отказали...»

Свадьба состоялась 22 декабря 1981 года. На ней присутствовал лишь священник, чиновник из суда по наследственным делам, который принес разрешение на вступление в брак, и я. Доктор Бокс уже улетела в Австралию. Учитель надел Танде кольцо на палец и поцеловал ее. Поскольку в Огайо супружеские встречи не разрешены, они не смогут остаться наедине до тех пор, пока его не переведут в учреждение с минимально строгим режимом или же в гражданскую психиатрическую больницу.

После свадьбы Танда предстала перед несколькими десятками ожидавших ее репортеров, фотографов и телеоператоров на краткой пресс-конференции. Она сказала, что познакомилась с большей частью личностей Миллигана и они ее приняли. И что она не сомневается, придет тот день, когда они заживут как нормальные люди.

Вскоре Учитель с Тандой заметили пугающие перемены. Учителя сняли со всех лекарств. Охрана начала перетряхивать его комнату и проводить личный досмотр с раздеванием после каждой встречи с любым посетителем. Иногда с раздеванием обыскивали даже Танду. Они оба считали это унижительным и предполагали, что их оскорбляют намеренно.

Когда доктор Бокс вернулась из Австралии, ей стало известно, что департамент психического здоровья решил не продлевать с ней контракт на работу. «Меня выжили», – сказала она мне.

17 января 1982 года в «Коламбус Диспэч» вышла статья:

«ПСИХИАТР МИЛЛИГАНА УХОДИТ С РАБОТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ КЛИНИКЕ

Доктор Джудит М. Бокс, психиатр осужденного насильника с множественной личностью Уильяма С. Миллигана, после конфликта с руководством Центральной судебно-психиатрической больницы Огайо решила уйти с работы.

Дон И. Джилмор, представитель республиканской партии округа Коламбус, высказал удовлетворение ее уходом с должности...»

Учитель распался на части.

Новый терапевт Миллигана, доктор Джон («Джей») Дэвис, молодой психиатр, который раньше работал на флоте, поначалу отнесся к этому пациенту скептически, но потом заинтересовался всей жизнью Миллигана. Он завоевал доверие практически всех личностей и смог с ними работать.

12 февраля Кэти увидела, что одежда и другие вещи ее невестки пропали и машины Билли тоже нет. Танда оставила адресованную «Билли» записку, сказав, что сняла все деньги с их общего счета, но когда-нибудь вернет. Она также написала, что убегать ночью, тайком, некрасиво, но давления со всех сторон так много, что она не выдерживает.

«Я был влюблен и доверчив, – сказал мне Аллен. – Во мне что-то сломалось. Какое-то время мне было холодно. Потом я велел себе забыть и ее саму, и то, как она со мной поступила. Я не имею права судить всех женщин по Танде, как не имею права судить всех мужчин по папе Челу».

Доктора Джея Дэвиса поразило, как его пациент воспринял эти новости. Несмотря на то что личностям казалось, что их обманули и предали, в целом он держался довольно хорошо.

26 марта 1982 года состоялось слушание под председательством судьи Флауэрс, задачей которого было определить, представляет ли Миллиган угрозу себе и окружающим и можно ли теперь перевести его в учреждение менее строгого типа вроде Афинского центра психического здоровья. Показания психиатров и психологов были противоречивы.

Мнение обвинения стало ясно по интервью помощника окружного прокурора Франклина, Томаса Д. Била, опубликованному в «Коламбус ситизен-джорнэл» 14 января: «...я надеюсь, что они (доказательства, что Миллиган склонен к насилию) будут, чтобы мы имели какие-то средства удерживать его в учреждении максимально строгого режима».

На слушании свидетель доктор Михо Закман, заведующий лечебной частью Центральной психиатрической больницы Огайо, заявил, что перед слушанием он с двумя другими психиатрами два часа расспрашивали Миллигана и не увидели никаких личностей. И добавил, что Миллиган вообще не психически больной, а просто асоциальная личность.

Такой поворот событий удивлял и пугал. Если департаменту психического здоровья удастся убедить судью Флауэрс, что Миллиган вменяем, то его выпишут из больницы и сразу же отправят в тюрьму за нарушение условий досрочного освобождения.

Но вот что сказал доктор Джей Дэвис: «Он сейчас в исходной точке... личности расщеплены. Я могу сказать, кто сейчас перед вами, и это не

Билли».

Он также объяснил судье Флауэрсу, почему в Коламбусе Миллигану не место. «Жестко ограниченные условия препятствуют терапии пациентов с множественной личностью». И если он останется в Коламбусе, то лечение, вероятнее всего, не даст результата.

Доктор Гэрри Айзель, клинический психолог, показал под присягой, что провел тест руки Вагнера на нескольких личностях, склонных к агрессии, чтобы понять, опасны ли они. Этот проективный тест представляет собой ряд фотографий, на которых изображены руки в различных положениях, и пациенту предлагается описать эти руки, на основании чего оценивается склонность к агрессивному поведению. Айзель заявил, что никто из протестированных личностей (как я узнал позднее, это были Филип, Кевин и Рейджен) не представляют собой сколько-нибудь серьезной угрозы.

Социальный работник, вызванный свидетелем со стороны обвинения, сказал, что Миллиган угрожал ему и его родственникам, но в ходе перекрестного допроса признал, что пациенты психиатрической клиники вообще часто ему угрожают, но эти угрозы еще ни разу не воплотились в реальность.

Доктор Кол заверил судью, что примет Миллигана на лечение и готов подчиниться любым ограничениям, которые наложит суд.

8 апреля 1892 года судья Флауэрс отдал распоряжение департаменту психического здоровья перевести Билли Миллигана обратно в Афинский центр психического здоровья. Он также позволил пациенту рисовать и работать с деревом, но рекомендовал строгий надзор при выходе из отделения. Прежде чем разрешить Билли Миллигану покидать территорию клиники, потребуется уведомить суд. «Как я понимаю, этот человек заслуживает еще один шанс, – сказал судья Флауэрс. – Дадим ему его».

В одиннадцать утра 15 апреля 1982 года, после двух с половиной лет, проведенных в больницах штата Огайо со строгим режимом, Билли Миллигана вернули в Афины.

Я регулярно его навещаю и беседую с Томми или Алленом. Они оба говорят, что общего сознания у «людей» давно не возникало. Аллен слышит в голове голоса – с британским и югославским акцентом, – но ни он, ни Томми не могут до них достучаться, да и друг до друга тоже. Внутри коммуникации нет. Теряется много времени. На данный момент, когда я пишу эти слова, Учитель не появлялся.

Томми пишет пейзажи. Дэнни – натюрморты. Аллен рисует портреты и описывает свой невероятный опыт жизни в Лайме, Дэйтоне и Коламбусе,

рассказывая, как его люди справлялись с невзгодами и выживали.

Доктор Дэвид Кол взялся за нелегкую задачу – попытаться компенсировать ущерб, нанесенный его пациенту за прошедшие два с половиной года, собрать мозаику заново. Но никто не знает, сколько времени на это уйдет.

Хотя перевод в Афины снова вызвал шум в Коламбусе и Билли опять расстроился, он был рад прочесть статью в студенческой газете Университета Огайо «Пост». Еще 12 апреля, до перевода, в ней появилась передовица, предвкусывающая это событие:

«...Миллиган, которому в жизни определенно повезло меньше, чем многим другим, возвращается в Афины и будет проходить лечение у наших экспертов. Наше сообщество должно помочь ему, создавая благоприятную атмосферу и поддерживая его, в чем он так нуждается... Мы не просим вас встретить Миллигана с распростертыми объятиями. Но мы ждем от вас понимания. Как минимум этого он заслуживает».

Афины, Огайо 7 мая 1982 г.

Примечание автора

Прежде чем писать эту книгу, я провел обширное исследование, и меня озадачили две электроэнцефалограммы Билли Миллигана. Они были сделаны в мае 1978 года различными врачами в ходе осмотров, проводившихся в больнице Хардинга по распоряжению суда. Современные исследования проливают свет на загадочные ЭЭГ Миллигана.

Доктор Фрэнк Путнэм-младший, психиатр из Национального института психического здоровья, обнаружил, что у различных личностей пациентов с множественной личностью физиологические показатели значительно отличаются как друг от друга, так и от «базовой личности», включая кожно-гальванический рефлекс и рисунки волновой активности мозга.

Недавно я беседовал с доктором Путнэмом по телефону и в том числе обсудил с ним исследование волновой активности мозга, которое он представил в мае 1982 года на съезде Американской психиатрической ассоциации в Торонто. Он взял десятирых человек с диагнозом множественная личность и провел ряд тестов в контролируемых условиях, в каждом случае работая с базовой личностью и двумя-тремя альтер-эго. В качестве контрольной группы использовались десять здоровых человек того же пола и возраста, которые получили указание придумать себе субличностей, включая подробную историю и черты характера, и поупражняться в переключении между этими персонажами.

Тесты проводились в случайном порядке для основной личности и каждого альтер-эго в течение пяти дней – в целом делалось от пятнадцати до двадцати тестов на каждое физическое лицо. Контрольная группа и их воображаемые личности не демонстрировали существенных различий в рисунке мозговой активности, а *альтер-эго людей с диагнозом множественной личности заметно отличались друг от друга и от своего «ядра»*.

Согласно публикации в «Сайенс ньюс» (29 марта 1982 года), результаты исследования доктора Путнэма совпадают с данными, полученными и в Институте жизни, расположенном в городе Хартфорд (Коннектикут), где психолог Коллин Питбладо провел работу с четырьмя личностями одного пациента с расщеплением.

Узнав об этом исследовании, я снова отыскал в своих архивах ЭЭГ Миллигана, сделанные за четыре года до того, как Путнэм представил

результаты своего исследования.

9 мая 1978 года доктор медицины П. Р. Хайман характеризовал электроэнцефалограмму как «атипичную», поскольку на ней наблюдалась активность тета- и дельта-волн (это медленные волны, которые, как правило, не наблюдаются в деятельности мозга бодрствующего взрослого, но проявляются у детей) в правом полушарии мозга. Доктор Хайман написал, что это отклонение вызвано, скорее всего, технической неполадкой. Но он отметил, что «тем не менее, технический специалист не смог этого ни подтвердить, ни опровергнуть, даже несмотря на то что электрод был заменен». Доктор Хайман рекомендовал повторить ЭЭГ.

22 мая 1978 года доктор медицины Джеймс Паркер отметил, что атипичного участка, появившегося на первой ЭЭГ, на второй нет, на ней виден прерывающийся фоновый альфа-ритм. Паркер написал в отчете, что на этой ЭЭГ наблюдается «атипичное сочетание тета-и дельта-волн с обеих сторон, а также височные острые волны с обеих сторон». Острые волны, по его словам, могли быть эпилептиформны.

Как сообщил мне Доктор Фрэнк Путнэм, в 10–15 процентах случаев у протестированных им пациентов с множественной личностью на ЭЭГ наблюдалась аномальная волновая активность мозга и что в прошлом таким людям ставился диагноз эпилепсия. Он также добавил, что аналогичные результаты, то есть нетипичные ЭЭГ у лиц с множественной личностью, получали и в Гарварде.

Когда я продемонстрировал описания ЭЭГ Миллигана сертифицированному техническому специалисту по ЭЭГ, он меня заверил, что они наверняка принадлежат разным людям. Мне кажется, что, согласно проведенным в данной области исследованиям, это говорит о том, что в больнице Хардинга ЭЭГ делали разным личностям – вероятно, детям.

О значимости своей работы доктор Путнэм сказал: «Исследования, проведенные на пациентах с множественной личностью, будут полезны всем, так как они расширяют наши представления о контроле над телом и разумом. По сути, я даже думаю, что множественные личности могут являться экспериментом природы, который поможет нам лучше познать себя...»

20 июля 1982 г.
Афины, Огайо

Примечания

Американская система мер переведена в книге в метрическую. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

«Ярость» и «снова» (*англ.*).

«Уэзермены» («Синоптики») – леворадикальная боевая организация, действовавшая в США с 1969 по 1977 год. Была сформирована из радикального крыла движения «Студенты за демократическое общество», выступавшего против войны во Вьетнаме.

В США и Канаде – телефон справочной службы.

Книга психоаналитика Корнелии Уилбур о лечении ее пациентки с расстройством множественной личности Сибиллы Дорсет (1973).

Уоррен Г. Хардинг (1865–1923) – 29-й президент США (1921–1923).

Растворимый напиток, популярный в США.

Тряпичная Энни – вымышленный персонаж детских книг, созданный писателем Джонни Груэллом (1880–1938).

Способ совершения преступления (*лат.*).

Гарри Гудини (Эрик Вайс, 1874–1926) – знаменитый американский иллюзионист, гипнотизер, прославившийся разоблачением шарлатанов и сложными трюками с побегами и освобождениями.

Историческое событие, ставшее началом Американской революции 1775–1783 годов. В ответ на действия британского правительства американские колонисты уничтожили в Бостонской гавани груз чая из Англии.

4 мая 1970 года в университете города Кент, штат Огайо, в ходе антивоенных демонстраций периода войны во Вьетнаме гвардейцы открыли огонь по толпе, в результате чего погибли четверо и были ранено девять студентов.

По легенде, человек, поцеловавший «Камень красноречия», вмонтированный в стену замка Бларни в Ирландии, обретает дар красноречия.

Прозвище полицейских в Великобритании.

Произведения искусства (*фр.*).

Мэй Уэст (1893–1980) – американская актриса, драматург, сценарист и секс-символ, одна из самых скандальных звезд своего времени.

Махатма Ганди (1869–1948) – один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании.

Устройство с кнопками, при нажатии на которые в телефонную линию посылались сигналы, соответствующие набранному номеру. Популярное в 1970-е годы в США изобретение (в том числе их пытался продавать основатель «Apple» Стивен Возняк). Первоначально изготавливались в виде синей коробки.

Ильич Рамирес Санчес, получивший в прессе прозвище Карлос-Шакал (1949), – знаменитый международный террорист. В 1970-е годы совместно с различными леворадикальными организациями осуществил несколько громких терактов. Отбывает пожизненное заключение во французской тюрьме Клерво.

Катскильские горы – отроги Аппалачей в штате Нью-Йорк. Популярное место отдыха жителей Нью-Йорка и соседних городов.

Мисс Лилиан – прозвище Бесси Лилиан Горди Картер, матери 39-го президента США Джеймса Эрла «Джимми» Картера-младшего.

Фил Донахью (1935) – знаменитый американский журналист, автор и ведущий популярного ток-шоу.

Дайна Шор (1916–1994) – певица, актриса и телеведущая. Успешная джазовая певица в 1940–1950-е годы, впоследствии получила широкую известность как ведущая эстрадных программ на телевидении.

Драма режиссера Стюарта Розенберга о жизни заключенных, 1980 г.